Вагиф Гусейнов

**ПОЛИТИКА
У ПОРОГА ТВОЕГО ДОМА**

*Избранные публицистические
и аналитические статьи
(2000–2008 гг.)*

Москва-2008

УДК 327
ББК 66.4
Г 11

Вагиф Гусейнов

Г 11 Политика у порога твоего дома. Избранные публицистические и аналитические статьи (2000–2008 гг.) – М.: Красная звезда, 2008. – 468 с.

ISBN 978-5-94691-349-2

В книге представлены избранные работы автора последних лет – публицистические статьи и эссе по злободневным вопросам внутренней жизни страны и конфликтным ситуациям в различных регионах планеты, полемические заметки на страницах книг о политике и политиках прошлого и настоящего, аналитические обзоры по проблемам мировой политики и международных отношений.

Книга представляет интерес для специалистов, а также для широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-94691-349-2

© Вагиф Гусейнов, 2008

© Издательский дом «Красная звезда», 2008

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ

В книге собраны работы, опубликованные в разное время в «Вестнике аналитики» и других изданиях, с которыми автор активно сотрудничает ряд лет.

По сути, это первая книга В.Гусейнова, а за плечами его немало написанного и изданного, со столь четко выраженной публицистической доминантой в основе и жанровым разнообразием. Здесь и политическая журналистика – диалог, статьи, редакционные комментарии – эссе, размышления на полях книг, реплики на злобу дня, и крупные аналитические обзоры по вопросам мировой политики в широком временном диапазоне, позволяющем проследить развитие события с момента их зарождения.

Именно в них заинтересованный читатель найдет истоки многих сегодняшних проблем и процессов, ломающих сложившийся мировой порядок и существенно смещающих вектора внешних политик ведущих государств, включая, разумеется, и Россию. Полагаю, кроме того, что они позволяют рассматривать политические коллизии, о которых идет речь в публицистических суждениях, в более широком информационном контексте и временном диапазоне.

И в этом смысле эпиграф к книге – слова В.Ключевского о том, что «прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» – многое объясняет.

Кем-то было замечено, что публицистика «черпает из науки обобщения и обращает их в наставления». Не лучшая, скажем так, рекомендация для входящего непосредственно в сферу политической практики, но то, что публицистика чрезвычайно субъективна, а, следовательно, изначально императивна – это несомненно. Таков и путь – через дискуссии и споры – продвижения в массовое сознание новых идей или защита существующих воззрений, и в этом смысле мне представляется более точным высказывание Чернышевского о том, что публицист «выражает и поясняет те потребности, которыми занято общество в данную минуту».

На минуту автор, конечно, не претендует, но руку на пульсе важнейших событий в стране и в мире стремится держать определенно.

Три раздела книги из четырех представляют публикации такого рода – тематический блок материалов «О власти и власть предержащих», своеобразная хроника событий в мире и стране последних трех лет и оценка возникающих при этом коллизий (*Страничка редактора «Вестника аналитики»* и *Авторская колонка* в «Российской газете. Неделя»).

Открывающий книгу диалог «Джокер в колоде политических карт» несет здесь, полагаю, особую смысловую нагрузку. Опубликованный восемь лет назад в пилотном номере «Элита России. Журнал для людей успеха», в создании которого автор книги принимал участие, он и сегодня, на мой взгляд, не потерял своей актуальности. Во всяком случае, многие оценки и суждения о политике и политиках, прозвучавшие тогда, вполне злободневны и сейчас.

В минувшие годы много чего произошло в мире и стране, в том числе тревожного и опасного, но в отношении характеристики политики нового в общем-то мало. Политика, как и всегда, резвилась в коконе собственных интересов и целей, политики же, как иногда казалось, в каком-то сомнамбулическом экстазе продолжали движение чаще всего вверх по лестнице, ведущей вниз...

В диалоге с журналистом речь шла о завершаемой В.Гусейновым тогда трехтомной политической хронике «От Ельцина к...». Но не меньше и о настоящем и будущем, уже связанных с новым президентом России В.Путиным. И это был разговор о власти и властных людях, масштабами личности которых, как замечает автор, измеряются эпохи и решаются судьбы государств и людей. Так складывались страницы истории раньше, так они складываются и сегодня.

Спустя многие годы он снова вернулся к этой теме, к тем же, по сути, исходным позициям, с которых когда-то приступал к своему исследованию феномена первого президента России и непростой ситуации в стране в переломный этап ее становления.

Говорю в данном случае о заметках на полях книг В.Крючкова и В.Третьякова, которые нельзя было обойти вниманием и в силу его собственных интересов к данной проблематике, и общественного звучания высказанных в них мыслей и идей. Все они – в русле многолетних исследований и накопленных наблюдений В.Гусейнова в процессе личного общения с сильными мира сего и собственного, весьма драматичного, опыта участия в большой политике. И тем убедительнее, на мой взгляд, звучат его аргументы «за» и «против» тех или иных суждений авторов книг.

«Не спорю, но...» – в этой многозначительной фразе, несомненно, понимание и права каждой из сторон на собственную точку зрения, и возможности «без гнева и пристрастия» сопоставить их с иной, не менее аргументированной.

Читатель, несомненно, уловит в этих публикациях не только общую логику размышлений о политике и политиках, характерную для книги в целом, но и выводов, к которым неизбежно приходишь, когда вместе с автором ныряешь в эту бездонную проблему в поисках ответа на вопрос, что же происходило и происходит с нашей страной и что – с сегодняшним миром?

А теперь о названии книги.

Как ни крути, а всем правит политика, а значит – и политики.

Политика в наше время уже прибрала к своим рукам то, до чего дотянулась, а все остальное приникло к ней само. Все, что есть в стране, и все, что за ее рубежами.

Об этом, собственно, и рассказывает книга В.Гусейнова, в которой немало страниц посвящено анализу как внутренней, так и внешней политики нашей страны, международным отношениям.

Автор предлагает читателю пройти по извилистой и опасной дороге мировой политики, с ее ухабами, ловушками, обрывами и тупиками, показывая, как хитроумно завязываются политические узлы и с каким трудом и какой ценой они потом развязываются, вскрывая истинные мотивы тех или иных властных намерений.

Это – нелегкое чтение, но оно дает знание реальной политики, в которой ничего не возникает вдруг и все имеет свои причины и свои следствия.

Многому, что было вчера, уже даны оценки, по крайней мере, нашим поколением. Хотя даже многомудрые авторы школьного учебника истории который год не могут договориться о том, как оценивать не самые светлые стороны нашего прошлого. На весах справедливости никак не уравновешиваются чаши с достижениями и потерями.

Что уж тут говорить о днях сегодняшних, если, и правда, прошлое, уходя, не сумело убрать своих последствий?

Но мы имели возможность хотя бы сравнивать. Что и с чем могут сравнивать родившиеся в начале 80-х и уже вступившие в самостоятельную жизнь?

Что они знают о политике, главной целью которой является власть? И что они знают о власти, которая, как сказал один из исследователей, в мире людей и начинается человеком, и кончается им?

Она упирается в человека, опирается на него и, собственно, для того и существует, чтобы воздействовать на каждого человека в собственных целях наиболее эффективным образом.

А это и есть политика в самом точном смысле этого слова, касается ли это всех нас вместе или каждого – в отдельности. Творится ли она где-то внутри страны или за ее пределами, в высоких кабинетах или на международных трибунах, под ковром или на улицах, она всегда – у порога твоего дома.

Так и была названа эта книга.

Юрий Порошков

Раздел первый

**О власти
и власть предержащих**

«Люди и народы заставляют делать выводы из бывшего; между тем лишь то, что будет, что предстоит сделать сейчас, объяснит нам, что, собственно, было и какое имело значение».

Кароль Ижиковский

«ДЖОКЕР В КОЛОДЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРТ»

О политике и политиках России

С Вагифом Гусейновым беседует журналист Юрий Закиров.

Ю.Закиров. Честно скажу, после знакомства с твоими книгами я радостней на мир смотреть не стал. А что ты, автор, вынес из этой работы для себя, если не секрет?

В.Гусейнов. Нет, конечно. Лишний раз убедился в том, что история в конечном счете действительно пишется победителями. При этом побеждают не лучшие, а чаще те, кто сильнее и неразборчивее в средствах. Но и побежденные уходят, сыграв свою очень нужную для истории роль. Это первое. Второе, тоже важное, но очень частное и еще не до конца осмысленное. Есть такой момент, когда история выступает конкретным событием. И каким-то странным и пока непонятным образом проявляется глубинная связь человека с этим событием, то есть не человек творит событие, а событие как бы встречается с ним, словно подкарауливая в нужное время и в нужном месте. И оказывается, что в подавляющем большинстве случаев человек, сталкиваясь со ждущим его событием, начинает действовать рефлекторно... А на чистых рефлексах настоящему политику жить нельзя.

– То есть?

– Вот, например, как среагировал, видимо, застигнутый врасплох умнейший Геращенко на вопрос надоедливого журналиста по поводу демократических свобод: «Демократические свободы не самое главное – важнее экономический механизм». Конечно, подумав, он этого бы не сказал. Вот что такое чистые рефлексы.

– Значит ли это, что, хорошо зная человека, можно предугадать, какие события он может встретить сегодня? Завтра? Через год?

– Ну, примерно... В политике это особенно отчетливо проявляется: ты можешь, например, догадаться, какая очередная глупость ждет того или иного политика впереди. А если серьезно – у нас все больше становится политиков, которые из двух зол выбирают оба. И потому я хотел бы, чтобы по всем теле- и радиостанциям утром звучала знаменитая песенка из «Айболита»: «Нормальные герои всегда идут в обход». Знаешь, почему? Чтобы он, политик, учился работать головой, а не кулаком или кувалдой.

– Думаю, что он, политик, будет работать всеми тремя способами, если это ему выгодно... Итак, ожидал тебя Путин в прошлом году или все-таки ты, как и все, услышал о событиях по радио?

– В пору написания книг на большой политической сцене данной фигуры не было. Никто не мог этого предсказать. Но и я, и другие аналитики ожидали от Ельцина нечто подобного. Он был большим мастером политической кухни. И непредсказуем даже в мелочах. Значит, произошло в логике его характера. Или в логике его представления о том, кто может и кто должен быть преемником его как президента и соответственно продолжателя дела его жизни.

– Непредсказуемость действий политика – достоинство или недостаток?

– Непредсказуемость действий руководителя страны, вооруженной ядерными ракетами, – чрезвычайно опасный фактор в мировой политике. Но вообще-то это тоже просчитывается аналитиками и делаются соответствующие выводы. Правила игры учитывают, так сказать, наличие в колоде джокера. Но опасность непредвиденной ситуации, понятно, в этом случае возрастает многократно.

– Власть – это люди и их интересы, и все страсти человеческие здесь проявляются в наибольшей степени, так? По крайней мере, твоя книга «От Ельцина к...» убедительно показывает, насколько это сложная и даже опасная, не говоря о прочем, кухня – политика. И, тем не менее, люди лезут туда во множестве. Даже те, которые мало что смыслят в политике.

– Это так. Не случайно американцы, например, шутят: всякий, кто за год сумел разорить доставшуюся ему по наследству лавочку, тут же решает баллотироваться в президенты...

– Твои персоналии – и Ельцин, и Черномырдин, и Чубайс, и Немцов, и Березовский, и пр., – в фактах, изложенных в хронологическом порядке, выглядят весьма неприглядно...

– Я выбрал жанр хроники, в основе которой – конкретные факты и их интерпретация различными аналитиками – как отечественными, так и зарубежными. Но это мой отбор фактов, мое видение того, что из этих фактов может вытечь или сложиться, какие тенденции могут таиться в глубине их сущностной совокупности и пр. Меня интересовали годы от 1996-го до 2000-го. Именно этот цикл президентства. Мне казалось, что этот период в силу особой насыщенности и динамизма событий позволял представить, к чему придет и Ельцин, и выстраиваемая им система власти. Что же касается неприглядности персоналий, думаю, это сфера моральных оценок...

– И что такое был для нас Ельцин, от которого, в соответствии с названием твоей книги, мы плыли долгое десятилетие к Путину?

– Ну, скажем так – очередной русский царь на очередной странице российской истории.

– Нас к этой мысли вроде бы уже приучили. Кто первый назвал Ельцина царем?

– Не знаю. Но королей делает свита. Не нами сказано.

– И как тебе Царь показался по прошествии десяти лет?

– Если смотреть через призму многовековой истории России, то ничуть не хуже других... Здесь нужно иметь в виду одно обстоятельство. Английский ученый Хантер, анализируя две крупнейшие фигуры исторической сцены XX века – Гитлера и Сталина, – задал себе такой вопрос: а были ли они орудием истории или, наоборот, использовали историю для достижения собственных целей. И знаешь, почему? Потому что оба видели смысл своих действий в изменении мировой истории. Ни меньше, ни больше.

– И ты попробовал эту мерку приложить к Ельцину?

– Нет, не пробовал. Он такой цели не ставил. Власть, которую, как утверждали, он любил больше всего на свете, была нужна ему только для того, чтобы властвовать. Он не стал созидателем, хотя по профессии и строитель.

– Перед ним было звездное небо, но он довольствовался одной звездой. И ту спрятал в свой карман?

– Да, он довольствовался властью как таковой. И он понимал, что заканчивает свою политическую карьеру не лучшим образом... В общем-то, горький итог.

– **Но, приехав на Святую землю, тем не менее, почувствовал себя святым...**

– Ну, Бог ты мой! Он же живой человек! Не очень образованный, не очень талантливый, но целеустремленный и волевой российский мужик, который проломился к власти, несмотря ни на что. Или лучше так, наверное: не взошел, а прыгнул с земли на Эверест... Без кислородной маски...

– **И там ему стало нечем дышать...**

– Метафоры могут завести нас далеко... Сименон в своей прекрасной повести «Президент» заметил, что в карьере политического деятеля наступает такой момент, когда его личные интересы и честолюбие полностью совпадают с интересами и стремлениями его Родины. С Ельциным этого, к сожалению, не случилось.

– **Значит, нам просто очень крупно не повезло...**

– В очередной раз...

– **Во многих справочниках и энциклопедиях после таинственной смерти Р. Максвелла написали: «Бизнесмен, предприниматель, крупный магнат» и пр. А последняя строчка такая: «Мошенник и авантюрист». Что, думаешь, могут написать о Ельцине в будущем, лет так через 20–30–50?**

– Ельцин – уже история. И пусть на покое, сидя в удобном кресле, гадает о том, что могут о нем написать в энциклопедии потомки... Ну а вообще-то личность, достигнувшая таких высот, что более уже и некуда, естественно, задумывается над тем, какой она останется в памяти у людей... И были в истории великие политики, которые в конце жизни, подводя итоги своей блистательной карьеры, честно признавались в том, какими помыслами в действительности руководствовались. Вот, например, что писал Наполеон: «Что сделало революцию? Честолюбие. Что положило ей конец? Тоже честолюбие. И каким прекрасным предложением дурачить толпу была для нас всех свобода!»

Очень цинично, согласишься, но откровеннее вряд ли скажешь...

– **От Ельцина мы такой откровенности не дождемся... Ну а напишут о нем, скорее всего, то, что положено писать о прези-**

денте, но в конце припишут: «Тот, кто обстрелял парламент из танковых пушек». Тоже не банально будет, правда?

– Что ж, и такое возможно. Подождем...

– Случайно ли, что в твоей книге народа и России как будто бы не существует, и мы все, питающиеся политической информацией, – я это по себе сужу – наблюдали лишь за тем, что происходит в пределах Садового кольца все эти годы.

– И пока они там разбирались, народ России учился выживать, рассчитывая только на себя, привыкал не уважать болтунов-политиков и ненавидеть обмазанных с головы до ног компроматами начальников разных калибров... Кстати, третью книгу, которая вот-вот выйдет, я так и назвал – «Война компроматов».

– Но ради чего тогда они боролись, терзали друг друга и вообще – ради чего суетились? Как бы ты смог, скажем, оценить этих людей? Если отбросить эмоции, то наверняка за всем этим мельгешением личных амбиций скрывалось что-то большее...

– Я такую задачу перед собой не ставил – оценивать всесторонне. Меня, например, не интересовала их личная жизнь, их увлечения, интересы и прочие важные, в общем-то, стороны бытия личности, без чего не может быть полной правды о человеке. Я пытался понять, а что для них – власть? И вот что, на мой взгляд, определено. Для одних власть – это смысл существования, цель жизни, да и, вероятнее всего, сама жизнь. И здесь можно поставить точку, потому что дальше ничего нет. И без этого – нет ничего.

– Для кого? Для Ельцина?

– Да, для Ельцина, а для других – Черномырдина, Чубайса и др. – власть была средством для реализации каких-то планов и замыслов. Все они по-разному смотрели на жизнь и по-разному представляли наше общее будущее. И это естественно – у каждого разные интеллектуальные ресурсы, убеждения, ценности, опыт, в конце концов. Отличаются и моральные установки. Хотя, честно сказать, о морали как таковой здесь говорить трудно. Я согласен с теми, которые считают, что в бизнесе и политике мораль не отсутствует, а переходит в другое – правовое – поле. Наверное, это так. Или так удобнее считать, когда имеешь дело с этими сферами жизни. И нет ничего необычного в том, из-за

этой разницы их интересы и входили в противоречия. Но цель у них одна – власть. Чем больше власти, тем больше возможностей реализовать свои планы, добиться своего. И боролись за то, не жалея живота своего...

– Кресло, усидел, выжил... Говорим о премьере, который пять с половиной лет руководил правительством и в какой-то мере определял наши маленькие конкретные судьбы, а вспомнить что-то более существенное из деяний премьера как бы и нечего...

– Предмет нашего разговора – борьба за власть. Она, эта борьба, чаще всего так и ведется – за ширмами, под ковром... Всем этим, к сожалению, и была наполнена эпоха Ельцина с избытком, и потому, должно быть, мы имеем то, что имеем.

– И что бы они – эти борцы – дали России, если бы фортуна развернулась, скажем, в сторону Черномырдина?

– По-моему, он был бы ничем не лучше, чем Ельцин. Нет, не так. Черномырдин бы однозначно был хуже, потому что Ельцин – крупнее и мощнее как личность, что он неоднократно и демонстрировал.

– Ну а вторые и третьи эшелоны – те же Чубайс, Немцов, Кириенко? Если попробовать спланировать ситуацию наперед – мы что, получили бы еще оттяжку на 10 лет, и было бы то же самое, да?

– Да, наверное...

– Значит, в чем проблема? Россия перестала или уже не способна больше рождать мудрых политиков?

– Думаю, тут другое. Любая эпоха, любой строй создает определенную морально-политическую, морально-психологическую атмосферу, внутри которой происходят те процессы, о которых ты сейчас сказал, в том числе рождение талантливых политиков. Наша эпоха могла рождать только таких, какие есть. Если нет других, то почему их нет? Вот такой детский вопрос без ответа. Второе. В эпоху переходного периода в обществе – большое смятение умов и сознания, неуверенность, постоянные разборки во властных коридорах, кадровая чехарда. И главное – отсутствие объединяющей всех национальной идеи – мотива и стимула для пробуждения энергии людей, сил, способных ее, идею, продвигать.

Такую идею нельзя высидеть в кабинетах, и я искренне недоумевал, когда узнал, что Ельцин засадил немало далеко не глупых людей прорабатывать этот вопрос. То есть найти или сформулировать идею. Понятно, что ничего из этого предприятия не вышло. Нужно очень не чувствовать своей страны и живущих в ней людей, очень не знать, а что на самом деле о тебе, лидере, говорят за кремлевской стеной, чтобы в этом состоянии нравственного, политического разброда, нарастающей нищеты, страха и прочих негативных тенденций пытаться искать нечто абстрактно-духоподъемное.

– Видимо, прав все-таки тот, кто говорил, что всякий хаос ищет свой центр, вокруг которого он будет потом вращаться.

– Для нашего сюжета вполне допустимая заставка: наш отечественный хаос мог вращаться только вокруг одного центра – президента. И вот здесь я хотел бы высказаться определенно: это большая иллюзия, что из хороших хозяйственников всегда получаются хорошие политики. Всегда не получаются, увы. Это очень разные ипостаси.

– Не могу не спросить о Чубайсе и Березовском – они в твоих книгах едва ли не основные действующие лица. Они тебе интересны?

– Они оба очень характерны для той эпохи и того времени, в котором мы с ними, так сказать, сосуществуем.

– Это мы с тобой сосуществуем, а они процветают отдельно. Как пальмы в кадках.

– У тебя на кого аллергия – на Чубайса или на Березовского?

– У меня аллергия на время, в котором мы, как ты выразился, с ними сосуществуем.

– А между прочим, они настоящие герои нашего времени – «великий администратор» Чубайс и «великий комбинатор» Березовский. Оба – умны, многосторонне одарены, влиятельны и печально знамениты. Имена обоих обильно мифологизированы, и не сразу разберешься, где – легенда о них, а где – выдумка. Но оба, повторяю, без всякого сомнения, зрелые продукты времени.

– Вот мы с тобой вместе и создаем еще один миф: де являются они, Чубайс и Березовский, из определенной функции времени, которое поняло наконец самое себя и дало о том знать нашим знаменитым героям – «вы нужны!».

– А что? Время и вправду дало о себе знать именно появлением наших персонажей, потому что в какое-то другое время они оба наверняка не появились бы. Тем более вместе. Тем более – антиподы. И тем более – при власти. Кем был Чубайс и кем – Березовский еще 10–15 лет назад, вспомни-ка? А Гайдар?

– Но для Березовского, например, время должно было бы организовать еще одно непереносимое условие: он должен был быть богат, а чиновники должны были быть бедными. Именно бедность чиновников и позволяет таким хитрым и оборотистым людям разрабатывать ловкие схемы отъема средств везде, где плохо лежит, и всегда выходить сухим из воды.

– Эти сюжеты, к сожалению, можно множить и дальше, потому что наша власть коррумпирована снизу доверху и наоборот. И все-таки время их с уходом Ельцина неумолимо приближается к концу. Люди «смутного момента», назовем их так, они непременно сойдут со сцены сами или их оттуда сметут... Вряд ли Путин захочет делиться с кем-либо властью и тем более зависеть от кого-либо. У него еще есть время оглядеться окрест, чтобы понять, кто есть кто и зачем они топчутся рядом. Общество ждет от нового президента многого. Даже слишком для человека, который еще полгода назад и не помышлял о таком головокружительном взлете. Но он молодой, динамичный, волевой, несомненно, лучше готов отвечать на вызовы времени, чем его предшественник. Во всяком случае мне хотелось бы в это верить.

– В политике, в этом бурном потоке, ощущаешь себя порой Колумбом, который не знал, куда он плывет, а приплыв, не знал, где он находится... Тем более, что наш новый президент не перестает удивлять сюрпризами. И каждый из них способен, на мой взгляд, сильно изменить наш и без того скобоченный политический ландшафт...

– Политический ландшафт пока еще не очень изменился, но вполне готов к испытанию переменами.

– К переменам?

– Нет, к испытанию переменами. Политическая элита всех уровней ощутила новые импульсы, исходящие от президента, почувствовала неоднозначность проявленных намерений, в том числе и угрозу собственным интересам. И вот это последнее, пожалуй, самое главное, что способно изменить сложившийся в

последние годы неустойчивый, но все-таки баланс на политической сцене. Собственно, президент сделал то, чего от него так долго ждали. Он обозначил цели и задачи своего курса и, думаю, будет стремиться эти задачи решить, а цели – достичь. Другой вопрос – как быстро, и совсем другой – какой ценой. А это и есть политика. Толстой считал, что средства важнее цели, потому что цели остаются в мире иллюзий, а средства делают историю. Если следовать этой блестящей мысли, то эффективность политики нового президента и будет зависеть от выбора средств.

Многие исследователи сходятся во мнении, что коммунистическая идея, например, была скомпрометирована прежде всего и главным образом порочностью средств достижения цели. Через море крови, унижение человека, попрание его прав – к социальной справедливости, свободе и равенству? Абсурд! Но именно так пытались решить задачу революционных преобразований большевики.

Понимали ли они, что делали? Безусловно. Более того. Идеология трансформировалась в соответствии с возникающими нуждами для оправдания тех или иных, как мы и сегодня говорим, непопулярных действий. «Нравственно то, что служит делу революции», – говорил Ленин, подчиняя тем самым общечеловеческие моральные ценности целям революции. И оправдывая любые средства, которые были в распоряжении государства. Как известно, он рассчитывал на то, что слом старой государственной машины автоматически повлечет за собой изменения в социально-экономической сфере страны. Вскоре вождь понял, что «разрыв с прошлым» потребует значительно большего времени, чем он полагал. Новая предложенная им тактика требовала ограничения роли государства практически повсеместно, но прежде всего – в экономике. И в том была суть НЭПа. И Ленин, этот, по словам Бухарина, «великий диктатор», решительно разворачивает российский корабль в другую сторону. Сталин, придя к власти, столь же решительно возвращает страну на старый курс – по существу, к «большому скачку», не только вернув государству ведущую и направляющую роль в жизни общества, но и наделив его небывалыми по мощности и размаху карательными функциями. Силловые методы воздействия на всех направлениях становятся доминирующими. Ну а что с идеологией? Она исправно обслуживала и эту такти-

ку. «Мы за отрицание государства, – говорил Сталин. – И вместе с тем мы стоим за усиление диктатуры пролетариата».

Мне представляется весьма важным этот короткий экскурс в наше прошлое, поскольку сегодня мы стоим практически перед той же дилеммой.

– «Усиление государства», «диктатура» – только уже не пролетариата, а закона. Но все-таки – диктатура? Как-то неуютно становится от этих сопоставлений – будто ходим по огромному кругу...

– Может, и по кругу, как знать... Но история сохраняет многое из человеческого опыта и порой весьма наглядно демонстрирует некоторые навязчивые повторы... А наша страна в этом смысле вообще уникальна: создается впечатление, что она знает только одно движение – поступательно-возвратное...

– Два шага вперед, шаг назад?

– Бывает и наоборот, потому что откаты в нашей истории были чрезвычайно стремительны и глубоки – из эпохи в другую эпоху со сменой знамен, святых и богов... И сегодня мы снова стоим перед трудным выбором.

– Это президент стоит перед выбором, а мы ждем, что он решит...

– Да, это так, прежде всего он должен выбирать, каким путем идти дальше. С одной стороны, необходимо укреплять государственную власть – без этой стержневой скрепки наша страна в конце концов распадется, и признаки этого, к сожалению, появились. Непродуманный, неподготовленный и – главное – поспешный уход государства из экономики и социальной сферы – это, конечно, серьезные просчеты, мягко говоря... С другой, столь же поспешное возвращение на старые позиции, уже как бы занятые и освоенные региональными властями и рыночными структурами, неизбежно ведет к противостоянию, более, конечно, скрытому, чем явному, но, тем не менее, оно может оказаться весьма существенным. И для преодоления его понадобятся силовые методы, которые обладают самопроизводящей функцией, то есть наращиваются в соответствии с логикой борьбы, а не благих намерений.

– А есть какие-то механизмы для остановки этих самопроизводящих функций?

– Что можно сделать, чтобы отменить физический закон, открытый Ньютоном: всякое действие вызывает противодействие?.. Только прекращение действия, т.е. отказ от достижения поставленной цели или смена ее. Или изменение средств, то есть компромисс, который, как известно, заставляет стороны отказываться от своих истинных целей под давлением обстоятельств. Изменяются обстоятельства – старая цель снова приобретает побудительную силу...

Итак, история преподнесла нам в прошлом столетии два жестоких урока. И все-таки мы не сумели вырваться из круга и вновь пошли тем же путем. Ельцин, по существу, повторил большевистский прием – захват власти путем политического переворота, осуществив смену формации за одну ночь и поставив тем самым страну перед свершившимся фактом. Ему удалось избежать большой крови в этот период, но зато после ее было более чем достаточно. История, что называется, огрызнулась Чечней, которая стала мощнейшим дестабилизирующим фактором, последствия сказались практически на всем, в том числе и на судьбе самого Ельцина.

Несомненно, его досрочная отставка была вынужденной из-за неспособности управлять разваливающейся страной и несомненно также, что практическая передача власти Путину – тоже следствие того же. Путин оказался единственным из возможных преемников, который взял на себя ответственность за страну и показал способность к решительным действиям. Он присягнул на верность Ельцину и тем самым гарантировал ему спокойную старость в комфортных условиях жизни.

– Как к этому относиться?

– Думаю, что сейчас, после выборов, это уже имеет чисто теоретическое значение. Народ проголосовал за Путина, а следовательно, и за решение Ельцина, что, между прочим, делает честь его прозорливости и уверенности в правильности сделанного выбора. Новый президент приступил к исполнению своих обязанностей, обозначив цели и задачи – как близкие, так и перспективные. И главная из них – укрепление государства, в том числе и силовой его составляющей.

– Цель?

– С помощью сильного государства улучшить жизнь людей. Ты что-нибудь имеешь против этого?

– **Нет, конечно.**

– Но, чтобы государство стало сильнее, оно должно взять назад часть силы, которую, пользуясь ситуацией, забрали себе региональные руководители, вернуть себе часть собственности, которую, пользуясь обстоятельствами, скупили за бесценок так называемые олигархи, восстановить оскудевшую госказну, которую десять лет грабили, как хотели... То есть я хочу сказать, что у Путина нет возможностей усилить государство иным путем. И все, что сейчас происходит на политической сцене, – есть естественная реакция на ожидаемые действия президента.

– **В большой устоявшийся омут, где спокойно дремали жирные караси, бросили крупный булыжник – и пошли круги. Только не смоеет ли волна берега?..**

– Это исключено. Все эти задачи, и в этом принципиальное отличие сегодняшней ситуации, соответствуют ожиданиям не только значительной массы населения, его наиболее активной части в первую очередь, но и большинству из нынешней политической элиты, которая пошла за Путиным.

– **Возвращаясь к твоей мысли о соотношении цели и средств... В нашей политике цели чаще ставят одни люди, а средства их достижения выбирают другие...**

– Да, это так, и в том, пожалуй, главный урок минувшего десятилетия. И потому нам вряд ли удастся уклониться от текущей политики: она во многом есть то, что закладывалось вчера и позавчера.

– **Но речь сегодня идет, по существу, о пересмотре прежней политики Ельцина. И при этом – ни слова об его ошибках, просчетах и пр. Словно это вовсе не бывший президент и не все бывшие правительства наломали столько дров, что надо не реконструировать еще не до конца отстроенное здание федерализма, а выстраивать нечто новое...**

– Ну, что толку валить все на предыдущее руководство? Разве не ясно, о чем и о ком в том числе идет речь, когда президент в своем достаточно жестком и резком послании – как по тону, так и по смыслу – говорил о ситуации в стране... «Государственная ложь» – это о ком? Журналисты подсчитали, сколько раз он упомянул слова «демократия», «права человека» и т.п. Мало, по их мнению. Разве в этом дело – сколько именно? «Мы не знаем, в какой стране мы

живем», – говорил Ю. Андропов, и эта тревожная мысль пришла к нему не тогда, когда он был в числе руководителей страны, а тогда, когда стал первым. Когда перед ним в полный рост встал вопрос: «Куда идти дальше, куда вести страну?» То есть он, может быть, впервые задумался над самым важным, самым главным вопросом лидера страны. Над этим же, несомненно, думает и Путин, обязательно думает, и это видно по тому, как он говорит, как оценивает... Как, впрочем, и по тому, о чем пока не говорит...

Президенту досталось тяжелое наследство. И у него не очень много времени для раздумий. Дело в том, что стоящие перед страной проблемы, остро нуждающиеся в решении, носят системный характер. И, следовательно, таят в себе угрозу сокрушительного системного же кризиса. Угрозу не только существованию государства как такового, а российской цивилизации в целом.

– Президент уже сказал о возможной демографической катастрофе. Правда, не сказал, что делать, чтобы ее избежать...

– В контексте всего упомянутого ранее понятно, что он имел в виду. Государственная власть не справляется со своими обязанностями. Государство не может адекватно ответить на вызов времени. Вот, собственно, о чем речь.

– То есть приоритеты определены президентом правильно?

– Я уже говорил об этом выше – да, правильно.

– А что можно было бы посоветовать президенту в связи с этим?

– Не думаю, что он нуждается в советах. По крайней мере – в моих. В своем большинстве политологи и те, которые занимаются политическим анализом, имеют дело уже с результатами принятых решений. Естественно, что задним числом легче и проще оценивать: правильно – неправильно, хорошо – плохо... Но решения принимаются на базе многих данных, о которых мы можем только догадываться. Знаменитая фраза – «мочить в сортире» – откуда она у человека образованного, воспитанного, сдержанного? Почему вдруг – вырвалось? И почему прилепилось к его имиджу столь прочно?.. В нашей стране президент не просто президент страны, олицетворяющий собой государственную власть. Он – носитель моральных и нравственных устоев этой власти. И каждое произнесенное им слово, каждый поступок весят чрезвычайно много. Даже чрезмерно много. Это очень тяжелый груз для человека. Не всем он оказывается по плечу.

– **И что тогда?**

– Мы это уже видели... Сейчас много пишут об угрозе авторитаризма. Пытаются даже сколотить некую «конструктивную оппозицию»... Забавно, что сколачивают ее те, кто в наибольшей мере способствовали специфическому авторитаризму Ельцина, поддерживая его отчетливо проявившуюся склонность к монархическому образу жизни и действий. Хотя неизвестно, куда в конце концов завел бы нас Ельцин, будь он в полном здравии...

– **А что, здесь, где мы сейчас находимся, не очень плохо? Хуже вроде бы уже и некуда...**

– Увы, есть куда и хуже... Но это уже другая тема. А в заключение вот что хотел бы сказать. Один итальянский ученый как-то заметил, что бессмысленно устраивать революцию против вождей, достаточно изменить массы... Изменить массы – это изменить их настроение, их отношение к власти, ко всему, что она делает и намеревается сделать. В нашем случае – восстановить доверие, утраченное властью в минувшее десятилетие рядом резких, грубых, бесцеремонных решений, загнавших массу людей за черту бедности и обогативших кучку ловкачей. Государство – это люди, живущие в нем. И оно может быть или клеткой для них, или... Не знаю точно, как это назвать, но в клетке мы уже жили. А вот в нормальных условиях... Когда женщины хотят рожать детей – много детей! Откуда люди не мечтают уехать... Где не страшно ходить по ночным улицам... Где не убивают и не грабят среди бела дня... Где не роются на помойках... Вот какие нормальные условия я имею в виду. Вот чего ждут миллионы людей от нового президента. Надеюсь, он знает, как и что нужно делать, чтобы люди, выбравшие его, не обманулись в очередной раз.

«Элита России. Журнал людей успеха», сентябрь 2000 г.

АЛИЕВ ПОСЛЕ АЛИЕВА

Только людям, плохо знакомым с подлинной биографией и политическими принципами Гейдара Алиева и с реалиями этой республики Южного Кавказа, состоявшаяся передача верховной власти фактически по наследству, может казаться фактом неожиданным или парадоксальным.

По сути, создание правящей династической фамилии в Азербайджанской Республике, члене Совета Европы, кое-как прикрытое демократической атрибутикой и юридическими формальностями, вполне логично венчает по-своему успешную карьеру этого политика-самородка, сумевшего в условиях жесткой конкуренции советской системы подняться от провинциального службиста КГБ до одной из ярких фигур советской правящей элиты, утвердиться в одном из стратегически важных центров – Азербайджане в качестве президента, с мнением и волей которого были вынуждены порою считаться многие мировые лидеры.

Во всяком случае до него ничего подобного не удавалось никому из азербайджанских руководителей. Г.Алиев был третьим по счету президентом АР, обретшей независимость в результате распада СССР, – после Аяза Муталибова (октябрь 1991-го – март 1992 года), оказавшегося «по совместительству» последним руководителем правящей Компартии, и свергнувшего его А.Эльчибея – лидера Народного фронта Азербайджана (июнь 1992-го – июль 1993 года).

Возникновение призрака неомонархии, как пишет азербайджанская оппозиция, на демократическом фасаде республики есть закономерный итог противоречивых общественных процессов, которыми отмечена общественная жизнь страны в годы, непосредственно предшествовавшие горбачевской перестройке и в сложный период независимого развития республики.

В эти последние 30 лет в азербайджанском обществе зрели многие социально-экономические предпосылки восточного единовластия, закладывались опорные конструкции общественного строя, основой которого стала государственно-трайбовая машина властвования, сконструированная Г.Алиевым еще в советские времена в бытность его первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

Модернизированная и приспособленная к потребностям независимого государства в условиях демократических веяний, она демонстрирует эффективность (с точки зрения устойчивости) даже при требованиях, предъявляемых международным сообществом к бывшим советским республикам.

Комментируя итоги прошедших в октябре 2003 года президентских выборов, некоторые наблюдатели заключили: «Власть в очередной раз доказала, что фундамент, заложенный Гейдаром Алиевым в 1993–1995 годах при построении кадровой, национальной и межнациональной политики, крепок»¹.

С этим выводом не будем спорить, но необходимо добавить следующее. Во-первых, фундамент власти закладывался, как отмечено выше, много раньше. Во-вторых, вывод фиксирует лишь итог очередного раунда политической борьбы за власть. Между тем интерес представляет как раз существо «фундамента», всей системы правления, созданной и применяемой бывшим президентом. Ибо знание принципов, механизмов, приводных ремней, всех связующих звеньев и тонкостей управления азербайджанской государственной машины позволяет уточнить не только то, как была достигнута очередная победа власти, позволившая без большой крови обеспечить передачу президентского кресла от отца сыну, но и высветить подлинные причины устойчивости этой самой власти, закрепление которой будет формирующим образом влиять в ближайшем будущем на весь процесс социально-политического развития Азербайджана.

Более того, этот новый поворот в политическом развитии страны не может пройти бесследно для всей геополитической ситуации на Кавказе, а возможно, и для Центральной Азии.

¹ Эхо (Баку). 23 октября 2003 г.

Сложность, неуправляемость азербайджанскому обществу всегда придавала не только и не столько пресловутая полиэтничность, сколько исторически сложившийся регионализм с его родовыми объединениями, связанными круговой порукой. В этом, пожалуй, Азербайджан чем-то схож с соседней Грузией.

Причудливое переплетение двух взаимоисключающих на первый взгляд мироощущений – национализма и неистребимого регионализма, возможно, является главным, что отличает Азербайджан. Как любит повторять Аслан Абашидзе, нынешний глава Аджарской автономии: «Сколько ни создавай новых административных делений, а в исторической памяти народа живы древние названия: Кахетия, Мингрелия, Гурия, Аджария...»²

Живучими в Азербайджане оказались не только названия, но и традиции, обычаи, укоренившиеся в незапамятные времена соперничества ханств, являвшихся вассалами Персии, посылавшими гонцов к русскому царю (как, например, карабахский хан) и в то же время позиционировавшими себя как независимые государства.

Региональное прошлое сформировало совершенно определенный тип существования, которое отличают крайне амбициозное представление о собственной значимости, пренебрежительное и ревнивое отношение к представителям других регионов и однозначная опора на «своих». Любопытно, что даже начавшееся еще в советские времена расселение азербайджанцев на территории России происходило, а ныне окончательно закрепились, по региональному признаку.

Прославшие непримиримыми националистами партии азербайджанских национал-демократов, давно не секрет, сформированы по региональному принципу: Народный фронт Азербайджана (классики) состоит в основном из представителей южной зоны, откуда родом их лидер Мирмахмуд Миралиоглу; другое крыло той же партии, именуемое себя реформаторами, собралось под своими знаменами земляков своего лидера Али Керимли из низменной части страны; нахчыванец Гудрат Гусейнгулиев, претендующий на звание лидера всей партии, собрал под свое крыло наиболее энергичную часть этой крупной оппозиционной силы – нахичеванцев; Партия национальной независимости Азербайджана, возглавляе-

² Новое время (Баку). 2001. ¹ 33.

мая Этибаром Мамедовым, вобрала в себя выходцев из Западного Азербайджана, как в последнее время официально именуют азербайджанцев-выходцев из Армении; Демократическая партия Азербайджана, созданная находящимся в вынужденной эмиграции бывшим спикером Расулом Гулиевым, состоит в основном из нахичеванцев, к которым принадлежит и их лидер; вокруг другой опальной фигуры – экс-президента Аяза Муталибова – группируются бакинцы, шемахинцы и далее – электорат ширванской зоны; к партии «Мусават», провозглашающей равноправие всех и во всем, тяготеют карабахцы, рассчитывающие на успех своего земляка Исы Гамбара, руководителя этой влиятельной организации.

Советская власть рассматривала народы, как и в целом межнациональные отношения, сквозь призму классовых отношений, высокомерно игнорируя живучие клановые принципы, простые, но проверенные жизнью обычаи: возвысился сам – помоги сородичу, рядом всегда должны быть свои, они – самые верные, не выдадут, защитят. Между азербайджанскими региональными кланами все время шла невидимая борьба за верховенство в управлении республикой.

Коммунистическая власть в Азербайджане, вплоть до 1960-х годов формировавшаяся преимущественно из русских и русскоязычных представителей некоренного населения, уловив склонность титульной нации приспосабливать партийно-государственную систему управления скрытым региональным пристрастиям, периодически прибегала к разгрому без конца возникающих земляческих кланов и группировок в партийно-государственном аппарате.

Во избежание срастания с местными стратами руководителей городов, районов и регионов, как правило, назначали со стороны; редко кому удавалось усидеть больше двух сроков в одном руководящем кресле.

Понимание того, что усиление этой живучей этнопсихологической особенности может привести к подчинению партийной власти узкоклановым, региональным интересам, подвело Москву и официальный Баку к практике поддержания своеобразного баланса регионального представительства в номенклатурной обойме вообще и руководящих органах власти прежде всего. Если, к примеру, руководителем компартии назначался бакинец, то Со-

вет министров и Президиум Верховного Совета республики (тогдашнего парламента) возглавляли выходцы из других регионов. И так – по всей вертикали и горизонтали властных структур.

Эта привычная система противовесов и поддержек, удовлетворявшая в принципе всех, была впервые нарушена в 1969 году, после того, как Москва решила поставить во главе республики шефа КГБ, генерала Гейдара Алиева. Можно предположить, что московским экспертам с подачи близкого к Л. Брежневу С. Цвигуна, протежировавшего Алиеву, кандидатура молодого и энергичного генерала представлялась наиболее привлекательной в силу именно его чекистской закалки: почти идеальный механический исполнитель, не знавший убеждений, кроме официально разрешенных, отвергающий уже ввиду своей жизненной практики и служебной карьеры всякого рода проявления национального.

Регионализм в ту пору официально был объявлен давно изжитым проявлением далекого феодального прошлого. Однако выходец из азербайджанской глубинки в силу своей особой профессиональной информированности о подлинных настроениях в обществе, живучести национальных особенностей, традициях, характере и стиле жизни общественных страт, кругов и социальных слоев, Гейдар Алиев, как никто другой, представлял себе силу околовластных земляческих общин, группировавшихся вокруг заметных или влиятельных фигур.

Объявив все направления деятельности своих предшественников порочными или ошибочными, обвинив их в кумовстве, земляческих пристрастиях и причастности к бурно расцветшему взяточничеству (что, несомненно, имело место, но никак не было сравнимо с масштабами тех же явлений в последующем), новый руководитель энергично взялся за чистку партийного и государственного аппарата.

С точки зрения, как принято ныне говорить, политической технологии это был безошибочный ход. Борьба с коррупцией и другими, говоря языком документов той эпохи, негативными явлениями позитивно воспринималась уставшим от поборов и чиновничьего произвола населением, помогала снять социальное напряжение, а инициатору и исполнителю кампании, длившейся все 13 лет его пребывания на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана, Гейдару Алиеву помогла сформировать стойкий

имидж бесребреника, принципиального противника любых отклонений от партийных норм и морали.

Этому, кстати, в немалой степени способствовало умелое подключение к своим акциям союзной прессы, грамотная работа с журналистами, литераторами и кинематографистами, что выгодно отличало азербайджанского лидера от его престарелых и старомодных коллег по брежневскому Политбюро.

В Москве беспрестанное перетряхивание кадров воспринималось как энергичное, принципиальное руководство республикой, последовательная борьба с нарушениями социалистической законности. В самой же республике очень быстро убедились, что новое руководство ведет дело к утверждению у руля страны представителей одного региона – Нахичевани, где родился и вырос, согласно официальной биографии, Г.Алиев. Дабы как-то замаскировать очевидную «нахичеванизацию» проводимой кадровой политики, был сформирован своеобразный «трайбовый» альянс путем привлечения к руководству страной выходцев из Армении и Грузии.

Однако этим ходом можно было убедить в отсутствии земляческих пристрастий партийных контролеров из Москвы. В Азербайджане же не надо быть этнографом, чтобы знать: азербайджанское население Нахичевана и Армении, так же как и Грузии, – активно общающиеся общины, спаянные издревле множеством родственных, деловых, дружеских и иных связей.

Под новую кадровую политику была подведена некая идейная база: тогдашний партийный идеолог Р.Мехтиев (ныне руководитель администрации Президента АР) на страницах «Правды» доказывал, что способности населения регионов Азербайджана имеют некую предопределенность: карабахцы лучше проявляют себя в искусстве, гянджинцы – в науке, бакинцы – в торговле, а вот нахичеванцы тяготеют к политике и государственному управлению. В рабочих и личных отношениях от членов клана требовалась безусловная преданность лидеру, следование его курсу.

Смена власти в Азербайджане, произошедшая в Баку, как и предыдущие устранения по воле Кремля высшего руководства, сопровождавшаяся подменой партийно-советской системы управления узкоклановой, а чувства национального – региональным, тотальной реанимацией культа вождя, по своим последствиям

имела такое влияние на формирование азербайджанского общества и его последующую историю, что некоторые исследователи этот период называют своеобразным, скрытым от внешнего взгляда государственным переворотом. «Свой полицейский переворот Гейдар Алиев провел в настолько краткие сроки и такими brutальными средствами, настолько вчистую срезал все руководство республики и так прозрачно маскировал борьбу с политическими конкурентами под «борьбу с коррупцией», что даже Андропов, пристально наблюдавший за экспериментом не в меру ретивого и не в меру исполнительного ставленника, обеспокоился»³.

По мнению, разделяемому многими азербайджанскими историками, повторными чистками, однообразными полицейскими приемами руководства, суровостью наказаний и brutальным стилем Г.Алиев выжал республику как лимон – большей продуктивности она уже не могла дать.

Национальная элита, сформированная в предыдущие 50 лет, была частично уничтожена, частично изгнана из страны, оставшаяся же часть – отстранена от активной общественной жизни. Это был второй, после 1937-го года, удар по интеллектуальному потенциалу нации. Последующий ход истории показал, что к этому способу самоутверждения – ударам по элите – готовы были прибегнуть не только коммунистические авторитаристы, подтвердив давнишнее наблюдение, что все подавления свободы, массовые репрессии, где бы они ни происходили, начинаются с разгрома элит.

В отличие от алиевского трайба Везиров и в большей степени Муталибов пытались европеизировать эти формы формирования политической и финансово-экономической элиты. Они существенно разбавили или, точнее говоря, интегрировали в нее ряд представителей нового трайба, но жизнь внесла существенные коррективы. Возможно, в любое другое время это в определенной мере сработало бы, но не во время смуты 1988–1992 годов, войны с Арменией из-за Нагорного Карабаха и т. д.

Именно в самый сложный момент, момент начала формирования азербайджанской государственности, когда общество как никогда должно было быть монолитным, оно раздиралось противоречиями, прежде всего своими внутренними внутриэлитными

³ Соловьев В., Клепикова Е.. «Заговорщики в Кремле». М., 1991, с. 54.

противоречиями, презрев многочисленные угрозы. И в конце концов победа нахичеванского трайба хотя и пришла в виде третьего возвращения Г.Алиева, но ценой потери Нагорного Карабаха, а в целом почти трети своей территории. Было ли это трагическими ошибками Везирова и Муталибова?

Сегодня, спустя 12–15 лет, можно по-разному оценивать эти события и действия бывших руководителей Азербайджана, обвиняя в недальновидности и недопонимании реалий. Это было бы не совсем справедливо. Совокупность объективных и субъективных причин плюс ряд стратегических и тактических промахов привели к неудачам. Но эти руководители впервые попытались сформировать на консенсусной основе все региональные элиты.

Таким образом, бытовой регионализм, земляческие пристрастия, являющиеся, возможно, одной из заметных особенностей азербайджанской ментальности, впервые были востребованы в качестве средства укрепления и, как показало последующее развитие событий, завоевания власти в Азербайджане. Но не только.

Под шумок борьбы с коррупцией осуществлялось первичное накопление капитала клана. Именно в годы, предшествовавшие горбачевской перестройке, выросла первая когорта хозяйственных руководителей, удачно легализовавших свои капиталы в период массовой кооперации, а затем и приватизации. Наиболее яркий пример – Расул Гулиев, директор Бакинского нефтеперерабатывающего завода, по разным данным, располагающий многомиллионным состоянием, позволившим ему активно включиться в политические игры, сыграть ведущую роль во вторичном возвращении к власти Г.Алиева, выдвинуться в председатели Милли Меджлиса (азербайджанский парламент), а после того как он попал в опалу, безбедно прожить в США.

Именно значительные финансовые ресурсы, спаянность, глубокие связи во всех структурах общества, личная преданность лидеру, помноженные на всеобщий страх, который он смог надолго внушить едва ли не всему населению, помогли клану выстоять в трудные годы опалы Г.Алиева и кратковременного правления его противников – А.Везирова и А.Муталибова.

Характерная деталь. В то время как Москва после отстранения от власти Г.Алиева всячески поощряла разоблачительные выступления, в основном полагаясь на союзную печать, в самой

республике журналисты делали это неохотно, а партийные и государственные деятели, как правило, избегали публичного осуждения экс-руководителя. И это при том, что уже с самого начала карабахских событий были факты, свидетельствующие, что уличные беспорядки, создание неформального движения, а позже и Народного фронта, не обошлись без участия людей нахичеванского клана, так или иначе связанных с семьей Алиева.

Партийные документы перестроечной поры содержат мало указаний на то, что активизация этой части населения, их участие в оппозиционном движении были связаны не только с естественной обидой за знаменитого земляка, отстраненного Горбачевым, но главным образом с угрозой потери завоеванных в обществе позиций. Участие «алиевцев» и самого Г.Алиева в оппозиционном движении, стимулируемом сепаратистским движением карабахских армян, представляет собой особый интерес, поскольку оно явилось тем инструментом, с помощью которого удалось реанимироваться этому отстраненному от власти бывшему члену Политбюро и в конечном счете вновь встать во главе республики, которая с момента его отъезда из Баку не переставала забрасывать Кремль письмами о жестокостях, несправедливостях, преступлениях бывшего партийного руководителя и его окружения.

Первым, кто вывел людей на улицы Баку и учинил беспорядки, был Неймат Панахов (ныне Н.Панахлы), паренек из Нахичевана, которого длительное время не без успеха выдавали за рабочего-машиниста. Вплоть до января 1990 года он оставался одним из самых влиятельных лидеров Народного фронта Азербайджана (НФА), сыграв зловещую и до сих пор не до конца раскрытую роль в блокировании безоружными сторонниками НФА армейских казарм и гарнизонов. Уже тогда он был заклеен большинством лидеров оппозиционного народно-демократического движения как провокатор, тайный агент Г.Алиева.

Кстати, на такую же провокационную роль близких к Г.Алиеву людей указывают некоторые документы, публикации той поры, высказывания отдельных лидеров в связи с беспорядками и погромами в Баку и Сумгаите. В них, как известно, особенно усердствовали тысячи беженцев из Армении, многие из которых оказались в окрестностях двух крупнейших городов страны не без помощи руководителей партийных районов,

ставленников Г.Алиева. После бегства в Иран, а затем в Турцию, Н.Панахов надолго обосновался в Нахичеване (куда весной 1990 года перебрался и Г.Алиев) и, уже не скрывая своих симпатий и связей, активно помогал последнему занять пост председателя Верховного Совета Нахичеванской АССР, а позже и высшую государственную должность в Баку.

Позже, после прихода Г.Алиева к власти, Н.Панахов был назначен советником в президентском аппарате. Все это время рядом с ним находился другой сподвижник Г.Алиева – Сируз Тебризли, один из первых трибунов всенародных митингов, будущий министр в правительстве Г.Алиева, ныне один из влиятельных депутатов Милли Меджлиса.

Напрямую связан с ближайшими и доверенными людьми Г.Алиева другой видный деятель так называемого народно-демократического движения – Этибар Мамедов, которого открыто обвиняют в провоцировании январских событий 1990 года, сдаче Лачинского коридора, Кельбаджарского района. Он был одним из тех, кто провокациями и интригами умело расшатывал власть Везирова и Муталибова, а затем и своих товарищей по Народному фронту, откровенно став на сторону Г.Алиева во время переворота летом 1993 года, когда пало правительство А.Эльчибея и Г.Алиев сменил его на посту президента.

Кстати, сам Эльчибей никогда не скрывал симпатий к своему знаменитому земляку, демонстративно повесив его портрет рядом с портретом Ататюрка. Уже в 1988–1989 годах Н.Панахов, А.Эльчибей и Э.Мамедов контактировали с опальным Г.Алиевым, консультировались с ним по поводу создания народно-патриотического движения. Именно эта группа, уже тогда именовавшаяся в оппозиционной среде «нахичеванской», с помощью интриг и наговоров добилась оттеснения на вторые и третьи роли собственно идейных инициаторов создания Народного фронта, лиц, представлявших европеизированную часть населения, интеллектуалов, таких как Зардушт Али-заде, Лейла Юнусова, Арзу Абдуллаева и др. То, что сделал Эльчибей со своими единомышленниками на первом учредительном съезде НФА летом 1989 года, З.Али-заде прямо называет переворотом. Попутно заметим, что вместе с интеллектуалами из НФА и демократического движения в целом была отстранена русскоязычная часть интелли-

генции, обладавшая более высокой образованностью, европеизированный слой интеллектуальной элиты Азербайджана.

Так, по существу, нахичеванским кланом, его оппозиционным крылом, был произведен третий раскол национальной элиты, имевший драматические последствия как для демократических процессов в Азербайджане, так и в исторических судьбах самой страны.

Именно Эльчибей стал инициатором приглашения во власть в 1993 году Г.Алиева, хотя справедливости ради необходимо отметить, что объективно к тому времени созрели все необходимые предпосылки для «азербайджанского термидора». К слову, наличие активного «нахичеванского» и «эриванского» элементов в оппозиционном движении вовсе не означает, что оно явилось продуктом одного лишь политического заговора Г.Алиева и его сторонников, как склонны трактовать события последних 15 лет в АР некоторые политики и публицисты. Это суждение ныне весьма распространено в Азербайджане. Правда, сам Г.Алиев не раз публично намекал на свою особую роль в становлении и создании этого массового общественного движения.

Однако необходимо сказать и о том, что в данном случае имеет место склонность к демонизации образа патриарха азербайджанской политической сцены, весьма характерная вообще для чисто восточного восприятия деятельности собственных властителей, в котором сознательное обожествление диктатора служит как бы оправданием инертности народа, пассивно мирящегося со своим унижительным прошлым, бесправным настоящим, беспросветным будущим.

Правильней было бы считать, что доминантная роль, которую придал партийный руководитель Г.Алиев своему региональному клану, позволила ему уже в условиях перестройки воспользоваться новой силой – национально-демократическим движением – для расшатывания устоев советской власти, продуктом которой он всецело был, и формирования политических предпосылок для нового завоевания власти, которое, в отличие от предыдущего, стало возможным в результате открытого государственного переворота.

Непосредственное участие в нем будущего президента, кстати, еще не до конца изучено, хотя имеющиеся факты и свидетель-

ства говорят о том, что оно имело место и было значительно большим и глубоким, чем многим кажется.

Попутно отметим, что помимо прямых влиятельных сторонников в среде азербайджанских национал-демократов Г.Алиев сохранял и поддерживал связи с огромным числом своих выдвиженцев-земляков, многие из которых сохраняли командные посты вплоть до его второго восшествия, а те, что лишились их, располагали значительными финансовыми ресурсами и влиянием на правящие круги и общественные силы. Их позиции в азербайджанском обществе были настолько прочны, что уже летом 1989 года видные представители клана на своих сходках в Баку всерьез обсуждали и вырабатывали способы и возможности возвращения в республику своего лидера. Об этом позже, в 1993 году, заявил на Милли Меджлисе в присутствии самого Г.Алиева (уже в качестве председателя азербайджанского парламента) министр иностранных дел в правительстве Эльчибея, депутат Тофик Касумов, перечислив поименно всех участников одного из таких совещаний, названного им антиправительственным заговором.

Сейчас мало кто помнит, что задолго до событий 1993 года был создан алиевский фонд, на средства которого в Азербайджане учреждались представительства партии «Новый Азербайджан», издавались газеты, проводились манифестации. Агитационная работа алиевской партии была тем эффективней, что правительство Эльчибея быстро дискредитировало себя полным отсутствием профессионализма, взяточничеством и продажностью. В атмосфере всеобщего крушения надежд на достойное урегулирование карабахского вопроса, возвращение Г.Алиева к руководству страной для многих стало казаться спасительным шансом. Если для самого клана этот поворот в общественных настроениях нужен был для возвращения утраченных властных позиций, то для остальной части политических сил фигура Г.Алиева была как бы символом преемственности. «Из поносимого всеми коммунистического диктатора он смог стать лидером эпохи демократизации не только ввиду того, что сумел подчинить своей воле национал-демократию, но и в значительной степени потому, что в глазах молчаливого большинства он всегда оставался элементом советской бюрократической машины и потому олицетворял собой преемственность. Он крайне редко критиковал

прошлое, разве что горбачевский период, когда был беспощадно отстранен от власти.

Именно то обстоятельство, что он смог на какой-то период стать символом преемственности, и помогло ему одержать легкую победу, вернуть доверие старой номенклатуры, значительных социально-этнических групп населения», – с этим замечанием некоторых азербайджанских аналитиков нельзя не согласиться⁴.

Отстраненные от власти коммунисты с его возвращением связывали свои надежды на реанимацию старых порядков, перевод страны в привычный российский геополитический ареал, который еще воспринимался в Баку как советский, пусть и с приставкой «пост». В этой обстановке даже вчерашние противники грозного партийного лидера сочли его вторичный приход неизбежным, продиктованным объективными обстоятельствами политическим явлением. Уже в 1992 году многие наблюдатели уверенно прогнозировали неизбежность такого развития событий в политических процессах. «Гейдар Алиев располагает значительным опытом и политическим потенциалом, не меньшим, чем его коллеги по Политбюро Ельцин и Шеварднадзе. И можно с уверенностью говорить, что он не сказал еще своего последнего слова», – это публичное заявление Р.Агаева, тогдашнего пресс-секретаря действующего президента А.Муталибова было с сожалением встречено демократами в Москве⁵. Но к политическим маневрам нового азербайджанского лидера с интересом присматривались и определенные силы в национал-патриотической среде, российском генералитете и спецслужбах, где у него всегда сохранялись широчайшие, прочные и давние связи.

Надежды бывших коммунистов, как и излишне оптимистично настроенных политиков, не сбылись не только в отношении внешнеполитических ориентаций нового президента, но и обещаний забыть заблуждения и ошибки прошлого, опереться на весь интеллектуальный потенциал нации. И если внешнеполитический разворот на Запад стал в определенной степени следствием невнятного российского курса на кавказском направлении и, особенно, в отношении Азербайджана, то внутренняя политика с

⁴ Новое время (Баку). 16 сентября 2003 г.

⁵ См.: Помпеев А. «Карабахский омут», с.34.

самого начала показала, что Алиев был бы не Алиевым, если бы отказался от наработанных и апробированных схем и способов собственного административного искусства.

Если в советские годы, опираясь на выходцев из родного нахичеванского региона, он вынужден был маскировать кадровую политику, считаться с партийными нормами и контролем Москвы, то на сей раз эти препятствия были устранены историей, президент был полновластным хозяином страны. Новым явилось лишь то, что система управления основывалась на людских ресурсах двух регионов – Нахичевана и Западного Азербайджана – выходцев из Армении. Причем, в связи с тем, что нахичеванский элемент имел как бы двух лидеров и соответственно два ориентира – сам Г.Алиев и спикер Р.Гулиев, так называемые «ереванские азербайджанцы» со временем стали превалировать в кадровой политике. Тут следует указать, что представители этого региона являют довольно широкую, многочисленную и спаянную множеством родовых и прочих уз социальную прослойку в составе населения республики. Миграция из Армении накатывалась на Баку и Азербайджан волнами практически весь XX век, каждые 25–30 лет.

Первая волна пришлось на начало века и заняла весь период до 1920 года – окончательного определения границ советских закавказских республик (200 тыс. переселенцев). Вторая произошла по решению Сталина, инспирированному Микояном и влиятельным армянским лобби в Москве сразу после Второй мировой войны, когда под предлогом расселения репатриантов Армения добилась выселения свыше 150 тыс. человек. Третий выброс человеческого материала состоялся в годы горбачевской перестройки (200 тыс. человек). Большинство из них поселилось в Баку, хотя компактным проживанием «ереванских азербайджанцев» выделяются и Гянджа, Сумгаит, ряд сельских районов республики.

По существу, к моменту вторичного возвращения к власти Г.Алиева они вместе составляли наиболее значительную, богатую, встроенную во власть социальную группу, никогда не забывающую о своих региональных корнях. Преференции, которые получили представители этого региона, не в последнюю очередь связаны с корнями Алиевых, до Нахичевана проживавшего в Армении. Из

семьи ереванских азербайджанцев была и семья Зарифы Алиевой, супруги Г.Алиева, многочисленные родственники которой всегда пользовались особым расположением последнего.

После того как Р.Гулиев потерял доверие президента, нахичеванский электорат фактически раскололся и стал постепенно терять свое прежнее влияние. Но к этому времени Г.Алиев уничтожил военную оппозицию (лидер самозванной Талыш-Муганской республики Алиакрам Гумбатов, бывший министр обороны Рагим Казиев, полковник Сурет Гусейнов, заместитель министра внутренних дел Ровшан Джавадов и др.), обновил полностью состав парламента, добившись доминирования в нем своих людей (непосредственных родственников президента насчитывается 26 из 125 депутатов), принял новую конституцию, позволившую сосредоточить в президентских руках всю полноту власти.

Под давлением ОБСЕ и других международных организаций были приняты новые законоположения о выборах, отменена цензура, формально сняты ограничения на общественно-политическую деятельность граждан. В этом, собственно, и состояла модернизация старой алиевской машины властвования, кем-то удачно названная «либерал-чекистскими» преобразованиями.

Ее усовершенствованная модель сконструирована по принципу властной пирамиды: Хозяин – Глава рода, Семья, Род, Регион. Основанием этой тяжеловесной структуры служит региональная масса, заполнившая практически все жизненно важные звенья и поры общества. Эффективность системы все время возрастает по мере ограничения деятельности и влияния оппозиции. Разгрому подверглись политические организации, ориентированные на потенциально наиболее сильные регионы – Движение за освобождение Карабаха, Партия Труда (Баку-Ширванская зона), общество «Ниджат» – Гянджа-Казахская зона и др. Национал-демократические партии, представлявшие наибольшую опасность для новой власти в силу своей массовости и широких политических связей в Турции, а также поддержки Запада, были расколоты (Партия народного фронта Азербайджана, Партия национальной независимости Азербайджана).

С некоторыми лидерами национал-демократов периодически удастся достигнуть определенного сближения и тщательно

скрываемых соглашений (Али Керимли – ПНФА – реформаторы, Этибар Мамедов – ПННА, Сабир Рустамханлы – Партия гражданской солидарности).

Все это значительно ограничивает политическое влияние в обществе национал-демократов, положение которых усугубляется в связи с непреодолимым желанием власти лишить их теле- и радиорупоров. С учетом того, что практически все телеканалы, включая независимые (ANS, SPASE, «Лидер»), оказались под контролем властей, возможности оппозиции влиять на широкую аудиторию практически ничтожны, что, кстати, подтвердилось в ходе всех плебисцитов и особенно последних президентских выборов.

По мере блокирования политических сил национализма правящая пирамида в глазах остальной части электората все более выглядит некоей приемлемой патерналистской силой, лучшей из двух общественных зол. Это в определенной степени подтвердилось и в ходе трех последних президентских выборов (1993, 1998, 2003-х годов), когда, выбирая между поднадоевшим мелкотравчатым национализмом, замешанным на туранизме, и авторитаризмом в демократическом одеянии, население предпочло последнее. В этом смысле ход и итоги политических перемен в Азербайджане были вполне естественными и ожидаемыми.

Некоторых азербайджанских исследователей этот поворот в общественном сознании подвел к выводу о закате национализма ввиду того, что он «в Азербайджане оказался неплодотворным». Удерживать прочно в руках бразды правления, добиваясь при этом сколь широкой, столь и надежной международной поддержки, беспрестанно при этом манипулируя общественным сознанием (внутри и вне страны), властям удастся за счет преференций при заключении нефтяных контрактов, политических уступок Западу и, прежде всего, США, добиваться искусного балансирования между Москвой и Вашингтоном, а также нового фактора в азербайджанской действительности – нефтедолларов.

В новейшей истории Азербайджана еще никому не удавалось сосредоточить в одних руках одновременно все важнейшие рычаги управления обществом – политическую, государственную власть, контроль практически над всей экономикой и финансами. Даже руководители Компартии не могли добиться такого подчинения национальных богатств интересам правящего класса, как это сделал

семейно-региональный клан Алиевых. Оппозиционные и независимые экономисты открыто вели подсчет его валютных доходов. Сюда, прежде всего, входят скрытые отчисления от нефтегазовых контрактов с иностранными компаниями, потоки денежных средств, поступающих из таможни, от монопольного права на производство черной икры и осетровых, по которому Азербайджан числится в списке мировых производителей, а также на наиболее доходные отрасли торговли, импорта, сосредоточение в одних руках распределения должностей и т. д.

Долларовые резервы клана оцениваются во многие миллиарды. В Азербайджане нет ни одного бизнесмена или группы сил, состояние которых могло бы как-то сравниться со стратегически-ми финансовыми возможностями правящего клана.

Этот фактор оказывал и продолжает оказывать решающее влияние на расстановку политических сил, являясь своеобразным гарантом прочности режима единовластия. Этот нефтедолларовый аспект политики правящего клана Азербайджана заслуживает более пристального рассмотрения, ибо история многих нефтедобывающих стран показывает, что обладание значительными прибылями от продажи энергоносителей приносит не только и не везде одно лишь социальное благополучие. В определенных случаях нефтедоллары служат лишь обогащению правящих режимов, кланов, диктатур, порождая ложные представления об их собственном могуществе, подталкивая их к осуществлению амбициозных политико-экономических проектов и авантур. Признаки эйфории, наблюдавшиеся у большинства представителей алиевской команды в период сближения с Вашингтоном, откровенные оптимистические ожидания, связанные с решением карабахской проблемы с помощью режима наибольшего благоприятствования, созданного для США при подписании нефтегазовых контрактов, напомнили о том, что такой поворот в политике бакинских стратегов не исключен, особенно с учетом молодости, неопытности и несомненного честолюбия нового поколения, всплывающего на политическую поверхность с уходом Алиева-отца.

В то время, как внимание оппозиции и международных правозащитных структур сосредоточилось на фальсификациях и нарушениях президентских выборов, мало что известно о материальных ресурсах, которые были брошены командой наследника

на свою кампанию. Между тем по масштабам и форме массовые акции – концерты поп-звезд, в том числе приглашенных из-за рубежа, напоминавшие ельцинские «выходы в народ», как и мощная пиар-поддержка, – стоили немалых денег. Есть указания на то, что не обошлось и без массового подкупа представителей оппозиции, членов избиркома, наблюдателей (отказ ряда лидеров оппозиции, и, прежде всего, Э.Мамедова, А.Мугалибова поддержать набиравшего довольно высокий рейтинг И.Гамбара, двусмысленное поведение некоторых представителей оппозиции, раскол среди наблюдателей ОБСЕ, выступивших с диаметрально противоположными оценками итогов выборов, и т. д.).

«Нынешний Азербайджан – это произведение Гейдара Алиева, и о том, что он сделал для страны, можно говорить часами», – заявил Ильхам Алиев в интервью «Российской газете» после своего избрания президентом⁶. Развивая это соображение, можно было бы утверждать, что и сам новый президент как государственно-политический деятель в той же степени является продуктом политического творчества того же Г.Алиева.

Приобщение своего единственного сына к большой политике он начал не в середине 1990-х годов, когда неожиданно назначил его первым вице-президентом Государственной нефтяной компании АР, а много раньше. Ильхам возглавил Национальный олимпийский комитет, оказался в депутатском списке правящей партии «Новый Азербайджан», заместителем председателя этой же организации, то есть своего отца. Далее его карьера получила стремительное развитие: руководитель азербайджанской делегации в Европарламенте, заместитель председателя ПАСЕ, выход на первых лиц мировой политики – Жака Ширака, Владимира Путина, Дж. Буша и, наконец, назначение премьер-министром, после чего его избрание президентом стало вопросом ближайшего времени. Любопытно, что до последнего времени правонационалистическая оппозиция словно под гипнозом повторяла слухи, распускаемые правящей командой о нежелании младшего Алиева брать бразды правления в свои руки. К этому приему усыпления бдительности противника старший Алиев, кстати, не раз прибегал с успехом и в прошлом.

⁶ Российская газета. 21 октября 2003 г.

Образ, созданный прессой и не лишенный определенной правдивости, к сожалению, затмевает полный портрет Ильхама Алиева, мешая составить точное представление о морально-волевых, интеллектуальных, деловых и нравственных качествах молодого президента, практически в одночасье ступившего на авансцену большой политики. Несомненно, «прокрутка» на высоких государственных должностях начинающего политика не могла не способствовать формированию его рабочего стиля в целом и государственного мышления, в частности, отработке способов административного управления.

Не следует забывать, что двадцать с лишним крупных международных контрактов, заключенных Азербайджаном с ведущими нефтяными компаниями мира, состоялись при непосредственном участии И.Алиева, что предполагает не только закрепление значительных знаний государственно-правового порядка, но и вхождение в элиту мирового бизнеса.

Лояльность, проявленная ведущими мировыми державами при оценках президентских выборов и драматических событий, непосредственно следовавших за ними, думается, не в последнюю очередь связана с этим немаловажным фактором. Несомненно, новый президент имеет определенный задел прочности, который позволит ему укрепить свои позиции, создать при желании надежный плацдарм для консолидации общества. Ни один из азербайджанских руководителей последнего бурного 15-летия не имел таких реальных преимуществ, которые достались в наследство И. Алиеву от его опытного отца-правителя. В его распоряжении хорошо отлаженная государственная машина, способная подавить любое социальное возмущение. Свое положение он может укрепить практически неограниченными финансовыми ресурсами, возможности которых расширяются в связи с тотальной нищетой и безденежьем всех институтов общества. Наконец, и это главное, он имеет безусловную поддержку в международном плане. Президенты США, России, Турции, позиция которых особенно ценима в Азербайджане, однозначно и незамедлительно поддержали идею передачи власти от отца к сыну, не колеблясь, способствовали ее реализации, назвав итоги президентской гонки «удачным выбором азербайджанского народа».

Стоит напомнить, что А.Везиров, направленный в Баку самим М.Горбачевым, лишь короткое время пользовался благосклонностью Москвы, и то вровень с его армянским коллегой, при полном неприятии западных столиц. А.Муталибов, будучи президентом, одинаково подвергался остракизму со стороны Москвы и Вашингтона, о чем позже госсекретарь Дж.Бейкер выражал некоторое сожаление. Эльчибей, пантюрист до мозга костей, так и не смог наладить отношения с Россией, которую ненавидел, плохо воспринимался западной дипломатией и не был принят молчаливым большинством населения, не говоря уже об активных сторонниках Г.Алиева. Даже Г.Алиев первые несколько лет должен был прилагать титанические усилия, чтобы нейтрализовать неприятие Ельцина, добиться благосклонности Турции, а через нее – США и европейских столиц, с нескрываемым подозрением относившихся к бывшему генералу КГБ, мастерски свергнувшему правительство Народного фронта, которое воспринималось международным сообществом как вполне демократическое.

Совершенно иная картина сейчас. Весь предшествующий выборам период, после него и на самой инаугурации великие державы и соседи Азербайджана всячески выражали свое внимание новому президенту. Обхаживания наследника Г.Алиева приняли такие формы и масштабы, что в Баку некоторые наблюдатели заговорили о надвигающемся соперничестве США и России за влияние на нового главу государства, а следовательно, и за расширение своего присутствия в этом стратегически важном центре.

Кстати, некоторые представители турецкого истеблишмента в беседе с автором утверждали, что позиция США и Запада в целом в отношении противоборствующих сторон в АР складывалась с учетом двух факторов: склонности к компромиссам в карабахском урегулировании и гарантий того, что не произойдет нового передела собственности. На политическое поведение США в этот период сильно давил нефтяной фактор, боязнь в связи с этим дестабилизации обстановки в АР. Неясность перспектив военного присутствия США в Ираке только усиливала такого рода опасения. Некоторые заявления лидера «Мусавата» И.Гамбара явно не совпадали в этом плане с подходами Вашингтона, на что он не преминул намекнуть сразу после выборов⁷.

⁷ Ени Мусават (Баку). 25 октября 2003 г.

Решительность, беспощадность и масштабы подавления мусаватистского возмущения непосредственно после выборов были таковы, что, казалось, в Баку вернулся прежний, помолодевший Гейдар Алиев. Многие свидетельствуют о том, что сын достаточно хорошо усвоил уроки отца, во всяком случае в части завоевания и удержания власти всеми имеющимися средствами.

Так что неоднократные заявления наследника о том, что отцовский «курс должен быть продолжен» следует понимать предельно расширительно. Тем более, что И.Алиев не раз подчеркивал, что не намерен менять команду, работавшую с его отцом. «Эти люди доказали, что они могут работать на благо Азербайджана». Вполне искренен он и когда заверяет, что будет «продолжать курс на развитие свободного общества и демократии»⁸, ибо имеет в виду готовность удовлетворить настойчивые призывы Совета Европы о формальном принятии международных правовых стандартов и институтов, которые как бы служат правовым прикрытием существующей властной системы, исключаящей независимый парламент, суд, прессу, равно как и институты, образующие независимое от государства общество.

Как показала политическая практика не только Азербайджана, но и других стран постсоветского пространства, Запад, и прежде всего США, при необходимости готовы согласиться с такой имитацией демократических реформ вместо реальной демократии.

«Я буду стараться углубить двусторонние отношения с Вами, президентом Азербайджана, и с азербайджанским народом», – говорилось в послании Дж. Буша только что избранному главой государства И.Алиеву⁹.

Госдеп США распространил специальное заявление, в котором была подчеркнута готовность работать с избранным президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Отметив, что голосование на выборах президента Азербайджана проходило организовано, но «в целом выборный процесс не соответствовал международным стандартам по многим аспектам», Госдеп подчеркнул: «США будут работать с избранным президентом Ильхамом Алиевым и его правительством»¹⁰.

⁸ Российская газета. 21 октября 2003 г.

⁹ НИА «Новости». 3 ноября 2003 г.

¹⁰ Там же.

Представляется, что правящая партия, по крайней мере ее реакционное крыло, восприняла широкую международную поддержку формальному оформлению династического правления в Азербайджане как карт-бланш на всемерное укрепление прежде всего авторитарных устоев власти и жесткого ограничения оппозиции, свертывания демократических институтов.

После разгрома «Мусавата» внутри страны не остается какой-либо серьезной силы, способной противостоять расширению и упрочению авторитарной власти. «В истории Азербайджана уже были «новаторы», которые хотели закрыть школы с русским языком, Академию наук, творческие союзы... Так вот, всем этим «новаторам» наш народ показал на дверь», – таким образом новый президент выразил свое отношение к правонационалистическому лагерю¹¹.

На фоне малочисленных левоцентристских или центристских сил, а также полуисламских организаций, чьи идейно-политические устремления более чем неопределенны, национал-демократы какое-то время еще будут составлять наиболее крупную часть оппозиции. Но итоги выборов, когда Партия национальной независимости набрала менее 3% голосов, и это при поддержке Партии народного фронта (реформаторы), отдавшей ей свои голоса, показали, что мнение об их популярности несколько преувеличено. Некоторые исследователи вообще считают, что *национал-демократия попала в длительную полосу кризиса, из которого ей будет непросто выбраться, ибо Азербайджан переживает период упадка воинствующего национализма, чему есть целый ряд причин. Важнейшая из них – подмена национализма регионализмом, ставшим за последние четверть века своеобразной этноидеологической формой существования нации, базовым политическим инструментом государственного устройства, движущей силой завоевания и удержания власти.* Политические силы, представляющие ее, все время подвергаются дроблению, а их не успевшие до конца окрепнуть и утвердиться структуры – неизлечимой эрозии.

История азербайджанского национализма свидетельствует, что наибольшего успеха он добивался в период единения его отрядов, хотя глухая борьба в их рядах, направляемая не только не-

¹¹ Там же.

умными амбициями лидеров, но прежде всего стоявшими за ними регионально-клановыми силами, никогда не прекращалась. Народный фронт Азербайджана распался сразу после прихода к власти в мае 1992 года. И хотя отпочкование партий из народнофронтовской «колыбели» произошло по рекомендации турецких политических экспертов, всегда манипулировавших действиями «младоазербайджанцев» и стремившихся таким нехитрым образом создать видимость многопартийности, утверждающейся в АР, тем не менее дорога к единству была навсегда перекрыта. Можно согласиться с утверждениями Таира Керимли, одного из ветеранов НФА, ныне лидера партии «Вахдат», который считает, что основной причиной поражения правительства Народного фронта явился распад этой организации, к чему, по его мнению, подвели амбициозные устремления лидеров.

Новый этап дробления наступил после поражения в 1993 году, когда едва ли не большая часть партии Этибара Мамедова влилась в ряды утвердившегося у власти «Нового Азербайджана». Этот процесс перелива политических сил и распада оппозиции продолжался все годы правления Г.Алиева. Есть все основания утверждать, что после сокрушительного поражения в октябре 2003 года националистам предстоит пережить новую волну расколов, массовых переходов под знамена победителей, ставших почти ритуальным явлением азербайджанской политической борьбы. Их лидеры либо скомпрометированы, как, например, Али Керимли (ПНФА-реформаторы) и Иса Гамбар (Мусават), либо потеряли доверие широких социальных слоев (Э.Мамедов – ПННА). Остальные – М.Мирали оглы (ПНФА-классики), Т.Керимли (Вахдат) и ряд других мелких фигур – не представляют серьезной силы.

Наиболее радикальные элементы, как, например, заместитель башкана «Мусавата», редактор газеты «Ени Мусават» Рауф Ариф оглы, нейтрализованы. Более или менее значимые фигуры – из левоцентристского лагеря Лала Шевкет Гаджиева (Либеральная партия Азербайджана), Ильяс Исмаилов (партия «Адалет»), Араз Али-заде и Аяз Муталибов (Социал-демократическая партия Азербайджана) по некоторым признакам проявляют интерес к диалогу с новой властью. Повод к этому дал и сам новый президент, не раз высказывавшийся позитивно в отношении установления диалога с оппозиционными силами. Серьезность намере-

ний новой главы государства в этом плане подтверждают и западные дипломаты. Посол ФРГ в Азербайджане Клаус Гревлих, встретившийся с И. Алиевым, вынес впечатление, что его собеседник разделяет мнение о том, что «для экономического и социального развития страны очень важно национальное примирение и что идея национального примирения была поддержана И.Алиевым»¹². При этом была подчеркнута готовность властей к контактам и налаживанию мостов доверия.

Позитивно отнеслись к установлению диалога Л.Ш.Гаджиева, призвавшая противоборствующие стороны после событий 15–16 октября к примирению, И.Исмаилов и А.Муталибов. Вообще надо заметить, что идея установления диалога, сотрудничества, отхода от конфронтационной политики и поиска путей достижения национального согласия все чаще и громче звучит в СМИ, на различных общественных форумах.

Известный адвокат и правозащитник Аслан Исмаилов, в недавнем прошлом один из ярых критиков Г.Алиева и его репрессивной политики, в своих выступлениях и частных беседах призывает покончить с противоборством оппозиции и властей, поскольку оно ведет к усилению в правящих кругах реакционной части, а в оппозиции – радикалов, экстремистов. По его мысли, отказ от конфронтации должен стать встречным движением, программным положением политических сил, осознанным диалогом, конечная цель которого – обеспечение форм сотрудничества во имя национального согласия.

Президентские выборы обозначили новую расстановку политических сил. Местные наблюдатели, с одной стороны, полагают в связи с этим, что политика равной ответственности представляется не такой уж нереальной. «Во всяком случае она напрашивается самой ситуацией – накал социального напряжения слишком велик. Общество просто может не выдержать нового десятилетия бессмысленной конфронтации»¹³. С другой стороны, приходится признать, что Г.Алиеву «удалось создать новую политическую структуру центристского толка, партию, по своим параметрам не только не уступающую, но и превосходящую традиционные силы

¹² Эхо (Баку). 30 октября 2003 г.

¹³ Эхо (Баку). 17 октября 2003 г.

националистического толка»¹⁴. Идет формирование и других, отличных от ура-патриотических, правонационалистических и других крайних политических взглядов. Этот фактор и создает определенный баланс сил, на основе которого можно, по мнению некоторых азербайджанских экспертов, двигаться в направлении межнационального согласия.

Указывается и объективная основа для этого – схожесть программных установок – социально-экономические направления внутреннего развития, приоритеты внешнеполитического курса, участие в мировых интеграционных процессах, приверженность демократическим ценностям и т. д.

Однако многое указывает на то, что культивируемый диалог может и не состояться или будет подменен союзом правящей партии с группой проявляющих интерес к сотрудничеству политических организаций, приглашением во власть некоторых второстепенных лидеров и влиятельных оппозиционных фигур. Перспективным был бы союз с правонационалистическим блоком, возглавляемым «Мусаватом», что создавало бы предпосылки для эволюционных процессов в националистическом сознании и движении, трансформации их в политические структуры, близкие к общевропейским.

Но анализ политических взглядов и настроений национальной элиты свидетельствует о том, что в обоих лагерях сильны характерные для азербайджанской политической жизни реваншистские настроения. Новое руководство может не избежать искушения «довести до конца» победный марш методом гонений, арестов, подкупа, перетягивания на свою сторону отдельных лиц. Этот шаг может только усилить позиции радикалов, спровоцировать вспышки экстремизма. Отсутствие реального, сильного и влиятельного оппонента постепенно может создать тот вакуум вокруг власти, который в странах схожей этнополитической и религиозной ориентации обычно заполняется исламскими силами, в том числе и экстремистского толка.

Как раз в ходе президентских выборов в Баку разразился дипломатический скандал, связанный с телевещанием соседнего Ирана, представленного каналом «Sahar-2». Независимые наблюдатели обратили внимание на то, что в то время, как официальный Баку призвал к ответу иранский МИД, азербайджанская националис-

¹⁴ Там же.

тическая оппозиция, обычно настроенная отнюдь не дружелюбно к проидам Тегерана, на этот раз фактически солидаризировалась с грубым вмешательством южного соседа во внутренние дела АР. Конечно, ситуация в Азербайджане пока далека от той, когда единственной реальной альтернативой действующему правительству, по примеру шахского Ирана, Алжира, Египта, стал бы приход к власти исламских сил. «Но и не замечать тенденций, проявившихся в последние весьма бурные недели, тоже нельзя», – предупредила независимая газета «Эхо»¹⁵. Многие встревожены просочившимися в прессу фактами активности ваххабитов. Спецслужбы Азербайджана за последние годы задержали свыше 70 граждан страны, проходивших за рубежом подготовку в лагерях ваххабитов. По мнению экспертов, число приверженцев ваххабизма с каждым днем становится все больше, сообщается об их усилении в различных регионах страны¹⁶.

Таким образом, каким бы благополучным ни выглядело положение продолжателя курса Г. Алиева, своеобразной азербайджанской системе созданной им управляемой демократии в ближайшие годы предстоит пройти новые испытания силами, способными объединить новый пласт электората, доселе предпочитавшего оставаться в стороне от политических игр. Их появление может быть неоднозначным. Возглавленные умеренными, просвещенными лидерами, они могут расширить национально-демократический спектр, однако приверженность религиозных группировок различным исламским течениям, обозначившееся деление на шиитов, суннитов, а теперь и ваххабитов несет в себе опасность новых разрушительных для общества процессов. Если активизация ваххабитов, действующих в суннитской среде, явление новое, то инфильтрация шиитской идеологии имеет уже длительную историю. Сопrotивление, оказываемое властям с 2002 года по сегодняшний день населением небольшого апшеронского села Нардаран, давно находящегося под влиянием иранских мулл, подтвердило опасения властей о потенциальной силе шиизма, который способен выступить в качестве консолидирующего элемента для достаточно широких слоев населения.

Впрочем, эти подводные течения азербайджанского общества могут проявиться при определенных обстоятельствах, и их сочетание во многом будет зависеть от поведения первого лица и

¹⁵ Эхо (Баку). 31 октября 2003 г.

¹⁶ Там же.

его команды, ибо демократические институты в АР хоть и созданы, но их продвинутость, рабочее состояние оставляют желать лучшего, и Азербайджан по-прежнему остается в значительной мере жестко централизованным государством, тоталитаризм которого определяется новым правящим классом – регионально-клановым социумом с авторитарными лидерами. Исламские группировки, как и многие политические образования, управляются и контролируются из-за рубежа. Сегодня трудно представить, чтобы эти общественные тенденции могли бы развернуться при доминантной роли США в кавказских делах, избравших одной из главных целей своего проникновения в этот сложный этнополитический ареал как раз сдерживание исламского антиамериканизма. Но трудности, с которыми столкнулись США в Ираке, напоминают и о другом повороте событий, который нельзя исключать, особенно если Вашингтону придется в той или иной форме ограничить свое военное присутствие в Ближневосточном регионе.

Властные поползновения исламистов могут опередить протурецки ориентированные силы. Ослабление «Мусавата» и близких к нему политических группировок может быть компенсировано усилением роли армии, в которой значительно возрос и продолжает расти процент офицеров, получивших образование в военных школах Турции. Взрыв недовольства и неповиновения курсантов военного училища в Баку год назад в этом смысле можно воспринять и как глухие толчки нового, просыпающегося вулкана. Подвижность этих скрытых от внешнего взгляда общественных тенденций в значительной мере будет зависеть от политики, которую намерен проводить сын Г.Алиева по оздоровлению государства, его способности обеспечить социально-экономический прогресс, демократизацию общественной жизни.

Новый президент пока ни разу не высказался концептуально о своем видении экономического обновления страны. Вопросы социально-экономического развития республики заняли значительное место в его инаугурационной речи, но ее трудно назвать программной ввиду отсутствия в ней ясных и четких ориентиров, самостоятельного взгляда на решение имеющихся проблем. Многие местные наблюдатели, в том числе и симпатизирующие молодому президенту, не скрывали своего разочарования выступлением нового главы государства. Удручающее впечатление на них произвели скучные, монотонные, лишенные масштабности мышления и выразительности дефиниции оратора, в поведении которого, как во всех его действиях, сказывается отсутствие стиля и зрелости.

«Если суть правления государством сводится к древнему утверждению «хлеба и зрелищ», то надо признать, что наследник блестяще справился со второй частью этой задачи, – заявил один из бакинских остроловов, имея в виду повсеместные шоу-программы, сопровождавшие предвыборную программу И.Алиева. – Остается подождать решения первой части этой двуединой задачи».

Скептицизм в отношении способности младшего Алиева накормить страну значителен, и он становится превалирующим в общественных настроениях. Тем более, что новый президент ни разу не обмолвился о том, как собирается это сделать. Он провозгласил верность политическому курсу своего отца, но в обществе как раз ждут объяснения того, как он собирается отказаться от той части алиевского наследия, которая для многих представляется более чем обременительным грузом.

При всей своей монолитности правящий клан Алиевых не лишен своих противоречий, соперничества, усилившихся групповых интересов, которые, будучи придавленными авторитетом Хозяина – Г.Алиева, находились до последнего времени как бы в латентном состоянии. Но, как это всегда бывает при «смене караула», тщательно скрываемые амбиции, зависть, соперничество за близость к трону, наконец, придворные интриги начинают всплывать на поверхность. Не желает поступиться властью в принципе вышедшая в тираж так называемая «старая гвардия», занимающая многие командные посты в парламенте, президентском аппарате, правительстве.

Явно нарушает устойчивый баланс сил группа представителей из Западного Азербайджана – выходцев из Армении (спикер парламента М.Алескеров, сын которого Ф.Алескеров руководит государственно-правовым отделом в аппарате президента, подавляющее большинство руководителей министерств, крупных предприятий, ректоров вузов).

Недовольны ограничением своих властных полномочий нахичеванцы, лидер которых Р.Мехтиев, руководитель администрации президента, также относится к состарившейся когорте алиевцев.

Всеобщее подозрение вызывает так называемый курдский фактор в правящем клане. О нем рано или поздно должны были заговорить не столько ввиду засилья лиц курдского происхождения, сколько в связи с привычкой азербайджанцев копаться в генеалогических корнях каждого, кто оказывается на виду общества. Курдское происхождение ближайшего человека теперь уже

экс-президента Бейяра Эюбова, мужа племянницы Г.Алиева (он является зятем старшей сестры экс-президента и сблизился с Г.Алиевым в годы пребывания последнего в Нахичеване), общеизвестно, так же, как и его подозрительные курдские связи. Протекция, оказываемая Б.Эюбову и его людям, а также незаметное усиление в азербайджанском бизнесе богатого иранского предпринимателя, курда по происхождению А.Гюзеля, имеющего прямой выход на Семью, усиливают общественные подозрения относительно ее связей с курдскими организациями, в том числе и зарубежными. Несколько лет назад Эльчибей публично обвинил Г.Алиева в создании курдской террористической организации. От ярости президента, угрожавшего арестом и судом, Эльчибей спасла защита С.Демиреля. В этот этнополитический калейдоскоп стоит пристальной всмотреться не только ввиду общественного раздражения, вызываемого коррумпированностью власти трайба, но и глухой борьбы между группировками, из которых скроена эта самая власть.

От нового руководителя страны ждут, чтобы он выразил свое отношение к членам команды, едва ли не к каждому из которых в обществе накопилось немало обоснованных и не очень претензий. Он может разом освободиться от балласта, который, безусловно, будет связывать его по рукам и ногам, и одним только этим завоевать симпатии большинства населения. Надежды на такой подход питают многие, ибо достоянием гласности давно стали, мягко говоря, недружественные отношения И.Алиева с академиком Джелалом Алиевым, младшим братом Г.Алиева.

Представляется, что внешнеполитический курс АР при Алиеве-младшем также не претерпит серьезных перемен. У него нет ностальгических привязанностей своего отца, бывшего продуктом советской системы, связанного с Москвой не только множеством политико-государственных уз, но и чисто личных, человеческих привязанностей. Он попытается оставить все как есть, исходя из того, что это лучший способ продолжать плыть между Сциллой и Харибдой американских и российских сил притяжения. Однако в отличие от внутренних дел реализация внешнеполитического курса, даже в таком готовом установочном варианте, требует известных политико-дипломатических и личностных качеств, коими, несомненно, обладал Алиев-старший.

Сможет ли И.Алиев продемонстрировать соответствие своих способностей уровню, масштабам и сложностям задач, которые ждут официальный Баку в условиях быстроменяющегося

расклада мировых сил, – вопрос, на который даст ответ политическая практика ближайших лет.

Напрямую с этим узлом внешнеполитических вопросов связана важнейшая национальная проблема – Карабахская. Несколько энергичных фраз, выражающих отношение нового президента к перспективам карабахского урегулирования, не дают достаточного основания делать определенный вывод о его подходах к решению проблемы. Но они все же указывают на значительно более эмоциональное восприятие проблемы, которое не раз Алиев-младший обнаруживал и в ходе дискуссий в ПАСЕ.

Таким образом, можно считать, что были правы те, кто прогнозировал: Г.Алиев, уходя, остается. Это находит свое подтверждение не только в большом количестве признаков его физического присутствия в стране в виде многочисленных портретов, развешанных в городах и на дорогах республики. Остается властная машина, остаются принципы управления, остается команда. Для резких кадровых перемен у наследника нет и подходящего резерва. Небольшой узкий круг приближенных фигур не может обеспечить эффективную работу громоздкой машины властвования. И тем не менее ему придется рано или поздно передавать командные посты в новые руки. Очень скоро наступит час самоутверждения в новом качестве, за которым неизбежно наступают процессы обновления, которые, как показывает политическая история Азербайджана, обычно сопровождаются отказом от накопленного государственного опыта, разрушением социальных систем.

В то время, как национал-демократы пребывают в растерянности, уповая на опеку Вашингтона, левоцентристы и либералы спешно ведут перегруппировку сил, стараясь расширить свою социальную базу. Социал-демократическая партия Азербайджана пополняет свои ряды за счет сторонников экс-президента А.Муталибова, лидер Либеральной партии Л.-Ш.Гаджиева объявила о создании общественного движения «Национальный союз», к которому могут присоединиться целый ряд общественных и политических партий. Несмотря на некоторую нервозность общеполитической атмосферы в стране, при желании можно разглядеть контуры будущих соглашений оппозиции с властью.

Социал-демократическая партия после завершения ближайших 100 дней президентства Ильхама Алиева должна была решить, будет ли партия в конструктивной или непримиримой оппозиции к новому главе государства. СДПА сформулировала условия, на основе которых может состояться долгожданный диалог. «Если

Ильхам Алиев будет уважать права человека, освободит политзаключенных, будет решать карабахскую проблему, вести борьбу с коррупцией, то социал-демократы останутся на этой позиции конструктивной оппозиции»¹⁷. «Если же он пойдет по пути отца, то наша партия будет непримиримой», – это ранее сделанное заявление лидера партии Араза Али-заде после выборов интерпретируется по-новому. Новый президент должен продемонстрировать стремление достичь «национального примирения», под которым СДПА подразумевает главным образом освобождение всех политзаключенных, создание условий для возвращения в страну всех политэмигрантов и обеспечение их безопасности. Таким образом, у нового главы государства появляются новые возможности для маневрирования при реализации политики консолидации общественных сил, налаживании национального диалога.

Как отмечалось выше, передача власти по наследству как способ сохранения стабильности в регионе, где скрещиваются интересы сил мирового масштаба, не обязательно может ограничиться Азербайджаном. Поддержка, оказанная И.Алиеву государствами постсоветского пространства, демонстрирует восприимчивость некоторых из них к азербайджанскому опыту. Предпосылки для создания династических фамилий уже налицо в ряде стран Центральной Азии. На Кавказе в Аджарии глава автономии без боязни продвинул во власть своего 25-летнего сына, избрав его мэром Батуми. В Казахстане активно действует на политическом поле дочь президента Дарига Назарбаева, в Узбекистане активизировалась дочь Каримова и т. д.

Формирование узкого правящего слоя – обычное явление для многих современных государств, в том числе и вполне респектабельно демократических. Эти процессы не могли не затронуть и новые государства постсоветского пространства. В каждом из них они оформились и утверждаются сообразно историческому опыту государственности, политической культуре, общественным представлениям о демократии и гражданском опыте. Г.Алиев придал динамизм всему процессу формирования правящей элиты в своей стране.

Но не только. Навязанная его волей форма наследования власти, возможно, интуитивно, на подсознательном уровне вывела его на решения, которые предотвратили вторичное возвращение к власти воинствующего национализма с ее охлократически-

¹⁷ Эхо (Баку). 5 ноября 2003 г.

ми лидерами и способами правления. Практическая реализация этого поистине маккиавелистского замысла оказалась тем более успешной, что она не противоречила социальному закону, отмеченному А.Зиновьевым: если искусственно разрушается социальная система, то при определенных условиях создаваемая на ее месте новая система воспроизводит некоторые явления предшествующих социальных систем – тех, что хранятся в исторической памяти народа. В том числе и давно забытых, более низкого эволюционного уровня, чем только что разрушенная.

«Вестник аналитики», №2-2004г.

«ВСЕ МЫ ПРИЛОЖИЛИ РУКИ К ИСТОРИИ СВОЕЙ СТРАНЫ...»

**Заметки на полях книги В.Крючкова
«Личность и власть»**

Книга написана на основе личного жизненного опыта автора и изучения большого массива документальных материалов. Авторские размышления дополняются служебными записками, фотографиями, интервью. Издание хорошо оформлено, имеет вполне приличный по сегодняшним временам тираж.

«Я хотел бы рассказать о тех, кого лично знал, на деятельность которых приходился сознательный период моей жизни, – пишет автор в предисловии к книге, – так что мои воспоминания будут носить относительно субъективный, личностный характер, но факты, которыми я буду оперировать, действительно имели место, они правдивы, и не считаться с ними нельзя... Мне бы очень не хотелось, чтобы вместе со мной ушли в небытие факты, примечательные детали некоторых событий из нашей действительности и истории государства».

Это очень важное предупреждение – в нем, по сути, все, дающее представление как о замысле книги, так и о подходах автора, его позиции.

Он, несомненно, относится к числу людей осведомленных, в том числе и о тех сторонах жизни государства, о которых мог знать весьма ограниченный круг руководителей, и вполне может претендовать на особую компетенцию в этой обширной области. Многие годы его жизни отданы делу защиты безопасности государства, а значит, и власти, а значит, и людей, возглавляющих ее. Немногие могли бы, наверное, сказать сегодня так же

открыто и прямо, как он: «Я сделал все, что мог, чтобы спасти державу!»

Зная автора и его творчество многие годы, я, естественно, знал и о том, что он работает над книгой о личности и власти. Знал также, почему он взялся за эту тему, которая, в общем-то, для него была не совсем нова в творческом плане: в двухтомнике он многое успел рассказать о своем «хождении во власть», продолжавшемся более 30 лет.

Он не захотел повторяться, и новая книга – не мемуары.

Эта книга о том, как люди приходят во власть, как они ею распоряжаются и как отражаются их деяния на жизни страны и миллионов людей. Благополучие страны, народа, его здоровье и процветание, защищенность, наличие перспективы дальнейшего развития государства – все это и есть, по мнению автора, главное мерило деятельности человека у власти.

В. Крючков предлагает сегодняшние реалии рассматривать через призму опыта прошлого, который не перестает и не перестанет действовать по истечении времени. Тем важнее для читателя его свидетельства о прошедших событиях и их оценка.

В книге «Личность и власть» не вскрывается изнанка политической жизни, не живописуются политические нравы лидеров, чего, возможно, и ожидает читатель, знающий биографию и соответственно приобщенность автора к большой политике. Может быть, это повествование и разочарует людей, ждущих такого рода откровений. Но я говорю о другом читателе, том, который хочет понять, осмыслить прошлое и способен поразмышлять над наиболее драматичными страницами нашей истории.

История человеческой цивилизации свидетельствует: личность как фактор обладает потенциалом, возможности которого практически безграничны. Это, как сказали бы ученые, вопрос фактический, то есть объективный и, безусловно, существующий.

Данное суждение играет важную роль в книге, из него вытекают с особой тщательностью сформулированные автором положения, составляющие, на мой взгляд, ядро книги:

1. «Историк, политик при изучении самых различных периодов исторического развития человечества волей-неволей тесно связывает их с отдельными личностями. И именно через них изучают и оценивают си-

туацию, а то и целые исторические периоды, сыгравшие в судьбах человечества огромную роль».

2. «Отдельные личности часто представляют собой самую верхнюю точку пирамиды, где сфокусировано все – от общего объективного характера до воли отдельных людей».

3. «Роль личности в истории огромна, ее возможности по мере продвижения на высшие ступени управления увеличиваются многократно. Все зависит от того, в каких руках оказывается эта власть. Власть создают и вершат ею люди. Люди же ее при известных обстоятельствах разрушают. Следовательно, от людей зависит определение и утверждение правил пребывания у власти тех или иных лиц, независимо от того, какими индивидуальными личными качествами они обладают».

Вопрос о власти и о власть предержащих для В.Крючкова, таким образом, – это вопрос о настоящем и будущем страны, народа, их исторического существования, в конце концов.

Каждый читающий, пишет автор, может сравнить, оспорить или, напротив, разделить с автором данные им оценки. Тем самым он как бы говорит: все мы приложили руку к истории своей страны, кирпичик каждого из нас – в фундаменте построенного, и в том твоей вины нет, вина тех, кто планировал и руководил строительством нашей общей жизни.

Вот они, наши рулевые, вот их биографии, вот их деяния, сравнивай, оценивай, думай!

Не очень-то выгодным окажется это сравнение для многих изображенных на обложке: весьма обычные, внешне мало чем привлекающие внимание люди.

Это они многие годы олицетворяли собой новый мир, построенный героическими усилиями народа на обломках старого, обветшалого и ненавистного.

Это они, получившие в управление крупнейшую мировую державу, низвели ее до уровня сырьевого придатка процветающих государств, сввергнув народ в полунищенское существование.

И это о них писал поэт: «Тот, кто ухватился за бразды правления, разожмет кулаки только для панихидной свечи».

«Из восьми первых руководителей государства, о которых мы ведем речь, – замечает автор, – трое завершили правление с огромным минусом, с катастрофическими последствиями. Это

Н.С.Хрущев, М.С.Горбачев и Б.Н.Ельцин. Они творили, что им заблагорассудится, не считаясь с интересами Отечества».

В. Крючков не сопоставляет биографии, лишь однажды подчеркивает близость их к народной среде. Все они из обычных трудовых семей, из низов, то есть, как бы говорит он, генетически все эти люди не были предрасположены ни к роскоши, ни к сибаритству, ни к коварству и прочим как бы наследуемым порокам. И откуда же тогда, спрашивается, такое болезненное влечение к власти – любой ценой, невзирая ни на что?

Автор, скуповатый на подробности, тем не менее рисует несколько сценок из жизни великих, которые, очевидно, глубоко запали в его память. Но коллизии эти на первый взгляд довольно ординарны: увиденный на первомайской демонстрации вождь («момент близости И.В.Сталина на всю жизнь остался во мне ярким и невероятно значимым»); встреча с Брежневым («обнял, тяжело улыбнулся, поцеловал...»); стихотворение, подаренное Андроповым, сочиненное во время похорон С. Тимошенко, врезавшиеся в память слова: «Одна у всех нас, жильцов на этом свете, перспектива. Это иной мир, хотя никакого иного мира и нет. Там гробовая тишина. Там такое уединение, что не дай бог»; О Горбачеве – эпизод с заступничеством автора за оклеветанного Г.Романова: «Помню, М.С.Горбачев внимательно посмотрел на меня и сказал: «Не стоит этого делать – само собой рассосется».

Тем не менее и то небольшое, о чем автор посчитал нужным рассказать, рождает вопросы и многое говорит об этих людях. Например, эпизод с Брежневым. Что это, его объятие, – старческая слабость, проявление чувства признательности, мало что значащая любезность или же обещание будущих доверительных отношений? Во всяком случае эпизод, описанный В. Крючковым, запоминается как весьма яркая характеристика душевного состояния недомогавшего генсека. И в последовавших затем телефонных разговорах Ю.Андропова и Д.Устинова речь шла о том, что генсек «вряд ли оправится от болезни». Забавно, что, как замечает автор, после этого примечательного для него дня Леонид Ильич проработал еще целых восемь лет. Так что же тогда это было?

Или стихотворение, сочиненное Андроповым во время похорон... То есть стоял человек на трибуне Мавзолея, провожая в

последний путь своего товарища по партии, и думал о бренности собственной жизни, о близком конце. Вполне понятное, знакомое многим из нас состояние души. Но всякий ли откроется другому, тем более человеку подчиненному, так, как открылся этот немногословный и суровый человек в данном эпизоде? Это уже вообще вопреки всяким правилам. И главное – зачем?

Казалось бы, небрежна реплика Горбачева «само собой рассосется», а ведь обнажает тщательно скрываемые природные свойства – слабость характера, склонность к интригам, ненадежность в отношениях с людьми и одновременно мстительность и злопамятность. И в скором времени все это выплеснется разом и самым катастрофическим образом скажется и на его собственной судьбе, и на жизни огромной страны.

Действительно, дьявол скрывается в деталях...

И вдруг понимаешь, что никакие это не небожители, а очень одинокие, очень закомплексованные люди, уставшие от жизни и от самих себя, уже осознающие скоротечность своего существования на земле: «Там стоит гробовая тишина».

Неожиданное проявление простых человеческих чувств у этих, казалось бы, могущественных и заласканных внешним вниманием людей, но внутренне сознающих свою истинную сущность и ничтожность собственных помыслов и интересов, всегда значимо для понимания сущего.

Сегодня уже довольно много известно, хотя история, как знаем, не выносит окончательных приговоров, когда речь идет, например, о мотивах. Что такое история, как не предположения и догадки?

Это суждение одного из историков не должно нас смущать.

«Если бы Ельцин тогда подал руку Дудаеву, войны бы не было» – недавно услышанная фраза из радиопередачи. Вроде наморка у великого Наполеона, помешавшего ему одержать победу под Аустерлицем.

История полна такого рода подробностей, и они действительно могут отвлечь от «истинной природы вещей», однако справедливо и суждение, приписываемое одному из опытнейших мастеров сыска, что никогда не следует отбрасывать «мелочи жизни» и слухи – они ведут к факту.

Конечно, многое нам приходится принимать на веру, даже самое скрупулезное протоколирование событий окрашивается эмоциональным отношением пишущего.

Мы спорим, будут спорить и другие, что такое сталинская эпоха и что это за явление – Сталин, неизбежна или невозможна его «историческая реабилитация», были ли разрушителями страны Хрущев, Горбачев и Ельцин?

Эти споры естественны, потому что каждое поколение должно сформулировать свою точку зрения на прошлое.

Работая над хроникой событий 1996–2000 годов, которая вылилась в трехтомник «От Ельцина к...», я невольно оказался погруженным в эту бездонную проблематику – личность и власть. Реальная политическая практика дала возможность не только увидеть, но и почти физически ощутить различные проявления этого явления и осознать, что любая власть – большая или маленькая – действительно измеряется масштабами человека, который ее возглавляет.

Для В.Крючкова точка отсчета – И.В.Сталин, «человек, который своим трудом и борьбой, всей жизнью показал, что значит роль личности в истории не только применительно к нашей стране, но и к миру в целом».

Нигде, как во власти, не проявляется столь выпукло и ярко сущность человека, его самые сильные и самые слабые стороны, его достоинства и пороки, его отношение к жизни и людям и пр. И ничто другое, как власть, так не возвышает личность, подводя ее в исключительных случаях к той грани, за которой начинается миф, легенда, сказка, и это уже, по нашим человеческим меркам, и есть бессмертие.

Но ничто более не способно так быстро и необратимо деформировать личность, как власть, нередко превращая человека в мерзкого и опасного хищника.

История дает немало примеров на сей счет.

Еще в древности мудрые люди пытались настроить власть соответствующим образом. Знаменитый Сенека – воспитатель и постоянный советник Нерона – считал милосердие самым ценным качеством властителя и посвятил ему специальный трактат. А умер по приказу своего воспитанника, признав напоследок, что

«воспитал тигра и хотел удержать его в повиновении. Это не удалось. Зверь вырвался из клетки».

«Наделенная неограниченными правами личность, отдельный человек, руководитель высшего уровня, – пишет В. Крючков, – берет в свои руки такие права, опираясь на которые он получает безраздельное господство над обществом и государством. Отсюда диктатура, тоталитаризм со всеми вытекающими негативными последствиями».

В контексте кризиса политики рассматривает проблему личности и власти американский публицист П.Джонсон¹⁸. В конце 1980-х –1990-е годы, считает он, практически повсеместно наступило разочарование в социализме и в других формах коллективизма. В масштабах XX века проверялись и испытывались на прочность идеи Ж.-Ж.Руссо о том, что политические процессы могут сделать человека лучше и что инструментом изменения, создателем нравственно «нового» человека станет государство. Эти идеи потерпели полный крах. И там прежде всего, где были положены в основание государственных идеологий. Оказались дискредитированными государства и его агенты – политические активисты.

«Их феноменально увеличивающееся количество и власть стало одним из наиболее существенных и пагубных явлений современности, – отмечает П. Джонсон. – Эти фанатики проходили, маршируя через десятилетия и полушария, шарлатаны, харизматические и экзальтированные личности, мирские святые, местные убийцы, объединенные верой, что политика является лекарством от всех людских болезней: Сунь Ятсен и Ататюрк, Сталин и Муссолини, Хрущев, Хо Ши Мин, Пол Пот, Кастро, Неру, У Ну и Сукарно, Перон и Альенде, Нкрума и Ниерере, Насер, шах Пехлеви, Каддафи и Саддам Хусейн, Хоннекер и Чаушеску». С наступлением 1990-х годов, говорит автор, этот новый управляющий класс лишился уверенности в себе и быстро начал терять почву под ногами и власть во многих частях мира. Большинство из них, и живые, и мертвые, прокляты в своих собственных странах... Можно ли надеяться, что, подобно предыдущему веку,

¹⁸ Джонсон Пол. «Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы». М. 1995.

«веку религии», и «век политики» уходит в прошлое? – спрашивает он.

Не будем выяснять, почему автор все многообразие социалистических и псевдосоциалистических идей сложил в одну шляпу Жан-Жака Руссо: наш марксизм-ленинизм тоже славно потрудился на этой ниве возвращения «нового человека». Довольствуемся тем, что «наши» в списке политических активистов все-таки есть. И можно не сомневаться, появились бы и другие фигуранты более позднего периода, те персонажи книги В. Крючкова, которые, по его словам, «обладали таким недоужинным негативным потенциалом и столько натворили бед, что вообще не должны были бы попасть в большую политику и тем более оказаться во главе государства».

В этом смысле век такой политики действительно основательно подпортил себе репутацию и, возможно, каким-то образом должен был бы завершиться, если принять во внимание политические процессы весьма разноречивого плана по соседству: «народные бескровные революции» в Грузии и Украине, устанавливающиеся режимы личной пожизненной власти в некоторых ближних государствах. И вот эти разновекторные тенденции вон и пока еще недостаточно четко сформатированная и идеологически обоснованная политическая структура власти – внутри при определенных обстоятельствах, к сожалению, могут толкнуть лидеров и национальные элиты и в ту, и в другую стороны.

И В.Крючков прав, говоря, что «важно делать правильные выводы из того, что происходит в истории развития человечества. И еще важнее учитывать эти уроки сегодня в своей практической деятельности и не допускать трагического развития отдельных государств и мира в целом».

Но это уже другая тема разговора.

Я писал эти заметки, слушая краем уха передачу по радио «Эхо Москвы», посвященную 125-летию со дня рождения Сталина. Это было удивительное совпадение, совершенно случайное, но, несомненно, знаковое. Приглашенные в студию журналисты и писатели размышляли эмоционально и вдохновенно, как будто и не прошло нескольких десятилетий со дня смерти Сталина. Спорили, а не доспаривали, в том числе и те, которые родились

значительно позже и не были связаны со Сталиным и его временем фактом своего рождения:

«Это единственный диктатор, который уничтожал собственный народ».

«Сталин – это новый миф о сильной руке и великом государстве».

«Данные Центра Левады: 31% опрошенных считают Сталина тираном, виновным в гибели миллионов людей, 21% – мудрым руководителем страны, 16% считают, что без такого руководителя страна не сможет обойтись».

«Он убивал миллионы, чтоб покупать станки для страны».

«Он точно знал, куда должна была идти страна, и вел ее туда с железным упорством. Даже его преступления были направлены на одну цель – строительство могучего государства».

Ведущий: «Опрос слушателей показал, что из 10,5 тыс. человек 33% хотели бы, чтобы страной руководил такой человек, как Сталин».

Это декабрь 2004 года. Третье тысячелетие. Страна, отринувшая социализм. Демократически продвинутая аудитория радиостанции «Эхо Москвы».

Есть о чем подумать.

Говоря об этом несомненном феномене XX столетия, английский публицист-исследователь Алаж Буллок¹⁹, писал, что все свершения Сталина обеспечивались использованием государства для насильственного преобразования общества. Во-первых, с помощью государства осуществлялся тотальный контроль за всеми сферами жизни общества. Во-вторых, убежденность в решающей, определяющей роли политики, что политика, а не экономика движет жизнью. В-третьих, все возможно при наличии силы и воли для проведения своей политики. Так, с помощью этих принципов и сплеталась паутина вины и страха, от которой не было спасения никому и нигде.

Это, безусловно, и имеет в виду В.Крючков, говоря в своей книге о том, что «в нашей стране именно личность играла чаще всего основополагающую роль, определяя все или почти все. Кто

¹⁹ Буллок Алаж. «Гитлер и Сталин. Жизнь и власть». В 2 т., 1994.

в период тех или иных исторических событий, особенно в переломные моменты, не считался с этим, попадал между молотом и наковальней, жестоко страдал, а то и лишался жизни... Так сложилось, что в конце концов личность, волевая, сильная, целенаправленная, действующая в условиях, порой созданных обстоятельствами, неумолимо определяет судьбы людей, общества и государства. От ее практической деятельности, от ориентиров, которые эта личность расставляет, зависит многое. Так было по крайней мере на протяжении всей нашей тысячелетней истории».

Официальная же идеология, как известно, широко оперировала такими понятиями, как демократия, социальная справедливость, свобода и равенство. И не систематическая ли фальсификация действительности привела к интеллектуальной и нравственной деградации, которая в конечном счете и погубила великую страну?

Возвращаюсь к радиопередаче...

Предполагаю, чью сторону занял бы В.Крючков, убежденный в том, что, несмотря на все ошибки и просчеты и даже несомненную вину за необоснованные репрессии, Сталин остается мудрым и дальновидным руководителем, внесшим огромный вклад в строительство могучей державы, и полагает, что историческая реабилитация И.В.Сталина неизбежна.

Я на стороне тех, кто считает, что сегодня можно обойтись без такого человека в качестве руководителя страны. Но это не значит, что я не отдаю должное его огромным заслугам, как, впрочем, и всем его, мягко говоря, не меньшим перегибам.

Но спорить с В.Крючковым не стану.

Его книга провоцирует на размышления, но не на спор, нет. Каждый имеет право на свое видение прошлого, на свое понимание его и на право писать свою правду, в конце концов.

Очевидно, и сам автор не раз задумывался о том, почему появление Сталина на Красной площади произвело на него столь сильное впечатление, что он пронес его через всю жизнь? Но раз в книге он этого не объяснил, значит, или не нашел ответа, или не счел нужным с нами поделиться. Но не для красного же словца описывался сей сюжет? Нет, это аргумент, и весьма весомо звучащий в контексте: он хотел показать, «насколько имя Ста-

лина и его личность владели тогда умами молодых и старших поколений и как это сказывалось на настроениях людей, на их внутреннем мироощущении».

О том же говорят и другие. «Сталин слишком глубоко вошел в наше сознание, он слишком болезненную реакцию вызывает своим посмертным существованием, – утверждал доктор философии М.Я.Вайскопф в телевизионной программе НТВ, посвященной личности Сталина. – Это какая-то константа новой истории – от нее уйти нельзя... Вот именно это ощущение потрясающей неисчерпаемости, непредсказуемости Сталина и в то же время его как бы укорененности среди нас, оно и вызывает гипноз его личности. Сталин нес в себе некое веяние метафизики, некое веяние инобытия, нечто неотмирное, но укорененное глубоко среди нас... Он был частью каждого из нас».

И вот что я хотел бы заметить в связи с этим. Дело, на мой взгляд, не в исторической реабилитации Сталина. Все, что он сделал и мог сделать, он уже сделал, и это, несомненно, стало фактом истории. Но правда и в том, что общество, люди во все времена руководствовались ценностными критериями, ставя нравственные добродетели выше мудрости и умений.

История как общечеловеческая память, а в этом качестве она, собственно, и существует, не обделяет великих мира сего вниманием: все они здесь, гении и злодеи, удачливые полководцы и владыки империй. Никто не забыт, ничто не забыто, равно и порок, и добродетель хранятся здесь в назидание потомкам. Но к живым эти великие вызываются все же больше нравственной потребностью, чем разумом, потому что, и вправду, каждый «человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности» (М. Бахтин).

И ничего с этим поделать нельзя – голуби все равно будут гадить на головы бюстов великих, если к ним перестанут ходить люди.

Перед сегодняшним поколением в полный рост встают те же вопросы, которые звучали и прежде.

Почему около политики так много разной мерзости?

Почему власть так разжигает честолюбие и обрастает изнутри завистью, недоброжелательством, злобой, ложью, страхами?

Важно не только понять, что здесь закономерно, а что – случайно. И что может вернуться, повториться и почему именно это, а не другое.

Мы не знаем до сих пор истинной цены, заплаченной за социальный эксперимент, как не знаем и о цене, которую платим сегодня за эксперимент демократический.

«По оценкам экспертов, – пишет В.Крючков, – всестороннее экономическое возрождение России до уровня близких к нам по природным условиям Швеции и Канады потребует не 20–25 лет, а вдвое больше. Но это позитивный прогноз, под которым какой-либо твердой основы нет».

Многие отрасли промышленности находятся в плачевном состоянии. Разграбление страны приобрело невиданные размеры. Сегодняшнее состояние народного хозяйства сравнивают с тем, что мы имели после Отечественной войны. Сознание наших людей захламлено стереотипами и иллюзиями. Завистливость, бытовой национализм, огромная разница между уровнями жизни города и деревни, значительные провалы в культуре, медицине и пр. Треть населения живет на грани нищеты. Поголовная коррупция, ничем не ограничиваемый беспредел чиновничества...

Все эти чудовищные завалы мы только начали разгребать.

А вот американскому президенту в 1933 году потребовалось всего лишь полгода для того, чтобы вывести страну из глубочайшей депрессии.

Какой, например, первый декрет подписывает Ельцин, став президентом? О школе. А какой – Рузвельт, став президентом? Чрезвычайный о банках, который через 40 минут был принят конгрессом. Его программа принимается конгрессом в рекордные сроки. Программы, собственно, никакой не было, были четко понимаемые цели и задачи. О царившем в обществе в этот момент накале страстей свидетельствует сохранившаяся неофициальная, но ставшая известной всем фраза помощника президента: «Если бизнесмены откажутся подписать его [закон о промышленности], то они получат по морде».

Как отмечают историки, за 15 лет первый президент Турции Ататюрк успел ликвидировать многоженство, дать женщинам избирательные права, перевести письменность с арабского алфави-

та на латинский, ввести новую правовую систему – создать светское государство!

Анализ социально-экономической ситуации автор ведет жестко и прямо, без всяких тактических оговорок, следуя своему, здесь же, в книге, продекларированному принципу – «любое отступление от правды... таит в себе больше негатива, чем следование истине практически в любой ситуации».

Он предьявляет серьезный счет многим бывшим руководителям страны, обвиняя их в преступной безответственности, повлекшей за собой развал мощного государства, сумевшего в короткие сроки с задворков исторического развития выйти на первые позиции в мире. Но обращается, несомненно, и к нынешнему лидеру страны В.Путину, понимая, какое наследство он получил, и представляя себе скрытую мощь сопротивления, которое оказывается ему в его попытках переломить ситуацию.

Собственно, в том, полагаю, и была сверхзадача этой глубокой и серьезной работы В.Крючкова.

В деятельности государства, как подчеркивают специалисты, главную роль играет система власти, участие людей в осуществлении власти, эффективность власти, контроль со стороны власти и контроль граждан за властью.

Идеальная власть – та, где царят демократия, народовластие и народоправление. Эта гениальная по краткости и всеобъятности по содержанию фраза весьма популярна, однако практически мало когда и мало где материализовалась в своем истинном значении. И главная проблема, так и не решенная человечеством, – зависимость системы от качества функционирования главного звена, которая и называется – личность во власти.

Как заметил о событиях конца 1980-х – начала 1990-х уже упоминавшийся нами автор книги «Жизнь и власть», он с изумлением наблюдал за тем, что происходит в Восточной Европе, Германии, СССР. Ему казалось, что на его глазах события предшествующей истории раскручиваются вспять – к 1940–1930-м годам и далее – к революции 1917 года. И многое из того, что казалось уже забытым и далеким, вдруг стало и зримым, и ярким...

Почему Черненко? Почему Горбачев? Почему Ельцин? И почему все другие из этого ряда, не хватавшие звезд с неба, оказались вдруг во главе огромного государства, $\frac{1}{6}$ части земного шара?

Система, десятилетиями воспроизводившая один и тот же типаж лидеров – бесцветных, малообразованных, но хватких и умелых интриганов, державшихся за власть до смертного часа и, без сомнения, утащивших бы, если бы смогли, всю страну за собой в преисподнюю – вот ответ В.Крючкова на вопрос: «Почему?» «Главная ошибка И.В.Сталина, главное, что он не успел сделать, – это была проблема преемственности власти – организационной, кадровой. Не была обеспечена преемственность власти, преемственность курса, как важнейшего гаранта уверенной и созидательной перспективы общенациональной политики. Но важнейшее, что сделал И.В.Сталин: он оставил после себя структуру, прежде всего, в лице партии, которая цементировала общество, обеспечивала должное руководство страной и обладала возможностями в течение длительного периода обеспечить здоровое развитие государства. Но этим, этой ценностью, к сожалению, руководители, пришедшие к власти после И.В.Сталина, не смогли воспользоваться так, как это было нужно».

Система, не оставлявшая ни одного шанса для законного решения проблемы преемственности власти, демократические декорации («единство партии», «коллективное руководство», «демократический централизм» и пр.) оказались самым мощным бастионом, который не удалось взять и после смены режима. Новые, срочно возведенные декорации называются сейчас по-другому, но суть их та же – власть бесконтрольна, безотчетна, безответственна и не наказуема, передается из рук в руки, а затем легитимируется и облагораживается всеобщими выборами.

Поставленный автором диагноз точен: именно здесь и находится «кащеева игла» бывшего и настоящего политического режима. Автор многократно повторяет эту мысль о необходимости защиты от своеволия и своекорыстия властной ипостаси, предлагая вернуться к опыту прошлого (подготовка и расстановка руководящих кадров партии и государства, имея в виду ее принцип), и уже увидевший по собственной жизни, какой бессовестной может быть власть.

История много раз доказывала, что это и есть зона наибольшей уязвимости власти, а следовательно, и то, что этот бастион она отдаст последним.

Только на обложке книги они могли оказаться в одной общей группе – могучий диктатор, державший почти тридцать лет своей жесткой дланью крупнейшую страну в мире, бездарный реформатор, демагог и популист, совершенно недееспособный половину многолетнего срока глава государства, которого в течение последующих лет сменяют еще два столь же немощных из-за плохого здоровья лидера, и наконец, некомпетентный, комплексующий, разговорчивый реформатор, пустивший страну под откос и добивший ее «перерожденец» с «болезненной жаждой власти – до затмения разума и потери пульса».

Так или почти так оценивает В.Крючков главных лиц государства, правивших СССР, а затем и Россией, без малого 80 лет.

Какой же крепостью должна была быть наделена созданная структура, чтобы столь долгое время выдерживать эту катавасию в верхних эшелонах власти и непрерывную подковерную борьбу за власть в промежутках между похоронами и тронными речами при восшествии во власть.

При всех различиях они были поразительно похожи друг на друга, словно выведены в одной колбе. Собственно, так оно и было. Их общность формировалась системой, исключавшей яркость индивидуальных проявлений. Конечно, были различия, но сходных черт все же больше: все они приходили к власти путем интриг, и все они скучны и постны, как понедельник.

Все это не столько говорило о людях, сколько о явлении, поразившем нашу страну, как болезнь, из которой мы не могли выйти иначе как через обломки рухнувшего режима. И этого нельзя было удержать, потому что оно было обречено с момента своего создания.

СССР погиб потому, что народ в массе своей отказался защищать его, считает В. Крючков. Государство стало ненужным, а власть – чужой и надоевшей. И в этой ситуации, заметим, кстати, никакой «пятой колонны» из среды интеллигентов и бывших диссидентов уже не требовалось. Как не помогло бы и поголовное обучение всего населения умению «бороться за свои собствен-

ные интересы, интересы государства и общества». Люди как бы ушли из дома-страны на то время, пока ее обустроивали новые владельцы, и вернулись в страну другую, в которой многое поменялось. Но замки на дверях оказались те же.

И вот здесь я бы особо отметил заключительную часть книги, где весьма остро ставятся эти вопросы, побуждая читателя подумать над проблемами, от которых зависит наше настоящее и будущее. В том числе и необходимость уберечь и защитить общество от неприемлемой деятельности лиц, облеченных большими полномочиями в силу занимаемого положения: «Как защитить народ от негодного руководителя, который прорвался к власти? Вот вопрос, который является сегодня жизненно важным. И чем быстрее он будет отрегулирован в законодательном плане, тем лучше будет для всех нас».

Обратим внимание на это «сегодня». Увы, плохо регулируется то, что, собственно, и обеспечивает контроль народа над властью. Но В.Крючков, несомненно, прав: действительно «нет никаких оснований рассчитывать на то, что в самом ближайшем будущем этот вопрос не станет у нас непреодолимой преградой».

Вот эта последняя, несомненно, важная констатация, но не факта, а долженствования, и оказалась наиболее уязвимым элементом всей системы так называемого народовластия, по крайней мере в наших условиях, на протяжении более чем восьми десятилетий.

Автор убедительно это доказывает на примерах жизни и деятельности семи бывших руководителей страны, акцентируя, повторим еще раз, внимание на трех из них: «Общество, система государственная были бессильны помешать их разрушительной деятельности, и ситуация катилась в бездну. Ничто не могло остановить этих деятелей. А народ практически безмолвствовал».

Народ безмолвствовал и при Сталине, и при Брежневе, как, впрочем, и при двух последующих из общей когорты не был особенно разговорчив.

Критически оценивая деятельность практически всех деятелей послесталинского периода, автор не мог не понимать, что дает тем самым повод своим возможным оппонентам упрекнуть его в предвзятости. И тем не менее он демонстративно обозначает свои сегодняшние позиции, убежденный в том, что созданное Ле-

ниным и Сталиным государство, как и утверждаемые ими социально-нравственные ценности, заслуживают того, чтобы говорить о них, не пригибаясь и не увертываясь от возможных обвинений и упреков.

Трудно не согласиться с выводом автора книги: многое из того, что происходило на нашей земле, да и сегодня происходит, говорит о том, что мы мало чему научились и мало что поняли.

«Вопрос сейчас стоит так: или ныне живущее поколение исправит трагическую ошибку и повернет развитие общества в нормальное русло, или придется ожидать прихода грядущих поколений, которые возьмутся за исправление ситуации, и люди вновь обретут права, потерянные ими, в том числе и по их собственной вине».

За восемьдесят лет страна знала 8 руководителей, Трое из них – Сталин, Хрущев и Брежнев – находились у руля 54 года.

Все они оставили след в истории страны, и все жившие и живущие на этой земле ощутили на своей жизни их деяния, близкие и отдаленные последствия.

След, оставленный человеком, многое может сказать о нем, и вопрос лишь в том, какие чувства рождаются у нас при виде этого следа.

Когда я прохожу мимо большой карты, висящей на стене офисного холла, невольно думаю о том, что очертания сегодняшней страны уже другие, и страна – другая, и это следы правления двух людей – Горбачева и Ельцина, лица которых также произвольно возникают перед глазами...

Так поминают Хрущеву – Крым, Брежневу и Андропову – Афганистан и Венгрию...

И так, полагаю, будет до тех пор, пока живут на земле их современники, их дети и внуки. Как тут не согласиться с тем, кто сказал по этому поводу: входя в политику и выходя из политики, тщательно, господа хорошие, вытирайте ноги, чтобы ненароком не наследить...

«Вестник аналитики», №1–2005 г.

НЕ СПОРЮ, НО...

Заметки на полях книги В.Третьякова «Нужен ли нам Путин после 2008 года?»

Газетные статьи редко делают книжную карьеру, но когда это происходит, совсем не выглядят опоздавшими на праздник жизни. Это, безусловно, качественная метка работы политического журналиста.

Сборник статей назван эпатазирующе конкретно: «Нужен ли нам Путин после 2008 года?»

«Я не стесняюсь, – говорит В.Третьяков. – Мне не кажется, что меня не поймут, и я знаю, что многие не захотят понять. Мне все равно, понравится или нет Владимиру Путину то, что я написал».

(Замечу, что сие заявление не лишено некоторого простительного, на мой взгляд, лукавства – такого рода книги пишутся с ясным расчетом быть и услышанным, и понятым прежде всего теми, о ком они пишутся, а иначе – зачем они? И как знать, может книга Виталия уже лежит на прикроватном столике в какой-то из загородных резиденций президента с закладками меж страницами...)

А написал он о нашем президенте действительно много всего, в том числе и нелицеприятного, но, на мой взгляд, немало и справедливо хорошего.

Это действительно объемное и глубокое исследование, побуждающее к серьезным размышлениям о сегодняшних политических реалиях страны и о президенте как главной государственной идее.

Президент в книге предстает исключительно как политическая фигура.

В.Третьяков внимательно и детально рассматривает ее все-сторонне, не скупясь на комментарии. В ряде глав – подробно о драматических или конфликтных ситуациях, где анализируются реакции президента, его волевые качества и эмоции, психологические особенности и пр.

Словом, в совокупности читатель получает достаточно объемное и цельное представление о президенте не в статике, а в процессе исполнения своих функций, что, несомненно, расширяет наше знание, а следовательно, и понимание человека во власти.

На этом, собственно, можно было бы и поставить комплиментарную точку: книга определенно состоялась, она интересна и полезна, злободневность и актуальность ее – очевидны. Но...

Кем-то из философов было однажды сказано: мы не можем обойтись без ответов, а когда можем, нам почему-то стараются внушить или навязать их обязательность.

Конечно, о навязывании здесь речь не идет, а вот о внушении, причем путем открытым и честным, я бы мог подумать, если бы относился к своему визави как оппоненту в споре. Но я не спорю, а размышляю на полях его книги, пользуясь открывшейся возможностью еще раз сверить с ним свои часы.

Прежде всего о заданном В.Третьяковым вопросе: «Нужен ли нам Путин после 2008 года?»

Нужность – категория обязательности: да или нет. И в любом случае вынуждает выразить личностное отношение не к должности, а к личности в первую очередь.

У меня, например, нет личностного отношения к президенту В.Путину – в отличие от Третьякова мы с ним не встречались. Но я твердо знаю, что стране нужен президент. Что в Конституции прописан срок его пребывания у власти. И что я должен участвовать в выборах – это мой гражданский долг. Там, в специальной кабинке, за шторкой, наедине со своей совестью, я этот выбор сделаю. Вот и все.

Виталий Третьяков выбор свой сделал досрочно и виртуозно препарировывает ситуацию, привлекая на свою сторону логикой и ярким образным словом.

Я, например, читал его книгу с большим интересом. Только думал при этом, что поставленный им вопрос рождает весьма

опасную иллюзию, что при наличии веских доводов можно не только обойти Конституцию, но и перекроить ее под конкретные нужды.

Нужность здесь выступает в роли целесообразности, которая чаще всего спокойно перешагивает через любые нравственные пороги.

Это хорошо понимает и сам Третьяков, что, впрочем, и неудивительно – он трезво и рационально мыслящий человек. И еще два года назад в статье «Либеральной консерватор», также вошедшей в сборник, писал, что если Путин, как и положено по Конституции, уйдет с поста президента в 2008 г., то «... закрепив едва наметившуюся, абсолютно новую, только с конца XX века народившуюся у нас тенденцию, одним лишь этим сделает колоссально много для России – сразу укрепит нашу демократию десятикратно».

Лучше, пожалуй, и не скажешь. Это действительно чрезвычайно важно не только для страны, но и для самого президента и его будущего.

Все имеет конец, и президентский срок – тоже. Даже если уходить не хочется и нужность твоя доказана с математической точностью.

А окончательный ответ может дать только российский избиратель, как ясно и твердо заявил на большой пресс-конференции в конце января сам президент В.Путин.

Итак, многие суждения и оценки автора я разделяю вполне, а его убежденности в том, что В.Путин может и должен действовать только так и никак не иначе, искренне завидую, потому что вряд ли смог бы столь же основательно вооружить президента, если бы даже тот сам попросил у меня совета.

А дел автором предлагается немало – от определения долгосрочной стратегии национального развития до обнародования конкретных политических и экономических целей, которые президент ставит перед собой и перед своим правительством на третий срок и пр., общим числом в 9 пунктов. И далее – весьма примечательный пассаж о плане «реверсивной демократизации», рассматриваемой В.Третьяковым как «процесс постепенного «размораживания» политических процессов и инициатив, отчасти свернутых в годы правления Владимира Путина».

Весьма важно здесь обратить внимание на существенную авторскую ремарку:

«В последнем послании Федеральному собранию президент, на мой взгляд, близко, местами, подошел к тому, чтобы предложить обществу нечто подобное тому, что я имею в виду, но все-таки ключевых и главных слов не сказал. Поэтому я и изложу то, как я вижу план реверсионной демократизации, более подробно».

И все, что более подробно, – без всякого преувеличения, блестящая и по форме, и по содержанию новелла, как любят говорить юристы, о построении действительно демократического общества и убедительнейшего объяснения причин, почему и как именно оно может быть в сегодняшних условиях временно замораживаться и успешно размораживаться...

Точно просчитаны практические шаги к этому – 23(!) и срок – 15 лет.

Всего-то? Почти столько же, сколько нам потребовалось для того, чтобы разрушить мощнейшую державу и успеть промотать многие ее достояния...

Снимаю шляпу, Виталий Тоевич, лично меня вы убедили совершенно, не могу возразить ни по одному пункту! Остается лишь убедить в этом самого президента, который, очевидно, и не догадывался о том, как на самом деле он, президент, близко, местами, подходил к тому, что предусмотрел для него В.Третьяков.

Ну а если без шуток, то в этой части работы и содержится вся суммарная энергетика накопленных им знаний и представлений о наших политических реалиях, в том числе и о сильных и слабых сторонах президентской власти.

Ну а что же на другой стороне весов?

Счет, предъявляемый им президенту, достаточно весом: не сумел решить проблему российской бюрократии, отказался от ограничения сроков пребывания глав субъектов Федерации у власти, не сформулировал ясную и однозначную стратегию национального развития России и т.д.

В этой части весьма любопытна мысль о том, что «в отдельных его действиях и словах контуры такой стратегии отчетливо просматриваются». Правда, замечает тут же В.Третьяков, «другие его слова и действия ставят под сомнение осознанность или неслучайность первых».

И такого рода замечание дорогого стоит – не все сказано!

Оценка деяний не столько в перечислении самих провалов и ошибок, сколько в используемых автором звучных определениях, придающих каждому из сущностей едва ли не драматическую окраску. Яркость и четкость формулировок, которые всегда были как бы фирменным знаком аналитики В.Третьякова, запоминаются и побуждают то и дело возвращаться к ранее сказанному им, и в этом случае причины и следствие предстают перед нами в одном пакете. И тогда обнаруживаются определенные нестыковки и натяжки, меняющие порой смысл предыдущих суждений.

Вот, например, читаем: «В России достаточно демократии или анархизма для того, чтобы множество фактически неподконтрольных президенту людей и структур в конечном итоге превращаются в общефедеральные провалы» – и вспоминаем экспромт В.Третьякова о том, что «власть президента заканчивается там, где кончается его физическое тело».

Согласитесь – весьма жесткая констатация факта. Если она не говорит о слабом, мягко говоря, управлении или не очень-то эффективной вертикале власти, то я, как говорят джентльмены, должен съесть свою шляпу.

Однако здесь я, очевидно, ошибаюсь, потому что, по мнению В.Третьякова, «президентство Путина успешно и по сути, и в историческом контексте..., и его лидерство по-прежнему развивается по восходящей... При Путине стали жить лучше... Для него как политика высшей ценностью и категорическим императивом является сохранение России, а уж приоритетом второго ранга – демократия».

Третьяков в этом солидаризуется с Путиным, также считая, что «сначала и прежде всего мы (он в первую голову) обязаны сохранить страну и нацию (желательно параллельно с тем), а затем сохранить в России демократию».

Вот это сочетание – а затем сохранить – звучит весьма грозно, нечто напоминающее знаменитые строки из «Интернационала».

Мы уже знаем, как нескоро и не очень охотно это затем получается...

Автор рассматривает проблему демократии с различных позиций, в том числе и с позиции возможности сохранения страны и нации при сохранении демократии. И отвечает, в общем, уклон-

чиво, поскольку «фактически эту демократию у нас нужно строить заново и растить снизу», то есть, см. выше, песенную строку.

Наша демократия, диагностирует автор, отвратительна, да по большому счету и не демократия вовсе. И виновата в том элита, которая все 1990-е годы боролась за власть и собственность, соорудив для своих собственных нужд и соответствующую конструкцию политического устройства. Которую, добавим мы, еще более упростили в последующие 2000-е годы, максимально сузив политическое поле и снизив политический горизонт для неэлитной части электората.

Я могу лишь присоединиться к авторской констатации, затаив при этом каверзные вопросы к диагносту в отношении центральной власти, избравшей столь сложный путь к подлинной демократии не способом совершенствования отдельных ее звеньев, наращивая постепенно структуру, а методом заваливания себе за спину открытой массы при строительстве туннеля.

Восьми лет на эту работу, конечно, маловато, но хватит ли еще дополнительных четырех, если, помимо неизбежного разгребания завалов, придется выполнять те самые условия в количестве 9+23, которые разработал в качестве обязательных для президента В.Третьяков?

История хранит на своих страницах великое множество вариантов разрушения и воссоздания из пепла и развалин больших и малых стран. Причин гибели, как и способов быстрого возвышения, тоже немало. И в политическом устройстве происходило немало различных метаморфоз, когда лучшие, казалось бы, принципы выворачивались наизнанку и оборачивались к людям страшными масками.

Есть над чем задуматься и нам. Начав перестраиваться на демократический лад двадцать лет назад, мы собственными руками примяли зачатки демократии, поскольку из-за нее, оказывается, можно было потерять и страну, и нацию.

И в самом деле, кому нужна такая демократия-ширма, если, прикрываясь ею, «практически никто из демократически избранных губернаторов, президентов и глав администраций не правил на своих территориях демократически, пишет автор. Во многих субъектах федерации они установили прямо деспотические или авторитарные режимы, на фоне которых центральная

власть могла бы показаться идеалом демократии». (Странновато все-таки звучит эта фраза – будто власть у нас и вправду отвечает лишь за то, что делается за кремлевскими стенами. Но оставим эту реплику в скобках.)

В целом анализ ситуации, блистательно и жестко-критично проведенный В.Третьяковым, настраивает на печальные мысли. Тем более что большинство из региональных «деспотов» и «авторитаристов» как сидели в своих креслах по два-три срока, так и остались сидеть. Или кого-то все-таки уже привлекли к ответственности за оскорбление конституционных устоев, только нам о том не сказали?

«Трагедия любой власти в ее постоянстве, – пишет Олег Попцов в своей «Хронике царя Бориса». – Это не парадокс, это истина. Длительность власти рождает иную философию, иное восприятие жизни. Все нами осознанное существование, наш режим, именуемый социалистическим, по сути, оставался монархического характера. И то, что происходит сейчас, есть сопротивление сложившимся властным принципам, сопротивление власти, привыкшей к бессменному долголетию»²⁰.

Написано в 1991 г., а звучит актуально и сегодня, что лишний раз подтверждает чрезвычайную важность конституционного принципа сменяемости власти, оберегающего ее саму от дискредитации. И, честно говоря, после стольких полученных тягостных уроков истории весьма лукавой выглядит даже сама попытка найти какой-либо свежий аргумент в пользу нарушения этого постулата.

Отрицательных примеров – не счесть и в прошлом, и в настоящем, но меня сейчас интересует иное. Чтобы не разворачивать эту тему, напомним о том, как уходил из власти один из «пятерки великих», которым было суждено жить в одно время в минувшем веке и оставившим в истории ярчайшие следы своих жизней и деяний. И лучше примера, чем судьба Черчилля, пожалуй, здесь и не найдешь – цитирую по книге Анатолия Уткина²¹.

²⁰ Олег Попцов «Хроника времен царя Бориса». Edition Q Vertage-Gmbtf. «Совершенно секретно», 1995 г., стр.159-160.

²¹ Анатолий Уткин. «Черчилль». Изд. Магистр, М., 1997, стр. – последовательно: 362, 530, 533.

«По словам его секретарши, он хотел в 1942 г., во вторую годовщину пребывания на посту главы правительства, сказать по радио, но зачеркнул в последний момент следующее: «Хотя я воюю с диктаторами, я рад сказать, что сам диктатором не являюсь. Я лишь слуга. В любой момент, действуя через палату общин, вы можете сместить меня с должности и вернуть в частную жизнь». (Не правда ли, весьма близко по смыслу наверняка запомнившийся российской многомиллионной аудитории ответ президента Путина о месте своей работы – «сфера услуг»?)

Благодарные граждане Великобритании вспомнят об этом своем праве через три года, спустя два месяца после триумфальных встреч премьера с населением трех десятков городов в мае 1945-го, когда однажды на его слова: «Это ваша победа!» – ликующая толпа ответила «Нет, Ваша!»

Итоги выборов, как известно, были сокрушительными.

«Вся его жизнь, – пишет биограф, – была как бы подготовкой к той роли, которую он сыграл в течение Второй мировой войны, и вот теперь, на гребне победы, он был выставлен с политической сцены. Причем произошло это наиболее сенсационным образом, на виду у всего мира – в период, когда он возглавлял английскую делегацию на Потсдамской конференции».

Вот его слова, несомненно записанные историей на одной из своих скрижалей: «Они имеют право голосовать так, как им хочется. Это демократия. И мы воевали именно за это».

Весьма любопытно, что за месяц до случившегося, обедая со Сталиным, он задает ему вопрос о том, кто бы мог наследовать Сталину? Этот вопрос решен на 30 лет вперед», – отвечает Сталин.

Черчилль не случайно использует слово «наследовать», видя в лице Сталина монарха, и Сталин, понимая это, отвечает ему соответствующим образом.

Один великий подковырнул, другой великий – небрежно отмахнулся.

Только и всего.

Но это прямое столкновение двух разнонаправленных принципов, и оба лидера стояли друг друга.

Возникал ли у кого-нибудь вопрос: а нужен ли Уинстон Черчилль после 1945 г.?

Не возникал – нужность была очевидна всем и каждому жителю Англии от мала до велика.

О Сталине не могло бы возникнуть и мысли о том – он был бог.

Черчилля скинули в частную жизнь, и от огорчения он засел за «Историю мировой войны», получив за нее Нобелевскую премию, правда уже сидя снова в премьерском кресле.

Сталин, рассчитывавший, очевидно, прожить еще не менее 30 лет, умер в одиночестве на полу своей дачи через восемь лет после окончания победоносной войны.

Какое отношение это имеет к нашему с В.Третьяковым разговору? Никакого.

Разве только напоминанием, что право людей выбирать, как хочется, вполне обходится без ответа на вопрос о нужности и ненужности.

Теперь о том, что представляется мне чрезвычайно важным как исходная всех дальнейших размышлений автора о В.Путине как личности.

И хотя я считаю, что обнаруженное автором у президента «ясной и стройной политической философии», конечно, лучше, чем «идейно-политическая эклектика», но вовсе не обязательно, хотя, возможно, я слишком уж буквально понял предупреждение не худшего из канцлеров Германии Бисмарка о том, что тридцать–сорок профессоров, допущенных к власти, способны разрушить государство.

Меня вполне устраивает президент с любым образованием, но способный решать эффективнейшим образом сложнейшие государственные проблемы. В конце концов, в нашей истории заметный след оставил и полуграмотный, но от природы сообразительный Хрущев, который, по свидетельству Шепилова, размашисто писал на официальных документах: «Азнакомица!». А ведь при нем, между прочим, страна вошла в космическую эру.

Но вот что меня здесь настораживает – не очень уверенная, как бы весьма задумчивая фраза автора о том, что та самая эклектика, «наблюдавшаяся до сих пор в словах и делах Путина», вроде бы наконец сменилась пусть пока абрисом, контуром, наброском такой политической философии, появившейся в последнем президентском послании Федеральному собранию. «Имя этого наброска философии – суверенная демократия в России, – подчеркивает В.Третьяков. – Ключевые понятия – не Православие, Державничество, Народность, как предсказывали многие из либеральных критиков Путина, а Свобода, Суверенность, Справедливость. Неплохо, хотя многое в этой формуле еще требует и прояснения, и разработки, и конкретизации».

Два обстоятельства меня определенно здесь смущают. Во-первых, еще одно допущение как догадка – вроде бы – и очень уж приблизительные слова – *абрис, контур, набросок* – для столь обширного и категорического вывода, который делает В.Третьяков: «*Это высшая политическая заявка на право продолжить свое лидерство в России*».

То есть, по сути, главный аргумент нужности В.Путина после 2008 г.

Но в разделе «Идеальное государство» автор уже самым убедительным образом доказал, что политический проект В.Путина о создании идеального государства, которое своими руками (гм?) создает гражданско-политическую систему, которая «полностью отрицает традиционное российское государство», похож, по его словам, на утопию. И он же столь же точно указал на очевидную «лингвистическую путаницу» в употреблении президентом понятия «государство», назвав ее российской политической традицией абсолютизации роли государства в обществе.

Так, спрашивается, зачем нам нужна еще одна утопия? Мы только что слезли с сияющих вершин будущего...

А относительно второго утверждения должны пояснить, что это не президент наш такой путаник, а Марксу, по свидетельству лауреата Нобелевской премии Ф.А.Хайека, обязаны мы сознательной подменой: это у него, у Маркса, термин «общество» стал обозначать государство (или аппарат принуждения, о котором он, собственно, и говорит). Это, по мнению ученого, «всего лишь ловкий словесный трюк, призванный внушить нам, что «можно не заставлять граждан, а побуждать их более благожелательным и мягким способом».

Но какой-то особый смысл во включении В.Третьяковым в ряд философских категорий политико-правового термина суверенитет все-таки, очевидно, есть. Как, впрочем, и в вводимом им в философский обиход понятия «*суверенная демократия*», вовсе мне непонятного.

И потому, прежде всего, что, утверждая первенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешнеполитической сфере, суверенность никоим образом, как мне представляется, ни усиливает, ни ослабляет саму демократию, которая, собственно, и есть «форма государства, основанная на призна-

нии народа источником власти, его права участвовать в решении всех государственных дел в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод»²².

Но В.Третьяков утверждает: *«Суверенная (и справедливая)(?) демократия – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в послании, но фактически все его пронизывающая»(?)*

И значит, кто-то из нас двоих чего-то не понял или понял не так, как следует, – не прямо ведь выведено из его послания, а обнаружена В.Третьяковым ее «пронизывающая» все, очевидно, суть.

Какая связь, например, между суверенностью и справедливостью двух довольно далеких друг от друга понятий? И что означает их в данном случае если и не синонимичность, то, по крайней мере, существенная взаимная дополняемость?

Не затрагивай В.Третьяков здесь мировоззренческих аспектов личности президента, можно было бы и не заметить некоторой, используя его же фразу, «лингвистической путаницы» в рассуждениях автора книги. Но я уже говорил о том, что одно из характерных свойств аналитики В.Третьякова – яркость и четкость формулировок – побуждает возвращаться к ранее сказанному им, мысленно сводя тем самым причины и следствия в один узел.

Таким образом я и вернулся к разделу книги, отложенному ранее в связи с тем, что не намеревался спорить о чем-либо с автором книги. Но, следуя любимому принципу В.Третьякова – судить обо всем «без гнева и пристрастия», должен все же обратить его внимание на одно, на мой взгляд, крайне опрометчивое суждение принципиального характера.

Меня, признаюсь, очень озадачили суждения автора об отношении Путина к народу как к «промотавшему свое состояние отцу»(?). И далее – «промотавший свое состояние отец, несмотря на прошлую мощь и грозность, становится похож на великовозрастного ребенка, состарившегося недоросля»(?!). Не говорю уже о странном пассаже, словно взятом напрокат у Светония из его «12 цезарей»: «Если малая часть народа имеет и много хлеба,

²² Цит. по «Советскому энциклопедическому словарю», М., 1981 г., стр. 378.

и новомодные зрелища, если какая-то часть народа (столичная интеллигенция) имеет мало хлеба, но много заменяющей ей все остальное зрелище, то Путин – из этого самого почтения – хочет дать большей части народа, не имеющей или почти не имеющей хлеба, хотя бы зрелищ. То зрелище, которое эта часть народа жаждет».

Совсем недобро сказано и, главное, несправедливо во всех смыслах как по отношению к народу, так и к президенту. И уж во всяком случае, на мой взгляд, такой ошарашивающий вывод ну никак, ни с какой стороны не выводится из президентской ироничной реплики «возможно, мы с народом ошибаемся», как это получилось у автора.

Остается только сейчас же и навсегда забыть начальный тезис раздела о том, что «Путин не считает народ главным и единственным делателем истории. Более того, считает народ скорее пассивным (в отличие от элит), чем активным субъектом исторического процесса, иначе он не дал бы уничтожить Советский Союз». Иначе предложенная В.Третьяковым формула раскрывается полностью, и становится понятным, что речь идет о том, что такой народ действительно может погубить и нарождающуюся демократию, из чего следует...

А вот что из этого следует, думаю, не устроит никого из нас троих – ни президента, ни автора книги, ни меня читателя, совсем не желающего жить в той субстанции, которая померещилась вдруг из-за, надеюсь, не очень точной трактовки суждений главы государства.

Прав сказавший, что когда слова утрачивают свои значения, народ утрачивает свободу.

Я процитировал почти весь подраздел статьи, приуроченной к 50-летию Путина и названной не как-нибудь, а «Путин и народ», именно потому, что автора несомненно мастера широких политических обобщений, на мой взгляд, все-таки нет-нет да и подводит присущая ему же образность мышления, которая, как известно, предпочитает точному и строгому графическому рисунку размашистый и яркий мазок кисти.

...

Виталий Третьяков был одним из первых, давших развернутый ответ на вопрос: «Who is Mr.Putin?». Его статья «Вся правда о Путине» появилась в феврале 2000 г. и привлекла внимание уже

самим своим названием. Мне тогда она показалась весьма вызывающе-категоричной: кто о ком может знать всю правду?

Третьяков не знал всего тоже, но с поразительной точностью назвал (угадал, вычислил, определил? – вставьте сюда любой глагол, который сочтете правильной) главное в Путине, «вбирающее в себя все остальное» – он государственный или державник».

Сейчас, перечитывая эту его статью пятилетней давности в книге, я, тоже немало поразмышлявший над этими проблемами, думаю, что Виталий Третьяков, во многом оказался прав, и это, несомненно, стало побудительным мотивом для издания части опубликованных в «Независимой» и «Российской газете» статей.

Осенью 2000 г. была опубликована и моя беседа с журналистом молодого издания «Элита России»²³. Материал назывался «Джокер в колоде политических карт», а поводом послужил выход последней книги моего трехтомника «От Ельцина к...».

Я сказал тогда, что мне представляется чрезвычайно важной для оценки крупной политической фигуры мысль, которую вложил в уста своего героя романа «Президент» Сименон: о личных интересах и честолюбии политического деятеля, полностью совпадающих с интересами и стремлениями своей Родины.

Какой здесь критерий основной? Думаю, морально-нравственный в первую очередь.

Вот, казалось бы, простой вопрос: а для чего человеку нужна верховная власть? Великие, несомненно, видели смысл своей деятельности в том, чтобы оставить свой след в истории, и нам остается лишь гадать, использовали они ее для достижения собственных целей или же история избрала их в качестве своего рычага или, если угодно, некоего инструмента глобальных изменений. Масштабность их деяний, как правило, соответствовала масштабностям их личностей. А не у великих? Думаю, за ответом далеко ходить не надо.

Но мы имеем то, что имеем. Однако наше отношение к политике и политикам, особенно самых верхних ее эшелонов, определяется все-таки не их благими намерениями, а результатами, осязаемыми нашими конкретными, не очень и долгими жизнями.

В конечном счете честная политика – это выверенное соотношение целей и средств их достижения. Хотел бы еще раз на

²³ Элита России. Журнал людей успеха. Сентябрь 2000 г. «Джокер в колоде политических карт». О политике и политиках России. С. 12.

помнить блистательную мысль Л.Толстого о том, что средства важнее цели, поскольку они делают историю. А значит, эффективность политики президента и его команды зависела и будет непременно зависеть от выбора средств.

И последнее. Несколько странной мне показалась мысль «о необходимости возрождения нравственности в российском обществе, беря за образцы ее уровень и в царской России, и в Советском Союзе».

В.Третьяков посчитал, что этой мыслью «еще раз абсолютно правильно фиксируется идея непрерывности российской истории». Возможно, и поддерживается, не спорю.

Но что значит – уровень? Кто, когда и где его измерял, и, вообще, возможно ли подобное измерение, скажем, чести, преданности, самопожертвования, доброты и пр. по списку нравственных категорий, если таковой где-то обнаружится. Не считая уже практическую несовместимость нравственных ценностей двух антагонистически противоположных политических режимов и соответственно разных образов жизни.

Здесь, к сожалению, мы снова начинаем говорить с Виталием на разных языках, хотя вполне вероятно, что прав не я, трактующий Третьякова, а он, трактующий президента.

Но, очевидно, что-то у нас здесь явно не сходится, а возможность уточнить у президента у меня вряд ли появится в ближайшее время...

«Вестник аналитики», №1–2006 г.

Раздел второй

Через призму событий

«Мир меняется до того быстро, что никому не удаётся оставаться все время не правым, как бы он не старался».

Э.Маккензи

СТРАНИЧКИ РЕДАКТОРА «ВЕСТНИКА АНАЛИТИКИ»

Год 2005

Март

О русском классике как главном эксперте по современной России

Кондолиза Райс, будучи еще советником президента США, рекомендовала ему перед поездкой в Россию прочитать роман Ф.Достоевского «Братья Карамазовы». Неизвестно, удалось ли это сделать Дж. Бушу-младшему, но сам факт интересен – русский классик в качестве главного эксперта по современной России.

А ведь она дала чрезвычайно точный совет.

Вот, например, что писал Ф.Достоевский в своем обширном труде «Дневник писателя» о пореформенной России: здесь совместились «жизнь разлагающаяся» и «жизнь, вновь складывающаяся». С вытеснением традиционных духовно-нравственных ценностей начал стремительно разрастаться «самозабвенный практицизм людей с их полусознанным внутренним девизом «после меня хоть потоп». «Материализм, слепая плотоядная жажда материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот все, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу».

Говоря об идейном крахе «старых» и теоретической узости «новых людей», он подчеркивает, что образовавшийся хаос усиливается скороспелыми решениями, которые лишь загоняют социальные болезни вглубь. Однако «не лучше и прямолинейные решения, страдающие воинствующей односторонностью». «Среди «старых» и консерваторов, «молодых» и либе-

ралов, – замечает он, – народились мрачные тупицы, лбы нахмурились и заострились – и все прямо и прямо, все в прямой линии и в одну точку».

Почти мистическое ощущение провидческого дара писателя, стремившегося во множестве событий и фактов выявить их «внутреннее единство, социально-психологические основания и философско-исторический смысл».

Лучше, пожалуй, и не скажешь о ситуации, в которой оказалась наша страна к началу 2005 г. Здесь все – и о жизни, и о реформах, и о ценностях, и о политиках, будто и не прошло без малого 130 лет.

Таковы российские традиции, сказал бы историк. И таковы тенденции, дополнил бы его политолог, а социолог, несомненно, подкрепил бы эти суждения данными опроса населения. Нашлось бы что сказать и экономисту, и философу, и политику.

«Вестник аналитики», собственно, и занимается этой работой. Публикуемые в настоящем номере материалы российских и зарубежных аналитиков, надеюсь, в достаточной мере отражают эту нашу специфику.

«Вестник аналитики», №1– 2005 г.

Июнь

«Остановиться, оглянуться...»

Это название молодежной повести Леонида Жуховицкого, весьма популярной в 1970-е годы. Фраза стала крылатой – ее охотно использовали и журналисты, и политики, и психологи, да и в обывденной речи она хорошо прижилась из-за своей многозначности и эмоциональной окрашенности. Воспользовался этой возможностью и я, мысленно возвращаясь к тому, что привлекло внимание в дни, предшествующие главному событию года – 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, на самом празднике и в последующее за ним время.

Весной оживает не только природа. Новый прилив энергии и сил, видимо, почувствовали и наши высокопоставленные чиновники, почти одновременно публично поделившиеся откровениями о состоянии дел в своих сферах деятельности. Сыгра-

ли в том роль гормоны или после зимней спячки широко раскрылись глаза на родное и привычное, но тональность их высказываний держалась на одной ноте – «не так, не то, не туда».

«В стране нет кризиса идей, в стране есть управленческий кризис», – заявил министр экономики Г.Греф. Первый вице-премьер А.Жуков предложил впредь не называть реформы реформами, а именовать их «изменениями к лучшему» – «люди устали от реформ». Помощник президента по экономическим вопросам А.Илларионов обнаружил в экономической политике современной России «деформацию, деградацию, гниение и разложение». «Общество боится армии», – признался не без горечи министр обороны С.Иванов. Руководитель администрации президента Д.Медведев предупредил о том, что «если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство».

О том же говорили и съехавшиеся в Лондон на экономический форум весьма известные и в политике, и в экономике российские персоны. Появившийся после долгого отсутствия в публичной политике бывший премьер М.Касьянов начал свою речь на форуме с замечательного признания: «Пора говорить правду». Человека, в лице которого видели будущего политического соперника действующего президента на выборах 2008 года, ждали, на его слова бурно реагировали, понимая, что сейчас будет сказано нечто такое, что никогда прежде не звучало ни с трибун, ни со страниц газет, ни с экранов телевизоров.

Увы, правдой оказалась констатация фактов, ставших давно общим местом в самой непритязательной публицистике. Заметим, кстати, что многое, прозвучавшее в апрельском послании В.Путина Федеральному Собранию, было и покруче, и пожестче. Но обе эти правды носили более декларативный характер, чем конструктивный. Оба обошли самые острые углы, как и положено политикам, понимающим, что правда – это не политика (а почему так, а не иначе, см. в этом же номере статью Оксаны Гаман-Голутвиной «О морально-нравственных основаниях политики»).

«Заговори, чтобы я увидел тебя!» – большой все-таки смысл в этой древней сократовской фразе...

Выступления чиновников вызвали широкий общественный резонанс и многочисленные комментарии специалистов. Конечно, такую концентрацию критической мысли можно объяснить разными причинами, однако большинство экспертов и аналитиков были склонны видеть в этом чуть запоздалую реакцию правительственных лиц на известные события как внутри страны, так и вне ее.

Очевидно, что и «цветные» революции, смахнувшие многолетние режимы с политической сцены трех соседних государств, и зреющие конфликты в кавказских республиках, и выступления населения в различных регионах страны против местных властей, и неудачные старты важных социальных реформ и пр. – все это, вероятно, оказалось холодным душем для слегка разгоряченных голов власть предержащих. Эти события напомнили о том, что народ – вовсе не абстрактное понятие, а вполне реальная сила, способная самоорганизовываться и проявлять свою волю и интересы не только стихийным всесокрушающим бунтом, но и массированным и длительным давлением на власть.

И Д.Медведев, безусловно, прав, говоря о том, что существует риск изменения вектора развития страны в связи с наличием серьезных проблем, таких, как терроризм, бедность, преступность, способных раскачать общество и привести к серии общественных катаклизмов. Основным же риском, по его мнению, является дестабилизация общественной жизни вследствие актов террора, грубых экономических ошибок и масштабной драки элит, «ведущей к переделу собственности, возникновению региональных барьеров, сепаратизации общественной и хозяйственных сфер».

На «круглом столе», проведенном весной нашим институтом совместно с «Литературной газетой», говорилось о том, что во всех трех смутах России главным источником кризиса была правящая элита: именно она каждый раз оказывалась причиной исторических катаклизмов, теряя при этом все, что имела²⁴.

В публикуемой в этом номере «Вестника аналитики» главе из новой книги Роя Медведева отмечается, что сегодня смена политической элиты в России происходит хаотично и во мно-

²⁴ «Литературная газета». 24 февр. – 1 марта 2005 г.

гих отношениях стихийно – без каких-либо ясных правил и традиций. И одна из важнейших задач президента в этих условиях – «поиск и выдвижение эффективных, честных и сильных лидеров и управленцев, способных создать новый режим, новую систему управления, новую Россию, которая могла бы идти вперед и под руководством В.Путина, но, если это будет необходимо, и без В.Путина».

Похоже, уже многие политики ощутили витающее в атмосфере амбре будущих открытых и подковерных схваток за высший государственный пост в стране. И этот фактор также начинает играть все более значимую роль в раскладе политических сил.

Есть интересное исследование Института экономических стратегий о структурной повторяемости стратегических проблем России и реагирования на них власти и общества²⁵.

Ученые выделили 50 «государствообразующих событий российской истории» и на основе их анализа разработали прогноз будущего, согласно которому до 2020 года, возможно, будут «переиграны» многие важнейшие события последних десятилетий прошлого века (по типу: вчера – Афганистан, сегодня – Ирак), окажутся востребованными отвергнутые ранее государственные институты, вроде централизованной власти, и наоборот, отринутыми некоторые, взятые из чужого опыта, экономические модели. Ученые полагают, что к этому времени разрешатся многие проблемы, а жизнь в стране стабилизируется.

Оптимистичный прогноз как бы вытекает из выявленной учеными закономерности повторяемости циклов развития. Спокойствие будет достигнуто в первую очередь отказом от всего случайного и неудавшегося, что и раскачивало «лодку». Может, так, а может и нет. Но в любом случае поколение, жизнь которого совпала с началом перестройки и последующими общественными катаклизмами, снова, как и предыдущие, может оказаться жертвой очередного социального эксперимента.

²⁵ Россия в пространстве и времени (История будущего). М., Ин-т экон. стратегий, 2004.

Зачем же было стулья ломать, спрашивается?

А, возможно, все дело в том, что, как замечает С.Чернышов, «кризис переживает не столько, собственно, Россия, сколько наши представления о нем»? Разрушительный взгляд общества на самое себя, пишет он, «взламывает» естественную органику жизни разными путями – через неадекватные действия властей, мифы и психозы, нагнетаемые средствами массовой информации, в том числе и через разнообразные личностные кризисы²⁶.

Так что, может быть, стоит действительно «остановиться, оглянуться», чтобы в конце концов понять, на каком свете мы находимся?

...И все-таки досадно, что мы, очевидно, не сумели извлечь нужные уроки из собственной истории. Ни двадцать лет назад, начав перестройку, ни позднее, когда окончательно расстались со своим социалистическим прошлым, ни в последние годы, с которыми были связаны наши самые большие ожидания и надежды.

На празднике Победы это чувствовалось как-то особенно остро.

И дело не только в оживших воспоминаниях о минувшем, радостном и трагичном. Понималось – безвозвратно уходит нечто очень большое и важное, что могло бы быть, но не состоялось. Были шансы, но упустили. Были возможности, но не использовали.

Или действительно засиделись в ожидании светлого будущего, живя как бы вынужденно и временно в неслаженном, неустроенном и потому неуютном настоящем?

Вот ведь Б.Ельцин, уже отойдя от дел, говорил не без гордости о том, что ставил перед собой в качестве главной задачу «всю жизнь повернуть круто и наоборот. Поэтому я подобрал команду, которая ничего из прошлого не ценила, должна была только строить будущее».

Ну и что? Перевернули. Поставили. И что получили: вместо плохого социализма – плохой капитализм с его всепоглощающим культом денег и безудержным циничным прагматизмом?

²⁶ Чернышов С. Век трансформации власти. М., 1994.

Не отсюда ли и ценностная дезориентация людей, которая столь губительно сказалась на всей нашей жизни? И где здесь, в этом расширяющемся каждый год вакууме равнодушия и цинизма, место для нашей общей исторической памяти, этой скрепы, многие десятилетия объединявшей поколения и народы России?

Иначе как могла появиться на свет официальная бумага – ответ на завалившееся в бюрократических недрах давнее предложение депутатов Госдумы о финансировании поиска неизвестных захоронений и непогребенных останков погибших в годы Великой Отечественной войны: выделение бюджетных средств на эти цели «признано нецелесообразным (?). Это приведет к нарушению существующей системы (?), неоправданному (?) распылению средств»²⁷.

Слова-то какие подобраны – наотмашь!

И подписал это непотребство – иначе не скажешь – зам. руководителя аппарата Совета безопасности РФ и он же и координатор(!) рабочей группы по вопросам подготовки и проведения военно-мемориальных мероприятий российского комитета «Победа» В.Гладких...²⁸

«Это для них – славных наших ветеранов – сегодняшний праздник!» – неустанно напоминали ведущие телепередач. И тем сильнее становилось ощущение исчерпанности, завершения темы памяти о великом деянии советского народа – едва ли не единственного, что было непоколебимо свято и неприкасаемо в нашей истории.

Позволю себе небольшое отступление.

По какой-то странной ассоциации вспоминается этюд американского публициста Г.Честертона о запретном плоде и потерянном рае: «Самая большая свобода ограничивалась в раю самым маленьким запретом; без запрета свободой и не насладишься, – писал он. – Лучшее в луге – изгородь, окаймляющая его. Уберите ее, и это уже будет пустырь, каким и стал рай, когда утратил свое единственное ограничение».

²⁷ Новая газета. 12–15 мая 2005 г.

²⁸ Так – в письме. В настоящее время В.Гладких, по нашим данным, в Совете Безопасности не работает.

Хотя и по другому поводу сказано, а, думаю, и в данном случае уместно.

Жизнь сама по себе есть ограничение от хаоса. И память человека ограничена собственной его жизнью. И страна – конкретными жизнями и памятью живущих в ней людей.

Мы видели на экранах телевизоров этих замечательных стариков, на краткий миг оказавшихся на Красной площади в лучах всеобщего внимания и славы.

Может быть, впервые за долгие годы сумеречного, в общем-то, существования они почувствовали себя если и не счастливыми, то, по крайней мере, нужными.

Много это или мало?

Люди еще не научились взвешивать и измерять радость. Но ее мимолетностью чаще всего и поднималась человеческая жизнь над серой обыденностью, наполняясь особым смыслом и значением.

О чем думали они в эти мгновения, и о чем – многомиллионная аудитория страны, глядя на них, сидящих на удобных голубеньких скамьях со спинками в новеньких грузовиках так же напряженно и устало, как привыкли сидеть в очередях в разного рода жилсобесовских и пенсионных конторах?

Очевидно, был среди зрителей или участников праздника и бывший порученец маршала И. Конева Степан Кашурко, давший ему сорок лет назад клятвенное обещание «подобрать и предать земле всех до единого защитников Родины и достойно увековечить память о них». А через несколько дней после торжеств «Новая газета» опубликует его письмо с просьбой «достучаться до главы нашего государства – Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами России Владимира Владимировича Путина, чтобы сообщить ему истинную правду о позорнейшем явлении, которому нет аналогов в мире, – о массовом непогребении солдат-победителей, шесть десятилетий истлевающих под открытым небом на своей родной земле».

Только чего же тут стучаться, если ответ он уже получил от самого координатора «военно-мемориальных мероприятий», в числе которых, очевидно, и был этот впечатляющий показательный прогон грузовиков с ветеранами по Красной площади, целесообразный и не нарушающий «существующую

систему» экономии на могилах и памяти более полумиллиона убитых и навсегда забытых.

Впервые, между прочим, откровенно признано на официальном уровне, что государство не собиралось и не собирается впредь этим заниматься, – недосуг, да денег и на живых не хватает.

Это у Бога мертвых нет, а у нас они – лишь головная боль да ненужная статья расходов.

Сняли, в общем, ограничение с запретной темы.

Закончен бал, погасли свечи?

Ничего из прошлого не ценить и строить только будущее, не преминув при этом в настоящем организовать для себя и своего потомства комфортабельное убежище от всех превратностей жизни?

Совсем не дураки, однако...

Что может быть страшнее и опаснее пустыря в человеческих душах?

...К празднованию 60-летия Победы власти готовились основательно. Ожидался приезд зарубежных лидеров, что само по себе было событием значительным. Кроме того, в эти дни должны были состояться сразу два саммита – СНГ и ЕС, и оба имели важное значение для России.

Политическая составляющая будущих торжеств с участием президентов и глав правительств многих стран мира обещала быть весьма разнообразной как по содержанию, так и по формам своих проявлений.

Но уже тогда было ясно, что великий праздник – вовсе не помеха подспудным политическим интригам, напротив, кое-кто готовился использовать его в своих целях, подчеркивая непримиримость позиций по самым различным поводам – пакту Молотова – Риббентропа, российским военным базам в Грузии, спорным Курильским островам и пр.

Весьма симптоматичным оказался и рабочий визит в Москву накануне праздника государственного секретаря США Кондолизы Райс – с ее моралите в адрес российского руководства о необходимости активнее развивать демократические институты, инвективной по отношению к президенту

Белоруссии А. Лукашенко, демонстративной встречей с представителями белорусской оппозиции в Вильнюсе.

И неприезд на, казалось бы, общий праздник нескольких руководителей бывших советских республик, и трудности, возникшие на обоих саммитах, и все более напористое давление Объединенной Европы и США по всему фронту, и многое другое говорит о том, что на постсоветском пространстве идут процессы, которые грозят нам весьма ощутимыми моральными, политическими и экономическими осложнениями.

В опубликованной американско-израильским центром Stratfor статье «Обсуждая судьбу России»²⁹ прямо подчеркивается: «Ситуация быстрыми темпами становится безнадежной для России. Это объясняет, почему Путин недавно охарактеризовал развал СССР великой геополитической катастрофой XXI века. Для западных лидеров было шоком подобное заявление, но Путин просто выразил очевидное. Маршрут поездки президента Буша накануне празднования Дня Победы – первая остановка в Прибалтике, а затем сразу после Москвы Грузия – имел целью поставить точки над... Дискуссии о внутренних делах России просто убеждают в неравенстве отношений. Итак, была ли попытка сравнить оккупацию Балтии Советским Союзом с нацистской оккупацией, наряду с заявлениями лидеров администрации Буша, что с падением Адольфа Гитлера притеснения не прекратились? Вся эта риторика запланирована для того, чтобы поставить Россию в оборонительную позицию, так же, как это было сделано геополитически».

Это они, а не мы, видимо, уже забыли, как, получив в 1918 году из рук Ленина и большевиков свободу и провозгласив демократические режимы, быстренько перебежали на путь ультранационалистических диктатур и оказались в тесных объятиях фашистской Германии, чтобы спустя несколько десятилетий предъявить нам счет за якобы их оккупацию.

Весьма оригинальная попытка исторического реванша, рассчитанная на простачков.

Случайно ли то, что открылось именно в дни празднования 60-летия Победы над фашизмом?

²⁹ См. в Интернете: <http://www.regnum.ru/news/452480.html>

Конечно, нет.

Все это лежало как бы на поверхности, главным же было то, о чем не принято говорить вслух – подведение некой черты под послевоенным периодом и развертывание работы над созданием нового миропорядка под патронажем США.

Каким же окажется место России в новом пространстве?

Не берусь, вернее, боюсь предсказывать.

...Как-то уж очень быстро начали сбываться предсказания Дж. Буша о том, что успешные демократические революции в Грузии, Украине и Киргизии найдут свое продолжение в Центральной Азии, хотя кровавые события в узбекском Андижане – не столько продолжение, сколько опаснейший всплеск возможного политического цунами с непредсказуемыми последствиями, и не только для этого региона.

Неспроста Ферганская долина названа «Чашей пророка» – так глубоко здесь корни ислама, и «пороховой бочкой» – столь изощренной оказалась метода кройки национальных территорий посредством изъятия части у одних и передачи ее другим, что ничем иным, как стравливанием народов друг с другом, и не назовешь. Так и образовался в Ферганской долине уже в постсоветское время, например, анклав Соха, расположенный в Киргизии, принадлежащий Узбекистану и заселенный таджиками. Вряд ли придумаешь что-то более взрывоопасное на крохотном клочке земли с весьма податливой средой для распространения идей радикального фундаментализма.

Так закладывались мины будущего обострения межнациональных противоречий и в других регионах страны и тогда, и позднее, вплоть до последнего времени. Кровопролитная война в Нагорном Карабахе, собственно, и возникшая в результате поощрения, поддержки и попустительства определенных политических сил в прежнем советском руководстве, по мнению многих серьезных специалистов, фактически положила начало распаду советского государства, а затем и распространению сепаратистских настроений на всем постсоветском пространстве.

Увы, и эти уроки не пошли нам впрок – вот ведь возникла идея массовой раздачи российских паспортов населению самопровозглашенных республик Абхазии, Южной Осетии в самый разгар чеченской войны, развязанной во имя

сохранения целостности российского государства. Или не понималось, что когда-нибудь все равно придется самим же зубами вытаскивать эти неумно забытые «гвозди» в суверенитет соседа?

Мы уже знаем, какой иронично-жестокой может быть История, уличая нас в повторении давно пройденного и, казалось бы, уже забытого.

Многие десятилетия мы, едва ли не воровато и трусливо, запихивали под «лавку» неприглядные для публичного разглядывания самочинно сработанные проблемы, откладывая их решение на «потом», когда, очевидно, появятся более мудрые, более прозорливые и более ответственные политики. И они, несомненно, появятся – не могут не появиться! – если думать о будущем с оптимизмом.

Однако полностью очиститься от скверны и последствий прошлых ошибок будет возможно лишь при условии понимания необходимости этого очищения всем обществом, осознающим ответственность за сегодняшний и завтрашний день своей страны.

И это будет уже совсем другая политика, а значит, и другая страна.

«Вестник аналитики», №2–2005 г.

Сентябрь

Читатель получит этот номер в сентябре, после летних каникул, когда в силу многолетней традиции берутся тайм-ауты в политике. Но Европе и Ближнему Востоку, несомненно, было не до каникул. Продолжающаяся война в Ираке, смена властных структур в Иране, события в Ливане, франко-голландский ответ на единую Европу, нарастающий вал террористических актов, докатившийся уже до столицы Великобритании, стали весомыми поводами для летних раздумий о будущем.

Крупнейший за последние два десятилетия кризис Евросоюза, вздорные споры о том, кто виновен в нем, оттеснили на второй план принципиальные вопросы экономического и политического характера. Июньский саммит европейских ли-

дерев оказался не в состоянии глубоко вникнуть в причины кризиса и ограничился поверхностным анализом общей ситуации и принятием паллиативных мер.

Надо надеяться, что традиционный спад политической и деловой активности в отпускные летние месяцы, отрешенность от массы повседневных забот и дел позволили государственным деятелям и политической элите Европы поразмышлять над нынешними процессами и оценить их перспективу. Итоги референдумов по европейской конституции и дебаты по ним, представленные в многочисленных комментариях последнего времени, позволяют говорить о том, что Европа как никогда нуждается в новом видении Европейского союза, что новые поколения европейцев считают устаревшими многие догмы и концепции, на которых создавался и рос Евросоюз. Так, одна из основополагающих концепций его создания – предотвращение войн между европейскими государствами – давно стала делом забытого прошлого.

Я не сторонник довольно распространенных апокалипсических прогнозов в отношении будущего Евросоюза и больше склонен разделять мнение тех, кто считает, что голосовавшие против европейской Конституции вовсе не хотят разрушения Евросоюза – они хотят жить в другой, объединенной Европе. Многие из них увидели в идущих процессах наступление на свои права, считают опасными для себя угрозы, связанные с глобализацией, недопустимым игнорированием вопросов социальной справедливости. По сути, встал вопрос о приемлемости или отторжении англосаксонской модели экономики.

История Европы богата ошибками и даже катастрофами, причинами которых нередко служило отсутствие политической прозорливости национальных политических элит. В первую очередь это касается, конечно, элит крупных европейских стран. Нет-нет да и возникает сомнение: а не преувеличивают ли они в очередной раз свои возможности?

Далеко не секрет, что небольшие государства Центральной и Восточной Европы экономически слабы и уязвимы. Тысячи восточноевропейцев в последние годы, особенно после расширения ЕС в мае 2004 года, наводнили богатые страны За-

падной Европы. Ряд серьезных аналитиков подчеркивают, что именно массовая миграция стала одной из главных причин, побудивших большинство участников референдумов во Франции и Нидерландах проголосовать против принятия Конституции ЕС.

Неоднозначно воспринята в ряде западных стран и так называемая «Директива о сфере услуг», которая фактически позволяет предпринимателям вести бизнес в любой стране Евросоюза по нормам и законам своей страны. Это, естественно, не устраивает многих «старых» членов ЕС.

Осень, возможно, даст ответ на эти и многие другие вопросы, связанные с будущим Европы, в том числе и о перспективах государств, стремящихся в Европейский союз, в частности Украины.

В конце июня директор Программы по изучению России и Евразии, член правления американского Центра стратегических и международных исследований Селеста А. Уолландер выступила с программой превращения Украины в демократическую страну с рыночной экономикой, интегрированную в мировое хозяйство, в политическом плане ориентированную на Европу: «...Чтобы Соединенные Штаты могли сыграть свою роль лидера, руководство страны должно превратить отношения с Украиной в один из приоритетов своей политики: на карту поставлен авторитет США».

Реализация данной программы должна стать главной стратегической задачей внешней политики США на постсоветском пространстве: Украина – крупнейшая европейская страна, занимающая важное геополитическое положение на стыке Европы, Причерноморья и Кавказского региона.

Нынешняя украинская политическая правящая элита, со своей стороны, также определилась с вектором движения страны. (О внешней политике нового руководства страны – статья Эберхарда Шнайдера.) Поддержит ли этот курс народ Украины? Сумеет ли американская стратегия изменить здесь ситуацию к лучшему? Или нам в очередной раз продемонстрируют в действии образец политического примитивизма с его основным принципом: «проамериканское – значит, демократичное»?

Еще одна большая проблема, которую Евросоюз должен решать параллельно с проблемами внутреннего развития, – политика по отношению к граничащим странам. Интересы ЕС в Черноморско-Каспийском регионе все больше пересекаются с интересами и России, и Китая, и, конечно, США, чья политическая, экономическая и военная экспансия в этом богатом природными запасами и стратегически важном регионе нарастает быстрыми темпами. (О политике ЕС в отношении его восточных соседей – статья Александра Рара.)

Многие представители экспертных кругов России высказывают опасения, что европейская политика добрососедства не только не станет мостом, соединяющим Россию и Европу, но и будет способствовать созданию новых разграничительных линий на континенте. И надо признать, что такие опасения имеют под собой определенные основания. Вряд ли можно применить термин «доброе соседство» к той политике, которую проводит ЕС в отношении соседней Белоруссии, какие бы мотивы ни лежали в ее основе. И уж тем более контрпродуктивными видятся призывы к усилению военной составляющей в восточной политике ЕС. (О военных аспектах политики Евросоюза – материал Светланы Агароновой.) Это очень деликатный вопрос. Решение политических проблем применением силы, какие бы благородные цели при этом ни провозглашались, как правило, рано или поздно оборачивается негативной стороной.

Европа, «колыбель» двух «горячих» и одной «холодной» мировых войн, бесчисленных вооруженных конфликтов меньшего масштаба, казалось бы, должна всегда помнить об этом. К сожалению, исторический опыт, похоже, менее живуч, чем тенденция вновь и вновь «наступать на военные грабли».

Тревожную ноту в отношении будущего Европы, да и всего Евразийского континента, вносят очередные жестокие террористические акты, на этот раз совершенные в столице Соединенного королевства Лондоне в июле. Ответственность за эти преступления взяла на себя международная террористическая сеть «Аль-Каида». (О том, что она собой сегодня представляет – в статье сербского журналиста Драгана Драмыча.)

Спустя почти четыре года после начала антитеррористической операции вновь встает вопрос: способно ли мировое

сообщество противостоять тем силам, которые виновны в совершении террористических актов с тяжелейшими последствиями в Москве и других городах России, в Нью-Йорке и Вашингтоне, Мадриде и Лондоне, в Турции, Индии, Ираке и других странах?

Способны ли здоровые силы цивилизованного мира сплотиться и покончить с радикальными движениями, прикрываемыми исламом? Или по-прежнему так необходимому сплочению этих сил будут препятствовать побочные политические интересы и цели, по-прежнему главным критерием для классификации террористических преступлений будет место их совершения?

По этому критерию взрывы в лондонском метро – дело рук террористов, а взрывы в московском метро – это месть России, осуществляемая «борцами за свободу и независимость Ичкерии», «повстанцами» и т.п. Бросилось в глаза, например, что в первых комментариях в связи с лондонскими терактами ведущие западные СМИ (за малым исключением), проводя аналогии с предыдущими терактами с многочисленными жертвами мирного населения, не упоминали Москву и другие российские города.

Неужели кому-то еще непонятно, что преднамеренное исключение российских граждан из списка жертв международного террора не только поощряет преступников направлять террористические усилия на российскую территорию, но вольно или невольно способствует росту терроризма в собственных странах, подрыву стабильности во всей Европе?

Накануне страшного трагического дня 7 июля я побывал в Чартвелле, в усадьбе Уинстона Черчилля, которую он купил в 1922 году и в которой прожил все оставшиеся годы после ухода в 1955 году из большой политики. Дом-музей полон книг, в том числе тех, которые написал Черчилль, его картин, сделанных им фотографий. Среди этих поистине исторических реликвий немало книг и фотографий военных лет. Как известно, 8 сентября 1944 г. Лондон после 1843 темных ночей, в течение которых действовали суровые правила военного затемнения, наполнился электрическим светом. Некоторые дети впервые

видели чудо освещенного города. Но именно в этот день Германия начала обстрел британской столицы ракетами ФАУ-2, созданными Вернером фон Брауном, и Великобритании пришлось вновь ввести светомаскировку до весны 1945 года.

Всматриваясь в многочисленные фото и документы, размышляя о пути, который прошел Уинстон Черчилль со своим народом, пытаюсь еще и еще раз понять истоки нестигаемой воли, мужества, характера этого лидера британского народа и всех британцев и перекинуть временной мост от осени 1944 года к июлю 2005-го.

Разрушенные кварталы времен Второй мировой войны, сосредоточенные, мужественные, суровые лица лондонцев, разбирающих завалы, несущих на носилках убитых и раненых, и 7 июля 2005 г., день самой разрушительной атаки на Лондон после Второй мировой войны: те же суровые и мужественные лица, тот же высокий моральный дух и самое главное – чувство единения, солидарности.

Ничего не изменилось.

После терактов остановились метро и автомобильное движение в центре Лондона, но люди не попрятались, многие из них добирались домой пешком, одалживали друг другу мобильные телефоны, чтобы дозвониться до близких. Ведущие теле- и радиоканалов четко и сдержанно вели регулярные репортажи, не совали микрофон первым попавшимся «экспертам», не выдвигали собственных скоропалительных версий и обвинений.

Отличались четкостью и объективностью заявления и комментарии представителей британских спецслужб. Полицейские чины в высоком ранге призывали лондонцев не рассчитывать на быстрый успех в расследовании преступления. Они подтверждали вероятность новой террористической атаки, но были откровенны, не стеснялись признаться в том, что бессильны предотвратить вылазки террористов. Как мы знаем, 21 июля были снова предприняты попытки осуществить взрывы в Лондоне, но они обошлись без значительных жертв. И это многое говорит о работе, проделанной британскими спецслужбами после 7 июля.

Вместе с тем в Великобритании все громче стали раздаваться голоса, требующие от парламента принятия более

жестких антитеррористических мер, пересмотра системы документации, удостоверяющей личность жителей Британских островов. Не обошлось и без трагической ошибки, когда в лондонском метро полицейскими был застрелен бразильский гражданин, как оказалось, не имевший отношения к террористам. В этой связи стали возникать вопросы: не приведет ли ужесточение методов работы спецслужб к ущемлению прав, к отказу от того уровня личных свобод, к которому привыкли граждане Великобритании и других развитых демократических государств Европы?

Скорее всего, этого не случится. Разумеется, властями будут приняты жесткие меры, направленные на то, чтобы минимизировать угрозу терактов, но, думаю, с наименьшими потерями для общества и государства.

Можно ли в принципе решить эту задачу без существенно го ущемления прав и свобод граждан? Для общества с устоявшимися демократическими принципами, с развитыми гражданскими институтами, а самое главное, с соответствующим уровнем правосознания граждан – это вполне реально. Большинство граждан страны воспринимает вводимые меры не только как некий ограничитель, устанавливаемый директивами вышестоящих властей, но и как личностный правовой и, если хотите, моральный барьер. Планка его может быть выше или ниже, но все же это определяется не президентом или премьер-министром, а главным образом, общественным мнением страны, гражданским обществом, которое сознательно может пойти на некоторые самоограничения, не воспринимая их как ущемление своих прав и свобод.

В годы Второй мировой войны Уинстон Черчилль, талантливый и прозорливый лидер Соединенного королевства, сумел отстоять свободу и независимость страны, в том числе и предотвратить вторжение нацистов на Британские острова.

Сумеет ли нынешнее поколение европейских лидеров обезопасить свои страны, найти адекватные меры и принять решения, которые соответствовали бы реалиям современного, глубоко зависимого и уязвимого мира?

Сегодня все чаще говорится о том, что терроризм становится идеологическим явлением, своеобразной формой выраже-

ния несогласия с глобалистской политикой, проводимой США и другими ведущими мировыми державами на мировой арене.

За шесть лет до нынешней лондонской трагедии бывший министр обороны США Р.Перл высказал предположение, что «США из-за своей политики безусловного международного лидерства наверняка станут объектами катастрофического терроризма».

Его предвидение оказалось точным. 11 сентября 2001 г. и последующие события показывают, что жестокие уроки не идут мировому сообществу впрок.

Афганистан и особенно Ирак дали новый импульс насилию.

Эта страна, как и прогнозировалось многими аналитиками еще до начала войны, уже в течение нескольких лет остается средоточием террористических проявлений, интенсивность которых, к сожалению, не спадает.

Почему американцы не добились здесь успеха?

Ведь дело не в том, что С.Хусейн был любим и поддерживался народом – краху диктатора были рады: он развязал две разрушительные войны, его режим довел страну с богатейшими запасами нефти до нищеты. Не стали здесь жить, как в Саудовской Аравии или Кувейте и после оккупации. Уровень жизни в Ираке сравним с уровнем жизни в африканских странах к югу от Сахары.

Американские СМИ и командование оккупационных войск убедили мир в том, что боевики – это бывшие функционеры партии БААС, иностранцы и преступники. Однако, как отмечают зарубежные журналисты, большинство террористов-смертников в Ираке – выходцы из Йемена и Саудовской Аравии, но организацией терактов, разведкой, подготовкой баз и жилья, транспорта и взрывчатки занимаются иракцы.

Политика США в этой стране и в первую очередь реакция на действия иракского сопротивления со стороны оккупационной армии во многом играют на руку руководителям джихада. Армия США всей своей мощью незаметно для себя, безоглядно, втягивалась в навязываемую ей террористическую и диверсионную войну, причем практически все ее операции завершались, по сути, одним – коллективным наказанием целых кварталов, населенных пунктов, а порой и городов. И уже к совсем

непростительным промахом можно отнести операции в городах – мусульманских святынях.

Собственно, этого и добиваются идеологи и организаторы терактов, заставляя оккупационные силы совершать постоянные ошибки и просчеты, приводящие в результате новые сотни и тысячи мусульман под знамена «Аль-Каиды», «Хизб ут-Тахрир», «Аль-Ислами», «Движения исламского обновления» и др.

Падение Берлинской стены в ноябре 1989 года ознаменовало окончание «холодной войны» и крах одного из двух полюсов биполярного мира. Хор многочисленных оптимистических прогнозов того времени, наполненных верой в светлое будущее, предрекал человечеству наступление счастливой эры согласия и процветания. Лишь изредка доносились едва слышимые голоса тех, кто предупреждал, что новые ветры истории могут принести человечеству новые трудные испытания, инициированные эгоистичной политикой самой могущественной глобальной державы.

Историческое равновесие, как ни странно, в ходе соперничества и политических конфликтов между двумя сверхдержавами сменилось не только кратким миром, но и рождением главной угрозы для США – глобальным беспорядком, терроризмом, ядерным шантажом, инфекционными болезнями и многим другим.

Мир, несомненно, стал более уязвимым.

Глобализация все чаще оборачивается своей темной стороной, обрушивая на его адептов и вместе с ними на мирное население разных стран смертоносные миазмы. Все более очевидным становится то, что, даже обладая огромным военным потенциалом, ни США, никакая другая страна не в состоянии в новых условиях справиться с террористической угрозой в одиночку.

В 1970-х годах известный американский политик сенатор Фулбрайт написал книгу «Самонадеянность силы», в которой предупреждал о пагубности политики односторонних действий. И был во многом прав. Но на понимание этого ушло несколько десятков лет.

Декабрь

О политике и журнале, о министре и Достоевском

В уходящем году было немало разных событий. Некоторые из них и сейчас на слуху, бередят душу, заставляют с тревогой думать о завтрашнем дне.

Все больше нерешенных проблем сгребается в дальний временной угол, все меньше желающих за эти завалы отвечать. Новые проблемы путаются под ногами – их некому решать, все заняты старыми.

Раздражает вранье официальных лиц по поводу и без повода. Огорчают различного рода международные рейтинги и оценки – все-таки хочется, чтобы страну твою уважали.

Во всех смыслах приходится, к сожалению, признать, что, в общем-то, ничего, увы, не случилось из того, чего нельзя было бы предвидеть год назад. Многое, если не все, было следствием ранее проявившихся процессов и тенденций, инициированных властными структурами или же, напротив, не удержанных в привычном русле.

Создается впечатление, что едва сдвинутые с места почти одновременно долгодумные реформы также одновременно завязли на полдороге, где и будут, очевидно, дожидаться судьбоносного 2008 года.

Но об этом – чуть позже.

В номере, завершающем год, рассматриваются некоторые из актуальных и злободневных тем, практически не сходящих с повестки дня едва ли с незапамятных времен. В новых условиях они мутируют в острейшие проблемы.

Д.Орешкин, полемизируя с известным писателем В. Беловым, размышляет о неадекватном осознании реальности: то ли мир вокруг нас устроен неверно и подлежит радикальной переделке, то ли неверно устроены представления части нашей интеллектуальной элиты об устройстве мира, а заодно и отечественной идентичности.

Построение «управляемой демократии», считает *М.Делягин*, стало пирровой победой бюрократов: бесстыдно освободившись от ответственности перед населением, государство

«повисло в воздухе», лишившись необходимой опоры в отношениях с бизнесом и собственной силовой олигархией.

Общим для всех стран СНГ, подчеркивает *С. Чернявский*, являются недоразвитость политической структуры, отсутствие центристских партий, серьезные проблемы с практической реализацией прав человека, а также высокая степень коррупции во властных структурах. Все это создает объективные условия для социальных взрывов, способных в случае активной поддержки извне перерасти в революционную ситуацию.

Незначительной части радикально настроенной молодежи (и именно студенческой, и чаще всего – в столицах), утверждает *В. Луков*, достаточно для того, чтобы начался политический кризис, как это и было в прошлые десятилетия в разных странах и на разных континентах.

Говоря об амбивалентном (двойственном) отношении к власти, *П. Гуревич* подчеркивает, что в политике преданность легко переходит в измену, любовь в ненависть, покорность в фанатизм, верноподданничество в тиранство, партнерство в злую интригу. И технолог власти, который обеспечивает политику любовь, должен осознавать, что одновременно он строит и ненависть к властителю.

Не менее сложны и внешнеполитические проблемы, которые рассматриваются нашими ведущими аналитиками-международниками.

Так, *С. Караганов* отмечает, что после периода подъема в рейтинге мировых держав Россия возобновила падение. Усиление элементов авторитаризма в политике используется традиционными противниками России как доказательство «нереформируемости» страны. Но налицо и опасение, что политические реформы ведут или уже привели к чрезмерной централизации власти и в результате – к ухудшению управляемости и понижению устойчивости политической системы.

С. Кортунов пишет о том, что унаследованный от СССР особый статус Российской Федерации в рамках ООН никак не соответствует ее изменившимся возможностям. И какая бы реформа ни предлагалась, она так или иначе будет рикошетом бить по российскому, пока еще привилегированному статусу в рамках организации.

Редакция не занималась тенденциозным подбором статей – многие из них были предложены самими авторами, и это были «живые» проблемы, сложность которых, на мой взгляд, более чем что-либо другое объясняет и трудность, и долговременность их разрешения, особенно в условиях переходного периода. Отсюда и различия в точках зрения аналитиков, которые, понятно, отражают разность их подходов и занимаемых политических позиций. Важно при этом подчеркнуть, что заочные, но под одной обложкой дискуссии ведутся не столько о ценностях, сколько о путях и способах решения конкретных проблем жизнедеятельности государства, общества и человека.

В будущем году исполняется пятилетие выпуска «Вестника аналитики», и у нас будет хороший повод сказать о тех, кто помогал нам своим пером, добрым словом и нужным советом и в не самые лучшие времена.

Пользуюсь случаем поздравить с 80-летием нашего друга и постоянного автора журнала, замечательного российского историка и писателя *Роя Александровича Медведева*. Его жизнь, без сомнения, – яркий пример мужественного и стойкого служения своему делу и Отечеству.

Призрак судьбоносного 2008 года уже бродит по России, заметно повышая градус политической жизни в стране.

Становится понятнее, что беспокоиться есть о чем, – вспомнилось весеннее предупреждение руководителя президентской администрации о возможности «резкого изменения вектора развития страны» и необходимости консолидировать элиту для предотвращения «чудовищных последствий» – дестабилизации общественной жизни из-за масштабной драки при неизбежном в таких случаях переделе собственности.

Осенью, спустя полгода, вдруг заговорили о том, что стране нужны новая элита и новые лидеры, которые ставят интересы страны выше собственных, способны выдвинуть консолидирующую национальную идею и повести за собой людей.

Судя по синхронности публикаций разных авторов, эта проблема все более овладевает сознанием политиков и не только их. Растет понимание того, что сегодняшняя элита, во мно-

гом коррумпированная, вороватая и трусливая, не только не способна озаботиться судьбой страны, но и удержать в своих руках власть вряд ли сможет без использования всего административного ресурса.

Президента замучили вопросами о его будущем. Его ответы не отличались разнообразием – Конституция не позволяет избираться в третий раз. Но, несомненно, произвело впечатление его заявление на встрече с голландскими журналистами накануне визита о том, что он, президент, не допустит дестабилизации ни во время выборов, ни после них.

Вскоре последовали неожиданные кадровые перестановки во властных структурах, которые почти однозначно были восприняты как начало операции «Приемник», т.е. как подготовка общественного мнения к возможным выборам президента по имеющемуся прецеденту.

Казалось бы, такое обычное и понятное предприятие, как пересадка чиновников с одних мест на другие, а словно ткнули пальцем в нервный узел...

Забавно, что даже тот факт, что новый вице-премьер посидел какое-то время в «большом кожаном кресле» премьера во время первого созванного им совещания, был воспринят как некое веское свидетельство его начинающегося возвышения.

Развернувшиеся дискуссии вскрыли целый пласт самых разнообразных суждений и мнений, отражающих таившуюся в недрах общества общую неудовлетворенность как ситуацией в стране, так и способами решения многих животрепещущих проблем. Люди весьма остро реагируют на попытки властей ограничить их право собственного выбора тех или иных альтернатив и тем более зачистить избирательное поле до полной стерильности.

Как отмечал в свое время Столыпин, в тех странах, где еще не выработаны определенные правовые нормы, центр тяжести лежит не в установлениях, а в людях.

Мы знаем это по своему опыту. И уже говорили о том, что именно элита была повинна едва ли не во всех случившихся в нашей истории общественных катаклизмах.

Сегодня она удобно устроилась в жизни, сосредоточив в своих руках все ресурсы и безраздельно управляя ими в своих

интересах, и вовсе не настроена сменяться – ей есть что терять и кроме собственности.

«Социальный и моральный облик российского чиновника, с точки зрения народа, просто ужасен, – пишет директор Института социологии РАН Михаил Горшков. – Народ почувствовал жесткую обособленность этого слоя. Понял, что чиновники стали замкнутым сословием, настоящей кастой. Чего в России не было полтора-два десятка лет назад. Это серьезный сигнал для власти»³⁰.

Смена элит – это прежде всего разрешение накопившихся противоречий и переоценка ценностей. Иначе еще это называется революцией. Или по более щадящей чувства терминологии – «резкими изменениями вектора развития». Но рядом сразу же всплывает и другая пугающая мысль, которую, на наш взгляд, достаточно ясно выразил Александр Сокуров: «Когда общество доходит до определенной степени разложения, когда начинается необратимый процесс гибели народа, превращения его в толпу, вот тогда появляются Ленины и Гитлеры: они из той же толпы».

Несомненно, это большая и важная тема для серьезного и длительного разговора. И мы отложим его для последующих номеров журнала.

А в заключение позволю себе небольшую реплику по случаю и в связи.

Случай этот достаточно курьезный, однако и примечательный, поскольку произошел он на благотворительном концерте «Подари мне жизнь», где собирали деньги на поддержку детей, больных лейкозом.

Цитирую по заметке в газете: «Отличился министр здравоохранения и социального развития Михаил Зурабов, который сказал, что общество, по словам Достоевского, должно быть основано на *«чуде, тайне и авторитете»*. Министр процитировал слова Великого инквизитора, полагая, что Достоевский был с ним солидарен. Олег Табаков и Марк Рудинштейн принесли в конверте деньги»³¹.

³⁰ Горшков М. Кастинг неприкасаемых. Коллективный портрет российских управленцев: взгляд извне и изнутри // «Новая газета». 2005. 17–20 нояб.

³¹ Известия. 2005. 3 июня.

Автору заметки не откажешь в сарказме.

Сюжет сей не имел продолжения и не получил заметного общественного резонанса – ну, ляпнул что-то министр, с кем не случается... Обиднее, что денег не дал, – все-таки его епархия, а значит, и его головная боль, как обеспечить надлежащее лечение больных детей...

Я не был там лично и не знаю, в каком контексте прозвучала эта мысль.

Очевидно, там было много разных добрых и нужных слов и, конечно же, что-то о слезинке ребенка, и о милосердии, и об обязанности взрослых заботиться о детях.

Только вот *чудо, тайна и авторитет*, которые почему-то М.Зурабов, ссылаясь на Достоевского, решил положить в основание общества, были совсем из другой оперы. И связаны они со стремлением Великого инквизитора «хоть сколько-нибудь устроить в сносном порядке малосильных бунтовщиков, «недоделанных пробных существ, созданных в насмешку», с его программой мироустройства «осчастливленных рабством людей», которыми будут управлять «сто тысяч избранных, страдальцев, взявших на себя познание добра и зла».

Правда, о чем-то уж очень знакомом вдруг повеяло от этих зловещих слов?

Многое может почудиться, когда начнешь размышлять в этом ключе... И, думаю, не случайно всплыл в памяти этот, казалось бы, незначительный казус полугодичной давности, случившийся с самым социальным из министров нашего правительства.

Недоброжелатель, возможно, и спросил бы: а не оговорка ли это по Фрейду?

Но мы, естественно, этого не скажем, напомним лишь мудрый совет опытного оратора: «Выступая, помни о том, что в зале всегда найдется пара-другая людей с высшим образованием».

Но еще лучше – читать книги классиков, а не выковыривать бездумно цитаты из их книг.

Год 2006

Март

К пятилетию выпуска первого номера «Вестника»

Конечно, пятилетняя годовщина издания – дата довольно скромная. Тем не менее хорошая возможность подумать о том, что сделано и что еще предстоит сделать.

Об этом и говорят члены редакционного совета в сегодняшнем номере.

Я искренне благодарю их и за высокую оценку работы редакции, и за высказанные замечания и предложения. В них немало дельных и своевременных подсказок на будущее.

«Вестник аналитики» изначально задумывался как своеобразная площадка для освещения деятельности нашего института и Бюро социально-экономической информации, работы специалистов. По мере расширения тематики исследований и соответственно круга авторов, «Вестник» постепенно превращался в многопрофильное издание, а затем и в журнал с широкой общественно-политической тематикой и жанровым разнообразием. Но его главная составляющая – аналитика – оставалась неизменной.

Во всех этих преобразованиях значителен творческий вклад и членов редсовета – известных политологов, экономистов, социологов, политиков, журналистов.

Несомненно, важную роль в развитии «Вестника» сыграло привлечение к работе иностранных авторов. Поначалу это были в основном специалисты в области внешней политики, но затем к журналу стали проявлять интерес и представители различных зарубежных научно-исследовательских центров.

Оказался полезным и опыт работы с иностранными журналистами, аккредитованными в Москве. Они также внесли новые и нужные краски в общую палитру.

Все упомянутые мною в этом кратком экскурсе в прошлое – и авторы, которые, собственно, и делают журнал, и читающие его люди – заслуживают признания. Сожалею, что не имею возможности назвать их поименно.

В сегодняшних условиях всеобщей коммерциализации существование подобного издания вряд ли возможно без поддержки со стороны.

Нам, безусловно, повезло – идея создания «Вестника» была поддержана руководством ряда структур, в том числе и ЗАО «Северстальтранс». На протяжении всех лет они оказывали существенную помощь как становлению, так и развитию журнала.

Мы не забываем этого и с благодарностью думаем о тех, кому обязаны столь немалому, по меркам жесткого и расчетливого времени, сроку активной жизни журнала в ряду действующих изданий.

Политика, внутренняя и внешняя, – основной предмет нашего интереса и изучения. Как и всякий сложный продукт человеческого разума и рук, она требует немалых усилий для постижения, никогда не обещающая быстрых и тем более крупных успехов. Чаще всего до истинных пружин ее механизмов редко кому удается добраться.

Понимание этого не облегчает работу, но помогает преодолевать возникающие трудности. И прав известный социолог И.Валлерстайн³², чьим суждением я и хотел бы завершить эти заметки по случаю:

«Мы можем сделать мир менее несправедливым; мы можем сделать его более прекрасным; мы можем углубить наше познание его. Нам нужно всего лишь строить его, а для того чтобы его строить, нам нужно всего лишь разговаривать друг с другом и стремиться получить друг от друга то особое знание, которое каждый сумел приобрести».

Это, полагаю, весьма вдохновляющая мысль для того, чтобы ощущать нужность своей скромной миссии на столь масштабном и ответственном поле деятельности.

«Вестник аналитики», №1–2006 г.

³² Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. Изд. «Логос», 2003, с. 333.

Июнь

В вышедшем номере представлен крупный блок материалов как отечественных, так и зарубежных авторов международной проблематики.

Объясняется это прежде всего актуальностью этих проблем в свете происходящих в мире событий. И далеко не в последнюю очередь связано с изменением вектора внешней политики России, что, по мнению многих экспертов, вытекает из последнего президентского Послания Федеральному Собранию.

Сегодняшние мои заметки – об этом.

Древние китайцы говорили, что самое важное происходит тогда, когда ничего не происходит. Очевидно, имелись в виду скрытые, но подспудно зреющие процессы, могущие коренным образом изменить привычную или устоявшуюся ситуацию.

Что-то вроде этого произошло и у нас весной этого года на фоне более или менее спокойного течения жизни, пока не заискрились с разных сторон горячие угольки от тлеющих в глубине рукотворно разведенных и давно тлеющих костров.

И вот братская Украина, демонстративно торопящаяся в НАТО, уже роет защитные рвы на пограничной зоне с Россией, российские бульдозеры давят штабеля грузинских бутылок со знаменитым вином и «Боржоми», с полок магазинов снимается молдавская винная продукция, а Белоруссия, всеми колесами упрямо тормозящая движение к давно заявленному объединению с Россией, получает от нее новые цены на газ и суровое предупреждение о прекращении многолетних дотаций в белорусскую экономику.

Таковы внешние проявления так называемой «газовой войны», вдруг развернувшейся на пространстве СНГ, хотя внутренние, естественно, куда более серьезны и глубже.

По мнению Надежды Арбатовой, главной причиной взаимного недовольства и подозрений здесь является вопрос о месте и роли России в так называемой Большой Европе и в стратегиях расширения ЕС и НАТО.

«Россию беспокоит, как бы США не создали базы в Грузии, Азербайджане и даже в Туркменистане, – замечает Ариэль Ко-

эн. – С утверждением баз НАТО в Румынии и Болгарии – цепь баз, тянущаяся от Черного моря через Каспийское по всей Центральной Азии, окажется огромным преимуществом для глобального военного положения США... Недавние же вспышки враждебности на Северном Кавказе показывают, что нынешняя российская армия и службы безопасности не обладают подготовкой, силой духа, необходимыми для противостояния исламистскому бунту в этом регионе».

(Заметим в скобках, для такого рода нелестных выводов, несомненно, есть основания. К сожалению, для нас уже становится привычным выковыривать двух-трех вооруженных боевиков из многоквартирных жилых домов героическими усилиями сотен спецназовцев и омовцев с обязательным применением тяжелой боевой техники и, тем не менее, со значительными потерями.)

Трейси Джерман подчеркивает, что «внутренние проблемы Кавказа уже не могут рассматриваться как посторонние для безопасности Запада: сепаратистские споры в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии сказываются не только на стабильности Кавказского региона, но и на стабильности Европы и более широкого международного сообщества».

Несомненно, на Западе, где думают в первую очередь об угрозе своим экономическим интересам, всерьез обеспокоены столь сильной привязкой к российской энергетике и ведут поиски как альтернативных каналов, так и различных путей активного противодействия возрастающей роли России на мировых рынках.

Так, по мнению Владимира Дергачева, Соединенные Штаты, учитывая обстановку на Ближнем Востоке, попытаются оказывать воздействие на Россию и особенно ЕС с помощью энергетического моста, который, как бы в ответ на строительство Россией трубопровода в обход Украины, будет в будущем проложен от Каспия через Южный Кавказ и Черноморье (Констанцу) в ЕС. «То есть Черноморье с Крымом в любом случае должны стать для Америки важной «зоной жизненных интересов», – констатирует автор статьи.

В числе таких же «угольков», способных разжечь большой пожар и на Ближнем Востоке, – события последних месяцев:

это и моральная, и материальная поддержка числящейся в списках террористических организаций США и не считающейся таковой в России партии «Хамас», пришедшей к власти в Палестине, и вдруг выскочившая в том же регионе как чертик из табакерки весьма болезненная для всего мирового сообщества проблема обогащения Ираном урана, сиречь возможная разработка им ядерного оружия. Вкупе с обещанием президента страны «стереть с лица земли государство Израиль».

США объявляют о нависшей над всем миром угрозе, Россия прикладывает значительные усилия для нивелирования остроты возникшей ситуации, совместно с Китаем заявляет о недопущении любых попыток силовых действий против Ирана.

Не стану развертывать этот сюжет – все его сегодняшние перипетии хорошо известны. Но на отношениях России с США эта ситуация, несомненно, скажется – как и в прежние времена, Москву уже обвиняют в поддержке «одиозных режимов», звучат раздраженные голоса о «неверном пути России», лишении ее места в «восьмерке».

Но главное – впервые за многие годы относительно благостного сосуществования в одном тревожно замершем в ожидании новых террористических атак в мире возникает трудноразрешаемая дилемма, пахнущая одновременно и нефтью, и новой «холодной войной» с размежеванием всех участников «конфликта интересов» на «своих» и «чужих».

Собственно, эту же мысль провел в своей программной речи в Вильнюсе на конференции с многозначительным названием «Единое видение общего соседства» вице-президент США Дик Чейни об отношениях Запада с Россией, обвинив ее в «шантаже, подрыве территориальной целостности соседей и вмешательстве в демократические процессы».

Примечательно, что именно там, в кругу оппозиционно настроенных к России и обласканных США руководителей государств, он и предложил нашей стране сделать выбор: «вернуться к демократии или стать врагом».

В этом плане любопытна реакция представителей нашей общественности. «Отстаивать Тегеран надо до последнего. Мы и так уже сдали Сербию, Ирак... Жестче себя надо вести» (генерал-полковник Леонид Ивашев, вице-президент Акаде-

мии геополитических проблем); «Времена, когда мы с Америкой были равными по силе державами, уже прошли. Поэтому России в отношениях с США нужно вести себя очень аккуратно» (профессор Виктор Кременюк, замдиректора Института США и Канады)³³.

Позиции, как видим, весьма противоположные, но типичные для военного и дипломатического языка: ни одна из сущностей не раскрывается содержательно: что значит – отстаивать до последнего и что значит – вести себя очень аккуратно?

Такого рода узелки призваны развязывать политики, понимающие всю полноту ответственности за свои решения, и майское Послание президента – лучшее тому свидетельство.

Надо полагать, что вызывающая резкость суждения одного из руководителей США и была своеобразной «разведкой боем» накануне петербургского саммита «восьмерки».

Вряд ли у кого есть сомнения относительно будто бы всего лишь «частного мнения» второго лица государства. И сам президент Буш неоднократно заявлял об озабоченности состоянием дел с демократией в России и своем желании еще раз поговорить об этом с «другом Володей». К тому же кураторство над всеми демократиями мира и забота о продвижении ее едва ли не повсеместно, невзирая на возражения, официально объявлены важнейшей из доктрин внешней политики США.

И, надо признать, они весьма виртуозно, в отличие от нас, умеют добиваться поставленных целей.

Один из авторов традиционной журнальной рубрики «500 строк», греческий журналист Димитрис Лиатсос, замечает: «В противоборстве между «быть» и «представляться» Россия оказывается в проигрыше. Например, ее довольно грубые, хотя и прозрачные формы влияния на выборный процесс на Украине осенью 2004 года, подняли бурю протестов как внутри братской страны, так и за ее пределами. А вот «хирургически» тонкая работа хорошо финансируемых американо-польских фондов, в результате чьей бесстыжей деятельности страну затасили в третий дополнительный тур выборов (беспрецедентный случай в мировой практике!) и фактически превратили

³³ «Комсомольская правда», 28 апреля 2006 г.

украинскую конституцию в тряпку, объявлялась торжеством свободы и демократии».

Кстати, и другой журналист – американец Бретт Форрест – отмечает эту, по-видимому, заметную постороннему взгляду российскую особенность несовпадения «быть» и «представяться»: «Веди себя Россия неизменно озлобленно и неуступчиво, вместо того чтобы извечно ударяться в капризные заигрывания, у американцев, возможно, сложилось бы иное мнение. С течением времени постоянство обычно добивается успеха, даже если то, что вы отстаиваете, пользуется плохой репутацией».

А заключить свои краткие заметки мне хотелось бы словами автора статьи «Оси дружбы и оси вражды» Александра Дугина: «Политика начинается там, где четко определяется пара друг–враг. И если мы не выработаем в кратчайшие сроки своей политики, нам просто жестко навяжут чужую».

Не знаю, насколько верно суждение относительно «пары друг–враг», взятого, несомненно, из лексикона времен «холодной войны», но мысль о возможности навязывания чужой политики при отсутствии собственной лично мне близка. Как близка и высказанная в Послании президента позиция – опора на принципы прагматизма, предсказуемости и верховенства международного права. И исходящая из этого программа: многостороннее партнерство со странами СНГ, постоянный диалог с ЕС и совместная реализация концепции общих пространств, всемерное расширение рамок и взаимодействия с США, Китаем, Индией, а также с быстро набирающими силу странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки.

То есть укрепление сотрудничества в обеспечении глобальной и региональной стабильности со всеми государствами – одновременно и равно, в чем, несомненно, определенный знаковый смысл, оконтуривающий, на мой взгляд, сегодняшний вектор внешней политики России в контексте, как подчеркнул В.Путин, «активно идущего переустройства мира».

В этом плане, думаю, читателю будет интересно поразмышлять и над весьма оригинальной версией развития событий известного политолога-глобалиста: «Если Россия выбира-

ет игру в пользу многополярного мира, а это значит строго против Вашингтонского проекта мировой доминации, она мгновенно получает свой собственный статус и свое легитимное место в раскладе мировых сил. Исходя из этого допущения автоматически выстраивается система «осей дружбы», причем эта «дружба» становится тем более важной для всех ее участников, чем самостоятельнее позиция России в отношении «больших проектов». Эти «оси дружбы» складываются следующим образом: Россия – Европа, Россия – исламский мир, Россия – Китай. Не входя ни в один проект, балансируя между этими полюсами, Россия заинтересована в том, чтобы! поддерживать каждый из них в общей системе оппонирования однополярным устремлениям США».

«Вестник аналитики», №2–2006 г.

Сентябрь

Летом на политическом поле планеты было, что называется, разбросано немало камней, в том числе и горячих, и сейчас у политиков, стоящих перед этой грудой проблем, наступила страда раздумий о будущем, которое далеко не всем рисуется в радужном свете.

Итоги саммита «большой восьмерки» и война в Ливане, несомненно, – пища для серьезных размышлений и выводов. Как результаты встреч и дискуссий мировых лидеров повлияют на международную жизнь, на взаимоотношения США и России, как скажутся на позиции ЕС, Китая, Бразилии и ряда других стран, чья роль в мировой политике становится все более заметной? Какими окажутся последствия такой войны на Ближнем Востоке, в которой обе стороны считают себя победителями, а на поле боя осталась разрушенная третья сторона? Что делать с государством, которое угрожает «стереть с лица земли» другое государство и любой ценой решило добраться до ядерного оружия?

Эти и подобные им вопросы более чем что-либо говорят о том, что мы действительно давно уже живем в глобальном мире, где все связано со всем. И знаменитая брэдбериевская ме-

тафора о бабочке, гибель которой в прошлом может изменить мир, направить его по другому маршруту в будущем, представляется не таким уж фантастическим допущением.

В вышедшем номере «Вестника» саммиту G8 посвящены статьи известного немецкого политолога Александра Рара и российского политика-международника Леонида Слуцкого, а также корреспонденции зарубежных журналистов – канадца Фреда Вира и американца Грегори Файфера. В этих работах взаимосвязи и взаимозависимости государств и их внешней политики рассматриваются как важнейшие принципы международных отношений и как основа нового миропорядка, о строительстве которого, собственно, и шла речь на встрече лидеров «восьмерки».

Не вдаваясь в подробности, хочу подчеркнуть лишь одно обстоятельство, которое мне представляется примечательным.

Россия вышла на встречу с мировыми лидерами со всем грузом накопленных и не вполне решенных проблем, которыми ей кололи глаза на протяжении всего подготовительного периода, и даже кое-кто пытался усомниться в ее праве на кресло за общим столом в компании с демократически продвинутыми странами. Но и такой, не совсем причесанной и не очень приглаженной, но уверенной в себе и с хорошо продуманными идеями, она не только достойно выглядела на подиуме большой политики, но и сумела преподать кое-кому пару уроков приличного поведения в обществе. Ну а говоря языком документа, Россия показала свою готовность ответственно решать стоящие перед мировым сообществом глобальные задачи нового мироустройства, понимая свое место и свою роль в этом процессе.

Издание, выходящее раз в квартал, неизбежно запаздывает в своих попытках находиться в майнстриме главного потока событий и многое теряет в «свежести» взгляда, но иногда выигрывает в широте обзора проблем, выявлении тех самых взаимосвязей и взаимозависимостей, о которых я говорил выше. Что же касается так называемого предвидения, то оно, скорее всего, от бога, хотя немножко, полагаю, и плод углубленного мыслительного процесса.

Несомненный интерес в этой связи представляет материал Карин Кнайсль, недавно вернувшейся из Ирана – страны, оказавшейся «в самой гуще дипломатических торгов, развернувшихся вокруг ее ядерной программы». Ливан, по ее мнению, стал лишь полем сражения, тогда как «подлинной мишенью для израильтян и США, вероятнее всего, является Иран». «И эта ужасная и безумнейшая война, – считает она, – может стать первым этапом куда более обширной предстоящей вражды»... «Располагая значительными ресурсами нефти и газа, Иран убежден, что вполне может устанавливать свои правила игры. Во всяком случае, – замечает автор, – каким бы ни было руководство страны, Иран всегда будет вести себя как империя и требовать, чтобы к нему и относились как к империи. И как сегодня строить свои отношения с Ираном в образующемся многополярном мире, – ответ на этот вопрос станет суровым испытанием для Запада».

Столь обширная цитата из публикуемой статьи – моя личная признательность одному из самых серьезных европейских исследователей проблем Востока за умение смотреть и видеть не только глазами... Она права – насилие рождает обширную вражду, которая и есть ненависть.

...Пишу свои заметки за неделю до дня, когда начнется голосование по санкциям Совета Безопасности. К моменту выхода «Вестника» в свет в середине сентября ситуация так или иначе, но разрешится. Не буду гадать, как именно. Возможно что угодно. Слишком сильно пахнет нефтью. Слишком пахнет деньгами. И слишком много взаимной ненависти накопилось на крохотном пятачке земли, над картой которой сейчас нависли головы и кулаки лидеров ведущих держав мира.

Замечу лишь вот что.

Периодическое обострение ситуации на Ближнем Востоке стало едва ли не характерной чертой современного мирового развития, в политическом календаре которого – кровавые отметки всех предшествующих десятилетий вплоть до сегодняшнего дня.

Конфликт, давно переросший рамки региона, стянул на себя многие движущие силы мировой политики и агрессив-

ный прагматизм могущественных транснациональных корпораций. И его внешние проявления – всего лишь протуберанцы глубинных процессов, идущих в недрах беспокойного политического материка.

Полярные представления о будущем мироустройстве, а именно так события 11 сентября поставили вопрос на повестку дня, проистекают из диаметрально противоположных мировоззрений, и это определяет их остроту и практическую неразрешимость. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы не понимать, что навязывание своего образа жизни и поведения кому-то бы то ни было – это прямая дорога к кровавой бойне.

Все войны последних лет независимо от масштабов и причин их возникновения – звенья одной цепи, по сути, проба сил с последующими недолгими примирениями, которые неизбежно ведут к новым стычкам. А там по мере нарастания усилий и возрастания военного аппетита и вправду совсем недалеко до «судного дня» – губительного столкновения цивилизаций, о котором столь охотно и все чаще начали поговаривать политики, словно речь всего лишь о некоей конечной цели затянувшейся дискуссии, а не о действительно возможном конце человеческой истории.

Нет, ничему она не учит политиков. Ведущего спонсора и продюсера многих ближневосточных деяний на Ближнем Востоке не отрезвили ни громкая пощечина в виде тегеранского конфуза 1979 г. – провальной спецоперации по освобождению заложников в американском посольстве, ни пирровы победы в Ираке и Афганистане, в результате которых обе страны повисли у него на ногах, созревая для будущего реванша, ни подмоченная репутация лукавого и хитрого хищника в глазах всего исламского мира – главное, что стоит сегодня непреодолимой преградой на пути оздоровления политического климата на Ближнем Востоке.

Не случайно сегодняшняя ближневосточная политика американской администрации вызывает столько нареканий даже со стороны весьма умеренных государственных деятелей и политиков, еще не забывших впечатляющей «челночной дипломатии» при президенте Никсоне, которой был запущен мирный процесс между евреями и арабами. В течение

нескольких лет госсекретарь Генри Киссинджер 27(!) раз посетил регион. Результат – ближневосточный мирный договор, признание Израиля Египтом и Иорданией.

Что же мы видим сегодня?

Дипломатия «томагавков», сменившая «челночную», стала причиной войн в ряде стран региона, нового глубокого раскола элит стран Ближнего Востока, радикализации исламских масс, особенно молодежи, чреватой углублением противостояния и усилением агрессивности различного рода влиятельных группировок внутри государств.

Что, например, делать сегодня с тем, что «Хезболла», которую пытался уничтожить и так и не уничтожил в скоротечной войне Израиль, теперь в глазах арабов – единственный истинный защитник их мира? И с тем, что, как показали итоги августовского опроса каирской организацией Ibn. Khaldun Center, действия «Хезболлы» одобряют 75% опрошенных египтян, а ее лидера Насраллу 82% из них вознесли на вершину рейтинга самых влиятельных региональных деятелей? Ниже его и президент Ирана М.Ахмадинежад с 73%, и Халед Мешаль из «Хамаса» с 60%, и Усама бен Ладен с 52%, и Мохаммед Махди Акеф из египетских «Братьев-мусульман» с 45%. И это тоже – итоги войны в сознании людей, в ней непосредственно не участвовавших. И именно так образуются «национальные зоны», скажем так, по аналогии со звездными туманностями вроде того самого «шиитского полумесяца» – дуги, которая, как считает Мэй Ямани, научный сотрудник Лондонского Чатем-Хауса, простирается от Ливана до Ирана через Сирию и Ирак, населенный якобы «еретическими» шиитами, которых Буш, изгнав Хусейна, привел к власти в Ираке. И именно поэтому немалая часть Арабского региона, населенная суннитами, воспринимает Израиль и Запад как одну угрозу для себя.

И как теперь разгрести еще и это напластование в зоне, нашпигованной и без того взрывоопасными проблемами?

Несть числа вопросам – их непрерывно множит недалёко-видная политика и многократно усиливают спонтанно возникающие войны, которые никогда ничего не добиваются окончательно, кроме начала новой войны.

Арабский мир, прочно скованный тысячелетними традициями и религиозными догмами, плохо поддается модернизации со стороны – если поддается вообще! – особенно в том ключе, который представляется единственно верным и нужным Западу. Наш трагический опыт насильственной социализации Афганистана, приобщения его к социалистическим идеям и ценностям достаточно убедителен, чтобы сегодня, спустя почти четверть века, серьезно пытаться вскрывать чужие двери с помощью «демократического» лома. Да простится мне столь кощунственное сочетание этих слов!

Трехлетняя очень умная внучка моего старого приятеля-журналиста и писателя Геннадия Бочарова на его вопрос «Почему солнце садится вечером и встает утром?» долго молчала, а потом, глядя ему прямо в глаза, сказала: «Ответа нет!»

В том сказочно-прекрасном мире, в котором пока еще живет эта юная прелестница, вопрос совсем не кажется ей простым, как, очевидно, думал ее умудренный опытом жизни дедушка, но самое удивительное здесь то, что она не сказала «я не знаю». Она сказала: «Ответа нет!», прозвучавшее как императив, вроде вывески на стене «Входа нет». И там действительно не вход, а наглухо закрытая дверь.

Не оказываемся ли мы часто в таком же положении, оставаясь перед вывеской и понимая, что выбор при желании все-таки найдется, – можно, например, проломить стену, снести крышу, взломать дверь или заставить кого-то ее открыть...

В мировой политике такого рода решения, увы, довольно обычная практика.

Так и начинаются войны.

«Вестник аналитики», №3–2006 г.

Декабрь

Читатель наверняка обратит внимание на то, что в номере несколько статей с вопросительными интонациями в названиях. Естественно, заметили это и мы, но не стали ничего менять.

«Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?» «Россия – Британия: новые времена – новые отношения?» «Какой этнос нужен России?» «Должны ли расцветать все цветы?» «Качественно новая российская армия – какая она будет?» «Каким быть отечественному образованию?» «Откажется ли человечество от сверхзвуковых пассажирских самолетов?»

Такой вот букет вопросов в итоговом, четвертом номере «Вестника» – вопросов, касающихся самых различных сторон государственной политики и общественной жизни.

Что стоит за ними? Несомненно, проблемы – еще не решенные или решенные не так, как ожидалось, или вообще замороженные в силу каких-то причин, но грозящие серьезными осложнениями в будущем. В результате их анализа авторы формулируют выводы, которые, собственно, и являются ответами на поставленный в названии статьи вопрос. И в любом случае это приглашение читателя к размышлениям, к сотворчеству, что, собственно, и является одной из задач аналитики.

«...и для нас вопрос об исчезновении этого огромного, ставшего эпохой государства и о том, почему это произошло, имеет жизненно важное значение, – пишет Стивен Коэн. – Это событие, как никакое иное в современной истории, явилось определяющим для мира, в котором мы все живем после 1991 г. Сгруппировав ряд наиболее часто называемых факторов по признаку сходства, мы получим шесть разных объяснений конца Советского Союза, которые заслуживают нашего внимания».

Весьма интересен подход к проблеме реформирования Российской армии Изабель Факон: «Подлинно качественная реформа, учитывая нынешнее состояние российской военной и военно-промышленной системы, несомненно, позволила бы развернуть самое серьезное сотрудничество с зарубежной промышленностью и армиями. Для военных такая перспектива неочевидна: даже несмотря на рост военного сотрудничества, оно остается ограниченным, а интерес российских офицеров к иностранным моделям модернизации вооруженных сил – весьма относительным. Складывается впечатление, что в промышленности процесс преобразований идет быстрее – и именно потому, что правительство в этом заинтересо-

вано: это свидетельство не только военной, но и экономической мощи страны».

Ее «взгляд со стороны» критичен, но конструктивен. И с выводами ее можно соглашаться или нет, но наличие кризисных явлений в оборонной и военно-технической политике очевидно, как и то, что совершенствование промышленного оборонного комплекса требует системного подхода.

Это, несомненно, одна из ключевых проблем государственного строительства, имеющая принципиальное значение для настоящего и будущего России.

Хотел бы высказаться на сей счет поподробнее.

Однажды мой приятель, дружбой которого я дорожу, бросил мне упрек в очередной дискуссии: «Почему ты так не любишь американцев? Ведь что ни статья или книга, США у тебя едва ли не главный виновник всех бед?»

Вопрос меня, признаюсь, озадачил и действительно заставил задуматься и даже засомневаться в своей объективности. Вспомнил об этом, размышляя над итогами очередного визита высокопоставленного лица НАТО – генерального секретаря НАТО Яапа де Хоопа Схеффера. Встречаясь с Президентом России и министром обороны, он сделал немало любопытных заявлений: «...Состояние здоровья отношений между Россией и НАТО очень хорошее. Но во всех отношениях, даже семейных, есть расхождения»; «...Мы с Россией идем по восходящей, мы не во всем согласны по всем вопросам, но по многим вопросам все-таки согласны»; касаясь российско-грузинских отношений: «Я сказал президенту, что хотя НАТО напрямую не играет здесь никакой роли...»

Очевидно, генсек имел в виду роли обходные, завуалированные, т.е. совсем другие какие-то роли, о которых он, естественно, умолчал, как и обошел ответом вопрос о том, как руководство НАТО отреагировало на беспокойство России в связи с расширением военной инфраструктуры НАТО в сторону российской границы и на планы США, члена НАТО, по размещению глобальной системы ПРО в Восточной Европе.

Туманные разъяснения о необходимости борьбы с терроризмом в центре Европы ракетами с ядерными боеголовками вряд ли можно принимать всерьез.

НАТО неуклонно расширяется, с каждым годом вбирая в себя все новых и новых членов, и мощная военная организация, уже обзаведшаяся собственными силами быстрого реагирования, все ближе подступает к нашим границам. А когда им напоминают о заверениях и честном слове, данных бывшими руководителями СССР и России, в ответ звучит известное «се ля ви» – такова жизнь!

В прошлом номере нашего журнала в статье «Военные силы в системе политики безопасности и обороны Германии» Василий Белозеров напоминает о необходимости внимательного анализа политики безопасности и обороны Германии, обнаруживая в ее действиях признаки «возврата к традиционному поведению великой державы». В основу определения предназначения и задач бундесвера положено самое широкое видение обороны: она сегодня уже не может быть сведена лишь к отпору армии агрессора по периметру границ страны или блока НАТО. Ну а заявление руководителей военного ведомства ФРГ, что «зона действий немецкой армии – весь мир», не требует особого комментария.

Одна из особенностей все больше глобализирующегося мира – это безраздельное господство в мировом информационном пространстве западных СМИ, и в первую очередь СМИ США. Суждения о том, что в современном мире все страны равноправны, а эпоха применения грубой военной силы отошла в прошлое, несмотря на всю свою ослепительную банальность, по-прежнему прикрывают истинные цели эгоистичной и насквозь прагматичной политики американского государства, руководствующегося единственной догмой – сильный всегда прав. И только этим можно объяснить столь широковещательное и амбициозное заявление вчерашнего министра обороны США о том, что армия США способна не только продолжать борьбу с террористами в Ираке и Афганистане, но одновременно противостоять всем угрозам безопасности страны как на континентальной ее части, так и за пределами оной. Но, очевидно, способна и перевернуть мир с ног на голову, если вдруг покажется, что так он будет выглядеть, на их взгляд, более демократичным.

Как-то я записал в свой блокнот мысли двух специалистов – известного классика военной науки К.Клаузевица и писателя-историка П.Межеричко – автора книги «Читая маршала Жукова»:

«Мне много приходилось заниматься историями войн, и во все времена я видел одно: современники относили войну в неопределенное время, тогда как она уже стояла у порога их стран» и «Цивилизация – не сборище государств-шаек. Тогда-то и шатается мир и готов пасть, когда к власти приходят бандиты с нецерным мировоззрением, а договорные принципы, заложенные в основу цивилизации, обманываются этими террористами от политики».

Кто может сегодня гарантировать, что ни одна из этих возможностей не исполнится в реалии именно тогда, когда ты менее всего ожидаешь этого?

Всего только и понадобилось для начала войны в Ираке, как найти удобный повод – наличие у диктатора оружия массового уничтожения и связей с международной сетью террористов. Ни того ни другого, как известно, не нашлось, но война, начавшись, остановиться уже не может, и ее организаторам и вдохновителям еще предстоит пожать плоды своей авантюры.

И еще об одном сюжете.

В начале октября Совету по внешней и оборонной политике (СВОП) был представлен доклад Трехсторонней комиссии, посвященный нашей стране.

По мнению авторитетных западных дипломатов и экспертов, Россия сейчас находится в наиболее благополучном состоянии, чем когда-либо в истории, но «парадоксальным образом ее экономические успехи совпали с охлаждением в отношениях с Западом. И одна из причин – сохранившееся предубеждение к нашей стране, в том числе «связанное с не исчерпанным до дна сталинским наследием». «Предубеждения есть, но если их подогревать, то они сыграют разрушительную роль» – такой вывод сделал один из авторов доклада, бывший посол Великобритании в России сэр Родерик Лайн.

В связи с этим не могу обойти вниманием реакцию некоторых западных СМИ на ставшее уже традицией общение Президента России с гражданами страны, его ответы на их вопросы этой осенью.

В каждой стране лидеры практикуют свои формы общения с населением, у каждого свой стиль выступления, свои способы донесения до людей того, что они считают нужным и необходимым в тот или иной ситуационный момент.

Президент США регулярно выступает в конгрессе, но всегда уверен, что его в этот момент слушает весь мир. «Сегодня Америка вновь обращается ко всему миру!» Так, например, прозвучали первые слова его второй инаугурационной речи.

Наш президент, помимо ежегодных посланий к парламенту, активно использует расширенные пресс-конференции для российских и зарубежных журналистов и ежегодные же «прямые линии» для граждан. Наиболее важные заявления и комментарии к событиям звучат, как правило, здесь, и они дают хорошую пищу для размышлений как журналистам, так и политикам.

Не сравниваю, констатирую факты – не хуже, не лучше, просто по-другому. Но думаю, что для нашей страны, раскинувшейся на 9 часовых поясов, и населения, не очень избалованного комфортабельными условиями для жизни, весьма важна возможность непосредственного общения с главой государства, и 2 миллиона заданных ему вопросов в последней «прямой линии» все-таки говорят о многом.

Такой своеобразный градусник, на мой взгляд, плохо ли – хорошо ли, но позволяющий измерять температуру общественного организма – настроение населения страны.

Чего же здесь дурного? Почему вдруг одновременно, как по мановению дирижерской палочки, ряд западных СМИ весьма критично отозвался об этой акции?

На это, конечно, можно было и не обращать внимания – как говорится. а караван идет, но, как справедливо отмечает Александр Рар, один из ведущих экспертов по вопросам внешней политики, у простых людей на Западе, не имеющих объективной информации о России, таким образом и формируется неверное представление о нашей стране. Внушается мысль, что был реализован тщательно разработанный сценарий некоего действия, в котором участвуют специально отобранные люди, и все это напоминает советские времена. Правда, о каком советском времени они вспоминают, не совсем понятно –

вряд ли кто сможет припомнить что-то подобное в практике общения советских руководителей с населением страны... Впрочем, европейцы всегда были уверены, что они лучше нас самих знают Россию.

А между тем именно в процессе этого беспрецедентного по своим масштабам общения президента с миллионами российских граждан прозвучало то, чего от него, как он, очевидно, чувствовал, ждали, – слова о своем постпрезидентском бытии: «Конституция... не дает мне права баллотироваться третий раз подряд. Но, даже утратив властные полномочия и рычаги президентской власти, я думаю, что, не подгоняя Основной закон под свои личные интересы, мне удастся сохранить самое главное, чем должен дорожить человек, который занимается политикой, – ваше доверие. И, используя это, мы с вами сможем влиять на жизнь в нашей стране и на то, чтобы гарантировать ее развитие поступательным образом, с тем чтобы оказывать влияние на то, что происходит в России». Кем будет Путин после 2008 года?

Гадание на эту тему считаю бессмысленным, им сказано главное: у России будет другой президент, и российскому обществу и миру послан четкий о том сигнал.

Как на это среагируют наше общество и элита – большой вопрос. И то, что президент стремится в оставшееся время как можно больше сделать из задуманного, одновременно проверяя дееспособность и эффективность работы людей своего ближайшего окружения, очевидно.

Так что ближайший год будет не просто динамичным, а насыщенным различными политическими коллизиями, и мы, несомненно, станем свидетелями и участниками немалых остросюжетных событий.

«Вестник аналитики», №4–2006 г.

Год 2007

Март

За прошедшие три месяца произошло немало событий, оказавших существенное влияние на текущие политические процессы, их динамику и направленность. Порой трудно изба-

виться от ощущения, что на земле становится все теснее и неуютнее, страны все чаще начинают задевать локтями друг друга, все более настойчивыми кажутся попытки более сильных навязывать свой строй мысли и образ жизни менее сильным, по-своему расставить мебель в чужом доме и повесить в них свои иконы. И уж совсем нестерпимо, когда начинают рыть окопы у твоих ворот...

Нечто вроде этого и происходит сегодня в нашем мире, обремененном грузом трудноразрешимых проблем, враждой и стереотипами старого мышления. США, по уши завязшие в Ираке и Афганистане, тащат тем не менее на Алеутские острова, поближе к Камчатке, самый большой радар морского базирования для усиления системы ПРО, а НАТО копает котлованы для тех же целей в Чехии, затем будет копать в Польше, а если повезет, то и на Украине... Может, потому и тащат, и копают, что где-то постоянно вязнут, а денег на все всегда не хватает?

Это, конечно, очень простой ответ, но даже более полный и обстоятельный все равно сведется к проблеме своевременного наполнения и опустошения военного бюджета, которым всегда измерялись и будут, увы, измеряться самые завиральные идеи и проекты военных начиная с мирового господства. Откуда иначе эта задумка защищаться от иранских и, тем паче, северокорейских ракет, глядя в прицел, направленный на Россию?

Дипломатический язык, как правило, избегает очевидных слов и прямых оценок. В статье Инны Шумиловой «Новый курс» США в Ираке: старые цели в новой PR-упаковке» читатель найдет красноречивое подтверждение этому. «Для описания существующей ситуации, – пишет она, – Буш использовал выражение «мы не выигрываем и не проигрываем». Ранее в речах президента преобладало словосочетание «мы, безусловно, выигрываем». Такой разворот во мнении он назвал «своей верой в победу». И последующий анализ смыслов и сигналов в речи Буша дает достаточно полное представление об истинных целях и намерениях президента: если не нейтрализовать, то, по крайней мере, смягчить реакцию общественности на провал операции в Ираке.

Для аудитории, искушенной в политических словосплетениях, в которых более всего ценится умение сказать все, ниче-

го не говоря, мюнхенская речь В.Путина о проблемах международной безопасности, конечно же, показалась непривычно откровенной и резкой. Еще бы, вещи названы своими именами и оказалось, что волки, якобы сменившие свой пищевой рацион на траву, по-прежнему охотятся за овцами, причем преимущественно на чужих пастбищах.

Эта ситуация, подробно проанализированная многими специалистами, вряд ли нуждается в новых комментариях. В любом случае я разделю лишь основные мнения, сходящиеся в том, что сегодняшняя политика США, ЕС и НАТО зримо расшатывает международную безопасность и грозит серьезными осложнениями в будущем. Прав Сергей Караганов, считающий, что выступление российского президента станет «холодным душем» для США, их возрастающего пыла, попыток возродить дух «холодной войны». Не менее и не более того. Не мало, когда сидишь на пороховой бочке.

И тем не менее позволю себе несколько суждений по этому поводу – в продолжение своих заметок в предыдущем номере, где я, как мне представляется, достаточно ясно выразил свое негативное отношение как к мировой политике США, так и к делам и к словам ее партнеров. А начну с выдержки из статьи французского политолога Тома Гомар, впервые выступающей в нашем журнале.

Говоря о множестве течений в восприятии Францией России, она подчеркивает, что попытки связать будущее страны с будущим ее президента серьезно влияют на политическую ориентацию Парижа и западных союзников, размышляющих над проблемой, как построить «неизбежное «стратегическое партнерство» с непредсказуемым режимом, невосприимчивым к постороннему мнению и имеющему иное восприятие времени?». Вопрос, собственно, в том, какую позицию следует занять по отношению к России исходя из предположения, что проведение более жесткой политики внутри страны рано или поздно проявится и во внешней политике».

Что здесь для нас важно – вот это самое предположение, которое выступает в качестве основной доминанты в определении позиции ведущих государств мира по отношению к стране, «невосприимчивой к постороннему мнению». Ни в ко-

ей мере не вступая в дискуссию с автором, хочу отметить лишь, что и сама Франция, как известно, проявила свое «непослушание» отказом участвовать в военной авантюре американцев в Ираке и была, кстати сказать, морально поддержана «непредсказуемой» Россией. И речь в данном случае идет, конечно же, не о восприимчивости вообще как принципе деятельности, а о неприятии навязываемых ей демократических норм Запада как безусловно образцовой модели цивилизованного государства.

Но Тома Гомар, несомненно, права в том, что предположения, вытекающие, скорее, из собственных представлений о должном и нужном, чем из реальной оценки существующего в реальном времени и обстоятельствах, может основательно исказить политическую ориентацию любого государственного деятеля. Что, собственно, и произошло и с министром обороны США Гейтсом, поставившим Россию в один ряд с Ираном и Кореей среди вероятных противников США, и с генеральным секретарем НАТО Япом де Хоопом Схеффером, считающим, что «укрупнение альянса не происходит в ущерб кому-либо» и увидевшим в нарисованной ему наглядно картине мира лишь «несогласованность между партнерством НАТО с Россией... и речью президента Путина». Жаль, что никто ему не напомнил об истерике, в которую впала Америка в 1961 году, когда советские ракеты оказались у нее под боком, на Кубе.

Вообще же меня несколько удивляет однозначная реакция и многих комментаторов, поспешивших, на мой взгляд, сделать слишком широкие обобщения. «Готовимся к войне?», «Палец на крючке войны», «Назад в будущее», «Пережить бы 2007» – уже сами заголовки множества опубликованных в последнее время статей свидетельствуют о многом.

«Мир, похоже, – считает Глеб Павловский, – накренился к большой войне... И пока никто не предлагает мало-мальски представимый вариант мирной трансформации мировой системы, вероятность войны растет. Как это повлияет на наши внутренние дела, неизвестно, но все ключевые события, скорее всего, будут происходить также в следующее президентство».

Вот с этим последним заключением трудно не согласиться – и повлияет, и многое действительно будет происходить в

дальнейшем, но уже с учетом и при воздействии сказанного нынешним президентом сегодня.

Что же касается возможности большой войны, то вряд ли можно о ней говорить сейчас всерьез. Как, впрочем, воспользуюсь чужой формулировкой, «проталкивать ее в сферу политики и выводить в базовые установки, на которых строятся отношения между государствами». Словно и вправду нет разницы между словесной дуэлью и действительной политикой в реальности. Сейчас мы признаем «серьезной ошибкой» недооценку в свое время факта выхода США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности и уничтожение всего имеющегося арсенала их, а также, не исключено, сожалеем о ликвидации военных баз в Европе и Азии. Все остальное и есть следствие этих поспешных или вынужденных решений, что надо, несомненно, признать и сделать необходимые выводы.

Кстати заметить, о планах размещения элементов ПРО в Западной Европе нам было известно даже не вчера, и сегодняшнюю жесткую реакцию на практическую реализацию этих планов можно вполне объяснить досадой на собственный допущенный просчет. Да и последовательное включение почти всех стран бывшего восточного блока – участников Варшавского договора, как помнится, сопровождалось нашим же откровенным заигрыванием с НАТО. Или мы действительно были столь наивны, что не понимали, что в одно прекрасное время увидим перед своим носом частокол из натовских государств?

Все наши многочисленные неувязки, взаимные тычки и эскапады раздраженных слов поверх действительно существующих проблем в отношениях с нашими бывшими союзниками сыграли в том совсем не малую роль, как и способы их решения. Кому это может понравиться? Или мы хотим увидеть натовцев из окна девятиэтажки Смоленска? Многим не очень по душе сегодняшний Лукашенко, но, загнанный в угол и поддерживаемый соседями, он может преподнести нам немало сюрпризов.

Сказано: история не дает уроков, она наказывает за невыученные уроки.

И тот же имидж России, «упавший за рубежом и не выжавшийся», как прозвучало из уст одного нашего высокопостав-

ленного чиновника, требует, несомненно, большего внимания, чем попытки поднять его с помощью контрпропагандистских брошюр и телепередач, повторяющих по сути приемы и методы советской пропаганды.

Несомненно, требуется пересмотр многого из того, что еще вчера казалось возможным и приемлемым. Мир действительно меняется, изменяется и гигантское пространство бывшего СССР, а значит, и поле мировой политики России, которое, как ни считай, начинается у ее границ. Статья Евгения Вертлиба (Германия), публикуемая в этом номере, дает убедительное представление о тех сложных и неоднозначных процессах, которые протекают в Центральной и Средней Азии – этом важнейшем для нас регионе мира, требующих от России, как он считает, «еще более обдуманных, адекватно размерам угроз, и просчитанных внешнеполитических шагов».

Внешние угрозы России принимают все более системный характер, и с этим нельзя не согласиться. Но, как предупреждает Владимир Дергачев (Украина) в своей статье «Трансформация технологий новейшей геополитики», самые изощренные из них, направленные на манипулирование сознанием (подсознанием) граждан государств, являющихся объектом воздействия, позволяют бескровно захватывать чужие территории изнутри. Что автор весьма убедительно и демонстрирует на примере прокатившихся по пространству бывшего СССР так называемых цветных революций.

А закончить свои заметки я хотел бы весьма дельным, на мой взгляд, советом одного малоизвестного, но, несомненно, неглупого человека: «Предстоящие вам испытания вы должны рассматривать как урок, который необходимо усвоить. Вам не следует презирать своего противника. Смотрите на него, как на дорожного регулировщика, который заставил вас двинуться в другом направлении. Куда приведет этот путь, вы узнаете. То, что сейчас кажется вам таким ужасным и действующим на нервы, со временем обернется вам на пользу, как бы дико это сейчас ни звучало».

Июнь

В этом номере Вестника практически весь раздел «Международные отношения» посвящен Ближневосточному региону, где уже не первое десятилетие сталкиваются экономические и политические интересы многих ведущих государств мира. О различных аспектах складывающейся там непростой и взрывоопасной ситуации пишут и отечественные, и зарубежные аналитики. Широко обсуждалась эта тема на Международной научно-практической конференции «Россия и безопасность», затрагивается она и в традиционной рубрике «500 строк».

Очевидны и злободневность, и актуальность проблем, неразрешенность которых угрожает всей системе сложившихся международных отношений и глобальной безопасности в целом. Понятна и озабоченность нашей страны ситуацией, складывающейся недалеко от ее границ.

Некоторыми соображениями на этот счет я хотел бы поделиться и на сегодняшней «Страничке».

Ближний Восток. Необходимость российского присутствия

В течение многих лет наша страна была активным участником политических процессов, происходящих на Ближнем Востоке. С распадом СССР она перестала уделять должное внимание этому вектору своей внешнеполитической концепции. Пожалуй, значимым достижением 1990-х гг. стало прекращение открытой конфронтации с Израилем.

Первые попытки «вернуть утраченное» были предприняты Москвой в начале 2000-х гг. Но и тогда попытки эти не сумели трансформироваться в более или менее внятную стратегию, и Россия, вложив в Ближний Восток огромное количество интеллектуальных и финансовых ресурсов, так и не получила соответствующей отдачи.

Взгляд России на развитие отношений со своими восточными соседями серьезно отличается от подходов США, кото-

рые не испытывают на себе такого влияния восточных культур и религий, как Россия. Соответственно у американцев нет и глубинной мотивации на сотрудничество со странами Ближнего Востока. Нынешнее совпадение американской и российской позиций по ряду вопросов ближневосточной проблематики является конъюнктурным и может быть в любой момент изменено. Однако, несмотря на это, в нынешних обстоятельствах поддержание конструктивных отношений с США остается для России чрезвычайно важным хотя бы потому, что Вашингтон остается ведущим политическим игроком на Ближнем Востоке.

Ключевым пунктом в ближневосточной стратегии нашей страны должна стать проблема Ирака. В 2002 году сотрудничество Москвы и Багдада вышло на новую орбиту. Россия развивала торговлю с Ираком в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» и разработала рассчитанную на 10 лет программу долгосрочного экономического сотрудничества. Когда США открыто заявили о необходимости свержения баасистского режима, Москва выступила против силового решения «проблемы Саддама Хусейна». Сегодня совершенно очевидно, что, отвергая агрессивные устремления Белого дома, Россия оказалась абсолютно права. США не смогли с помощью насилия направить иракцев по демократическому пути. Американский курс в Ираке был охарактеризован Президентом России как «...большая политическая ошибка».

В докладе американских спецслужб «Тенденции глобального терроризма: значение для Соединенных Штатов», фрагменты из которого администрация Дж. Буша вынужденно рассекретила, отмечается, что война в Ираке способствовала росту глобальной террористической угрозы, возникновению новой волны исламского радикализма и появлению нового поколения террористов. Кроме того, год от года война в Ираке пожирает все больше бюджетных средств и жизней американских военных (в настоящий момент потери контингента США в Ираке составляют примерно 3200 человек, количество же погибших за время войны иракцев учету просто не поддается: согласно данным, приведенным американским Университетом Джона Хопкинса, эти потери превышают 600 тыс. человек).

Бесперспективность кампании привела к росту общественного недовольства и снижению рейтинга президента Буша. В результате победившая на выборах в Конгресс (как в Палату представителей, так и в Сенат) в конце 2006 года Демократическая партия сделала своим главным политическим лозунгом прекращение кровопролития и вывод контингента США из Ирака. Линию демократов разделяют и некоторые республиканцы, например сенатор Чак Хейгл. В настоящий момент демократы пытаются увязать выделение дополнительных сумм на ведение войн в Ираке и в Афганистане (порядка 122 млрд. долларов) с выводом войск из Ирака. Палатой представителей в конце марта был принят соответствующий законопроект. 29 марта 2007 года он был одобрен Сенатом. При этом члены нижней палаты настаивали на том, что вывод войск должен состояться до сентября 2008 года, сенатская же редакция закона предписывает американским войскам покинуть эту арабскую страну не позже 31 марта 2008 года. Одобрение законопроекта Конгрессом вызвало гневную реакцию Белого дома – президент Буш пригрозил наложить вето на любой документ, в котором содержится пункт об «отступлении из Ирака».

Еще одним внешнеполитическим провалом обернулась военная авантюра Белого дома в Афганистане. В настоящий момент силы НАТО ничего не могут противопоставить активизации движения «Талибан» на юге страны, которое постепенно возвращает себе утраченные в 2001 году позиции. Более того, бесконтрольность со стороны американцев и НАТО привела к тому, что Афганистан фактически стал полным монополистом в поставках наркотиков опийной группы на мировые рынки (90 процентов мировых поставок). Выращивание опийного мака и экстрагирование опия-сырца происходит на всей территории этой страны, а в ряде провинций создан замкнутый цикл производства – от культивирования мака до производства героина, его складирования и реализации крупным оптом. По данным, которые привел руководитель Управления ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК) Антонио Мария Коста, опий выращивается в 28 из 34 провинций страны. Его выращиванием заняты 2,9 млн. человек, или 12,6 процента населения

страны. В 2006 году площади посева опийного мака занимали в стране 165 тыс. гектаров, они выросли по сравнению с 2005 годом на 59 процентов. Урожай опия достиг 6100 тонн – рост за год на 49 процентов. Доходы от произведенных в 2006 году наркотиков превысили 3 млрд. долларов США.

После вторжения в Ирак сил антисаддамовской коалиции в 2003 г. Москва пыталась отстоять контракты, заключенные отечественными энергетиками с режимом Саддама Хусейна. В частности, она списала практически весь долг Багдада, с помощью российских компаний в стране были возведены строительные объекты, достигнута договоренность об обучении иракских студентов в нефтегазовых вузах России и ежегодных стажировках иракских специалистов на объектах отечественных нефтяных компаний.

Однако эти усилия оказались явно недостаточными, поскольку никакого реального продвижения в направлении учета российских интересов в Ираке со стороны США и новой иракской администрации не просматривается до сих пор. Во многом такое положение дел обусловлено общей нестабильностью, охватившей в последние годы Ирак.

Сегодня эта страна де-факто уже расчленена на шиитскую, суннитскую и курдскую этно-конфессиональные части. Американцы, судя по последним тенденциям, либо вообще уйдут из Ирака, либо передислоцируют свой контингент в наиболее стабильную часть страны, например в Иракский Курдистан. Следует, однако, отметить, что в перспективе расчленение Ирака может стать лишь залогом стабилизации ситуации в отколовшихся от него квазигосударственных образованиях (в первую очередь шиитском и курдском), где местные ополчения, а также политические и духовные авторитеты сумеют взять ситуацию под контроль.

Самоустранение американцев от управления политическими процессами на юге страны открывает перед Россией дополнительные возможности для того, чтобы отстоять в Ираке свои национальные интересы. Шиитское государственное образование, которое рано или поздно появится на руинах Ирака, будет нуждаться и в политической, и в финансовой поддержке. И именно Россия в состоянии будет ему эту под-

держку оказать, тем более что с уходом американцев Иран станет на иракском юге ведущим игроком.

В этой связи хотелось бы сказать, что окончательно «сжигать мосты» между Москвой и Тегераном для нашей страны совершенно нецелесообразно. Споры нет – ситуация вокруг Бушера некоторым образом осложнила двусторонние отношения, но полностью разрывать их нельзя, учитывая, что отечественные энергетические корпорации заинтересованы в освоении иранского нефтяного и газового рынка. России необходимо и дальше следовать по пути убеждения Ирана и удержания США и ЕС от принятия в его отношении силовых мер. Разумеется, многое в этой ситуации зависит от самого иранского руководства, но наша страна просто обязана предпринять все необходимые усилия для того, чтобы избежать нового конфликта на Ближнем Востоке и отстоять свои интересы. Чтобы, как говорится, совесть была чиста. Данное утверждение тем более актуально, что в настоящий момент ситуация вокруг Ирана все больше осложняется. Не исключено, что инцидент с захватом иранскими ВМС пятнадцати британских солдат был специально спровоцирован Лондоном для того, чтобы в перспективе использовать его для нанесения удара по Ирану.

Но вернемся к Ираку. Признание российских экономических интересов в этой стране будет способствовать укреплению позиций РФ в глобальном масштабе. В связи со всем вышесказанным «ударным отрядом» российского проникновения на Ближний Восток должны стать именно крупные отечественные энергетические концерны, которые крайне заинтересованы в том, чтобы отстоять свои контракты в Ираке и получить новые подряды в Иране. У России сейчас есть и возможности для расширения своего присутствия на Ближнем Востоке, и силы, которые готовы эти возможности реализовать. То есть для нашей страны пришло время задуматься о том, как вернуть себе утраченные здесь не так давно позиции. Пока еще не в качестве полностью самостоятельной силы, а в альянсе, например с Китаем.

Но это в перспективе. А реалии сегодняшнего дня показывают, что огромная территория (в основном исламская), кото-

рая протянулась от Атлантического побережья Африки до Пакистана, переживает острейший кризис. Здесь есть «островки стабильности», но и они все в большей степени захватываются общим кризисным состоянием. Для России важно, что в этот процесс постепенно втягиваются новые члены мирового сообщества – бывшие среднеазиатские республики СССР, Афганистан и Пакистан. Реалии региональной обстановки требуют немедленного и активного включения России в экономические и социальные проекты тех стран, где кризисная ситуация может свернуть в антироссийское русло. В современных условиях речь может идти только о совершенно иной, новой региональной политике России, основанной прежде всего на развитии экономического сотрудничества. Политике, скорее всего, коллективной.

Коллективные возможности можно реализовать не только через двусторонние усилия России и Китая, России и Индии, но и, например, через ШОС, ЕврАзЭС, ОИК и т.д. Возможно привлечение на этот путь бывших среднеазиатских республик СССР. Возможен даже совместный путь с американцами. В таких альянсах Россия интересна партнерам тем, чем они не располагают сами – опытом экономического строительства в условиях многонационального государства с несколькими доминирующими религиями, представительством в международных мусульманских организациях и т.д.

Новую страницу в отношениях России с арабским миром открыло турне президента В.Путина по Ближнему Востоку (Саудовская Аравия, Катар, Иордания), состоявшееся в феврале 2007 года. Это уже вторая столь насыщенная поездка В.Путина в регион за два последних года (первая состоялась в апреле 2005 года), что свидетельствует о намерении российского руководства «вплотную» заниматься ближневосточной проблематикой. При этом симптоматично, что российского лидера в этой поездке сопровождали главы ведущих российских энергетических концернов – «ЛУКОЙЛа», «Газпрома» и т.д. «Капитаны» отечественного бизнеса провели переговоры со своими ближневосточными коллегами и подписали ряд документов (в частности, Меморандум о взаимопонимании между «ЛУКОЙЛом» и «Qatar Petroleum»).

Центральной темой переговоров Путина в Катаре стала проблема создания международного картеля, который, по примеру ОПЕК, объединил бы всех мировых производителей газа. Россия в последнее время серьезно относится к созданию «газового ОПЕК». Реализация этого проекта дала бы нашей стране дополнительные возможности в плане выстраивания более сбалансированных энергетических отношений с ЕС и снижения конкуренции на мировом газовом рынке.

Возможность создания картеля вызывает опасения США, да и Европы, где различные политические силы предпринимают попытки убедить Россию в бесперспективности ее участия в этой организации. Следует сказать, что это те же самые силы, которые на протяжении почти двух десятилетий убеждали нашу страну делать различного рода крупными внешнеполитические уступки в обмен на пустые обещания (отказ от идеи участия стран Восточной Европы в проамериканских военных блоках, принятие России в ЕС, участие Москвы в решении различных международных проблем и т.д.). Практически весь спектр этих обещаний был обрисован В.Путиным в его мюнхенской речи, которая вызвала широкий международный резонанс. На деле же ни одно из них так и не было выполнено. Причем в некоторых случаях западные «партнеры» попрали даже уже ранее достигнутые договоренности с Россией. Сегодня некоторые силы на Западе, организовывая натиск на российскую политику по вопросу «газового ОПЕК», размахивают перед ее носом очередными «пряниками». Однако исторический опыт последних лет показывает, что с течением времени «пряники» часто превращаются для России либо в «мыльные пузыри», либо в полновесные «кнуты».

В заключение хотелось бы сказать, что Россия должна стремиться остаться на Ближнем Востоке вне зависимости от изменения там политической конъюнктуры – в союзе с США или без них, создавая концессии, заключая СРП и т.д. То есть новая ближневосточная стратегия российского руководства должна не только быть универсальной, но и предусматривающей ее корректировку с учетом возможных долгосрочных изменений ситуации на субконтиненте.

«Вестник аналитики», № 2–2007 г.

Сентябрь

На этот раз я хотел бы отступить от традиционного представления вышедшего номера. Его содержание во многом продиктовано событиями минувшего лета – их было немало, и наиболее существенные из них в той или иной мере отражали реалии предвыборной мобилизации политических сил и сосредоточенного накопления ресурсов для будущей борьбы.

Не за власть, конечно, а за место под солнцем. И лишь в пределах отведенного для этих целей места.

Очевидная предопределенность итогов выборов, мысль о которой в течение всего года сознательно внедрялась политиками и политтехнологами в общественное сознание, показательная жесткость властей по отношению даже к весьма робким попыткам оппозиции сформировать некое альтернативное поле на политическом ландшафте, несомненно, свидетельствуют о том, что правящая элита крайне обеспокоена своим будущим после «смены караула». В обществе же, как заметил один из аналитиков, рейтинги, регулярно подтверждающие неизменно растущую популярность президента, порождают в значительной части электората гнетущее и тоскливое ощущение от его предстоящего ухода.

И хотя, казалось бы, все, что можно было сказать на этот счет, уже сказано-пересказано, тема не сходит со страниц разнообразных СМИ, обрастая самыми невероятными домыслами и предсказаниями возможных бед и неурядиц.

Естественно, что и обострение ситуации в уже вроде бы замиренном Кавказском регионе, и рост преступлений на национальной почве, и террористический акт на железной дороге Москва – Санкт-Петербург, подтвердивший недобрую репутацию августа как месяца катастроф и перемен, и весь комплект больших и малых осложнений на международной арене в целом и по периметру российских границ в частности – все это предстает как единый узел накопленных рукотворных проблем.

То есть, другими словами, «хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Можно, конечно, думать и так, но вряд ли при этом вытаскишь из спутанного клубка нужную нить. Вот, например, поче-

му-то теракт сразу же потащил за собой парламентские выборы и чеченский след. Причем сказано о том устами высокого официального лица, а не журналистами. Это уже потом кем-то из них на ту же нитку была нанизана и возможная отмена выборов мэров городов.

Странная, право, логика получается, но, увы, – видимо, хорошо помнятся прецеденты...

Не удивляюсь, но, как ни крути, мысль о живучести и навязчивости их приходит. Как и о странной привычке властей не единожды наступать на одни и те же грабли едва ли не во всех коллизиях, случившихся этим летом, – от обострения отношений с Великобританией до грузинского инцидента, сведенного чуть ли не до уровня коммунальной разборки.

Украина, Молдавия, Белоруссия, Эстония, Польша – не слишком ли велик список стран, которые открыли свой счет обид на нас и которых мы в свою очередь стали считать своими обидчиками?

Всему есть, понятно, свои объяснения, но случившееся похоже на цепную реакцию, которая, позаимствуя мысль у автора статьи «По ту и эту сторону добра и зла», имеет весьма нехорошую и опасную тенденцию: «Из проделанного новейшей физикой анализа явлений турбулентности, хаоса и катастрофы известно, что любой поток, любой линейный процесс, когда его ускоряют, приобретает странную кривизну – кривизну катастрофы... Потенциально катастрофична любая цепная реакция».

Так не должно было быть, а значит, не должно было быть допущено.

Или это не вопрос нашей национальной безопасности?

И все-таки это большая иллюзия – пытаться найти единственную причину недомогания огромного общественного организма и тем более предлагать при этом единственно верный способ лечения.

Мир ощутимо меняется, и проблемы, рождающиеся под воздействием глобальных процессов и проявляющиеся совсем неодинаково в различных социальных системах, чаще всего и решаются разновекторно в соответствии с существующими в этих системах представлениями руководства и эли-

ты о своем месте и роли в мире, путях развития, ценностях, интересах и пр.

Если следовать знаменитой метафоре З.Бжезинского о мире как о шахматной доске, вся международная политика представляет собой сегодня многоходовую игру множества игроков разной квалификации, поставивших на кон судьбу человеческой цивилизации.

Надо ли говорить о том, какая муха может укусить того или иного игрока в момент принятия ответственного решения...

Но речь сейчас не об этом. О том, как по-разному видятся одни и те же процессы и как разные оценки могут вести к диаметрально противоположным выводам.

Я думал об этом, слушая выступления своих коллег на трехсторонней конференции на тему «Стратегические и политические курсы на постсоветском пространстве», проходившей в июне в Берлине в Германском совете по внешней политике.

Обсуждались три подтемы: 1. «Стратегия России на постсоветском пространстве. Успехи и неудачи». 2. «Европейский союз и его «новая восточная политика. Политика в отношении восточных соседей, новые договоры о партнерстве с Россией и другими странами СНГ. Энергетическая хартия» и 3. «Глобальное лидерство США: каковы шансы на будущее?»

По сложившейся традиции дискуссии на конференции носят доверительный характер, разговор идет в рамках обозначенных в повестке тем, но имена выступающих участников не оглашаются. Да, собственно, не столь уж и важно, кто именно что сказал – любая оригинальная мысль может быть тут же подхвачена и развита или, напротив, опровергнута другим суждением, но только так и создается атмосфера творческого поиска путей решения тех или иных проблем, обнаруживаются и трезво оцениваются расхождения в подходах.

Я уже много лет участвую в этих конференциях, знаю и высоко ценю многих ее постоянных участников за высокий профессионализм, умение слушать и понимать других. За каждым из них – десятилетия работы в реальной политике и несомненная заинтересованность в конструктивном разговоре.

Вот какие суждения прозвучали при обсуждении всех трех подтем.

Это сделанные мною записи по ходу разговора.

1. Очевидно, что СНГ не смог реализоваться полностью как организация. Это был интуитивный проект при отсутствии продуманной политики. По большому счету население России не только не желает реинтеграции, но и не интересуется судьбой стран и народов на постсоветском пространстве. Как ни парадоксально, но на сегодняшний день российское общество – одно из наиболее индивидуализированных обществ в мире.

Необходимо переоценить существующие политические и иные реалии со стороны России, и на основе этой переоценки создать новую внешнеполитическую стратегию.

Реального диалога между Западом и Россией не существует. Для России успешная внешняя политика заключается в сближении между Россией и странами СНГ, для Запада, наоборот, в отдалении стран СНГ от России.

2. Модель Евросоюза вовсе не пример для подражания, а исторически удавшийся проект, который взял за основу определение общих интересов стран-участниц и развитие на этой основе дальнейших отношений.

Сложность ситуации Евросоюза в том, что со стороны России его политика рассматривается как агрессивная, в то время как со стороны США – как недостаточно жесткая. Объективно действия обеих стран направлены на раскол внутри ЕС. Ни в США, ни в России нет аналогичной стратегии по отношению к странам на постсоветском пространстве, которую проводит Евросоюз.

Очевидна необходимость развития взаимопонимания между Россией и ЕС ввиду обоюдной заинтересованности в конструктивных отношениях. Нужно прежде всего осознать необходимость сближения между двумя сторонами. Конструктивным и наиболее потенциальным полем развития двухсторонних отношений в первую очередь является энергетический сектор.

Россия и ЕС нуждаются друг в друге больше, чем Россия и США. Исходя из стратегического понимания Евразии ЕС для России является наиболее благоприятным партнером.

ЕС и Россия, безусловно, являются сложными партнерами, но в случае необходимых усилий с обеих сторон конструктивный диалог и конструктивное сотрудничество вполне реальны. О европейской солидарности же в целом говорить неправильно, это понятие должно рассматриваться в каждом отдельном случае.

3. США не заинтересованы в дезинтеграции СНГ. Более того, НАТО не преследует цели вовлечения стран СНГ в свой формат, однако принципы открытой политики являются приоритетными для организации, и она не может закрыть дверь перед теми странами, которые стремятся к членству в этой организации. К сожалению, Россия неправильно интерпретирует эти принципы и политику, проводимую НАТО.

СНГ идет в направлении снижения уровня политического и одновременно повышения уровня экономического сотрудничества. Но конфликты на постсоветском пространстве в дальнейшем могут усугубиться.

Ни Абхазия, ни Южная Осетия, ни Приднестровье не рассматриваются как конфликты, к которым применим прецедент Косово.

Переговоры с Польшей и Чехией относительно установления ПРО на территории этих стран будут продолжаться. Но и с Россией США готовы начать стратегический диалог.

Сотрудничество между Россией и США может быть особенно конструктивным по двум направлениям – борьба с международным терроризмом и нераспространение ядерного оружия.

Из-за достаточно агрессивной внешней политики США в России не столько антизападные, сколько именно антиамериканские настроения.

И ЕС, и США хотят видеть предсказуемую Россию. Однако действия отдельных стран искусственно создали ряд трудностей, которые способствуют росту нестабильности. При этом американское лидерство не воспринимается Россией, считающей, что ни одна страна не вправе диктовать свой курс в мировой политике.

Некоторые европейцы пытаются придерживаться позиции США, что вредит отношениям между ЕС и Россией, в то

время как для России в последние годы диалог с ЕС стал приоритетным в ее внешнеполитической стратегии.

Россия, несомненно, заинтересована в сотрудничестве с США, однако на данную заинтересованность отрицательно влияет то, что, несмотря на данные со стороны США в частности и Запада в целом обещания, расширение НАТО на Восток продолжается.

Общий вывод: США, ЕС и Россия при необходимых усилиях смогут найти способы и формы сотрудничества. Будет ли это выборочное или стратегическое партнерство, покажет будущее в зависимости от желания сторон создать общую платформу совместных действий.

Надеюсь, что читатель без большого труда разберется в позициях сторон.

«Вестник аналитики», №3–2007 г.

Декабрь

Этот номер – последний в текущем году, и попадет он к читателю, скорее всего, в канун парламентских выборов. Но самое интересное, конечно, еще впереди. Хотя я, как и многие другие эксперты, полагаю, что ничего особо неожиданного не произойдет. Во всяком случае не должно произойти, если, конечно, не образуется некая масштабная внештатная коллизия в стране или в мире.

Горячие угольки возможных конфликтов тлеют во многих районах планеты, по-прежнему реальны угрозы актов международного терроризма. Факторов, как и мотивов прибегать в политике к силовым решениям, к сожалению, предостаточно.

В вышедшем номере публикуется сокращенная стенограмма прошедшего 5 октября в Берлине российско-германского семинара «Угрозы безопасности для Европы?».

Семинар был организован Российским Домом науки и культуры при поддержке Института стратегических оценок и анализа и редакции нашего журнала, посольства России в Берлине и Семинара политических наук Гёттингенского университета.

Здесь представлены лишь основные доклады российских и германских участников, полностью же с материалами можно ознакомиться на сайте журнала.

Несколько самых общих суждений об этой важной акции.

Вопрос, вынесенный на обсуждение, достаточно красноречиво, на мой взгляд, говорит о содержании семинара, в котором приняли участие видные германские политики и политологи, в том числе бывший федеральный министр Эгон Бар, депутаты бундестага, эксперты по России, послы, военные атташе и политологи из Польши, Чехии, Словакии, Болгарии, представители российских и германских информационных агентств и СМИ.

На трех сессиях обсуждались такие актуальные проблемы, как состояние отношений между Россией и Германией, ЕС и Россией и их перспективы, вопросы глобальной и региональной безопасности, последствия реализации планов Вашингтона по развертыванию в ряде стран Европы элементов своей национальной системы ПРО. Это, несомненно, принципиальный вопрос не только для нашей безопасности, но и для выстраивания всей политики отношений России как с европейскими странами, так и с Соединенными Штатами Америки.

Выявилась довольно заметная разница в подходах и оценках сторон. Это касается, в частности, проблем построения нового мирового порядка и роли в этом процессе США как главного претендента на глобальное лидерство, Евросоюза, России, видения причин ухудшения отношений России с Евросоюзом и других вопросов. Но важно, что участники встречи проявили искреннее стремление сблизить позиции, найти приемлемые компромиссы. Вряд ли возможно без непредвзятого уяснения позиций сторон, особенно не совпадающих, начать движение навстречу друг другу.

По итогам семинара и неформальных бесед с его участниками можно сделать вывод, что с германской стороны существует безусловная заинтересованность в развитии и двусторонних отношений с Россией, и в преодолении трудностей в отношениях между Россией и ЕС.

Большинство западных участников семинара хотя и в разной степени, но разделяют опасения в отношении планов Ва-

шингтона по развертыванию системы национальной ПРО в ряде европейских стран и их негативных последствий как для безопасности, так и для единства Европы.

Как подчеркнул С.Кортунов, «расширение НАТО – это цивилизационный вызов для России, который связан с восприятием России как европейской страны. Россия как бы выдавливается из системы европейской безопасности, что приводит к тому, что такая система безопасности будет неэффективной».

Представитель берлинского Фонда науки и политики Х.Адомайт, выражая, по-видимому, мнение определенной части германского и западного политического истеблишмента, отметил, что «декларируемые Россией ответные меры на развертывание ПРО США в Европе выходят далеко за рамки парирования этой угрозы, если она даже и существует. И не преследует ли Россия тем самым иные цели? Например, внести раскол в ряды НАТО или оправдать собственные военные программы, в том числе касающиеся тактического ядерного и обычных вооружений».

Ветеран германской политической элиты Эгон Бар особую опасность для будущего Европы, ее стабильности видит в нарастающих угрозах нового витка гонки вооружений. Рост этой угрозы инициируется, по его мнению, прежде всего военными планами Вашингтона, его недальновидной политикой, игнорирующей мнение ООН и европейских стран. Бар считает глубоко ошибочным и вредным «порционный», только для избранной группы государств, подход к безопасности. Безопасность в Европе может быть только общей – такова его точка зрения, которую поддержало большинство участников встречи.

Привожу эти три разных суждения лишь в качестве примера весьма откровенной и содержательной дискуссии, развернувшейся на семинаре вокруг одной из острейших проблем сегодняшнего дня.

Полезность подобного рода встреч представителей политических и научных кругов двух стран не вызывает сомнения. Тем более что, как показал и берлинский семинар, все еще имеет место дефицит доверия между Россией и ЕС, Россией и Германией. В этом кроется одна из причин того, что наши от-

ношения в этих форматах складываются пока еще далеко не лучшим образом.

Но, как сказал один из немецких участников, должны быть предприняты усилия, особенно с немецкой и российской сторон, направленные на создание в Европе общего пространства безопасности.

И это, несомненно, главный итог состоявшегося разговора.

«Вестник аналитики», №4–2007 г.

Год 2008

Январь

Пишу эту заметку за неделю до выборов нового президента. Две начальные статьи номера посвящены этой проблеме: Александр Ципко пишет о задачах строительства гражданского общества в России, выдвинутых Медведевым, Павел Гуревич – о метаморфозах власти, о политике, превращающей в игру, и о политике как театре.

Я же мысленно разглядываю предвыборный политический ландшафт. Уже ставших привычными, как домашний халат, Зюганова и Жириновского. Неутомимого в своих разъездах по стране и деятельного Медведева. Несомненно, экзотичного Богданова. Он выглядит здесь как рояль, найденный в кустах.

«Видела вас на дебатах, – говорит журналистка. – Вы такой были напомаженный весь». «Гелем мажусь», – отвечает кандидат в президенты. – Летом на даче с хвостиком хожу. Иногда с кошечками» (журнал «Большой город», №2, 2008 г.).

М-да...

Любопытны результаты социологических опросов: все основные центры сходятся на том, что Медведев наберет не менее 70% голосов избирателей. И побьет тем самым рекордный результат Путина четырехгодичной давности.

Вполне вероятно. Победа обеспечивается массовой пропагандистской работой властей на всех уровнях и особенно впечатляющими усилиями главного действующего лица российской политики. Образно говоря, на

широких крыльях своего рейтинга Путин мог поднять любого преемника. Он выбрал Медведева. И объяснил почему: «Это честный, порядочный человек, молодой человек, прогрессивный, современный».

Почти синхронные выступления и президента, и его преемника на Госсовете и на Красноярском экономическом форуме, несомненно, преследовали задачу демонстрации организационной преемственности власти. Дотошные аналитики не преминули сличить тексты, но главное внимание, естественно, было сосредоточено не на совпадении или сходстве мыслей и позиций, а на тех нюансах, которые позволяли бы в той или иной мере достоверности судить о готовности преемника самостоятельно руководить страной, учитывая, что прежний президент остается во власти.

Многие опасаются, что у нас может образоваться два центра, а в истории нет примеров благостного разрешения возникающих при этом проблем. Однажды уже было сказано, что даже хаос ищет свой центр, вокруг которого он будет потом вращаться.

Собственно, именно этот вопрос в основном и обсуждался едва ли не все предвыборные недели и, очевидно, не сойдет он с повестки дня и в последующем. Даже решенный как организационно-правовой, он неизбежно возникнет в качестве морально-психологического и, по мнению аналитиков, будет оказывать все возрастающее влияние на систему и уровень отношений – такова, увы, природа власти.

Хорошо, что они оба понимают: атаки надо ждать прежде всего в личном и межличностном плане. Вот же задали Путину вопрос: повесит ли он в своем кабинете портрет нового президента?

Мелочь, пустяк? Несомненно, но весьма показательные.

По данным Центра Юрия Левады, 18% опрошенных считают, что руководить страной будет Путин, а не формально избранный президент. Известный же астролог Павел Глоба, который, как он сам о себе говорит, «никогда не ошибается», утверждает, что Дмитрий Медведев «не будет слабой и управляемой личностью... У него есть шансы стать более жестким, прагматичным и менее управляемым».

Неизбежно обнаружатся различия и в подходах к решению конкретных проблем. Во всяком случае, во всех выступлениях Медведева весьма заметна правовая составляющая, и, как пишет известный политолог Дмитрий Фурман, «очевидно, этот упор на законность и право будет таким же важным личным «стилистическим признаком» правления юриста и «либерала» Медведева, как упор на порядок, контроль был «стилистическим признаком» правления Путина».

Вот в таком диапазоне, включающем и гадание на кофейной гуще, собственно, и выстраивается сегодня пирамида мнений о нашей сегодняшней политической реальности, в которой все большую роль играют не закономерности, а тяжелые кувалды политтехнологов. Или – тонкие инструменты политювелиров. Тут уж кому что нравится. Сущность управляемого процесса от этого выбора инструментов не меняется.

И все-таки с приходом нового лидера начинается и новый отсчет времени жизни страны. А у него есть шанс достойно войти в историю.

«Каким образом возникает сильный мотив власти? – пишет П.Гуревич. – Судя по всему, он в первую очередь свойственен сильным лидерам или тем, кто обладает потенциально лидерскими качествами... Запрос на лидера, на вождя возникает в конкретных социально-исторических условиях. Понятное дело, что вожацеские свойства могут быть не востребованы конкретной эпохой и, напротив, в силу сложившейся ситуации превратить обычного человека в крупную историческую фигуру».

Разве сам он об этом не думает?

Кем был всего лишь десять лет назад Путин? Вполне ординарным чиновником. Но именно он, приведенный к власти Ельциным, сумел задать стране нужный вектор развития и вселить в людей надежду на лучшее будущее.

«Я не вижу никаких серьезных неудач, все поставленные цели достигнуты, задачи выполнены», – так охарактеризовал он итоги своей президентской миссии.

Не будем цепляться за слова – нам предлагают вести отсчет от достигнутого.

Нельзя не обратить внимания на такой весьма впечатляющий пассаж в выступлении Медведева: «В основе нашей полити-

ки должен лежать принцип, который я считаю, несмотря на всю его очевидность, важнейшим для деятельности любого современного государства, стремящегося к достижению высоких стандартов в жизни: свобода лучше, чем несвобода. Речь идет о свободе во всех ее проявлениях – о личной свободе, об экономической свободе, наконец, о свободе самовыражения. Считаю достижение гармонии между свободой и правопорядком самым важным на данном этапе».

Это очень яркая и многообещающая заявка на руководство великой страной.

Что ж, нам остается только дождаться начала ее реализации.

«Вестник аналитики», №1–2008 г.

Июнь

Прав известный журналист Юрий Богомолов, сказавший: «В России у всех – политиков и журналистов, политологов и обычных людей – общая страсть: видеть во всем приметы, симптомы и предзнаменования, судить по ним и выносить на их основании вердикты».

Вот, например, читаю сообщение о совещании у нового президента, на котором определялось общее направление работы для наиболее эффективной борьбы с коррупцией: «Примечательно, – пишет журналист, – что в сегодняшнем совещании по коррупции не участвовал глава Правительства России – Владимир Путин. У него сегодня другая программа: несколько минут назад агентства сообщили о том, что премьер прибыл в Ессентуки. Прямо из аэропорта он направился в одну станиц, где намерен ознакомиться с работой молочно-товарных ферм».

В этом слове «примечательно» – вся изюминка сообщения. Значит, не счел нужным. Или не захотел. Или так они решили – работать отдельно...

Политика в ощущениях – так очень точно, на мой взгляд, определил свои впечатления А. Ципко о произошедших событиях в стране – инаугурации нового президента и утвержде-

нии В.Путина главой правительства и об ожиданиях перемен в связи с этим.

В таком же ключе и корреспонденции зарубежных журналов в рубрике «500 строк».

Словом, отдали дань этой общей страсти и наши авторы.

Лично мне импонирует, что оба лидера сразу же взялись за решение двух действительно важных и сложных проблем, о которых они говорили накануне выборов как о ключевых вопросах дальнейшего развития страны.

Сегодняшние мои заметки также об этом.

Несколько лет назад мне попала на глаза статья бывшего посла Сингапура в России и Украине Марка Хонга, в которой он поделился своими соображениями о коррупции и борьбе с ней. В октябре 1999 года Сингапур стал седьмой из наименее коррумпированных стран мира и первой среди азиатских стран по этому же показателю с общим рейтингом 9,1 балла из 10. Так что послу было что рассказать об уникальном в общем-то опыте работы.

Когда в 1959 году правящая партия пришла к власти, она приняла мощную программу по борьбе с коррупцией. Все общества, претендующие на длительное существование, должны поддерживать принцип честности, иначе общество не выживет, подчеркнул тогдашний премьер-министр Куан Ли. Самый легкий способ остановить коррупцию – минимизировать возможности для общественных чиновников действовать по собственному усмотрению. Никто, будь то министр, член парламента или высшее должностное лицо, не может находиться выше закона. Действие законов распространяется на должностных лиц с целью выяснения источников их доходов. Они обязаны объяснить, откуда у них дополнительные финансовые средства. Борьба с коррупцией должна вестись высшими политическими лидерами непрерывно и всемерно поддерживаться общественностью.

Жесткие законы, соответствующее жалование для министров и государственных служащих, наказание коррумпированных чиновников, эффективное функционирование ведомства по борьбе с коррупцией, личные примеры руководите-

лей высшего звена – все эти факторы объясняют, каким образом Сингапур боролся и борется с коррупцией.

Политикам нашей страны, находящейся сегодня, если мне не изменяет память, едва ли не в последней десятке самых коррумпированный из 198 государств мира, этот опыт вряд ли покажется интересным – крохотная страна где-то на задворках планеты, и чиновников там – с гулькин нос, и проблем – с маленькую тележку... Да и возились они с этой своей коррупцией чуть ли не полвека, чему же тут учиться?

Действительно, ничего сверхординарного. Всего только железная политическая воля лидера и усилия всего общества... Как выхаживание английского газона – триста лет каждодневной стрижки травы.

Россия и Советский Союз в своей истории не раз испытывали продовольственные проблемы – хлебные и соляные бунты, голод, продовольственные карточки, талоны – все это в памяти нескольких поколений. Казалось, история должна научить нас, и прежде всего наши политические и экономические элиты, не выпускать из поля зрения эту важнейшую сферу жизни страны.

Увы! Как замечает наш автор А. Ярлыкапов, производство сельскохозяйственной продукции в стране сократилось к уровню 1980-х годов более чем на одну треть, а темпы роста экономики аграрного сектора сейчас в два-три раза ниже темпов роста экономики в целом.

По данным Национальной мясной ассоциации по закупкам продовольствия за рубежом, в процентах от потребляемого продовольствия риса закупается – 25%, свинины – 30%, сои – 40%, мяса птицы – 40%, говядины – 100%, молочных продуктов – 25% и так далее, но даже краткий перечень данных не может не заставить задуматься.

Продовольственная проблема все больше превращается в проблему продовольственной безопасности, и она не менее тревожна, чем системное приближение НАТО к границам России, сформировавшаяся негативная внешняя политика ведущих европейских стран под флагом Европейского союза, медленное, но постоянное ухудшение позиций России в Европе и мире.

Все это вкупе требует от политического класса страны адекватного ответа на современные вызовы. Эпоха декоративной политики, нередко далекой от реальной жизни, пока еще ретуширует надвигающуюся глобальную опасность.

Мировые средства массовой информации все чаще сообщают о голодных бунтах в Азии, Африке. В ряде стран привлекаются войска для наведения порядка и даже охраны сельскохозяйственных угодий.

Политические элиты многих стран упустили в очередной раз надвигающиеся опасные процессы. Неразумное потребление одних и увлечение высокоразвитых стран США и ЕС биотопливом привели не только к резкому сокращению посевных площадей и росту цен на продовольствие, но и внесли серьезную напряженность в отношениях между «Югом» и «Севером». Процессы эти отражаются и на России.

Не могут не беспокоить различия в оценках ситуации официальных лиц и экспертного сообщества. Проекты и программы, широко пропагандируемые в последние годы, не всегда адекватны современным вызовам.

Ряд российских экспертов справедливо считает, что отечественные производители находятся в худшем положении по сравнению с другими странами по уровню государственной поддержки.

Весьма тревожит продолжающийся рост цен на продовольственные товары

С начала года инфляция в стране достигла 7%, что при годовом прогнозе в 8,5% в очередной раз показало весьма зыбкую расчетную базу наших министерств. С другой стороны, лишний раз подчеркнуло, что российское сельское хозяйство действительно является составной частью мировой экономики, и рано или поздно процессы и тенденции, развивающиеся на мировых рынках, отзовутся и в нашей экономике. Так, растущее потребление продуктов питания в Китае и Индии и спрос производителей биотоплива, ударив по мировым запасам зерновых культур, вызвали волну роста цен на продовольствие и в наших магазинах. Не случайно еще в конце прошлого года Владимир Путин, говоря о проблеме слабой развитости сельского хозяйства, сказал, что «бороться с инфляцией необ-

ходимо за счет развития отечественного агропромышленного комплекса».

Не оправдались и надежды на то, что панацеей от многих проблем станет биотопливо. Налицо явный просчет. Приведем только один пример: чтобы получить 100 л этанола для заправки бака полуспортивного джипа эконом-класса, требуется 240 кг маиса, что достаточно, чтобы кормить одного человека год. Для производства же топлива используется приблизительно 20% всех площадей, отведенных под посевы маиса. Овчинка, что называется, выделки не стоит. Очевидно, что данная ситуация сложилась из-за решений, принятых на основе иллюзорных представлений о том, что мы живем в мире, ощущающем недостаток топлива и перепроизводство продовольствия.

Сумеют ли лидеры наиболее развитых государств на ближайшем саммите «восьмерки» и международном форуме Всемирной продовольственной организации в Риме выработать стратегию по разумному разрешению возникших проблем, покажет время.

Как сказал один разумный человек, мировой финансовый кризис – это проблема, а мировой продовольственный кризис – это трагедия.

Правы те, которые считают, что в глобализованном мире продовольственная проблема становится всеобщей угрозой, более серьезной, чем терроризм, и победить этого врага можно лишь с помощью глобальных концепций.

ООН несколько лет назад разработала определенный подход с рамочными условиями, но отсутствие воли к ее реализации привело как минимум к потере времени.

Период осмысления не может долго затягиваться, лимит времени исчерпан.

Политические и экономические элиты в очередной раз накануне принятия важнейших решений. Успеют ли?

Сентябрь

Читатель этого номера будет, несомненно, знать о войне в Южной Осетии больше, чем знаем мы о ней сегодня. Сейчас же, когда я пишу эти заметки, все внимание сосредоточилось на проблеме быстреего вывода российских войск с территории Грузии, а в более широком контексте – на реализации подписанного всеми сторонами договора.

Военный конфликт завязал еще один непростой узел мировой политики, а мир реально перестает быть однополярным, считают многие политологи. И с этим нельзя не согласиться. Но такой вывод требует и более основательного осмысления возникшей ситуации, не преувеличивая, но и не преуменьшая ее сложности. Пока же, при динамично развивающейся обстановке, явно недостаточно объективной информации.

В номере публикуется статья Андрея Суздальцева «*Российско-грузинский кризис*» (январь–август 2008 г.), дающая, на мой взгляд, достаточно полное представление о том, как складывались отношения между нашими странами в предшествующие конфликту месяцы и как развивался кризис, приведший к военному столкновению.

Я же остановлюсь лишь на некоторых вопросах, возникших при первичном анализе ситуации.

1. Война, несомненно, стала катализатором процессов, уже давно латентно протекавших в мировой политике, – усиления конфронтационного потенциала между Россией и Западом, тактики постепенного выдавливания России с постсоветского пространства. Можно предположить, что вследствие этой войны на Кавказе данные тенденции приобретут дополнительный импульс.

2. Очевидно, что США явно не ожидали столь быстрой реакции России и полного провала военной операции Саакашвили, своего «стратегического» союзника. И даже при таком исходе команда Буша пытается – и не без успеха – выставить Россию агрессором. Но среди большинства стран Западной Европы призывы Вашингтона к полной изоляции России не нашли понимания, они получили безоговорочную поддержку разве только со стороны Польши и прибалтийских стран.

На этом фоне никак нельзя рассматривать как рядовое событие визит в Москву премьера Турции Эрдогана. Как видим, и у давнего союзника США, члена НАТО, достаточно поводов для недовольства политикой США и на юге Кавказе, и в регионе Большого Ближнего Востока.

3. Операция России по принуждению к миру стала поводом для США и их восточноевропейских сподвижников интенсифицировать процедуру вступления Грузии и Украины в НАТО. Во всяком случае их шансы уже в декабре получить возжеланное приглашение в блок возросли. Все это вынуждает Россию корректировать линию поведения в отношении с альянсом в целом. Первым предупредительным «звонком» с нашей стороны явилось решение Минобороны России прервать все контакты с НАТО по военной линии. Надо полагать, продуманы и дальнейшие шаги в этом направлении.

4. Война в Южной Осетии заставляет пересмотреть и российскую политику союзничества и развития отношений с постсоветскими странами. Уже не первый год эксперты говорят о негативных тенденциях в СНГ. Сделала ли Россия все возможное для укрепления Содружества? Боюсь, что нет. Сейчас очевидно, что мы имели дело не просто с политическими заявлениями и митинговыми декларациями со стороны руководителей ряда стран Содружества, а с продуманной и выработанной системой мер – явно не на пустом месте появились утверждения наших военных о том, что в боевых расчетах грузинских сил ПВО принимали участие спецы из стран СНГ.

5. Для самого грузинского лидера предпринятая им авантюра явилась ощутимым ударом по его авторитету как среди сограждан, так и западного общественного мнения. Но личная судьба Саакашвили – вопрос все же второстепенный, и его решать грузинскому народу. Буш и его команда, связанные обязательствами с грузинским лидером, стараются изо всех сил защитить его, даже вопреки элементарной логике. Но для следующего президента США поле для маневра и принятия политических решений расширяется.

Самое печальное, что в результате авантюры Саакашвили на долгие годы подорваны нормальные отношения между Россией и Грузией, между нашими народами.

6. Стержнем дальнейшего развития событий и основным камнем преткновения в диалоге Россия – Запад, как и ожидалось, стал вопрос о территориальной целостности Грузии. Хотя, как признал посол США в России, «решение должно также учитывать принцип самоопределения наций». Но как совместить эти два противоположных принципа, а главное – как объединить на добровольной основе Грузию, Абхазию и Южную Осетию в одно государство после пролитой крови и против желания абсолютного большинства населения самопровозглашенных республик – на этот вопрос у США и их союзников по НАТО внятного ответа не было.

Как представляется, они рассматривали два варианта решения проблемы: либо продолжение военной авантюры (на этот раз с открытой вооруженной поддержкой Грузии), либо оправдавший себя в Косово сравнительно мирный путь: введение в эти республики взамен российских миротворцев международных полицейских сил, навязывание непризнанным республикам временного протектората ООН (ЕС) с последующей передачей этих автономий под власть Тбилиси...

Российские власти в течение более полутора десятков лет не шли на признание независимости самопровозглашенных республик, хотя поводов для этого, особенно после Косово, было более чем достаточно. Агрессивные действия Грузии коренным образом изменили ситуацию.

У России по большому счету выбора уже не оставалось – поддерживать или не поддерживать волеизъявление двух народов.

И узел был разрублен.

25 августа Совет Федерации и Госдума РФ на внеочередных заседаниях приняли единогласно обращение к Президенту РФ, в котором предложили признать независимость Южной Осетии и Абхазии.

26 августа Дмитрий Медведев подписал указы о признании РФ независимости Южной Осетии и независимости Абхазии.

Раздел третий

**Избранные статьи
по проблемам
мировой политики
(2001–2007 гг.)**

«Каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза».

Г.Гейне

РАСШИРЕНИЕ НАТО: УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ ЭКСПАНСИЯ БЛОКА?

I

На юбилейном «историческом» саммите НАТО 23–25 апреля 1999 года в Вашингтоне был сделан принципиальный поворот в истории альянса, коренным образом меняющий не только концептуальные основы блоковой стратегии, но и его географические рамки, направленность дальнейшего развития, организационную структуру, принципы взаимоотношений с ООН и другими международными организациями и даже его правовую базу.

Процесс глубоких преобразований блока, одним из главных направлений которого стало усиление военной составляющей, начался не вчера. Вначале к военной организации блока присоединились Франция (которая покинула эту структуру еще при де Голле) и Испания. Затем, в 1990 году, НАТО поглотила ГДР с ее хорошо подготовленными и оснащенными вооруженными силами, развитыми военной инфраструктурой и военно-промышленным комплексом.

После роспуска Организации Варшавского договора и распада СССР исчезла т.н. «советская военная угроза» – главный фактор, хоть как-то оправдывавший существование Североатлантического альянса и те огромные средства, которые тратились его членами на раскручивание гонки вооружений. Исчезли и все другие сколько-нибудь объективные предпосылки дальнейшего существования на континенте столь мощного военного образования. Прекратила свое существование Советская Армия, претерпевшая в течение менее пяти лет ряд сокрушительных ударов: по-

терю всех союзников по Варшавскому договору; глубочайшие и стремительные сокращения ядерных и особенно обычных вооружений; неподготовленный и похожий скорее на бегство вывод наиболее боеспособных группировок войск из стран Центральной и Восточной Европы (Западной, Центральной, Южной и Северной групп войск); с распадом СССР – потерю шести наиболее подготовленных и укомплектованных приграничных военных округов и основных пунктов базирования ВМФ, существенное ослабление боеспособности Балтийского и Черноморского флотов, Каспийской флотилии, глубокие организационные и кадровые потрясения. Образовавшаяся на этих руинах Российская армия несопоставима с Советской ни по боевой мощи, ни по уровню подготовки, обеспеченности, социальной поддержки, не говоря уже о принципиально иной идеологической базе оборонной политики России.

В результате блок НАТО, сумевший в эти же годы нарастить свои боевые возможности и территориально расширить политическое и военное влияние, лишившись единственного сопоставимого с ним по силе военного противника и угроз, вытекающих из военного, политического и идеологического противостояния, оказался в вакууме. Но тем не менее все эти исторические перемены глобального масштаба ничуть не поколебали решимость военно-политического руководства блока сохранить альянс, причем именно как превалирующую на континенте военную силу. Встал лишь вопрос, как оправдать существование альянса в принципиально иных условиях, приспособить его к реалиям изменившейся Европы, к решению новых, более или менее правдоподобных задач (которые, правда, предстояло еще сформулировать). Надо было также определить, какое место в политике НАТО в изменившихся условиях должны занять новые государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР, и прежде всего Россия.

Главенствующую роль в сохранении и усилении НАТО, ее коренном преобразовании сыграли Соединенные Штаты. Их интерес понятен. США всегда рассматривали блок как основной инструмент своего доминирования на евроатлантическом пространстве, а в новых условиях, примерно с середины 1990-х годов, когда США приступили к реализации идеи монополюсного миропорядка, – и как важный инструмент обеспечения Соединенным

Штатам статуса единственной супердержавы, сохранения их абсолютного глобального лидерства в будущем. Поэтому, если исходить из интересов США, их видения перспектив мирового развития и своей роли в этом процессе, задачи и функции НАТО после «холодной войны» действительно усложнились и расширились.

Вспомним, как начиналась трансформация НАТО. На саммите блока в Лондоне (5–6 июля 1990 года) была принята «Декларация о преобразовании Североатлантического союза». Она буквально пестрит благими намерениями, суть которых – сотрудничество, «новое партнерство», «преодоление наследия десятилетий подозрительности», готовность ограничить военные потребности и т.п. А статья 5 этого документа провозглашает: *«Мы будем оставаться оборонительным союзом и впредь обеспечивать оборону территорий всех наших членов. У нас нет никаких агрессивных намерений, и мы привержены мирному урегулированию всех конфликтов. Мы никогда, ни при каких обстоятельствах не станем применять силу первыми».*

Искренность таких деклараций показала война, развязанная этим «миролюбивым» блоком в Югославии спустя всего несколько лет.

Поворотную роль в выборе стратегического направления дальнейшего развития блока сыграли решения саммита НАТО в Риме 7–8 ноября 1991 года. Показательно, что он был проведен в дни одного из наиболее важных государственных праздников СССР, который доживал свои последние дни. Этот саммит стал своего рода «слетом победителей» в «холодной войне».

В итоговом документе Римского саммита, носящем название «Новая стратегическая концепция Союза», обращают на себя внимание два на первый взгляд парадоксальных, но принципиально важных для дальнейшей судьбы блока и изменения направленности его военной политики выводы.

Первый: *обстановка в Европе и в мире в целом принципиально изменилась, однако это не меняет ни цели Союза, ни его функции обеспечения безопасности, более того – подтверждает их обоснованность.*

Второй: *«новое окружение» и изменение обстановки предоставляют альянсу благоприятные возможности проводить свою стратегию «в рамках широкого подхода к безопасности».*

В полном соответствии с объявленным «широким» подходом к собственной безопасности началось совершенствование орга-

низационной структуры блока, приспособление ее к новым условиям и задачам. Одновременно создавались «дочерние» организации альянса, имеющие целью не столько сотрудничество с восточными соседями, сколько осуществление патронажа над ними, помощь в формировании их новой международной и военной политики, канализацию их внешнеполитических усилий в нужном для блока направлении.

В начале 1992 года был создан Совет североатлантического сотрудничества (ССАС), впоследствии переименованный в Совет евроатлантического партнерства (СЕАП). В него, помимо стран НАТО, вошли члены бывшего Варшавского договора из Центральной и Восточной Европы и новые государства, образовавшиеся после распада СССР.

Альянсом была принята (10 января 1994 года) и начала активно разворачиваться Программа «Партнерство ради мира» (ПРМ), которая охватила не только членов СЕАП, но и почти все нейтральные и неприсоединившиеся страны Европы.

В 1994 году Советом НАТО принимается принципиальное решение о дальнейшем продвижении блока на Восток и называются кандидаты «первой волны». Этот этап завершился принятием в блок в 1999 году Польши, Венгрии и Чехии.

На Вашингтонском саммите НАТО 1999 г. принимается ряд важных документов. В их числе – «Стратегическая концепция Североатлантического союза». И если Римский саммит НАТО положил начало преобразованию блока в глобальную военную силу, «мирового жандарма», то Вашингтонский саммит и войну, развязанную блоком против суверенной Югославии, можно считать завершением этапа окончательной трансформации блока в сугубо наступательный, планомерно наращивающий свою боевую мощь и усиливающий политическое и военное влияние не только на всем евроатлантическом пространстве, но и в глобальном масштабе, неуклонно расширяющийся территориально.

Одновременно НАТО в этот период развернула интенсивную деятельность по вовлечению в орбиту сотрудничества восточно-европейских стран и государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Особое внимание альянсом было уделено России и Украине. Результатом явилось подписание летом 1997 года в Париже основополагающего акта Россия – НАТО и образование

Совместного постоянного совета Россия – НАТО. С Украиной в том же году на саммите НАТО в Мадриде была подписана Хартия о сотрудничестве и образована постоянно действующая Комиссия НАТО – Украина.

II

Таким образом, с весны 1999 года НАТО вступила в новый этап своего развития, одной из характерных черт которого являются многовекторный характер политической и военной экспансии блока, распространение его интересов и влияния не только на территорию бывшего СССР (которая, конечно же, остается предметом главного внимания блока), но и на Юго-Восточную Европу, Средиземноморье, Северную Африку.

Так, статья 38 новой «Стратегической концепции НАТО» определяет Средиземноморье как «область особого интереса для альянса» и подчеркивает, что безопасность в Европе «тесно связана с безопасностью и стабильностью в Средиземноморье». В 1994 году Советом НАТО была утверждена так называемая «Средиземноморская инициатива» (или «Средиземноморский диалог»). Сейчас в этом постоянно действующем форуме, помимо стран НАТО, участвуют семь стран Ближнего Востока и Северной Африки: Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко, Тунис, а с марта 2000 года к ним присоединился Алжир. Альянс ведет с этими странами диалог в военнополитической области, конечная цель которого – склонить страны Южного Средиземноморья к совместной деятельности по обеспечению безопасности в регионе со всеми вытекающими отсюда обязательствами (т.е. совместные учения, маневры, подготовка военных кадров для этих стран, а главное – беспрепятственное использование блоком, если возникнет необходимость, воздушного и морского пространства этих стран, их военной инфраструктуры).

На Вашингтонском саммите 1999 г. обозначилось создание еще одного органа – консультативного форума по проблемам безопасности в Юго-Восточной Европе (ЮВЕ), в который вошли члены НАТО и страны этого региона: Албания, Болгария, Македония, Румыния, Словения, Босния и Герцеговина, Хорватия. Позднее он

трансформировался в т.н. «Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе» (SEECР – South-East Europe Cooperation Process). Его 3-я конференция на уровне глав правительств состоялась в Бухаресте 12 февраля 2000 года, на которую даже не пригласили Югославию. В мае 2000 года в Словении состоялась международная конференция, посвященная отношениям Североатлантического альянса и Юго-Восточной Европы, в которой принял участие генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон. Раскручивание этого «процесса сотрудничества» позволяет непосредственно включить страны ЮВЕ в сферу влияния блока и поставить этот регион под полный военно-стратегический контроль НАТО. Это один из наиболее важных итогов войны НАТО против Югославии.

В октябре 2000 года в Греции прошла очередная, 5-я конференция министров обороны 10 стран ЮВЕ, в работе которой принял деятельное участие У.Коэн, глава военного ведомства США в администрации Б.Клинтон. Значительное влияние США и их соратники по Североатлантическому альянсу оказывают и в т.н. «Пакте стабильности для Юго-Восточной Европы», реализуемом в настоящее время под эгидой Евросоюза.

Интерес НАТО к ЮВЕ понятен. Выступая 6 апреля 1999 года в Институте Брукингса, М.Олбрайт заявила, что США считают этот регион главным связующим звеном между Европой, Азией и Ближним Востоком, «стабильность которого непосредственно затрагивает безопасность наших союзников Греции, Турции – к югу и наших новых союзников – Венгрии, Польши и Чешской Республики – к северу».

Наконец, надо упомянуть и о ряде существующих межгосударственных региональных объединений, например ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова) или планируемых (вроде предложенного Турцией и поддержанного руководителями Грузии и Азербайджана «Пакта стабильности для Кавказского региона»), над которыми НАТО стремится установить свой контроль или, по крайней мере, патронаж.

Одновременно Североатлантический альянс проводит реформу своих вооруженных сил, которая включает три основных компонента:

- 1) наличие мобильных сил, содержащихся в постоянной готовности к переброске в зону любого конфликта;

2) наличие резерва для усиления мобильных сил на случай продолжительной операции;

3) традиционный коллективный «оборонный щит» на случай внешней агрессии и возможных действий по 5-й статье Вашингтонского договора.

То есть основные усилия в военном строительстве блока сосредотачиваются отныне на мобильной составляющей объединенных вооруженных сил, способных действовать в течение достаточно длительного времени за пределами территории блока. Предусматривается, что объединенные вооруженные силы должны быть способны одновременно вести две крупные операции по урегулированию конфликтов силами армейского корпуса.

Особое внимание НАТО уделяет взаимоотношениям в области безопасности и обороны с Евросоюзом (ЕС), а также Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Взаимоотношения с Евросоюзом – приоритет №1 для Североатлантического альянса. Тем более, что большинство членов НАТО являются одновременно и членами ЕС (кроме Турции, Норвегии и Исландии, трех «новобранцев» – Польши, Венгрии, Чехии, а также США и Канады).

Война НАТО в Югославии, нанеся большой урон не только этой стране, но и всей Европе в целом, дала дополнительный импульс стремлению европейских стран к большей самостоятельности в области обороны. На саммите ЕС 10–11 декабря 1999 года в Хельсинки был принят документ «Военные органы планирования и проведения операций силами Европейского союза», инициаторами которого стали Германия и Франция.

В настоящее время в рамках ЕС осуществляется формирование собственных военно-политических органов союза, которые должны заменить прежний Западноевропейский союз (ЗЕС). Так, в течение первого полугодия 2000 года в Брюсселе были созданы и начали функционировать Военный комитет ЕС, Комитет ЕС по политике и безопасности. Начал формироваться штаб «сил быстрого реагирования» Евросоюза, численность которых предполагается довести в ближайшие годы до 60 тысяч человек. Кроме того, планируется создание полицейских сил ЕС численностью до 5 тысяч человек, которые будут привлекаться для выполнения миротворческих операций ООН

и ОБСЕ, поддержания правопорядка в районах кризисных ситуаций.

США, обеспокоенные стремлением ЕС к «чрезмерной» самостоятельности в области обороны и безопасности и перспективой ослабления собственного влияния не только в Западной Европе, но и в восточных областях евроатлантического пространства, не намерены уступать западноевропейцам инициативу в военных вопросах в Европе. Поэтому в концептуальных документах НАТО, принятых в Вашингтоне в 1999 году, отношениям между НАТО и ЕС в этой сфере уделено первоочередное внимание. Кроме того, США сделали все, чтобы на должность верховного представителя ЕС по внешней политике и вопросам безопасности был назначен завоевавший у них большое доверие бывший генеральный секретарь НАТО Х.Солана, который вступил в эту должность 1 ноября 1999 года. На смену ему пришел также верный Вашингтону человек, бывший министр обороны Великобритании Дж.Робертсон, один из «ветеранов» войны в Югославии, занимавший в этом конфликте наиболее жесткие позиции. Его кредо: «Сильный блок НАТО – значит, более сильная Европа». Он убежден, что деятельность Евросоюза в военной области будет максимально прозрачной (понятно, что для НАТО) и вестись в тесной координации с альянсом. Х.Солана, со своей стороны, обещает, что военная организация ЕС не только не будет соперничать с НАТО, а, наоборот, станет структурой, «вполне ее дополняющей». Действительно, тесное сотрудничество между НАТО и ЕС позволяет привлечь к силовым операциям блока вооруженные силы нейтральных стран – членов ЕС (Швеция, Финляндия, Австрия, Швейцария) и тем самым еще более усилить военный потенциал альянса.

Таким образом, США только этими двумя кадровыми назначениями на руководящие посты в НАТО и ЕС в значительной мере нейтрализовали стремление лидеров Евросоюза к большей самостоятельности в военной сфере.

ОБСЕ также находится под сильным, если не сказать абсолютным, влиянием НАТО. Альянс способен «протащить» в этой организации любое устраивающее его решение. Эта действительно общеевропейская организация (ее членами являются все без исключения страны Северной Америки, Европы и частично Азии – бывшие южные республики СССР), по существу постепен-

но превращается в своего рода политический придаток НАТО. Это наглядно проявилось в войне в Югославии, которую блок вел против одного из членов ОБСЕ (хотя членство Югославии в ОБСЕ и было временно приостановлено под давлением США и других членов НАТО). И эти негативные тенденции в переориентации ОБСЕ усиливаются. Министр иностранных дел И.Иванов на 8-м заседании Совета министров ОБСЕ 27 ноября 2000 г. в Вене прямо заявил, что деятельность организации все больше ограничивается сферой гуманитарных и правозащитных проблем, причем только в восточной части евроатлантического пространства, на территории бывшего СССР.

Все это лишний раз подчеркивает, что НАТО XXI века – это не оборонительный союз в традиционном понимании, а активный наступательный военный альянс, готовящийся, если это потребуется, к силовому вмешательству в любом районе евроатлантического пространства и даже за его пределами. Это подтверждается и концептуальными документами блока, и его практической политикой. Если в «Новой стратегической концепции» 1991 года, принятой на Римском саммите блока, торжественно подтверждался «оборонительный характер союза», то в новейшей «Стратегической концепции» 1999 года об этом уже не упоминается. Речь в ней идет не о коллективной обороне членов союза и их территории, а о защите неких принципов, об обеспечении безопасности членов альянса от угроз, имеющих место внутри и вокруг Евроатлантического региона. При этом обращает на себя внимание ряд обстоятельств, немаловажных как для общеевропейской безопасности, так и для безопасности отдельных стран Евроазиатского континента.

Во-первых, притязания блока выходят далеко за пределы территории блока и даже за пределы евроатлантического пространства (в которое НАТО включает всю территорию Европы, в т.ч. Восточную, Юго-Восточную и Северную Европу, Закавказье и Центральную Азию). Эта зона на востоке примыкает к Китаю, на юге – к Афганистану и Ирану. Обращает на себя внимание и многозначительная несоразмерность в названии нынешнего блока («Североатлантический альянс») и обозначенной территории его деятельности («евроатлантическая зона» и её окрестности).

Во-вторых, определение угроз и степени их влияния на безопасность членов альянса, а следовательно, и необходимости применения блоком превентивных, в том числе военных, мер осуществляется самим военно-политическим руководством НАТО. Ни одна страна, твердят руководители альянса, не может и не должна обладать правом вето на принимаемые блоком решения на этой территории независимо от того, затрагивают эти решения интересы безопасности «не членов» или нет.

В-третьих, в новой концепции блока никак не определены условия и критерии применения блоком военной силы, особенно за пределами территории его членов. И сделано это, по всей вероятности, преднамеренно. В результате, с одной стороны, у блока развязаны руки в принятии любых силовых решений, а с другой – в систему безопасности всего региона, на который распространяется влияние блока, вносится серьезный дестабилизирующий момент.

Так, вряд ли можно считать случайной оговоркой угрозы командующего ВВС США в Европе генерала Г.Мартина в сентябре 2000 г., когда он заявил, что в НАТО «не исключают возможности проведения наземной военной операции против Югославии в случае применения Белградом силы в отношении Черногории». Причем на этот раз альянс, по его словам, «планирует сконцентрироваться на уничтожении живой силы противника». МИД России в своем заявлении по этому поводу, высказав удивление «бесхитростной прямоотой» американского воителя «в столь сложный момент урегулирования кризиса в Балканском регионе», особо подчеркнул, сославшись на мнение премьер-министр Черногории Ф.Вуяновича, что «необходимости в иностранной помощи для защиты безопасности республики нет».

III

На втором витке своего расширения НАТО XXI века, завершая присоединение к блоку всех стран Центральной и Восточной Европы – бывших участников Варшавского договора, приступает к поглощению остававшихся долгие годы нейтральными территорий Юго-Восточной Европы (в основном распавшейся СФРЮ) и пока только некоторых республик бывшего СССР. Про-

цесс сопровождается мощным пропагандистским прикрытием. При этом используются тезисы о расширении зоны стабильности на евроатлантическом пространстве, о повышении безопасности стран – участниц, о якобы «стабилизирующей» и «миротворческой» роли НАТО. Чего стоят эти заверения, наглядно показала война в Югославии 1999 года, многосторонние последствия которой еще не одно десятилетие будут сказываться в Европе. По существу НАТО, при всей ее огромной политической и экономической мощи (19 государств – членов блока контролируют две трети мировой экономики), развязав эту войну, показала свою неспособность разрешать сложные международные проблемы мирными средствами. Главным и самым действенным «миротворческим» и «стабилизирующим» аргументом альянса становится «военная дубина», применение которой, особенно в условиях безнаказанности, всегда будет заманчивым для блока. Но такая политика особенно опасна в век ядерный.

На постсоветском пространстве политика НАТО заметно усилилась. Практически во всех стратегически важных районах бывшего СССР проведены крупные военные учения с участием стран альянса, причем большинство из них финансировалось альянсом. Так, в сентябре 2000 г. на полигонах стран СНГ участвовало до 10 тысяч натовских военных. И хотя проводились эти учения по миротворческой тематике, однако, естественно, в ходе их страны НАТО осваивали в оперативном отношении новые для них ТВД.

Вместе с тем политика блока в отношении стран СНГ носит четко дифференцированный характер, определяемый как различными подходами альянса к образовавшимся после распада СССР государствам, так и к их политике. Условно можно выделить ряд групп территориально-государственных интересов НАТО по отношению к республикам бывшего СССР:

- прибалтийские республики – Эстония, Литва, Латвия.
- Украина и, с определенными нюансами, Молдавия.
- Закавказье, где в «гонке к НАТО» лидирует Грузия, а в «аутсайдерах» ходит Армения.
- Центральная Азия, которая пока еще слабо «обжита» натовскими эмиссарами, но также включена в евроатлантический регион и соответственно в особую сферу интересов НАТО.
- Россия и Белоруссия.

СТРАНЫ БАЛТИИ

Эти страны – основные претенденты «второй волны» на прием в члены альянса. Решение по ним должно быть принято Советом НАТО не позднее 2002 года. Главным идеологом, организатором и «спонсором» процесса их подготовки к вступлению в НАТО являются Соединенные Штаты, с которыми страны Балтии еще в 1998 году подписали хартию об особых отношениях. В частности, заместитель госсекретаря США С.Тэлботт в ходе своего визита в страны Балтии в январе 2000 года подчеркнул, что Вашингтон будет продолжать политику, направленную на привлечение балтийских стран в НАТО и поможет им «перешагнуть порог». Именно это заявление привело к форсированной подготовке стран Балтии к вступлению в альянс. Если еще недавно политические деятели этих стран заявляли, что первоочередная задача для них – членство в ЕС, то после визита Тэлботта приоритетом объявлено вступление в Североатлантический блок. Причем мнение Москвы в расчет не принимается. Так, министр обороны Эстонии, выражая общее мнение руководства всех стран Балтии, в интервью германскому журналу «Шпигель» заявил, что «Москве придется отнестись к вступлению в НАТО балтийских стран как к реальности».

В мае 2000 года, накануне состоявшейся в Вильнюсе конференции «девятки» – кандидатов «второй волны», генсек НАТО Дж.Робертсон совершил «инспекционную» поездку по странам Балтии, в ходе которой подготовку Эстонии и Литвы к вступлению в блок оценил как «очень хорошую». Это лишний раз подтверждает «лидерство» прибалтийских республик в «гонке к НАТО», а также мнение ряда аналитиков, что страны Балтии уже в ближайшем будущем могут стать членами Североатлантического альянса.

В этих странах развернута скоординированная подготовка к вступлению в альянс. Значительную роль в этом процессе играют осуществляемые ими совместные оборонные программы. Среди них:

«**Балтбат**» – объединенный миротворческий батальон (численность – около 700 человек).

Батальон имеет центры в каждой из трех стран. Политическое руководство этим формированием осуществляется Комитетом минист-

ров обороны стран Балтии, который принимает решения об участии батальона в миротворческих операциях. В настоящее время батальон в составе датского контингента участвует в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине, где три роты – по одной от каждой из прибалтийских стран – действуют, сменяя друг друга. К настоящему времени «Балтбат» стал по существу боеспособным пехотным батальоном натовского образца.

«Балтрон» – объединенная эскадра минных тральщиков со штабом в Таллине.

Главный координатор проекта – Германия. Эскадра принимает участие в учениях ВМС стран НАТО на Балтике, отрабатывая взаимодействие с ними. Она «обязана быть постоянно готовой быстро реагировать на угрозу с моря». Среди ее главных задач – участие в международных операциях, минное траление, охрана территориальных вод прибалтийских республик и их экономических зон, помощь при проведении спасательных операций. Пока в составе эскадры – пять кораблей трех республик. Все они устарели, недостаточно оснащены, не хватает квалифицированного персонала.

«Балтнет» – единая система слежения за воздушным пространством Балтии и приграничными областями России и Белоруссии. Этот проект, пожалуй, наиболее важен для США и их союзников по НАТО и является наиболее продвинутым. Его реализация вносит, несомненно, весомый вклад в общую военную систему НАТО. Система с самого начала строится так, чтобы быть сопряженной с единой системой слежения за воздушным пространством НАТО. А ее передовое базирование, особенно после оснащения современными средствами разведки воздушного пространства, значительно расширит контролируемое блоком воздушное пространство и глубину получения информации о воздушной обстановке над Россией и Белоруссией до 600 км.

Координатор проекта – Норвегия, а главный «спонсор» – США. В рамках проекта каждая из трех стран должна приобрести по три современных радара западного производства. Общий региональный координационный центр (РКЦ) системы оборудуется в местечке Кармелава возле г. Каунаса (Литва). От каждой республики в центре будут работать 10 специалистов. В Риге и Таллине намечено развернуть национальные центры, данные из которых станут поступать в РКЦ, а затем в НАТО. В октябре 2000 г. минобороны Эстонии сообщило, что на

авиабазе Эмафи возле Таллина при содействии США, Норвегии и Дании открыт центр слежения за воздушным пространством.

«**Балтдефкол**» – Балтийский военный колледж. В рамках этого проекта осуществляется совместная подготовка военных кадров.

Колледж начал функционировать с 1999 года в г. Тарту (Эстония). Он готовит командно-штабные кадры для вооруженных сил стран Балтии. Обучение осуществляется на английском языке по программам и стандартам НАТО и с привлечением натовских преподавателей и инструкторов. Первый выпуск девятимесячного курса состоялся весной 2000 года. К реализации проекта привлечены все страны Северной Европы, Нидерланды, Великобритания, Польша, Германия, Швейцария. Возглавляет колледж бывший военный атташе Дании в странах Балтии бригадный генерал М.Клемесен.

«**Балтперс**» – создание единой компьютеризованной быстродействующей мобилизационной системы с банком данных.

Система позволит не только вести постоянный учет мобресурсов и контроль за их состоянием, но и определять место и роль каждого мобилизуемого. Активное участие в разработке системы принимает Швеция.

«**Балтси**» – проект, целью которого является координация политического и оборонного сотрудничества трех стран с прицелом на их интеграцию в политические и военные структуры НАТО.

Надо отметить, что в странах Балтии курс на укрепление связей с НАТО с последующей интеграцией в этот блок поддерживается большинством национальных политических сил. По крайней мере, ни одна из значимых политических партий и организаций не решается выступить против него. Вхождение в ЕС и НАТО остается одной из главных внешнеполитических целей для этих стран.

НАТО уже сегодня чувствует себя в Прибалтике вольготно, во всех ее странах работают представители и эксперты блока. В учениях и других мероприятиях боевой подготовки участвуют натовские офицеры. Последние такие учения прошли в августе 2000 года в Латвии в учебном центре Адажи – некогда одном из крупнейших, хорошо оборудованном и обустроенном учебном центре Советской Армии. В международных военно-инженерных учениях «Baltic Core-2000» под контролем представителей НАТО принимали участие около 350 военных инженеров из Латвии, Литвы и Эстонии.

Предложения же России, направленные на улучшение отношений с этими республиками в сфере безопасности, демонстративно ими игнорируются. Так, в начале 1997 года Президент РФ Б.Ельцин заявил, что Россия могла бы расширить меры доверия в отношении Эстонии, Латвии и Литвы и предоставить им твердые гарантии безопасности. Во время визита в Швецию (3–5 декабря 1997 года) он дополнил эти предложения, а на переговорах с бывшим в то время президентом Литвы А.Бразаускасом (октябрь 1997 года) российский президент вручил своему коллеге текст «Заявления Президента Российской Федерации по вопросу о гарантиях безопасности стран Балтии и мерах укрепления доверия в отношениях между ними и Россией». Однако президенты стран Балтии на своей встрече в Паланге (декабрь 1997 года) заявили, что российские гарантии неприемлемы для этих республик и что вопрос о их вступлении в НАТО не может быть темой обсуждения с российскими официальными лицами. Были столь же демонстративно отвергнуты и предложения России о создании в этом регионе общего рынка услуг транспорта, связи и деловой информации, экологического мониторинга, энергетического рынка.

Особое направление в прибалтийской политике НАТО – кадровая политика, которой США и их союзники всегда придают важнейшее значение. Как известно, президент Литвы и министр иностранных дел Эстонии – бывшие граждане США, президент Латвии – бывшая гражданка Канады. Американские офицеры прибалтийского происхождения занимали и продолжают занимать высокие посты в вооруженных силах Латвии и Эстонии. В Литве и сейчас армией командует бывший полковник США Й.Кронкрайтис.

Справедливости ради надо отметить, что в НАТО достаточно много противников ускоренного приема стран Балтии в блок. Из основных их доводов выделяются следующие.

Первая – отсутствие современных армий в этих странах, что противоречит ст. 5 Устава НАТО, которой предусматривается участие национальных вооруженных сил в случае агрессии против любого члена блока.

Вторая и главная причина – неурегулированность пограничных споров, в частности с Россией: граница Литвы с Калининградской областью, восточные границы Латвии и Эстонии.

В частности, на прошедшей 21 ноября 2000 г. в Берлине Парламентской ассамблее НАТО не были названы ни сроки очередного расширения альянса, ни конкретные страны-претенденты, чего с большой надеждой ожидало руководство балтийских республик. Настойчивые попытки парламентариев из США протолкнуть резолюцию, в которой говорилось бы о приеме трех стран Балтии в альянс не позднее 2002 года, не дали результатов. Формальным поводом послужили опасения, что такая резолюция внесет напряженность в отношения между всеми кандидатами «второй волны». Заместитель генсекретаря НАТО по политическим вопросам К.-П.Кляйбер во время его визита в Москву в октябре 2000 г. заявил: «Вопрос о том, примет ли НАТО к 2002 году решение о дальнейшем расширении или нет, остается абсолютным открытым». Но эти слова были сказаны, скорее всего, для того, чтобы не спровоцировать новое обострение отношений в период, когда Москва согласилась восстановить сотрудничество с альянсом в полном объеме.

Более весомой представляется другая версия. Создание странами Евросоюза собственной системы безопасности и «евроармии» (куда, естественно, будут включены и прибалты после их принятия в ЕС) может в результате привести к тому, что возобладает французская позиция: максимум самостоятельности европейских стран и минимум американского участия. Поскольку «евроармия» и объединенные вооруженные силы НАТО будут действовать согласованно, то зачем в таком случае «дразнить» Москву, принимая страны Балтии и в НАТО? Но все же пока больше шансов у американского подхода, при котором «евроармия» должна стать лишь придатком объединенных вооруженных сил НАТО, а что касается приема стран Балтии в НАТО, то это вопрос не только большой политики, но и принципа – Москве нужно показать, что правом вето ни в каких вопросах, касающихся НАТО, она не может обладать.

В конце осени 2000 г. в Стокгольме прошла международная конференция по безопасности и сотрудничеству в регионе Балтийского моря. Мероприятие довольно заурядное, но на нем совместными усилиями США и представителей Балтии была предпринята массированная атака на общественное мнение, имеющая целью показать неизбежность включения стран Балтии в альянс

и всю выгодность такого шага для соседей прибалтийских республик и в целом для региональной безопасности. На ней выступила президент Латвии Вике-Фрейберга (хотя уровень форума был далеко не президентский). Но более интересен, пожалуй, был доклад заместителя госсекретаря США Т.Пикеринга (бывший посол США в России). «Страны Балтии, – обещал Пикеринг, – в качестве членов НАТО будут «не плацдармом для нападения агрессоров», – таковых просто нет, – а воротами для России в Европу». Он заявил, в частности: «Ни одной стране нельзя отказать в праве вступления в НАТО по географическим или историческим причинам». Такая же формулировка была заложена и в предвыборной программе Дж.Буша. Смысл ее довольно прозрачен: России заблаговременно дают понять, что никакие ее аргументы при принятии блоком решения относительно приема балтийских стран в альянс в расчет приниматься не будут.

До принятия окончательного решения о приглашении стран Балтии в альянс (принципиальное решение об этом может быть принято уже осенью 2001 года, а приглашение – на весеннем саммите НАТО 2002 года) все спорные внутриблоковые вопросы, конечно, будут так или иначе улажены, причем, скорее всего, не в пользу позиции России.

Что касается стран Балтии, то они уже не первый год, при самой активной помощи стран альянса, ведут интенсивную подготовку к вступлению в НАТО.

ЭСТОНИЯ. Правительство Эстонии еще осенью 1999 года работало и направило в штаб-квартиру НАТО и всем государствам – членам альянса Программу вступления страны в Североатлантический союз на предмет ее детальной проработки и одобрения. В конце декабря 1999 года Эстония получила от блока расширенный пятилетний план развития партнерства (фактически – план подготовки страны и ее вооруженных сил к вступлению в блок), в котором содержатся обязательные для выполнения конкретные меры. Никаких политических дебатов по плану не допускалось, поэтому на заседании правительства страны 11 января 2000 года этот документ обсуждался только в плане его практического выполнения. Для координации этих работ создана межведомственная комиссия, наделенная широкими полномочиями. В это же время в Глав-

ном штабе Сил обороны Эстонии создан специальный отдел по планированию и подготовке к вступлению республики в НАТО.

Надо сказать, что подобные планы направлены альянсом почти всем государствам, участвующим в программе ПРМ. Но для потенциальных членов (к ним относятся все три страны Балтии) разработана более обширная и детализированная программа. В частности, для Эстонии она является очень подробной и развернутой, вплоть до указаний по конкретным воинским частям и отдельным военным объектам. Наибольшее внимание обращено на совершенствование систем управления, работы штабов, связи и тыловых подразделений в сухопутных войсках, на развитие противоминного дела в военно-морских силах и структур противовоздушной обороны, включая реорганизацию военных аэродромов. План рассчитан на период до 2005 года включительно. Однако, по мнению эстонских руководителей (в частности, министра обороны Эстонии Юри Луйка, и.о. командующего Силами обороны Эстонии Мярта Тиру), это не означает, что сроки вступления Эстонии в НАТО отодвигаются. Руководители блока, скорее всего, предложат Эстонии начать переговоры о вступлении в альянс уже в 2002 году, как и планировалось. Пожалуй, единственное требование НАТО, которое может затруднить процесс подготовки страны, – необходимость скорейшей интеграции в общество неэстонского населения (более трети всего населения) и решение проблемы т.н. неграждан. Однако вряд ли это требование затормозит процесс вступления Эстонии в НАТО.

В конце февраля 2000 года группа экспертов НАТО проверяла ход работ по подготовке Эстонии к вступлению в союз. В конце марта 2000 года Эстония первой из потенциальных кандидатов отчиталась перед альянсом о ходе выполнения национальной программы вступления в САС. С рапортом выступил премьер-министр страны Март Лаар.

В сентябре 2000 г. утвержденный правительством страны план действий по вступлению в НАТО на 2001 год направлен в Брюссель. Как заявил министр иностранных дел Эстонии Т.Ильвес на слушаниях в парламенте в конце 2000 г., план охватывает в основном военные вопросы, но важнейшее значение в нем отводится и вопросам политики, экономики, ресурсам, информации

онной безопасности и приведению законодательства в соответствие с нормативными документами НАТО.

Таким образом, Эстония находится на стадии практического вступления в блок. Причем, по оценкам натовских экспертов, эта страна – одна из наиболее подготовленных среди кандидатов «второй волны». Вопрос о том, будет она принята в НАТО или нет, уже не стоит. Возможны лишь определенные изменения в сроках как в ту, так и в другую сторону. При этом надо учитывать, что Силы обороны Эстонии – малочисленные (5100 человек, из них 10% – женщины), создавались они с учетом натовских стандартов и требований, и с этим вопросом проблем, скорее всего, не будет. С другой стороны, Эстония интересует НАТО прежде всего как важнейший стратегический плацдарм, непосредственно граничащий с северо-западными областями России и, главное, «закупоривающий» выход из Финского залива. Включение ее территории в НАТО позволит надежно расчлнить группировку российского флота на Балтике, при необходимости блокировать морские пути снабжения группировки войск и военно-морской базы в Калининградской области и окончательно закроет для России, если это потребует, «окно в Европу». Правда, подчеркивают натовские стратеги, полная реализация этих преимуществ возможна только в случае приема в блок всех трех стран Балтии.

По данным социологических опросов, число сторонников вступления Эстонии в НАТО составляет 42% (в ЕС – 34%), 20% – против, 27% не определились.

ЛИТВА первая из стран Балтии взяла официальный курс на членство в НАТО. В марте 1990 года все крупные политические партии подписали соглашение, по которому они обязались добиваться вступления страны в НАТО. Президент Литвы В.Адамкус считает, что «нейтралитет обойдется стране гораздо дороже и не обеспечит безопасность». Об этом же говорил бывший первый секретарь ЦК компартии Литвы, затем ставший президентом страны А.Бразаускас: «Литва без НАТО – это Литва без будущего».

Однако ряд литовских экспертов оспаривают как экономические выгоды, так и политическую целесообразность присоединения страны к блоку. Так, лидер движения «За справедливую

Литву» Ю.Весьялка, бывший министр экономики в годы президентства А.Бразаускаса, не без основания считает, что НАТО «никому и ничего даром не дает». По его убеждению, нейтралитет наиболее выгоден Литве – он позволил бы улучшить отношения с Россией, а следовательно, значительно увеличить ее инвестиции в литовскую экономику, которая сильно связана с российской.

Тем не менее большинство политических сил придерживается пронатовского курса или, по крайней мере, не противится ему. К тому же в Литве, не в пример Эстонии и Латвии, не имеется особенных внутренних проблем в сфере национальных отношений. Кроме того, сейм Литвы еще в 1998 году принял закон, которым предусматривается увеличение военных расходов в два раза по сравнению с предыдущими годами, причем с 2000 года на оборону должно выделяться не менее 2% ВВП, как того требует НАТО. Правда, экономические трудности подорвали эти планы. Реально в 1999 году на оборону выделено 1,14% ВВП, в 2000 году – 1,69%. А.Бразаускас после победы возглавляемой им Социал-демократической коалиции на парламентских выборах в октябре 2000 года заявил, что он выступает против того, чтобы выделять на нужды обороны 2% ВВП. И хотя его позиция в отношении интеграции в НАТО по существу не изменилась, в ней появились некоторые нюансы, вызванные значительными экономическими сложностями, переживаемыми страной. Новый премьер-министр страны Роландас Паскас придерживается этой же позиции, что неудивительно – внешний долг страны к началу 2001 года достиг огромной для нее суммы в 3,25 млрд. долларов.

По данным социологических опросов 1999 – начала 2000 гг., около половины населения Литвы высказывалось за присоединение Литвы к блоку, почти треть выступала против. Вместе с тем неизбежный режим экономии и урезания социальных льгот, введенный еще правительством А.Кубилюса из-за увеличения расходов на оборону в соответствии с требованиями НАТО, все заметнее увеличивает число противников вступления страны в блок. К началу 2001 года противники интеграции устойчиво составляли уже около 50%. Поэтому литовское руководство и пронатовские политические силы страны всячески противятся идее всенародного референдума по вопросу вступления Литвы в НАТО. Опаса-

ясь нестабильности общественного мнения, они не хотят рисковать. Твердым и последовательным сторонником вступления страны в НАТО остается «Партия консерваторов» В.Ландсбергиса, который не устает страшать «угрозой с Востока», особенно после прихода к власти в России «офицера КГБ».

Литовская армия в настоящее время насчитывает 11,5 тысячи человек. Ее включение в состав Объединенных вооруженных сил НАТО также особенно не усилит военную мощь блока. Но выгодное стратегическое положение этой приморской страны привлекает военное руководство НАТО: удобный и оборудованный военно-морской порт Клайпеда; общая граница с Польшей, что позволит НАТО полностью охватить Калининградскую область России как с моря, так и с суши; расширяется выход НАТО к границам Белоруссии, что явится дополнительным рычагом давления на «неудобного» для США и НАТО президента А.Лукашенко. К тому же к 2008 году литовские вооруженные силы планируются увеличить вдвое – до 23 тысяч (4 бригады). По словам одного из руководителей оборонного ведомства, необходимость наращивания численности армии вызывается «существующими угрозами и стратегическими интересами». Конечно, за прошедшие 10 лет независимости все меньше людей в Литве верят в угрозу со стороны России, а т.н. стратегические интересы есть не что иное, как удовлетворение требований НАТО к кандидатам о создании современной боеспособной армии и увеличении военных расходов. Тем не менее планы усиления литовской армии, скорее всего, будут выполнены с помощью НАТО.

ЛАТВИЯ. Политическое руководство Латвии активно поддерживает усилия других стран Балтии в области обороны с прицелом на вступление в НАТО. Так, президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга после встречи с руководителями военных ведомств стран Балтии 25 января 2000 года подчеркнула, что «сотрудничество балтийских стран наиболее интенсивно в области обороны», и отметила «единое желание республик как можно скорее добиться совместимости их вооруженных сил с силами НАТО». «У нас общая цель – в быстром темпе двигаться в Евросоюз и НАТО», – заявляет она.

В Латвии, как и в других странах Балтии, создан межведомственный орган по подготовке страны к вступлению страны в Се-

вероатлантический альянс – Совет по интеграции в НАТО (исполнительный секретарь – Гайдис Зейботс). Под руководством Совета разработан и в сентябре 1999 года министром обороны Латвии Г.Кристовских представлен в штаб НАТО получивший в Брюсселе одобрение план действий по вступлению в альянс. Аналогичный план мероприятий на 2001 г. представлен и в конце 2000 г.

Вместе с тем в Ригу поступил рассчитанный до конца 2006 года директивный план НАТО для Латвии. В документ включены не только задачи министерства обороны, но и парламента, правительства и других государственных структур. Конечная цель – получить приглашение в НАТО. Однако целый ряд этих требований Латвия в определенные НАТО сроки выполнить не в состоянии в основном из-за нехватки средств и недостаточного профессионализма кадров. Проблемы могут возникнуть при подготовке портов, учебных центров, требующих особенно высоких затрат, а также систем связи и информации. В 2000 году Латвия на нужды обороны выделила 1,06% ВВП – это меньше чем Эстония (1,6%) и Литва (1,69%). Через два года Эстония планирует выйти на требуемые альянсом 2% ВВП, а в Латвии к этому времени он будет равен только 1,75% ВВП.

Для иллюстрации: оборонный бюджет Латвии на 2000 год составляет около 75 млн. долларов. Но только современная РЛС стоит примерно 10 млн. долларов. На три РЛС, которые Латвия должна приобрести у Запада по проекту «Балтнет», требуется около 30 млн. долларов (40% оборонного бюджета). Тем не менее в Латвии при непосредственной поддержке правительства многое делается для выполнения требований НАТО. В аэропорту Рига завершены работы по организации национального центра контроля за воздушным пространством. Центр уже начал действовать – пока на основе имеющихся радаров. Новые станции правительство намерено закупить в течение ближайших лет при финансовой помощи натовских стран.

В программных документах минобороны подчеркивается, что «Латвия готова в случае необходимости принять решение о передаче значительных объектов инфраструктуры для нужд НАТО». Так, например, порт Лиепая, где еще несколько лет назад находилась военно-морская база России, предусматривается развивать по стандартам НАТО, причем не только как главный

центр базирования объединенной эскадры трех стран Балтии, но и кораблей НАТО. Здесь же военное руководство Латвии планирует разместить учебный центр морских сил для трех республик, а также балтийский учебный центр водолазов, который будет создаваться при помощи Норвегии.

Не случайно генсек НАТО Дж.Робертсон, посетивший Латвию весной 2000 года, заявил, что Латвия «рассматривается как серьезный претендент на вступление в НАТО при следующем расширении альянса».

Очевидные минусы, которые могут помешать Латвии вступить в альянс в ближайшие годы, политическое и военное руководство страны компенсирует антироссийской политикой и риторикой. Беспрецедентные обвинения России в вынашивании агрессивных планов в отношении Латвии и других прибалтийских республик прозвучали в интервью президента страны В.Викке-Фрейберги в мае 2000 года. По этому поводу МИД России был вынужден сделать специальное заявление. В нем говорится, что «подобная грубая и недружественная в отношении нашей страны риторика используется для обоснования безальтернативности для Латвии членства в НАТО. Очевиден и тот багаж, с которым эта страна стучится в двери Североатлантического альянса».

УКРАИНА. По планам НАТО Украина в отношениях Европы с Россией должна сыграть роль своеобразного буфера, силы, сдерживающей «экспансионистские устремления» России. Это, по мнению З.Бжезинского, «существенно ограничивало бы геостратегический выбор России». Ведущие страны НАТО, используя сложившуюся военно-политическую ситуацию, стремятся включить Украину в зону своего «особого патронажа» (по типу отношений с государствами Центральной и Восточной Европы и Балтии), превратить ее в основной антиинтеграционный фактор СНГ и серьезного оппонента России в общеевропейских делах, в «главное препятствие на пути возрождения российской экспансии», новых «имперских амбиций» Москвы.

Статья 38 новой «Стратегической концепции НАТО», посвященная взаимоотношениям с Украиной, гласит: *«Украина занимает особое место в сфере евроатлантической безопасности и является важным и ценным партнером, содействуя стабильности и общим де-*

мократическим ценностям и идеалам. НАТО привержена дальнейшему укреплению своего особого партнерства с Украиной на основе Хартии НАТО–Украина, включая политические консультации по проблемам, вызывающим общую озабоченность, и широкому кругу практической деятельности на основе сотрудничества. Альянс продолжает поддерживать суверенитет и независимость, территориальную целостность, демократическое развитие, экономическое процветание Украины и ее статус неядерного государства как важнейшие факторы стабильности и безопасности в Центральной и Восточной Европе и в Европе в целом».

Планы дальнейшего расширения НАТО на Восток направлены в том числе и на дальнейший подрыв геостратегических позиций России, на то, чтобы не допустить восстановления ее военной мощи, политического влияния. В этом отношении Украине также отводится авангардная роль. Раздел Черноморского флота и фактическое разорение его береговой инфраструктуры многого стоит, не говоря уже о потере Россией находящихся в Украине стратегически важных объектов, в том числе центров систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, важнейших предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Решение 1994 года о расширении НАТО на Восток вначале вызвало хотя и осторожную, но все же негативную реакцию Украины. Киев боялся оказаться в «серой» зоне – в роли «буферного» государства между Россией и НАТО. Определенные опасения вызывала у Киева перспектива развертывания воинских контингентов НАТО в непосредственной близости от границ Украины. Но особую тревогу Киева вызывала возможность размещения на территории новых членов ядерного оружия – при том, что Киев подписал известный Лиссабонский протокол в качестве неядерного государства и был вынужден под сильным давлением Запада вывести со своей территории все ядерные средства, оставшиеся на территории Украины после распада СССР.

НАТО, и прежде всего США, сделали все, чтобы успокоить украинское руководство и гарантировать Киеву свое полное покровительство и защиту от «возможных посягательств восточного соседа». Интенсивный диалог с Украиной сделал свое дело, и из Киева вскоре стали звучать явно ориентированные на Восток высказывания о том, что вступление в НАТО – вопрос нацио-

нального суверенитета и что в этот процесс не должны вмешиваться другие государства.

Бывший секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины В.Горбулин в январе 1997 года на заседании рабочей группы по координации сотрудничества Украины с НАТО отметил, что «интенсивный политический диалог Украины с США и НАТО привел их к пониманию необходимости обязательного учета интересов Киева в процессе расширения блока». Уже тогда была согласована необходимость документального закрепления особых отношений Украины с НАТО. Натовское руководство заверило Киев, что при сохранении Украиной проводимого ею внешнеполитического курса в украинско-натовский документ будут заложены «универсальные» принципы, которые «вынудят Москву признать военно-политическую деятельность НАТО на украинской территории и в акватории прилегающих морей». А это, по мнению того же В.Горбулина, создало бы принципиально новую ситуацию, в которой необходимость использования Севастополя в качестве военно-морской базы для операций в рамках ПРМ позволила бы Киеву ставить вопрос о сокращении сроков аренды Россией военных объектов на Украине. НАТО также обещали сделать все возможное для того, чтобы Россия «подтвердила отсутствие претензий на сферу влияния», особенно применительно к Крыму. 9 июля 1997 года в Мадриде на саммите НАТО была подписана Хартия об особом партнерстве между Украиной и Организацией Североатлантического договора, в которой, по сути, закреплены гарантии блока Украине. Тогда же было подписано соглашение об открытии в Киеве миссии НАТО и о разрешении Украине установить в штаб-квартире НАТО в Брюсселе офис военной связи.

Прошло три с лишним года, и теперь уже можно судить о степени реализации обещаний НАТО и программы «расширенного партнерства» между Украиной и альянсом. И надо сказать, что эта программа кое в чем даже перевыполнена.

Нынешняя официальная позиция Украины относительно расширения НАТО состоит в том, что решение о вступлении в любые военно-политические структуры, в том числе и НАТО, есть неотъемлемое право любого государства, и никто не может наложить на это вето. Более того, Украина не видит для себя уг-

роз в расширении НАТО в восточном направлении. Она обеспокоена лишь тем, чтобы не оказаться в буферной зоне между НАТО и Россией, и видит свое место на западной стороне общеевропейской архитектуры. Поэтому ее официальные лица не устают подчеркивать, что расширение НАТО должно осуществляться «с учетом общепризнанного принципа безопасности и избежания новых «линий раздела» в Европе. Для этого «необходимо обеспечить плавный и эволюционный подход к расширению НАТО, а также гарантировать открытость членства в альянсе для других стран в будущем». Расширение НАТО должно сопровождаться углублением сотрудничества альянса в сфере европейской безопасности со всеми заинтересованными государствами региона, «что будет способствовать его трансформации с исключительно оборонной структуры в структуру коллективной безопасности».

29 ноября 1999 года кабинетом министров страны принято постановление «Об исполнении государственной программы сотрудничества Украины с Организацией Североатлантического договора». На ее реализацию выделены немалые средства.

Во время войны НАТО против Югославии Украина, не в пример России, не прервала контактов с альянсом, что было особо отмечено блоком и его руководителями. Действовало и Бюро НАТО в Киеве – наиболее многочисленное подразделение альянса на территории бывшего СССР. Президент Л. Кучма принял приглашение блока принять участие в юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне, где ему были даны твердые заверения, что путь в НАТО Украине не закрыт. И эти обещания были подкреплены на практике. Последовал ряд шагов, которые подчеркивали особый статус Украины в той политической игре, которую ведет блок на постсоветском пространстве.

В течение 1999 года в Украине США и НАТО провели серию крупномасштабных учений: «Казацкая степь-99» (Яворивский полигон вблизи Львова, некогда один из крупнейших учебных и тренировочных центров советских Вооруженных Сил в этом регионе), «Си-Бриз-99» на Черном море, «Кооператив Саппорт-99» (со штабом в Одессе, с привлечением морских сил и морской пехоты).

В конце января 2000 года Украину посетил генсек альянса Дж. Робертсон. Этот визит, встречи с президентом Л. Кучмой продемонстрировали близость между Брюсселем и Киевом. Обсужда-

лись конкретные меры сотрудничества, в том числе выходящие за рамки ПРМ. Дж.Робертсон пообещал, что НАТО обязательно поможет провести Украине реформу вооруженных сил, в основу которой положен перевод их на стандарты НАТО. Он еще раз, хотя и в косвенной форме, заверил украинское руководство, что отказа в приеме Украины в члены альянса не будет – конечно, при выполнении поставленных НАТО условий, к чему Украина в принципе готова.

Сразу же после Дж.Робертсона, 8 февраля 2000 года, Киев с трехдневным «прощальным» визитом посетил главнокомандующий силами НАТО в Европе американский генерал У.Кларк (весной этого же года он сдал свой пост генералу Дж.Ролстону). Обсуждались вопросы участия украинского военного контингента в миротворческой операции в Косово, планы дальнейшей активизации двустороннего сотрудничества между Украиной и НАТО и конкретная помощь Украине при проведении военной реформы. Ясно, что одна из целей этого визита – показать Украине, кто ей «истинный» друг, а от кого исходит наибольшая угроза. Особый интерес У.Кларк проявил к разработке новой военной доктрины Украины и Концепции национальной безопасности страны. В ходе конфиденциальных встреч У.Кларка с министром обороны Украины А.Кузьмуком этот вопрос был одним из центральных. Кларк отметил как большой позитив, что военная доктрина Украины становится совместимой с доктринами членов НАТО. А.Кузьмук предложил использовать Яворивский полигон для подготовки миротворческих сил Североатлантического альянса. Предложение было сразу же принято. Яворивский полигон получил статус европейского полигона НАТО для подготовки миротворческих сил. Летом 2000 года здесь прошли миротворческие учения «Щит мира-2000», в которых приняли участие семь стран НАТО и 12 государств – участников программы ПРМ. Всего в учениях приняли участие около 1000 человек.

Кларк провел также закрытую встречу с послами стран НАТО в Украине, где речь шла о поддержке стремления Киева интегрироваться в евроатлантические структуры.

1–2 марта 2000 года в Киеве прошло заседание Совета НАТО на уровне министров иностранных дел и обороны. Это событие, которому российское руководство, занятое предвыборными де-

лами, не придало особого значения, является своего рода кульминацией процесса украинско-натовского сотрудничества. Случай действительно беспрецедентный – впервые за более чем полувековую историю блока заседание его высшего органа прошло на территории страны, не входящей в альянс. Это заседание, которое Дж.Робертсон с полным на то основанием назвал «историческим», не только продемонстрировало особый характер отношений НАТО и Украины, но и стало недвусмысленной демонстрацией того места, которое отводит Киеву Североатлантический альянс в современных условиях.

25 мая 2000 года на заседании комиссии Украина – НАТО во Флоренции на уровне министров иностранных дел статус Украины был определен как «ключевое государство в регионе Центральной и Восточной Европы».

5 июня визит в Киев нанес президент США Б.Клинтон. Он еще раз подтвердил, что Вашингтон готов и впредь помогать Украине интегрироваться в евроатлантические структуры – конечно, при условии, что Киев и дальше будет следовать внешнеполитическим курсом, проводимым его нынешним руководством.

19 июня в Одессе прошла торжественная церемония открытия широкомасштабных маневров «Кооператив партнер-2000» с участием 10 стран НАТО, Украины, Азербайджана, Грузии, Болгарии и Румынии. В продолжавшихся до 30 июня учениях было задействовано до 40 боевых кораблей, 30 самолетов, около 1000 морских пехотинцев. Основная задача – отработка проведения миротворческой операции, направленной на оказание гуманитарной помощи. Показательно, что в связи с проведением этих учений командующий ВМС Украины адмирал М.Ежель высказался за пересмотр российско-украинских договоренностей по Черноморскому флоту. Эти призывы тут же были подхвачены активными противниками присутствия на украинской земле «российской военной группировки». Украинцы считают себя обделенными, причем не столько кораблями, сколько объектами наземной инфраструктуры. «Необходим паритет», – считает М.Ежель.

В Украине уже сейчас раздаются призывы предоставить объединенным ВМС НАТО базу в Одессе. Для блока это несомненный политический и военный интерес, а для Украины, помимо всего, – еще и около 100 млн. долларов дохода в год.

Все эти факты лишний раз доказывают, что сближение Украины и НАТО нарастает. Этому способствует как политика альянса на украинском направлении, так и откровенно прозападная политика, проводимая президентом Л.Кучмой и нынешним политическим и военным руководством Украины. Интеграция в евроатлантические структуры становится целью официальной внешней политики Украины.

Вместе с тем серьезно говорить о возможности вступления Украины в НАТО (по крайней мере, в обозримой перспективе) вряд ли приходится. Тому есть ряд серьезных причин:

- негативное отношение влиятельных политических сил на Западе (сильны опасения, что это создаст слишком много проблем для «старых» членов НАТО);
- позиция России, с которой блок все-таки вынужден считаться;
- серьезная оппозиция такой политике внутри страны (большая часть военных, да и гражданского населения Украины продолжает относиться к НАТО настороженно).

Вместе с тем нужно учитывать, что нынешнее украинское руководство в силу ряда политических и экономических причин, попадает во все большую зависимость от Запада, рассматривает гарантии НАТО и интеграцию в европейские структуры как наиболее надежный способ обеспечить суверенитет страны, сохранить территориальную целостность и освободиться от российской зависимости.

Конечно, курс Украины на сотрудничество с Западом, в том числе с НАТО, сам по себе в нынешних условиях оправдан и ему нет альтернативы. Хуже то, что этот курс сопровождается нарастанием антироссийских нюансов, особенно отчетливо проявляющихся в политической и военной сферах. Во многом благодаря Украине НАТО чувствует себя довольно вольготно в Черном море. Как представляется, на очереди освоение Объединенными ВМС НАТО Керченского пролива и Азовского моря.

Приходится также признать очевидный факт, что Украина никогда не была и не станет союзницей России в вопросе о расширении НАТО на Восток. Киев откровенно поддерживает курс на расширение альянса, укрепление связей с ним, претендуя на их особый характер.

При анализе проблемы взаимоотношений НАТО и Украины показательны опубликованные в июне 2000 года результаты опроса российских экспертов.

Большинство из них считают, что наиболее отрицательное влияние на отношение россиян к Украине оказывает такой фактор, как нынешний евроатлантический курс Украины, углубление контактов с НАТО – 84% опрошенных. Этот курс, по их мнению, является и одним из главных источников напряжения между нашими странами. Из шести государств, с которыми у Украины обозначился наиболее заметный прогресс, пять являются членами НАТО (Германия, Польша, Канада, США, Турция). В эту шестерку входит также Израиль. А самый значительный прогресс в развитии контактов Украины с международными организациями отмечен экспертами именно с НАТО (80% экспертов), что заметно опережает такие организации, как ООН (64%), ОБСЕ (58%) и ГУУАМ (54%), не говоря уже об СНГ.

Можно понять опасения Киева относительно того, что противоречия между НАТО и Россией могли сделать Украину их заложницей, ухудшить ее отношения и с Западом, и с Россией. Находясь между двух огней, Украина должна проводить взвешенную и сбалансированную политику по всем внешнеполитическим азимутам. Однако ее нынешнюю внешнюю политику назвать сбалансированной трудно. Западные устремления украинского руководства явно превалируют над восточными. Но реальные связи – экономические, социальные, культурные, бытовые, да и политические – все же более сильны пока в восточном направлении. И это противоречие может иметь негативные последствия для нынешней украинской руководящей команды, да и для страны в целом.

С другой стороны, в НАТО хорошо понимают опасность «одностороннего крена». Поэтому отношения с РФ и Украиной строятся, по крайней мере внешне, сбалансированно и носят, как правило, пакетный характер.

МОЛДАВИЯ. В соответствии со своей Конституцией, Молдавия – государство постоянного нейтралитета, которое не присоединяется ни к каким военным блокам и не сотрудничает с ними в реализации военных программ. Тем не менее она присоединилась к программе ПРМ и активно сотрудничает с НАТО в во-

енной сфере. Президент страны П.Лучинский объясняет это опасениями оказаться за бортом европейской системы безопасности, особенно когда соседи Молдавии взяли четкий курс на интеграцию в евроатлантические структуры: Румыния – кандидат на вступление в НАТО, Украина – страна «привилегированного партнерства» с блоком. Еще в 1997 году, почти сразу после своего заступления на пост президента страны, П.Лучинский просил тогдашнего генсека НАТО Х.Солану обратить особое внимание на Молдавию, которая не хотела бы стать «изолированным островом» в системе общеевропейской безопасности, а в силу своего положения также вправе претендовать на специальные отношения с альянсом.

Политика сближения с могущественным военно-политическим блоком, по мнению военного руководства страны, соответствует интересам Молдавии и дает определенные гарантии национальной безопасности и ее территориальной целостности. Наибольшие угрозы безопасности для Молдавии и главные препятствия на пути ее интеграции в европейские структуры, как заявил еще предыдущий президент страны М.Снегур, – это проблема Приднестровья и российское военное присутствие. Преодолеть эти препятствия, по его мнению, возможно только при активном участии НАТО и ОБСЕ. В сущности, на таких же позициях стоит и нынешний президент страны П.Лучинский.

Со своей стороны Х.Солана в ходе своего визита в Кишинев в 1998 году признал, что Молдавия как часть европейского континента представляет несомненный интерес для НАТО и США. Иными словами, он дал понять, что НАТО в «мирном наступлении» на Восток не намерена оставлять в своем тылу нейтральные государства. И, конечно же, альянс также крайне заинтересован в том, чтобы полностью ликвидировать российское влияние в этом регионе и прежде всего – военное присутствие России.

И, надо сказать, Молдавии в партнерстве с НАТО удалось решить эту задачу. На саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 года Молдавия официально отказалась от использования временного развертывания войск и вооружений на своей территории, что предусмотрено Договором об обычных вооруженных силах в Европе. Россия взяла обязательство завершить вывод своего контингента с территории Молдавии (из Приднестровья) к концу

2002 года (статья 19 Декларации Стамбульского саммита от 19 ноября 1999 года).

В последние два года расширилось непосредственное сотрудничество Молдавии и НАТО. В связи с тем что армия Молдавии (8,5 тысяч чел.) не соответствует натовским стандартам, начато ее реформирование в соответствии с инструкциями блока и под наблюдением его специалистов. Естественно, что во главе натовских реформаторов стоят США. В середине 1999 года министерствами обороны США и Молдавии был подписан меморандум о сотрудничестве. Подписавший этот документ со стороны США заместитель министра обороны Дж.Старр заявил: «Цель США состоит в том, чтобы помочь Республике Молдавия выполнить собственные задачи в военной сфере, *но эти задачи созвучны интересам США*».

П.Лучинский принял участие в юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 года, где постарался заверить руководство блока и США в неизменности внешнеполитического курса Молдавии, направленного на сближение с НАТО. Даже сам по себе факт участия президента нейтральной страны в саммите блока, развязавшего войну против суверенного европейского государства, красноречиво говорит о приоритетах и направленности внешнеполитического курса Молдавии.

В августе 1999 года в Кишиневе были проведены совместные американо-молдавские военные учения «Голубой щит-99». Их главная цель – демонстрация углубленных партнерских связей двух стран в военной сфере.

Молдавия активно участвует во всех мероприятиях, проводимых НАТО по программе ПРМ. Финансирование взяли на себя Соединенные Штаты. В 2000 году таких мероприятий предусматривалось около сотни (из них – 12 военных учений), в которых примут участие около 700 молдавских военных, тогда как за шесть предыдущих лет взаимодействия с НАТО ее военные приняли участие более чем в 300 мероприятиях блока, где было задействовано свыше 800 военнослужащих. При Генштабе Молдавии создана специальная группа, которая занимается проблемами партнерства с НАТО, США, другими западными странами. При этом Молдавия упорно отказывается развивать какие бы то ни было связи в военной сфере с Россией, ссылаясь на свой нейтральный статус.

В феврале 2000 года Молдавию посетил генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон. В Кишиневе он был принят на самом высоком уровне – президентом П.Лучинским, премьер-министром Д.Брагишем, спикером парламента Д.Дьяковым.

Для полноты военно-политического портрета «нейтральной» Молдавии надо также напомнить, что она является членом объединения ГУУАМ, пользующегося покровительством НАТО и проводящего все более прозападную политику, в том числе в военной области.

ЗАКАВКАЗСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

После распада СССР интерес НАТО к Закавказью стал развиваться по нарастающей. И если Прибалтика рассматривалась альянсом и его ведущими государствами как «незаконно оккупированная» Россией европейская территория, Украина – как основной форпост на пути российских «имперских» амбиций, то Закавказье привлекает НАТО в основном в силу весьма весомых геополитических и геоэкономических причин.

Во-первых, это ключевой по своему расположению район. Контроль над Кавказом обеспечивает по существу контроль над всем Каспийско-Черноморским бассейном и прилегающими к нему территориями, над их богатыми запасами нефти, газа, редкоземельных металлов.

Во-вторых, это важнейший перекресток, где пересекаются коммуникации, связывающие Запад и Восток, Север и Юг. Правда, пока это лишь потенциальные возможности, но с распадом СССР коммуникационная ценность Кавказского региона резко возросла. Недаром Евросоюз сразу же запустил здесь свою программу «Трасека», имеющую целью развитие транспортных возможностей региона, прежде всего в нефтегазовой сфере, и в конечном счете восстановление «Великого шелкового пути», связывающего Европу и Азию в обход России.

В-третьих, Южный Кавказ – крайне выгодный стратегический район для того, чтобы оказывать отсюда давление на «непокорных» соседей – Россию, Иран и др. К тому же он граничит с Турцией, то есть непосредственно примыкает к единому военно-стратегическому пространству НАТО.

Наибольшую активность в Закавказье проявляют такие члены Североатлантического альянса, как США и Турция. Вашингтон еще в 1997 году официально провозгласил этот район зоной своих жизненно важных интересов.

Турция – единственная в НАТО азиатская, мусульманская и, что особенно важно, тюркская страна. Поэтому в планах США и НАТО ей отводится особая роль. Еще в феврале 1992 года, сразу после распада СССР, С.Демирель, бывший в то время премьер-министром Турции, выступил с программной речью, в которой говорил о создании «тюркского мира, простирающегося от Адриатики до Китая».

Однако говорить о равных успехах экспансионистской политики НАТО на всем «закавказском фронте» не приходится. Ситуация в разных странах региона складывается для НАТО по-разному.

ГРУЗИЯ является безусловным лидером среди закавказских государств в проведении пронатовского внешнеполитического курса. И эта политика, надо признать, подкрепляется конкретными делами.

В «Концепции укрепления стабильности общественной жизни, государственного суверенитета и безопасности, восстановления территориальной целостности Грузии», принятой парламентом страны в 1997 году, подчеркивается решающее значение НАТО в обеспечении общеевропейской безопасности, а курс на расширение блока в восточном направлении всецело одобряется. В стране был создан постоянный Совет международных советников по вопросам безопасности Грузии во главе с отставным американским генералом Г.Джонсоном. Комплекс подготовленных Советом рекомендаций был незамедлительно одобрен Советом безопасности Грузии. Нацелен он на то, чтобы система безопасности страны, ее вооруженные силы были максимально приближены к натовским стандартам, а у нее не было препятствий на пути движения в НАТО. На юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне в 1999 г. Э.Шеварднадзе безоговорочно поддержал действия блока в Косово и фактически призвал его применить в Абхазии нечто подобное.

По итогам 1999 года Э.Шеварднадзе особо отметил такой «серьезный внешнеполитический успех» в деле углубления свя-

зей с европейскими структурами, как развитие сотрудничества с НАТО. Из республик бывшего СССР Грузия – самая первая на таком высоком уровне заявила о намерении вступить в НАТО. Назван и срок, когда она «постучится в дверь НАТО» – 2005 год. Э.Шеварднадзе, по всей видимости, намерен стать лидером кандидатов «третьей волны», а вступление страны в НАТО сделать императивом официальной государственной политики Грузии. Впоследствии Э.Шеварднадзе оговорил, однако, что *«стучаться, быть может, нам придется целых 10 лет»*. Но блок готов уже сейчас использовать геостратегические возможности страны, ее военную инфраструктуру, а главное – оказать ей помощь в подготовке к вступлению в НАТО.

Одним из главных условий для этого является полная ликвидация иностранного военного присутствия на территории страны. Имеются в виду российские военные базы в Вазиани, Гудауте, Батуми, Ахалкалаки и ряд других военных объектов. На решении этой первоочередной задачи и были сосредоточены главные усилия США и других стран НАТО в рамках Совместной консультативной группы, созданной по Договору об обычных вооруженных силах. Результатом явилось совместное заявление России и Грузии о выводе российских войск, сделанное в Стамбуле 19 ноября 1999 года при подписании Соглашения об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Россия взяла на себя обязательство не позднее 1 июля 2001 года расформировать военные базы Вазиани и Гудаута. В течение 2000 года должны быть завершены переговоры о сроках и порядке функционирования российских военных баз Батуми и Ахалкалаки и временно остающихся на территории Грузии военных объектов. Причем Тбилиси намерен настаивать на полной ликвидации российского военного присутствия в стране.

На встрече с начальником генерального штаба Великобритании генералом армии Ч.Гатри в августе 2000 года Э. Шеварднадзе в очередной раз заверил представителя НАТО, что Грузия будет добиваться полного вывода российских войск со своей территории и что грузинские вооруженные силы уже в ближайшие 2–3 года приблизятся к стандартам блока.

Показательно, что не успел еще с территории Грузии убраться первый эшелон с российскими частями, выводимыми в соответ-

ствии со Стамбульскими соглашениями, как в Грузию 1 августа 2000 года прибыла делегация генштаба и ВВС Турции с задачей оценить перспективы приема турецких (т.е. натовских) военных самолетов на грузинских аэродромах. Речь, в частности, шла об аэродроме вблизи Кутаиси. Но начальник грузинского генштаба Дж.Пирцхалайшвили обмолвился, что и база Вазиани, и имеющийся там аэродром вполне могут стать натовскими. И хотя это признание попытался сгладить министр иностранных дел страны Менагаришвили, становится ясным, что вывод российских войск из Грузии дает дополнительный импульс реальному процессу расширения НАТО на Юг – в Закавказье.

К началу вывода российских войск были приурочены грузино-американские военно-морские учения в районе Поти. В них, помимо судов ВМС Грузии, принял участие ракетный фрегат ВМС США «Хуззи», который вошел в территориальные воды Грузии как раз накануне учений Черноморского флота России, в ходе которых осуществляется доставка в РФ выводимой из Грузии боевой техники. Поэтому очевидно, что эти маневры преследовали не только военные цели, но и наблюдение за выводом российских войск. При этом надо также иметь в виду, что порт Поти является на сегодняшний день главной перевалочной базой нефтепродуктов, идущих из Каспия в обход России по маршруту Баку – Супса.

В связи с выводом российских войск из Грузии в НАТО заявили, что в случае необходимости блок «включит механизмы воздействия на Россию», чтобы российские военные не передавали военную технику и вооружение, находящиеся на базе Гудаута, «абхазским сепаратистам».

Среди стран Содружества Грузия наиболее активно сотрудничает с ведущими странами НАТО в Совете евроатлантического партнерства, поддерживая все позиции членов НАТО и выдвинутые ими предложения.

В последние годы она резко расширила сотрудничество с Североатлантическим альянсом в рамках программы ПРМ. Участие в ней грузинским руководством рассматривается в качестве важнейшего фактора подготовки к полномасштабному вступлению страны в НАТО. Подтверждением является резкое нарастание участия Грузии в совместных с НАТО мероприятиях: 7 – в

1997 году, 100 – в 1998 году, 175 – в 1999 году, в том числе крупномасштабные военно-морские учения в зоне нефтяных терминалов с отработкой задач по охране морских коммуникаций и сопровождению танкеров. В 2000 году, по информации минобороны страны, представители Грузии должны были принять участие уже в 270 мероприятиях в рамках программы ПРМ, из них в 7 многонациональных, 6 командно-штабных учениях, 90 курсах по повышению квалификации, 35 симпозиумах, более чем в 120 конференциях и семинарах. 15 мероприятий пройдут на территории Грузии. В 2001 году на ее территории должны состояться первые крупномасштабные маневры с участием Североатлантического блока «*Кооператив партнер-2001*».

Грузия включилась также в процесс «военного планирования и анализа» НАТО, что, по обоюдному мнению военно-политического руководства альянса и Грузии, должно сыграть решающую роль в достижении конечной цели – совместимости грузинской армии с вооруженными силами стран НАТО.

Военное сотрудничество Грузии и НАТО проявляется и в других мероприятиях, выходящих за рамки сотрудничества по программе ПРМ. Грузии предоставлено право приобретения в странах блока оружия и военной техники. С помощью натовских военных специалистов создается система ПВО, адаптированная к стандартам НАТО. Министр обороны Грузии на встрече министров обороны стран – участниц СЕАП в декабре 1999 года заявил, что Грузия уже в 2004 году приблизится к оборонным стандартам НАТО.

Грузинская сторона приняла на себя обязательства выделить в распоряжение НАТО в случае необходимости некоторые военные объекты и элементы инфраструктуры (аэродромы, полигоны, морские порты). Во все увеличивающихся масштабах в военно-учебных заведениях НАТО ведется подготовка военных кадров для грузинских вооруженных сил. Конкретные вопросы подготовки страны к вступлению в НАТО обсуждаются на заседаниях минобороны Грузии.

Растут объемы военной и военно-технической помощи Грузии со стороны членов НАТО. США, помимо финансирования и передачи вооружений департаменту пограничной охраны страны, передают Грузии 10 вертолетов «Ирокез», безвозмездно поставляют

военную форму, участвуют в компьютерном оснащении грузинских вооруженных сил и подготовке ВМС страны. Значительную помощь оказывает и Турция, взнос которой составляет более 20 млн. долларов. При содействии НАТО к 2002 году планируется создание грузинского миротворческого батальона, который будет «способен участвовать в любой международной операции».

С другой стороны, Грузия вместе с Азербайджаном и Узбекистаном вышла из Договора о коллективной безопасности стран СНГ и постепенно сворачивает сотрудничество с Россией в военной сфере. Так, ее фактический отказ от военного сотрудничества с Россией в рамках антитеррористической операции в Чечне привел к появлению на территории страны еще одной «горячей точки» – в Панкисском ущелье.

Все эти факты подтверждают, что вступление в блок является важнейшей стратегической целью властей Грузии и ее президента Э.Шеварднадзе. Военно-политическое руководство стран НАТО уже сейчас считает Грузию своим основным и наиболее надежным союзником на Кавказе, всячески поддерживая ту часть политического и военного истеблишмента страны, которая выступает за ее однозначно западную ориентацию. Используя экономические и другие рычаги воздействия, натовские страны укрепляют свои позиции в Грузии, рассматривая ее как важнейший плацдарм для дальнейшего проникновения в Кавказский регион.

АЗЕРБАЙДЖАН. Официальное руководство страны, судя по всему, пока определяется с позицией по отношению к Североатлантическому альянсу и старается проводить сбалансированную и взвешенную политику в этой сфере. В ходе визита в США в феврале 2000 года Г.Алиев подтвердил, что его страна желала бы стать членом НАТО, но «это не просто, и это зависит не только от нас. В настоящее время вопрос об этом пока не стоит». В ближайшие годы Баку намерен активизировать сотрудничество с НАТО в рамках ПРМ и Североатлантической ассамблеи.

Вместе с тем становится все заметнее дрейф Азербайджана в сторону военного сотрудничества с Турцией – форпостом НАТО на Кавказе и в Центральной Азии. В частности, Азербайджан, как и Грузия, поддержал идею С.Демиреля о создании тройственного военно-политического союза на Южном Кавказе. Турция в этом союзе, если он будет создан, намерена играть лидиру-

ющую роль, а сам союз будет функционировать под плотным патронажем НАТО.

Пока идут консультации о возможном создании такого союза, его функциях и задачах, ряд политических деятелей страны высказывается в пользу военного присутствия США и НАТО в Азербайджане. Их логика проста: раз США являются союзником Азербайджана, а сам Азербайджан активно сотрудничает с НАТО в военной сфере, то вполне допустимо существование здесь военной базы США или НАТО, например – военно-воздушной. Выгода, по мнению сторонников такого решения, двойная: во-первых, приток иностранных инвестиций в страну и создание рабочих мест; во-вторых, надежные гарантии безопасности и территориальной целостности страны. Так, руководитель отдела международных связей Народного фронта Азербайджана А.Моллазаде, который в свое время активно выступал за вывод российских войск с территории страны, ныне ратует за присутствие военного контингента США. В январе 1999 года В.Гулузаде, бывший в то время советником президента Г.Алиева по внешним вопросам, также выступил с заявлением о необходимости размещения в Азербайджане военной базы НАТО, мотивируя это необходимостью сбалансировать усиление военного присутствия России в Армении.

В альянсе с достаточной настороженностью относятся к идее вступления Азербайджана в НАТО. Свою роль играет Карабахский конфликт, который далек от разрешения. В Азербайджане пока находится российский военный объект – Габалинская РЛС, входящая в систему предупреждения о ракетном нападении. Да и в США достаточно сильно антиазербайджанское лобби, влиянию которого приписывают обвинение Азербайджана госдепартаментом США в пособничестве международному терроризму.

Но, хотя вопрос о членстве в НАТО ни в Баку, ни в Брюсселе, ни в Вашингтоне не стоит, сотрудничество Азербайджана с НАТО развивается достаточно быстрыми темпами. Азербайджан, судя по высказываниям многих его политических лидеров и официальных лиц, не прочь стать форпостом НАТО в Каспийском регионе.

В 2001 году на территории страны запланированы крупные командно-штабные военные учения НАТО «Cooperative Determination», которые пройдут в рамках программы ПРМ. В

них, как ожидается, примут участие около полсотни государств – членов НАТО и сотрудничающих с альянсом.

АРМЕНИЯ. Отношения между Арменией и НАТО, особенно на фоне интенсивного сотрудничества с блоком ее закавказских соседей, выглядят пока довольно сдержанными. Армения является участницей СЕАП и программы ПРМ и добросовестно, хотя до последнего времени и вяло, участвует в их работе. Тому есть ряд причин. Одна из них – тесное сближение давнего противника Армении – члена НАТО Турции – с новым «недругом» – Азербайджаном.

Бывший генсек НАТО Х.Солана в ходе своего визита в Ереван в феврале 1997 года признал, что говорить о «слишком тесном сближении Еревана и Брюсселя» пока не приходится, а о намерениях Армении присоединиться к альянсу – тем более. В ходе этого визита армянское руководство высказалось против расширения блока на Восток, обосновывая свою позицию тем, что «безопасность одной страны не может и не должна обеспечиваться за счет другой», и поддержало Россию в этом вопросе.

Тем не менее можно утверждать, что в отношениях между Арменией и НАТО намечается явное сближение.

В июле 2000 г. министр обороны Армении С.Саркисян побывал с визитом в США. Именно этот визит можно расценивать как поворот страны к более тесному военному сотрудничеству с Западом, в частности к расширению связей с НАТО. Это нашло подтверждение и во время визита в Армению осенью 2000 г. заместителя генсека НАТО по политическим вопросам К.-П.Кляйбера, который подтвердил заинтересованность альянса в углублении отношений между Брюсселем и Ереваном.

В предложенной армянской стороной программе индивидуального партнерства с НАТО на 2000–2001 гг. запланировано свыше 70 мероприятий (тогда как в прежние годы их было немногим более 10). Армения, в частности, выразила готовность предоставить под управление НАТО свой миротворческий батальон.

Патронаж над Арменией со стороны альянса взяла на себя Греция. Осенью 2000 г. здесь с визитом побывал начальник Главного штаба Греции генерал Парагуидакис. Главная тема его переговоров – пути расширения военного сотрудничества между НА-

ТО и Арменией. Конкретно речь шла о подготовке армянских офицеров в Греции, сотрудничестве при формировании упомянутого миротворческого батальона, расширении участия Армении в программе ПРМ, необходимой гуманитарной помощи со стороны альянса и др.

Конечно, нельзя говорить о переориентации Армении с России на Запад. Армения остается активным участником Договора о коллективной безопасности стран СНГ, Единой системы ПВО стран Содружества, его Антитеррористического центра. Но это не мешает ей расширять и углублять военные связи с НАТО, тем более, что ее соседи по Закавказскому региону давно и очень активно сотрудничают с блоком, причем их «опекуном» выступает Турция.

Вместе с тем надо учитывать, что экономика страны в значительной степени зависит от финансовых вливаний с Запада, причем эта тенденция усиливается. Если Россия не сможет оказать ей необходимую экономическую помощь (а на большие ее объемы рассчитывать не приходится) и, главное, утратит инициативу в урегулировании Карабахского конфликта, вполне вероятен более, крутой вираж Еревана в сторону Запада, более интенсивное налаживание связей с НАТО. Отдельные штрихи такого развития событий просматриваются уже сегодня. Надо учитывать и то, что значительное влияние на политику Еревана способны оказывать Соединенные Штаты, в которых достаточно сильно проармянское лобби. Но все же пока главным принципом внешней политики Армении остается как сохранение и укрепление дружественных связей с Россией, так и их расширение с западными странами.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. По сравнению с другими районами бывшего СССР – Прибалтикой, Украиной, Закавказьем, где натовские политики и военные обосновались достаточно прочно, Центральная Азия в меньшей степени освоена НАТО. Тем не менее этот регион также находится в сфере внимания блока и давно включен им в т.н. евроатлантическое пространство, находящееся под контролем НАТО. Причем в этом пространстве Центральная Азия занимает особое положение по ряду причин.

Во-первых, она примыкает к районам, которые все больше входят в сферу интересов не только лидеров блока (США – прежде

всего), но и НАТО в целом. Это Иран, Афганистан, северо-западные районы Китая (где развиты сепаратистские настроения), Пакистан, Индия.

Во-вторых, регион находится в центре огромного евроазиатского пространства и тем самым не может не играть важной геополитической роли в глобалистских планах США и НАТО.

В-третьих, контроль над Центральной Азией и Южным Кавказом – это контроль над энергетическими и другими ресурсами всего Каспийского региона, над трассами их транспортировки.

Наконец, этот регион, непосредственно примыкающий к южным границам России, важен для блока и как геостратегический плацдарм, контроль над которым позволит в случае необходимости, оказывать необходимое давление на Москву.

В «Стратегической концепции Североатлантического союза», принятой в 1999 году, сказано, что безопасность альянса «по-прежнему остается подверженной широкому кругу военных и невоенных потенциальных угроз. Они включают неопределенность и нестабильность внутри и вокруг Евроатлантического региона, возможность быстрого возникновения и развития региональных кризисов на периферии союза. Противоборство на этнической и религиозной почве, территориальные споры, малоэффективные или неудавшиеся попытки осуществления реформ, нарушения прав человека и распад государств могут привести к локальной и даже региональной нестабильности, а в конечном счете – к вооруженным конфликтам. Все это, считают в НАТО, наносит ущерб безопасности альянса и дружественных ему государств. И, надо признать, Центральная Азия среди других регионов бывшего СССР в наибольшей степени отвечает этим опасениям.

К этому надо добавить, что Центральная Азия становится не только одним из основных перевалочных пунктов, но и производителем наркотиков, центром незаконного распространения оружия и нелегальной миграции, одним из регионов наибольшей активности международных террористов. Здесь и в соседних регионах создаются базы и центры их подготовки. Свои гнезда на территории Центральной Азии свили и представители наиболее агрессивных и экстремистских течений ислама.

В силу этих причин и в полном соответствии с обновленной стратегической концепцией альянса XXI века Центрально-Азиат-

ский регион (ЦАР) не мог быть оставлен альянсом вне зоны его внимания.

При этом можно выделить следующие взаимосвязанные направления деятельности НАТО в ЦАР, реализация которых предполагает усиление экономического, политического и военного влияния стран НАТО в этом регионе:

- установление контроля над ресурсами Центральной Азии и Каспия, путями их транспортировки;
- недопущение сохранения и возможного дальнейшего возрождения российского влияния в этом регионе;
- нейтрализация угроз и «новых вызовов» безопасности альянса, исходящих из этого региона.

Особенностью деятельности НАТО в этом регионе на нынешнем этапе является то, что здесь более активно действуют не столько общештатные структуры, сколько отдельные члены альянса – США, Турция, западноевропейские члены альянса. Хотя основные рычаги их политики лежат в экономической сфере, все больше внимания уделяется и военной привязке государств региона к НАТО. «Изменения в плане Объединенного командования ВС США» предусматривают, в частности, включение в зону ответственности Центрального командования ВС США территорий новых независимых государств Центральной Азии. В качестве наиболее действенных современных инструментов военно-политического проникновения НАТО в регион является программа ПРМ, а также Совет евроатлантического партнерства.

Для закрепления своего влияния НАТО пытается также патронировать здешние региональные организации – Центрально-азиатский союз и др. Показательно, например, что присоединение Узбекистана к объединению ГУУАМ произошло в ходе юбилейного Вашингтонского саммита НАТО. Активно используются и такие формы, как создание региональной системы экономического и политического сотрудничества при ведущей роли в этом регионе Турции, усиление двустороннего или коалиционного военно-политического и военно-технического сотрудничества, что создает легальные условия для расширения военного присутствия стран НАТО в этом регионе. США и другие страны НАТО начинают постепенно осваивать и военную инфраструктуру региона (в первую очередь аэродромную сеть) в ходе мероп-

приятий в рамках сотрудничества, различного рода миротворческих услуг и т.п.

Например, аэродромная сеть Казахстана осваивается США с начала 1990-х годов в ходе переброски гуманитарных грузов и других подобных мероприятий. ТВД изучается также с помощью различного рода экологических экспертиз, геологических, геофизических и др. исследований, проведения многочисленных конференций, симпозиумов и т.д. По мнению некоторых наблюдателей, в регионе создаются условия для базирования в случае нужды спецподразделений вооруженных сил США и для ведения наблюдения за территориями Центральной Азии и Кавказа с целью пресечения незаконной торговли оружием и наркотиками (из Афганистана и Таджикистана). Легальным прикрытием для этого служит утвержденная конгрессом США в 1996 году «Комплексная программа вовлечения американских вооруженных сил в борьбу с наркобизнесом за рубежом».

Как и в других государствах СНГ, НАТО и его лидеры стараются взять под свой контроль строительство вооруженных сил центральноазиатских республик, подготовку военных, пытаются негласно влиять на расстановку командных кадров на ключевых постах, активно включились в конверсию предприятий оборонно-промышленного комплекса и др. Так, в ходе традиционных учений «Центразбат-2000» (в 2000 г.), которые проводились в рамках программы ПРМ 11–18 сентября в Казахстане, в районе границы с КНР, НАТО впервые явно обозначила свое военное присутствие в регионе – и не только в качестве приглашенных наблюдателей, но и непосредственных участников. В этих учениях приняли участие 8 стран НАТО. Обращает на себя внимание увеличение числа военнослужащих США (приводятся цифры до 600–1500 чел.) и Турции (причем численность «Центральноазиатского батальона» сейчас составляет 540 чел), а также доли финансирования Вашингтоном этих учений. В этих учениях принимала участие и Россия.

И еще один характерный штрих. В сентябре 2000 г. на заседании Военного комитета НАТО на уровне министров обороны турки предложили создать в Стамбуле «региональный штаб сил быстрого реагирования альянса», в зону ответственности которого были бы включены Центральная Азия, Кавказ, а также Балканы.

Численность таких сил в «ждущем режиме» могла бы составить около 1500 чел. с наращиванием до 50–60 тысяч при возникновении кризисных ситуаций. Начальник генштаба Турции, выступивший с этим предложением, мотивировал это тем, что Турция расположена ближе других к «нестабильным и кризисным районам» и что размещение группировки сил быстрого реагирования в непосредственной близости от таких районов будет играть роль «регионального сдерживающего фактора». В настоящее время это предложение обсуждается в штаб-квартире блока в Брюсселе.

В целом можно говорить об обозначившейся в последнее время в Центральной Азии тенденции к наращиванию военного присутствия Объединенных вооруженных сил блока и его отдельных членов.

Не случайно генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон одну из своих первых поездок по постсоветским странам совершил по Центральной Азии (июль 2000 года). Главными темами его бесед с руководством государств региона были взаимодействие в рамках программы ПРМ, развитие двусторонних связей, проблемы региональной безопасности, военного и военно-технического сотрудничества. В НАТО также считают, что масштабы таких опасных явлений, как терроризм, политический и религиозный экстремизм, незаконный оборот оружия и наркотиков, нарастают. Они создают непосредственную угрозу всей Европе, нестабильность в ЦАР может повлиять на безопасность на всем евроатлантическом пространстве. Поэтому, по словам Дж.Робертсона, интерес НАТО к ЦАР закономерен.

На встрече с Н.Назарбаевым Дж.Робертсон заявил, что Казахстан должен иметь такие же особые отношения с НАТО, как и с Россией. Тут же была достигнута договоренность об углублении сотрудничества между НАТО и Казахстаном.

Анализируя итоги визита Дж.Робертсона в ЦАР, можно предположить, что основную ставку в регионе альянс намерен сделать на Казахстан (ранее его фаворитом считался Узбекистан) и что Астане готовят роль, аналогичную роли Киева на Западе, т.е. форпоста на пути якобы возрождающихся имперских амбиций России.

Приезд Дж.Робертсона был первым визитом генсека НАТО в Центральную Азию и поэтому его можно считать в определенном

смысле историческим. Его главный итог – явное доказательство того, что блок не намерен ограничиваться поглощением бывших советских территорий только с восточного направления и пытается освоить здесь еще один азимут – южный.

БЕЛОРУССИЯ. Среди других стран СНГ Белоруссия наименее активна в сотрудничестве с НАТО, хотя также является участником СЕАП и программы ПРМ, к которой присоединилась одной из последних. Она – единственная страна Содружества, открыто и полностью поддерживавшая Россию в косовском конфликте и резко осудившая бомбардировки Югославии. Президент Белоруссии А.Лукашенко отказался от участия в юбилейном заседании Совета НАТО в Вашингтоне.

Антинатовская составляющая внешней политики Белоруссии понятна, более того, оправданна. С принятием в члены блока Польши группировка НАТО вышла непосредственно к ее границам, а грядущее вступление в блок Литвы и Латвии еще больше усилит реальную военную опасность для страны, которая фактически становится промежуточной зоной между НАТО и Россией. Это показала война, развязанная НАТО против Югославии.

Угроза опасности стала дополнительным стимулом для активизации усилий по созданию Союза «Россия – Белоруссия», к образованию которого НАТО относится крайне негативно, считая это началом возрождения былой Российской империи.

Одним из направлений натовской пропаганды против идеи Союза двух государств является преднамеренная дискредитация Белоруссии. В странах блока создается облик политически нестабильной и антидемократичной страны, с массовыми нарушениями прав человека, экономически разваливающейся, экологически опасной из-за последствий Чернобыля. Наибольшую активность проявляют «новоиспеченные» члены блока, особенно Польша и Чехия. В общем же все это напоминает прелюдию к силовому вмешательству блока в Югославии, хотя мотивация, разумеется, используется иная.

Обращает на себя внимание, в частности, усилившаяся в последнее время критика высокопоставленными представителями НАТО Белоруссии как «недостаточно демократического государства». Так, генсек НАТО Дж.Робертсон на встрече с белорусски-

ми журналистами в Брюсселе в октябре 2000 г. заявил, что государства НАТО выразили «определенное неудовольствие по поводу парламентских выборов в Белоруссии и их результатов». А «недемократические парламентские выборы» не соответствуют стандартам, которые обязались выполнять участники программы ПРМ, – подчеркнул Робертсон. От натовских представителей все чаще можно слышать резко негативные оценки ситуации в Белоруссии, в том числе «разочарование избирательным процессом» в этой стране. Не означает ли это, что НАТО намеревается насаждать «истинную демократию» в этой стране, включая и обучение ее «демократическим выборам», с использованием силовых и специальных средств и методов? Ничего удивительного в этом нет. С включением в НАТО стран Балтии НАТО вплотную выходит к границам Белоруссии, и наличие в этой стране «недружественного режима» может значительно усилить позиции внутренних противников расширения блока.

Бесспорно, Белоруссия переживает немалые трудности, присущие всем государствам постсоветского периода. Но очевидно и другое: переориентируйся Белоруссия на Запад, поддержи все натовские начинания по переустройству системы безопасности на евроатлантическом пространстве, включая вооруженное вмешательство в Югославии, начни высказывать опасения в адрес России и исходящих от нее угроз – отношение НАТО сразу же изменится. Блок и сейчас преднамеренно закрывает глаза на многочисленные нарушения прав человека в Прибалтике и ряде других безоговорочно поддерживающих его стран, на существование фашиствующих организаций в Латвии и Эстонии.

В этих непростых для страны условиях официальная позиция белорусского руководства в отношении НАТО заключается в том, чтобы развивать по мере возможности сотрудничество с блоком и одновременно принимать меры по укреплению собственной безопасности, в том числе используя возможности Союзного государства.

В связи с выходом блока непосредственно к ее западным границам Белоруссия предложила НАТО принять дополнительные меры доверия и открытости в военной области. Представители блока на это твердят, что никакой угрозы Белоруссии расширение альянса не создает, что ни концентрации вооружений, ни

увеличения численности войск на ее восточных границах не происходит. Однако эти заверения по понятным причинам не снимают озабоченности белорусского руководства.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ. Как подчеркивается в обновленной Стратегической концепции альянса 1999 года (ст.36), «Россия играет исключительную роль в обеспечении евроатлантической безопасности».

Однако практика отношений между Россией и НАТО последнего десятилетия показывает, что «партнерство», как и сотрудничество в сфере безопасности, стороны понимают по-разному. В частности, Россия выступает за действительно конструктивное сотрудничество, за участие каждой страны евроатлантического пространства в формировании их общей системы безопасности, за то, чтобы мнение Москвы в вопросах, ее касающихся, учитывалось. У НАТО иной подход: то, что хорошо для блока, обсуждению не подлежит и должно быть принято Россией, которая не обладает правом влиять на решения альянса, даже в том случае, если они непосредственно затрагивают ее интересы. Так, недавно избранный президентом США Буш-младший неоднократно отмечал, что «Москве нельзя дать право вето на расширение НАТО». Такой безапелляционный подход мешает установлению действительно равноправного партнерства и сотрудничества, которое способствовало бы укреплению мира и стабильности на всем континенте.

Россия, как и другие государства СНГ, является членом СЕ-АП, присоединилась она и к натовской программе ПРМ. (Рамочный документ подписан А.Козыревым, бывшим в то время министром иностранных дел России, 22 июня 1994 года, что лишний раз свидетельствует, что НАТО умело выбирает даты таких ключевых событий.)

Весной 1999 года в связи с агрессией НАТО против суверенной Югославии все формы сотрудничества России с НАТО были приостановлены.

В феврале 2000 года Россия вновь возобновила контакты с НАТО. Президент РФ В.Путин в одном из своих интервью того времени не исключал возможности вступления России в Североатлантический альянс. Однако подобный вариант не только не

устраивал, но, похоже, сильно напугал НАТО. Очень скоро из Брюсселя последовал ответ, что вступление России в НАТО невозможно. Логика натовцев понятна: Россия для блока – главный потенциальный источник угроз, который хоть как-то оправдывает не только существование этого военно-политического союза, но и проводимую им экспансионистскую политику, поглощение новых территорий, беспрецедентное наращивание военной мощи, безвозвратные непродуктивные затраты огромных финансовых средств.

Хочется верить, что с избранием В.Путина на президентский пост положен конец во многом противоречивой (когда российской общественности говорилось одно, а западным партнерам в конфиденциальных беседах – другое) российской политике в отношении НАТО. Выступления самого В.Путина, принятие Советом Безопасности РФ «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и «Концепции внешней политики», новой «Военной доктрины» четко и открыто обозначили приоритеты и направления политики России во взаимоотношениях с альянсом.

Россия реально оценивает роль НАТО в общеевропейской системе безопасности и в целом на международной арене и считает важным развитие сотрудничества с альянсом в интересах поддержания безопасности и стабильности на континенте. Москва открыта для конструктивного взаимодействия по любым вопросам, входящим в сферу взаимных интересов. Подчеркивается, что база для этого заложена в основополагающем акте Россия – НАТО. Однако интенсивность такого сотрудничества во многом будет зависеть от того, намерена ли НАТО выполнять ключевые положения этого документа. К ним относятся в первую очередь неприменение силы, неразмещение на территории новых членов обычных вооруженных сил блока ядерного оружия и средств его доставки, учет мнения России при принятии блоком решений, затрагивающих интересы ее безопасности.

Вместе с тем Россия категорически выступает против расширения НАТО, считая это крупной ошибкой исторического масштаба. Целый ряд важных политических и военных установок, изложенных в новой Стратегической концепции альянса и других его документах, прямо противоречит интересам безопасности Рос-

сийской Федерации, да и других стран СНГ. Прежде всего это касается положений, предусматривающих ведение военных операций вне территории альянса без санкции Совета Безопасности ООН.

По мнению многих российских аналитиков, наличие скрытой антироссийской составляющей в политике НАТО трудно отрицать. Об этом говорят реальные меры альянса во взаимоотношениях с Россией.

Во-первых, провозглашаемая альянсом политика «открытых дверей» зачастую противоречит определенным в его же уставе условиям и критериям (соответствующий уровень экономики, наличие современных вооруженных сил, находящихся под гражданским контролем, отсутствие внутренних конфликтов и спорных пограничных проблем и т.п.). В ряды НАТО принимаются страны, занимающие стратегически выгодное положение по отношению к России и настроенные антироссийски. Складывается впечатление, что НАТО конечной целью своего расширения видит создание вокруг России своеобразного «санитарного кордона». Предпринимаются попытки противопоставить Россию другим европейским странам. Много делается и для того, чтобы окончательно лишить Россию ее союзников, тем более не допустить создания системы коллективной обороны на постсоветском пространстве или в какой-либо его части. Выход Грузии, Азербайджана и Узбекистана из Договора о коллективной безопасности, негласное противодействие формирующемуся Союзу России и Белоруссии – звенья этой цепи.

Во-вторых, блок НАТО делает все, чтобы ликвидировать российское военное присутствие на территориях стран СНГ, в том числе находящееся там с миротворческой миссией. Более того, альянс сумел добиться, используя Договор об обычных вооруженных силах в Европе, ограничения вооружений России в ее собственных приграничных районах (на юге, северо-западе страны, в Калининградской области). По странному совпадению военная группировка НАТО по мере расширения блока приближается именно к этим участкам российской границы, а уход российских подразделений компенсируется возрастающей активностью на этих территориях натовских военных.

В-третьих, Россию вытесняют со всех ее традиционных рынков вооружений, даже на территории бывшего СССР. Хоро-

шо известны истории с поставками сугубо оборонительных систем – ЗРК С-300 на Кипр и в Словакию. Обладая значительными финансовыми, информационными и другими ресурсами, страны НАТО активно действуют и в сфере российской оборонной промышленности, всячески препятствуя ее хотя бы частичному возрождению.

В-четвертых, истинное отношение НАТО к России наглядно проявляется в информационной сфере. Достаточно вспомнить антироссийскую риторику западных СМИ во время событий августа 1999 года в Дагестане, скоординированное информационное давление на Россию по поводу антитеррористической операции в Чечне, события последующих месяцев, используемые как повод для формирования негативного восприятия России западным общественным мнением.

Все это свидетельствует о том, что истинная цель политики альянса на российском направлении – не допустить укрепления России, особенно в военном отношении, не дать укрепиться в качестве одного из центров влияния в многополярном мире и в первую очередь максимально ослабить ее позиции в Европе и на бывшей территории СССР. Разумеется, блоку приходится считаться, что Россия все еще остается мощной в военном отношении державой, к тому же обладающей ядерным оружием и что открытая конфронтация с ней не приведет к желаемым результатам.

Поэтому обольщаться звучащими из Брюсселя заверениями об искреннем стремлении к сотрудничеству и партнерству, о признании роли России в обеспечении безопасности на евроатлантическом пространстве пока нельзя. По-видимому, России в ее нынешнем положении, при подавляющем политическом, военном, экономическом и информационном превосходстве блока, не приходится рассчитывать и на действительно равноправное партнерство. Нет у страны и реальных возможностей воспрепятствовать дальнейшему расширению блока.

Но, с другой стороны, конечно, и конфронтация с блоком контрпродуктивна и не имеет перспектив. Это пройденный, дискредитировавший себя этап. В нынешних условиях остается один путь – сотрудничество с альянсом, поиск компромисса по наиболее трудным и противоречивым проблемам и одновремен-

но решительное и твердое отстаивание национальных интересов с использованием всех правовых механизмов, а главное – экономический подъем страны и укрепление на этой основе ее оборонительных и других возможностей.

IV

За последнее десятилетие XX века произошел ряд событий, связанных с НАТО и ее политикой, имеющих глобальное значение. Все они затрагивают интересы России и оказывают непосредственное влияние на ее национальную безопасность.

Во-первых, значительно усилилось политическое влияние блока НАТО, особенно в Европе. Он фактически подмял под себя ОБСЕ, по сути превратив этот авторитетный орган в политический инструмент защиты собственных интересов. Абсолютное большинство участников ОБСЕ является либо членами НАТО, либо кандидатами на вступление в блок, либо находится под сильным влиянием США и других лидеров блока.

Во-вторых, значительно расширилась зона влияния блока, которая перешагнула географические границы государств – членов НАТО. При этом определение «североатлантический» было без особого шума заменено на термин «евроатлантический». Эта отнюдь не лингвистическая поправка призвана подчеркнуть, что отныне зона ответственности блока и защиты его интересов распространяется не только на всю Европу, включая нейтральные страны континента, но и на всю территорию бывшего Советского Союза, да и на его окрестности. Характерно, например, что опасения относительно расширения НАТО и усиления ее военной мощи высказывает уже Китай (в частности, в связи с проведением учений «Центразбат-2000» с участием подразделений США и других стран НАТО в районе казахстано-китайской границы).

В-третьих, неизмеримо возросла военная мощь блока, которая намного превосходит не только потребности коллективной обороны его членов в нынешних условиях, но и совокупные потребности для борьбы с потенциальными угрозами, которые определены в новой стратегической концепции альянса.

В-четвертых, на сегодняшний день в орбиту сотрудничества НАТО втянуты все страны Европы и бывшего СССР. Исключение

составляла Югославия, «сотрудничество» с которой свелось к заключению дейтоновских соглашений по Боснии и Герцоговине под патронажем США и войне, развязанной альянсом против этой страны в 1999 году, результатом которой стали фактическое отторжение Косово от Югославии, а в перспективе – дальнейший распад страны. Но после ухода с политической сцены Милошевича и эта страна будет втянута в орбиту Североатлантического альянса.

Уже сейчас можно говорить об обозначившихся контурах некоего «пояса сотрудничества», охватывающего по сути весь земной шар – от Северной Америки до Владивостока, в котором НАТО стремится внедрить собственную идеологию, принципы и нормы поведения.

Разумеется, в этом «поясе» далеко не все регионы равнопрочны. С точки зрения интересов и новых задач НАТО менее «надежным» звеном является территория бывшего СССР, которая Стратегической концепцией альянса определена как основной потенциальный источник большинства угроз для блока и его членов. Естественно, главным объектом внимания Североатлантического альянса являются государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР. На упрочение своего влияния в этих странах и будут направлены в ближайшее десятилетие основные усилия НАТО. Эти усилия будут прикладываться на разных направлениях: некоторые бывшие республики СССР уже в ближайшие годы могут стать членами НАТО, с другими будет развиваться сотрудничество в самых разнообразных формах как в рамках действующих «околонатовских» организаций и форумов (СЕАП, «Партнерство во имя мира» и др.), так и на двусторонней основе. Ясно, что, несмотря на провозглашенный НАТО принцип «открытых дверей», пройти в них смогут далеко не все.

В-пятых, с принятием первых трех новых членов в свои ряды (в частности, Польши) НАТО вышла непосредственно к границам России (Калининградская область). Этот процесс, имеющий долговременные стратегические и политические последствия, будет, очевидно, продолжен прежде всего в Балтийском регионе, а также на южных и юго-западных рубежах России.

В-шестых, проводимая НАТО политика в отношении России и других республик бывшего СССР показала, что ни о какой об-

щей линии государств Содружества в отношении НАТО говорить не приходится. Конечно, все они являются участниками программы ПРМ, членами СЕАП, все заявляют, хотя и с разной степенью энтузиазма, о готовности сотрудничать с евроатлантическими партнерами и придерживаться курса на интеграцию в обще-европейские структуры.

Показательно, например, что в Декларации, принятой объединением ГУУАМ, все члены которого входят в СНГ, ничего не говорится о Содружестве, зато отмечается стремление его членов к «интеграции не только в процессы европейского, но и евроатлантического сотрудничества». Причем в большинстве случаев эти государства пытаются использовать в качестве козырной карты мнимую угрозу со стороны России. Особенно это характерно для западных и закавказских новых независимых государств. Конечно, этим устремлениям на Запад потворствует и объективный фактор: ослабленная Россия пока не в состоянии предоставить им требуемый объем экономической помощи и эффективно участвовать в разрешении многочисленных внутренних и межгосударственных конфликтов. Москва не может пока обеспечить необходимый уровень стабильности на постсоветском пространстве, консолидировать усилия бывших советских республик в экономической, оборонной и других сферах.

Естественно, что в этих условиях большинство новых государств старается переориентироваться на Запад. А НАТО – именно тот «журавль в небе», который многим кажется более привлекательным, чем российская «синица в руках».

Следует также признать, что НАТО на сегодняшний день действительно наиболее мощная и эффективная военно-политическая организация, способная не только обеспечить безопасность своих членов и союзников, но и сыграть важную роль на всем евроатлантическом пространстве и прилегающих к нему территориях. Вопрос только в том, захочет ли и сумеет ли НАТО эффективно использовать свои стабилизирующие возможности на постсоветском пространстве в сотрудничестве с Россией и другими странами. Война, развязанная блоком в Югославии, да и другие решения блока, откровенно игнорирующие интересы России и других государств СНГ, ставят такой вариант поведения альянса на Востоке под большое сомнение.

Вседьмых, грядет очередной виток расширения блока, в результате которого НАТО закроет все бреши, разделяющие его членов территориально, поглотит большую часть Юго-Восточной Европы и продвинется еще дальше на Восток.

На саммите в Вашингтоне были названы девять кандидатов «второй волны», вопрос о приеме которых должен быть рассмотрен не позднее 2002 года. Среди них – три прибалтийские республики бывшего СССР, а также Румыния, Болгария, Словакия, Словения, Македония, Албания. 19–20 мая 2000 года министры иностранных дел этой «девятки» провели в Вильнюсе международную конференцию на тему «Роль НАТО в изменяющемся пространстве европейской безопасности». По ее итогам подписано «Вильнюсское заявление», в котором страны «девятки» выразили полную готовность взять на себя все необходимые для членства в НАТО обязательства.

Эту готовность приветствовали присутствовавшие на форуме генсек НАТО Дж.Робертсон, министры иностранных дел Германии, Польши, Дж.Буш и А.Гор, боровшиеся в то время за пост президента, что свидетельствует о неизменности курса США на дальнейшее расширение альянса независимо от партийной принадлежности ее лидера. Очевидно, что программное заявление «девятки» с такими объемными обязательствами, далеко идущими политическими последствиями и носящее к тому же явно демонстративный характер не могло быть принято этими странами без предварительных консультаций с США и их одобрения.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что НАТО и прежде всего США намерены твердо проводить в жизнь жесткий стратегический курс, продемонстрированный в войне против Югославии и получивший документальное подтверждение на Вашингтонском саммите. Собственно, именно эта линия подтверждена и в первых выступлениях нового президента США Дж.Буша и членов его команды.

* * *

Изложенное позволяет сделать определенные выводы относительно политики НАТО на евроатлантическом и, в частности, на постсоветском пространстве.

1. Сегодня мы имеем дело с военно-политическим альянсом принципиально нового склада – по своим стратегическим целям и задачам, правовым аспектам, сфере влияния и т.д. От старого блока времен «холодной войны» осталось одно название.

2. Процесс дальнейшего усиления блока носит многовекторный характер.

Географически – по всем направлениям: на запад, юго-восток, даже в северных и других традиционно нейтральных странах Европы (той же Австрии, например) начинается дискуссия о целесообразности вступления в НАТО, не говоря уже об их сотрудничестве с блоком в рамках программы ПРМ.

Политически – блок установил связь практически со всеми общеевропейскими и региональными структурами на евроатлантическом пространстве, причем эта связь характеризуется, как правило, доминирующей ролью НАТО.

Идеологически – насаждение принципа: «что хорошо для НАТО, то хорошо для всех», разработка своего рода новейшей философии применения вооруженных сил блока (теория т.н. гуманитарных интервенций или гуманитарных войн).

В военном отношении – под знаменами блока собран и продолжает наращиваться огромный военный потенциал, обеспечивающий нейтрализацию или предотвращение нового спектра угроз XXI века и намного превышающий оборонные потребности всех его членов. Собственно, НАТО уже и не ведет разговор о необходимости обороны своих членов, так как в военном отношении ей нет и в обозримой перспективе не будет равных в евроатлантической зоне.

В информационной сфере – создана и оснащается по последнему слову техники, с использованием новейших технологий гигантская информационная машина, способная манипулировать общественным мнением в глобальном масштабе и полностью нейтрализовать любые попытки «чуждых» или нежелательных информационных воздействий. Она прошла хорошую обкатку в Югославии и готова включиться в работу в других «непокорных» районах (той же Белоруссии, например).

3. Одним из главных направлений деятельности блока является восточное направление. Здесь применяется весь имеющийся в распоряжении блока арсенал – политический, информаци-

онный, идеологический и, конечно, военный. Речь, конечно же, не идет о военном захвате все новых и новых восточных территорий. Но сама по себе огромная военная мощь НАТО, даже если она находится в «спящем режиме», является фактором, с которым приходится считаться всем несогласным с политикой альянса или даже с его позициями по тем или иным проблемам, возникающим на евроатлантическом пространстве, – от международных и межэтнических конфликтов, в том числе вооруженных, до экономических проблем и соблюдения прав человека.

Особенностью политики НАТО на восточном направлении является строго дифференцированный подход к выстраиванию взаимоотношений с расположенными на постсоветском пространстве странами. Государства Балтии – наиболее реальные кандидаты на прием в члены блока в ближайшей перспективе. Уже сейчас военная инфраструктура и выгодное стратегическое положение этих республик используются НАТО в собственных интересах. Особое партнерство с Украиной. На Южном Кавказе ставка делается на Грузию и Азербайджан под прикрытием обеспечения безопасности транснациональных трубопроводов, предназначенных для транспортировки энергоресурсов Каспийского региона на Запад, и нового «шелкового пути», связывающего Европу и Азию в обход России. Предметом особого внимания НАТО в ближайшем периоде станет также Приднестровье.

4. Россия для НАТО на ближайшую перспективу останется главным оппонентом, с которым альянсу приходится считаться. Одна из главных целей блока – не допустить восстановления влияния России на постсоветском пространстве, вынудить ее согласиться на натоцентристскую модель евроатлантической безопасности и полностью следовать в фарватере НАТО даже в вопросах, не отвечающих интересам ее безопасности. И эту задачу для НАТО нельзя назвать утопической, учитывая нынешнее ослабленное состояние России и пока не преодоленный ею глубокий системный кризис.

Что касается двусторонних отношений Россия – НАТО, то даже в этих сложных условиях, когда мнением Москвы блок зачастую демонстративно пренебрегает, иного пути, кроме сотрудничества и нахождения трудных компромиссов, у страны нет. Путь политического, тем более силового, противостояния контрпро-

дуктивен. И понимание этого существует у нынешнего высшего руководства страны. Доказательством тому служит тот факт, что Россия возобновила сотрудничество с НАТО в полном объеме. В начале 2001 года в Москве начнет функционировать информационное бюро НАТО. Министерство обороны России также готово рассмотреть вопрос об открытии в Москве военной миссии связи НАТО. Эти шаги – практическая реализация внешнеполитической линии Президента РФ В.Путина и его команды, обозначенной в его Послании Федеральному Собранию РФ и получившей подтверждение во всех последующих шагах на международной арене.

Безусловно, многое в двусторонних отношениях будет зависеть от НАТО. Вопрос в том, сумеет ли альянс скорректировать свои взгляды на общеевропейскую безопасность и в целом на свое место в глобальной политике в сторону более прагматичного учета интересов безопасности других стран. По мнению министра обороны РФ И.Сергеева, высказанному по итогам его декабрьского визита в Брюссель, в НАТО начинают постепенно осознавать, что одной из ее главных функций должно стать миротворчество, борьба с международным терроризмом, транснациональной преступностью.

«Вестник аналитики», №1– 2001 г.

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ НОВОГО МИРОПОРЯДКА?

Поводом для написания любой статьи всегда служат какие-то события. В данном случае события произошли вокруг Косово. Но толчком, как правило, могут послужить и определенные частные обстоятельства.

В январе 2001 года Совет по внешней и оборонной политике и Общество германской внешней политики с участием Шведского института внешней политики проводили в Москве очередное заседание «Форума Россия – ЕС по проблемам внешней политики и безопасности». Обсуждался вопрос: «Россия – ЕС: как строить процесс сближения?». В заседании приняли участие весьма влиятельные европейские политики: от России – первый заместитель министра иностранных дел Александр Авдеев; от ЕС – генеральный секретарь Совета ЕС – высокий представитель по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Хавьер Солана, член Комиссии ЕС, ответственный за внешнеполитические связи Кристофер Паттен; от Швеции – министр иностранных дел Анна Линд.

Накануне все участники встречи встретились в посольстве Швеции – страны, председательствующей в ЕС. Мое внимание тогда привлекла беседа А.Пушкова (пожалуй, лучшего ведущего аналитической программы) с Хавьером Соланой. Тема как-то плавно и незаметно перешла в плоскость обсуждения проблем гуманитарных интервенций. И речь шла не столько о предыстории, а больше о целесообразности гуманитарных интервенций, будет ли такая форма миротворческих акций впредь служить непременным атрибутом и инструментом НАТО.

Хавьер Солана, как всегда, в мягкой уклончивой манере, с улыбкой в бородку, твердил, что это скорее единичное явление и

не может быть постоянным инструментом. И вместе с тем на утреннем заседании «Форума Россия–ЕС» в ходе своего выступления он затронул тему создания отдельных европейских сил в составе 60-тысячного корпуса, с бронетанковыми силами и огласил тезисы о возможных совместных действиях «сил быстрого реагирования» ЕС и объединенных вооруженных сил НАТО.

Все это заставило меня глубже вникнуть в проблему и натолкнуло на мысль попытаться изложить собственные соображения относительно миротворческих акций в форме гуманитарных интервенций, которые, по-видимому, становятся неременным атрибутом складывающегося сегодня нового миропорядка и к которым всерьез готовятся как НАТО, так и ЕС.

I. Определение гуманитарной интервенции в современной интерпретации

Глобализация как общемировой процесс, доминирующий фактор современного развития затрагивает все без исключения сферы человеческой деятельности, включая и гуманитарную.

Одним из проявлений глобализации в политической и гуманитарной сферах и фактическим элементом нового мирового порядка является и «узаконенное» вмешательство во внутренние дела суверенных государств по гуманитарным поводам, т.е. так называемая гуманитарная интервенция (другие термины: «гуманитарное вмешательство», «гуманитарная война»).

Последний по времени всплеск интереса к этой проблеме был вызван агрессией, развязанной блоком НАТО против суверенной Югославии, формальным поводом для которой послужил острый гуманитарный кризис в югославской провинции Косово. Не вдаваясь в анализ глубинных причин и давних исторических корней этого затяжного кризиса, отметим лишь, что, постепенно разгораясь, причем не без влияний извне, он в конце концов привел к резкому обострению отношений между сербским и албанским населением провинции, многочисленным террористическим актам, массовым нарушениям прав человека, огромному потоку беженцев.

За урегулирование этого кризиса, оттеснив на второй план Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБ-

СЕ), взялся Североатлантический альянс во главе с США. Однако очень скоро, далеко не исчерпав всех политических, дипломатических и иных мирных средств разрешения кризиса, этот блок использовал против Сербии, которую он определил не только главным, но и единственным виновником кризиса, самый «убедительный» свой аргумент – массированные ракетно-бомбовые удары по объектам страны и военной инфраструктуры, группировкам войск. Эта война, которая, по убеждению аналитиков, «отбросила мир в новое политическое измерение»³⁴, многое прояснила в отношении проблемы гуманитарного вмешательства на современном этапе в трактовке ведущих западных стран.

Проблема гуманитарной интервенции (гуманитарного вмешательства) сама по себе не нова и исследуется давно. Споры вокруг нее не утихают уже не одно десятилетие. Однако именно операцией, проведенной Североатлантическим альянсом в Югославии, было в основном завершено формирование принципиально нового вида силового интернационального гуманитарного вмешательства, именно эта операция привела к появлению в международном лексиконе нового, более чем парадоксального термина – «гуманитарная война».

Прошло два года после завершения этой «гуманитарной войны», и острота полемики вокруг нее несколько притупилась. Но, безусловно, проблема гуманитарного вмешательства остается актуальной и сегодня. Есть все основания считать, что гуманитарное вмешательство может стать своеобразной «философией интернационализма» XXI века и одним из существенных элементов складывающегося сегодня нового миропорядка. И если это будет миропорядок, в котором право силы будет превалировать над силой права, правила поведения, в том числе и во внутренней политике суверенных государств, будут диктоваться единственной супердержавой – Соединенными Штатами, а призывать «неподчиняющихся» к порядку и наказывать «виновных» будет «мировой жандарм» – переродившийся Североатлантический альянс образца XXI века, то мир уже в ближайшей перспективе может ожидать очередных «гуманитарных войн» в различных районах земного шара по образцу и подобию войны НАТО в Югославии.

³⁴ А.Адамишин. «Наш ответ Америке». «НГ» (Москва), №195, 19.10.99

Определений гуманитарной интервенции за все время исследований этой проблемы было предложено немало. Так, Т.Бордачев считает наиболее удачным определение, предложенное Кристофером Гринвудом (со ссылкой на статью этого автора «*Есть ли право гуманитарной интервенции?*» в журнале *World Today* в феврале 1993 года): «Гуманитарная интервенция есть военная интервенция в стране, осуществляемая вне зависимости от согласия ее правительства, имеющая своей целью предотвратить широкомасштабное страдание и гибель населения»³⁵.

Однако это и другие определения гуманитарной интервенции были даны до 1999 года. Год, который, можно утверждать, стал переломным в подходах к «традиционному» гуманитарному вмешательству, принципы которого были разработаны ООН и которые эта Всемирная организация использовала в своей миротворческой деятельности все последние десятилетия. 1999 год начался с нанесения ракетных ударов авиацией США и Великобритании в Ираке, которые явились продолжением совместной операции этих стран, проведенной в середине декабря 1998 года. 21 марта Совет НАТО принимает решение о начале «гуманитарной» агрессии НАТО против Югославии, продолжавшейся до 20 июня 1999 года. В сентябре открылась очередная, 54-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которой выступления представителей западных стран – лидеров НАТО синхронно звучали как «реквием по миропорядку последних более чем пяти десятилетий»³⁶. А Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своем докладе на Генеральной Ассамблее призвал к выработке более эффективной политики международного сообщества в проведении гуманитарных интервенций, которая, по его словам, должна охватывать широкий ряд мер реагирования – от дипломатии до применения вооруженных сил. Немного позднее эта тема была развита им в докладе, подготовленном к «Саммиту тысячелетия» ООН.

³⁵ Т.Бордачев. «Новый интервенционализм» и современное миротворчество». Издательский центр научных и учебных программ (Москва), 1998.

³⁶ Б.Пядышев. «Реформа ООН, видимо, грядет, но не под раскаты интервенции». «Международная жизнь» (Москва), №11, 1.11.1999.

Все эти события позволяют утверждать, что сегодня подходы к решению проблемы гуманитарного вмешательства значительно изменились.

С учетом накопленного позитивного и негативного опыта его осуществления в различных условиях и странах можно дать следующее определение гуманитарной интервенции. По своей сути гуманитарная интервенция есть не что иное, как *силовое вмешательство во внутренние дела суверенного государства с объявленными целями: предотвращение или прекращение геноцида части населения страны, массовых нарушений прав человека, других гуманитарных катастроф и последующее поддержание стабильности и мира в таких районах, способствующее установлению в них демократических норм и принципов.*

Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно об объявленных (декларируемых) целях таких акций, так как новейшая мировая история уже успела доказать, что объявленные и истинные цели такого вмешательства зачастую не совпадают.

Так, Президент РФ В.Путин в выступлении 8 июля 2000 г., представляя Федеральному Собранию Российской Федерации свое первое Послание, подчеркнул, что в наше время под видом гуманитарной интервенции зачастую скрываются «попытки ущемления суверенных прав государств», что, по его убеждению, есть не что иное, как последствия «холодной войны»³⁷.

II. Краткий экскурс в историю проблемы

Для того чтобы глубже уяснить суть гуманитарной интервенции в современной интерпретации, полезно совершить небольшой исторический экскурс в эту проблему. В частности, ответить на вопрос, когда, в связи с чем, с какими целями проводились международные гуманитарные акции и в каких формах они осуществлялись.

С одной стороны, что особенно характерно для нынешнего времени, приходится констатировать, что идеологи и интерпретаторы современных гуманитарных акций, особенно таких, в которых предусматривается вмешательство во внутренние дела то-

³⁷ «Парламентская газета» (Москва), №128, 11.07.2000

го или иного государства, зачастую ангажированы, при оценке таких акций и их последствий руководствуются не столько объективными критериями, сколько совершенно очевидными политическими пристрастиями или даже политическим заказом, используют двойные стандарты.

Но и среди независимых исследователей и объективных политиков приходится сталкиваться с целым рядом несопадающих, а кое в чем даже противоречивых мнений. Такое неоднозначное понимание свидетельствует о сложности разработки общепризнанной классификации подобного рода акций, об отсутствии неких универсальных критериев и параметров, применимых к конкретным региональным, историческим, национальным и другим условиям.

Вот некоторые точки зрения, опубликованные в последние годы в ряде изданий.

Так, профессор Г.Мелков³⁸ высказывает убеждение, что «никакого принципа «гуманитарного вмешательства» в международном праве не существует», а термин этот используется всего лишь как «псевдоним войны». Гуманитарную войну НАТО в Югославии 1999 года он (причем далеко не единственный из исследователей) однозначно трактует как открытую, прямую агрессию, ссылаясь на определение агрессии, принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 году.

Танья Герард, генеральный директор «Ассер Колледж Европа» (Нидерланды), считает, что доктрина гуманитарной интервенции, ее правомерность, объем и содержание в контексте международного права привлекают исследователей на протяжении нескольких столетий³⁹.

Что касается недавнего прошлого, то, по ее мнению, интерес к проблеме особенно возрос в 1970–1980-е годы после таких акций, как вмешательство Бельгии и Великобритании в Конго (1964 г.), США в Доминиканской Республике (1965 г.), Индии в Восточном Пакистане (1971 г.), Индонезии в Восточном Тиморе (1975 г.),

³⁸ Г.Мелков. «Это всего лишь псевдоним войны». «Сегодня» (Москва), №83, 15.04.2000.

³⁹ Т.Герард. «Гуманитарная интервенция и гуманитарная помощь: эхо прошлого и перспективы». «Белорусский журнал международного права и международных отношений» (Минск), №4, 1998 г.

Бельгии в Заире (1978 г.), США при участии шести стран Карибского региона в Гренаде (1983 г.), США в Панаме (1988 г.). Второй пик интереса к проблеме начался после вмешательства объединенных вооруженных сил западных стран (основу которых составляли войска США), направленного на защиту курдов в Северном Ираке и шиитов в южной части этой страны (1991 г.), гуманитарного вмешательства в Сомали (1992–1993 гг.), в Руанде (1994 г.) и на Балканах, продолжающегося и в настоящее время.

По мнению А.Макаркина и О.Пашковой⁴⁰, гуманитарное вмешательство «с плачевными результатами» впервые было осуществлено в 1960 году в Конго войсками ООН. В последующем были проведены своего рода гуманитарные операции с применением вооруженных сил рядом государств: в 1971 году Индией в восточной части Пакистана, в результате чего образовалось независимое государство Бангладеш; в 1979 году Вьетнамом против режима Пол Пота в Камбодже; в 1979 году Францией в Центральноафриканской империи с целью свержения императора-каннибала Бокассу. Что касается современной его интерпретации, то эти авторы считают первым днем международного признания принципа гуманитарного вмешательства январский день 1991 г., когда Ирак начал выводить свои войска из Кувейта. Затем они отмечают гуманитарное вмешательство, осуществленное Соединенными Штатами по мандату ООН в Сомали, закончившееся полным провалом. И, наконец, косовскую операцию НАТО во главе с США 1999 года, которая явилась прообразом новой формы гуманитарного вмешательства – гуманитарной войны.

Л.Ганкин утверждает, что новая модель миротворчества в форме гуманитарной интервенции впервые была опробована в 1991 г. в Ираке после окончания операции «Буря в пустыне»⁴¹. По его мнению, уже тогда четко вырисовалась схема этой модели. По сути спровоцировав одновременное выступление курдов на севере и шиитов на юге Ирака и соответственно ответные действия Багдада по их подавлению, США поначалу усилили мас-

⁴⁰ А.Макаркин, О.Пашкова. «Гуманитарное вмешательство или прикрытие для агрессии: Имеет ли право одно государство вторгаться на территорию другого». «Сегодня», №83, 15.04.2000).

⁴¹ Л.Ганкин. «Дипломатия беженцев: Запад избрал тактику «гуманитарной интервенции». «Коммерсант-daily», 18.11.99.

сированную информационную атаку на режим С.Хусейна. И лишь после того как мировое общественное мнение было полностью подготовлено к спокойному восприятию силового вмешательства, американская авиация совместно с союзниками нанесла ракетно-бомбовые удары по целям в Ираке. Реальной помощи пострадавшему в этих столкновениях мирному населению эти удары принести не могли. Но зато конечным итогом этой «гуманитарной» акции стало окончательное закрепление американцев на базах в Саудовской Аравии, их постоянное военное присутствие в жизненно важном для США регионе Персидского залива.

В последующем подобная модель и с теми же конечными результатами была повторена на Балканах – в Боснии и Герцеговине в 1995 г. и на территории Югославии, в Косово, в 1999 г.

В.Терехов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, в качестве одного из наиболее ярких примеров гуманитарной катастрофы последних десятилетий прошлого века, потребовавшей вмешательства международного сообщества, приводит Камбоджу времен правления Пол Пота и «красных кхмеров»⁴². Именно трагедия народа Камбоджи, поставившая его на грань выживания, по мнению этого известного российского дипломата, «заставила глубоко задуматься о коллективной ответственности человечества за судьбу народов, оказавшихся жертвами исторических аномалий и политических преступлений». (По различным оценкам, жертвами режима Пол Пота стали от 2 до 4 миллионов камбоджийцев.)

Вместе с тем именно в камбоджийской гуманитарной катастрофе того времени наиболее выпукло проявились политические мотивы, тормозившие принятие международным сообществом своевременных и действенных мер по ее предупреждению, двойные стандарты, применявшиеся при оценке действий вовлеченных в конфликт сторон.

С.Орджоникидзе, заместитель министра иностранных дел России, говоря о современной концепции гуманитарной интервенции, отмечает, что в более или менее целостном виде она была изложена премьер-министром Великобритании Тони Блэром в одном из его выступлений накануне юбилейного саммита НАТО в

⁴² В.Терехов. «Бить или не бить за права человека?». «Сегодня», №83, 15.04.2000

Вашингтоне⁴³ в апреле 1999 г., проходившем на фоне ракетных и авиационных ударов блока по суверенной Югославии.

В ходе этой войны, развязанной блоком против суверенного европейского государства, современная концепция гуманитарной интервенции (или, что более точно, гуманитарной войны) была апробирована в наиболее полном объеме, хотя, конечно, отдельные ее элементы применялись и в других регионах гуманитарных кризисов, в том числе и на Балканах в «докосовский» период, и в Ираке в 1991 г. и в последующие годы, и в других регионах мира.

Следует подчеркнуть, что именно события 1991 года в Ираке в связи с подавлением войсками С.Хусейна вооруженных выступлений курдов и шиитов послужили поводом для принятия Советом Безопасности ООН известной «гуманитарной» резолюции № 688 от 5.04.91 г., которая вызвала бурные дискуссии как при ее принятии Советом Безопасности ООН (из 15 его членов лишь 10 государств проголосовали «за», 5 государств выступили «против» или воздержались, в их числе Индия и Китай), так и в последующем, на этапе ее реализации, среди политиков и специалистов по международному праву.

Так, по мнению ряда специалистов-международников, называющих себя «реалистами», эта резолюция создала правовую основу для вооруженного вмешательства союзных сил, введения на территории государств, подвергшихся гуманитарному вмешательству, т.н. зон запрета для полетов и создания здесь «безопасных портов». Они утверждают, что резолюция, по сути, санкционировала первую в современной истории операцию в духе главы 7 Устава ООН, проводимую с целями гуманитарного характера, а именно: предотвращение или пресечение варварских действий против гражданского населения и массовых нарушений прав человека. Но самое главное, по мнению сторонников вооруженного вмешательства по гуманитарным поводам, резолюция 688 впервые юридически подтвердила приоритетный характер подобных гуманитарных акций по отношению к принципам неприкосновенности суверенитета, территориальной цело-

⁴³ С.Орджоникидзе. «Концепция гуманитарной интервенции исполняется год». «НГ-Дипкурьер», №7, 20.04.2000

стности любого государства, т.е. создала правовой прецедент для вмешательства во внутренние дела государства при определенных условиях.

Но очень многие специалисты и неангажированные политики выступили против такой трактовки содержания резолюции 688. Они считали, что применение принудительных мер, связанных с силовым вмешательством во внутренние дела государств, не имеет правовой основы и является, по существу, незаконным, даже если при этом преследуются гуманитарные цели. Это же относится и к созданию зон запрета для полетов и «безопасных портов». Пресс-служба ООН разъяснила позднее (21 апреля 1993 г.), что резолюция СБ ООН № 688 отнюдь «не основывалась на главе 7 Устава ООН и не оговаривала запреты на полеты, равно как и не была обязательной».

Т.Герард в упоминавшейся выше статье⁴⁴ приводит также мнение Правового комитета Государственного департамента США. Согласно разъяснению этого комитета введение Соединенными Штатами зон запрета полетов было добровольным шагом, а резолюция 688 носила «гуманитарный характер по направленности и являлась добровольной, поскольку не дает ссылки на главу 7 Устава ООН».

По итогам дискуссии вокруг резолюции СБ ООН № 688 можно сделать по крайней мере два вывода, касающихся рассматриваемой проблемы. Во-первых, введение Соединенными Штатами в одностороннем порядке т.н. зон запрета для полетов иракской авиации (как одной из первых акций, реализующих силовую составляющую современной концепции гуманитарной интервенции), с точки зрения международного права было фактически незаконной мерой. Во-вторых, нынешняя система международно-правовых принципов, изложенная в Уставе ООН и положенная в основу современных международных отношений, исключает любые акты агрессии и вмешательства извне во внутренние дела суверенных государств по любым, в том числе гуманитарным, поводам без соответствующей санкции Совета Безопасности ООН. Решение о применении таких санкций сам Совет Безопасности вправе принимать только при угрозе международному миру, причем решение

⁴⁴ См. сноску 5

о наличии такой угрозы и ее оценка – также функция исключительно Совета Безопасности ООН и никакого другого органа.

И в этом заключен глубокий смысл. Совет Безопасности ООН – наиболее беспристрастный международный орган с широкими полномочиями, способный в силу этого принимать взвешенные и наименее политизированные решения в сложных условиях гуманитарного кризиса. В то время как отдельные государства, региональные организации, пытающиеся подменить ООН и ее Совет Безопасности и взять на себя их миротворческие функции, не могут быть беспристрастными и в той или иной мере будут преследовать в таких акциях свои цели, защищать собственные интересы.

Таким образом, вооруженные акции в Югославии и других регионах, предпринятые в последние годы без санкции СБ ООН Соединенными Штатами и их союзниками, являются откровенным нарушением действующего международного права. Это мнение большинства исследователей проблемы и специалистов по международному праву. И обосновывается такой вывод прежде всего тем, что ни Устав ООН, ни современное международное право не предусматривают не санкционированного Советом Безопасности ООН применения вооруженных сил государства или коалиции государств с вмешательством во внутренние дела других суверенных государств даже в случае доказанных серьезных нарушений там прав человека.

К тому же негативные последствия вмешательства по односторонним решениям, как правило, перевешивают тот положительный эффект, если даже он имеет место в результате такой акции. Во-первых, в целом ряде случаев чрезвычайно сложно определить, требует ли ситуация, складывающаяся в том или ином государстве или регионе, гуманитарного вмешательства с применением воинских контингентов, тем более что ни общепризнанного правового определения, ни четких критериев для оценки таких ситуаций пока нет. Так, вполне оправданны опасения, что концепция гуманитарной интервенции может быть использована сепаратистскими движениями в собственных интересах: для этого им надо только спровоцировать правительство на грубые нарушения прав человека, тем самым добиться вмешательства извне и, используя его, добиться своих целей. Детали такого сце-

нария просматриваются на Балканах – в том же Косово, позднее в Македонии. Во-вторых, при понижении уровня принятия решений на гуманитарное вмешательство до блокового или национального велика вероятность злоупотребления таким правом, особенно в условиях правовой неопределенности. В частности, концепция гуманитарной интервенции может быть использована для прикрытия необоснованного вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

III. Гуманитарное вмешательство как безусловная прерогатива ООН

К настоящему времени основные принципы концепции гуманитарной интервенции, как и основные черты подобных акций, обозначились достаточно четко. Вся современная концепция гуманитарной интервенции построена, в сущности, на примате прав человека над суверенитетом, независимостью и территориальной целостностью государства. Как подчеркивают главные организаторы таких акций и их идеологи, гуманитарная катастрофа не может более считаться внутренним делом государства, и международное сообщество обязано принимать самые решительные меры для исправления ситуации.

Правомерен ли такой подход?

Ответ на этот вопрос, как представляется, в нынешней международной обстановке далеко не однозначен.

Мир переживает беспрецедентный в истории геополитический сдвиг, глубинные последствия которого еще предстоит осмыслить. Осуществляется переход от сравнительно устойчивого биполярного мира, от противоборства и силового баланса двух общественно-политических систем к некоему новому глобальному политическому и геостратегическому ландшафту. Его конфигурация во многом будет зависеть от того, какая из двух нынешних тенденций мирового развития одержит верх: однополюсного мира при лидирующей роли одной супердержавы – США (пока, думается, эта тенденция превалирует) либо многополюсного мира. Переживаемый мировым сообществом переходный период отличается резким ростом затяжных конфликтов на этнической, межклановой, религиозной почве. И если XX век вошел в исто-

рию как столетие войн и революций, то наступивший XXI век может положить начало эпохе многочисленных локальных войн и конфликтов. При всем разнообразии этих конфликтов в их совокупности выявляется ряд специфических черт.

Прежде всего в абсолютном большинстве эти конфликты носят внутрисоветский характер и связаны не столько со стремлением захватить верховную власть в государстве, а с сепаратизмом, борьбой за отделение от государства, за приобретение национальной самостоятельности. Это необычайно обостряет такую важную, но так и не решенную международным правом проблему, как соотношение принципов территориальной целостности государства и права наций на самоопределение. (Идентифицируемых национальных меньшинств в мире, по данным ООН, насчитывается свыше 5 тысяч)⁴⁵.

Генеральный секретарь Кофи Аннан в своем докладе на «Саммите тысячелетия» подтверждает эту важную черту современных конфликтов: «В 1990-х годах войны велись главным образом внутри государства. Причем эти войны были жесточайшими и привели к гибели более пяти миллионов человек... эти войны часто порождались политическими амбициями или стремлением к обогащению, и их питательной средой были этнические и религиозные различия. В основе их часто лежат зарубежные экономические интересы, и их подпитывает гиперактивный и в основном незаконный мировой рынок вооружений».⁴⁶

Вот некоторые цифры и примеры для иллюстрации сказанного.

Заместитель Генерального секретаря ООН, генеральный директор Европейской штаб-квартиры ООН В.Петровский со ссылкой на *Journal of Peace Research* приводит такие цифры: за пятилетний период с 1989 по 1994 год в мире имели место 90 внутрисоветских вооруженных конфликтов и лишь четыре носили межгосударственный характер⁴⁷.

⁴⁵ В.Петровский. «Стратегия и инструменты урегулирования конфликтов». «НГ-Дипкурьер», №7, 20.04.2000.

⁴⁶ «Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке». Доклад Генерального секретаря ООН на «Саммите тысячелетия», п.193, А/54/2000, 27 марта 2000 года.

⁴⁷ Там же.

По данным ООН, на начало 1995 года 82% международных миротворческих операций, ведущихся с 1992 года, были связаны с урегулированием региональных конфликтов, возникших на почве внутрисударственных противоречий⁴⁸. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ) приводит такие цифры: в 1998 году из 27 основных вооруженных конфликтов только два (между Индией и Пакистаном, Эритреей и Эфиопией) были межгосударственными, все остальные носили внутрисударственный характер⁴⁹.

Вооруженные конфликты подобного рода охватили Юго-Восточную Европу, территории Турции, Ирака, южных районов СНГ, ряд стран Юго-Восточной Азии и Океании. Не обошли они стороной и Американский континент.

Длительное время не может выбраться из хаоса внутрисударственных конфликтов на межэтнической и межплеменной почве Африка. Ими поражена почти треть из 42 стран этого континента⁵⁰.

Уместно будет заметить, что из внутрисударственного характера большинства современных конфликтов вытекают по крайней мере две важные особенности проведения гуманитарных операций с применением вооруженных сил.

Во-первых, действовать интервентам в таких операциях зачастую приходится не против разрозненных, слабо организованных и плохо вооруженных отрядов, а против регулярных армий. Так было в Ираке, так было и на Балканах. И если какие-то государства или группы государств захотят использовать гуманитарную интервенцию как повод для вторжения в страну и параллельного решения собственных задач, то без применения вооруженных сил, причем в форме масштабных военных операций, им не обойтись. Не в этом ли кроется подспудный смысл активного подключения НАТО, обладающей огромной военной мощью, к решению гуманитарных проблем?

⁴⁸ Е.Степанова. «Интернационализация локально-региональных конфликтов». «Международная жизнь», №11, 22.11.2000.

⁴⁹ SIPRI Yearbook 1999 (Armaments, Disarmament and International Security), Stockholm, 1999.

⁵⁰ М.Соколовский. «Африка тушит пожар войны: пожарных все больше, огонь все сильнее». «Зеркало недели» (Киев), №49, 5.12.98.

Во-вторых, как отмечает ряд обозревателей, проводимые до сих пор гуманитарные интервенции показали свою малую эффективность в урегулировании конфликтов, имеющих внутрисоциальный характер: лишь 57 из 190 внешних интервенций за весь послевоенный период (с 1944 года до конца 1990-х годов) привели к прекращению боевых действий. (Е.Степанова)⁵¹. А это требует серьезной работы по совершенствованию всей миротворческой деятельности ООН и Совета Безопасности, принятия мер по повышению действенности гуманитарного вмешательства, если такое решение принимается ООН.

Другой особенностью современных конфликтов является то, что они *принимают все более ожесточенный характер, причем основными жертвами становится гражданское население*. В.Петровский в упомянутой выше статье⁵² приводит впечатляющие цифры: если в Первой мировой войне на гражданское население приходилось лишь 5% от общего числа жертв, то в современных боевых действиях на т.н. некомбатантов, т.е. на мирное население, приходится уже 90%. Самое ужасное то, что гражданское население зачастую сознательно избирается в качестве мишени. К этому надо добавить геноцид, массовые насилия и зверства над мирным населением, в том числе по отношению к детям, использование детей и подростков в боевых действиях, огромное число перемещенных лиц и беженцев, беспорядочное минирование огромных территорий, разрушение социальной инфраструктуры, среды обитания, искусственно создаваемые экологические катастрофы, террористические акты и диверсии, рассчитанные на гибель большого числа мирных граждан, захват заложников и многое другое.

Еще одной особенностью нынешних внутрисоциальных конфликтов является широкая поддержка противоборствующих сторон заинтересованными внешними силами – определенными политическими и экономическими кругами, международными криминальными структурами, национальными диаспорами, единоверцами и т.д. Россия испытывает это на себе. Тот же чеченский кризис получает постоянную подпитку со стороны – и не только финансовую, материальную, военную, но и политическую.

⁵¹ Е.Степанова. «Интернационализация локально-региональных конфликтов». «Международная жизнь» (Москва), №11, 22.11.2000.

⁵² См. сноску 11.

кую. Как иначе можно расценить демонстративный прием на высоком дипломатическом уровне специальным советником госсекретаря США по новым независимым государствам Джоном Байрли т.н. министра иностранных дел «независимой Ичкерии» Ильяса Ахмадова? После этой встречи Ахмадов, находящийся в розыске участник бандитского нападения на больницу в Буденновске и на село Первомайское, заявил, что на встрече с американским дипломатом они обсуждали... проблему соблюдения прав человека в Чечне.

Ясно, что в ситуациях, характеризующихся или даже грозящих гуманитарной катастрофой, международное сообщество не вправе стоять в стороне в роли пассивного созерцателя. Оно просто обязано принять эффективные и оперативные меры для исправления ситуации. Т.е. обязано в случае гуманитарных катастроф, тем более грозящих подрывом региональной или даже глобальной стабильности, вмешиваться в развитие событий, принимать те или иные меры по корректировке или переориентации внутренней политики, проводимой правящими кругами государств и приводящей к неоправданным массовым жестокостям в отношении собственных граждан. В докладе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на «Саммите тысячелетия» прямо указывалось, что «вооруженная интервенция всегда должна оставаться крайним средством, однако перед лицом массовых убийств от этого средства нельзя отказываться⁵³.»

То есть формальная логика, используемая Североатлантическим альянсом для обоснования крутой трансформации его Стратегической концепции – от обороны собственной территории к проведению военных операций с гуманитарными целями во всей евроатлантической зоне и даже за ее пределами, вообще говоря, не противоречит мнению, складывающемуся в ООН.

Но принципиальный вопрос состоит в том, *что понимается при этом под международным сообществом, кто имеет право оценивать степень гуманитарной катастрофы и ее опасность и принимать решение о той или иной форме вмешательства в развитие конфликта, включая и вмешательство в необходимых случаях во внутреннюю политику государства, тем более санкционировать такое вмешательство.*

⁵³ См. сноску 13.

В ответе на эти вопросы и кроется коренное различие в подходах к гуманитарному вмешательству военно-политического руководства США и НАТО, с одной стороны, и ООН, многих суверенных государств (в том числе России, Китая и др.), с другой.

Таким международным сообществом может быть только ООН с ее Советом Безопасности. Эта Всемирная организация имеет уже богатый опыт по урегулированию конфликтов, включая внутригосударственные, по принятию превентивных мер для их предупреждения и сдерживания, имеет соответствующие инструменты для реализации таких мер, включая организацию силовых действий, а самое главное – опирается на общепризнанную международно-правовую базу. Инструментами урегулирования и сдерживания внутригосударственных конфликтов, которыми располагает ООН, являются превентивная дипломатия, миротворчество, операции по поддержанию мира, постконфликтное миростроительство, а также управление конфликтами во всех их аспектах, включая гуманитарный⁵⁴. При этом как правовая база ООН по предупреждению и прекращению конфликтов, так и используемые для этих целей инструменты, средства и способы прошли испытания временем и в целом себя оправдали.

Так, с 1948 года ООН провела 50 операций, связанных с пресечением угрозы миру, предотвращением вооруженных конфликтов, наблюдением за прекращением огня и другими миротворческими целями (из них 39 – после 1988 года). По состоянию на начало 2001 года ООН проводит 15 операций по поддержанию мира, из них только в 1999 году учреждены четыре таких операции – в Косово, Восточном Тиморе, Сьерра-Леоне и ДРК⁵⁵. Эти цифры и факты подтверждают растущую востребованность миротворческой деятельности ООН.

Конечно, нужно согласиться с тем, что для современных условий, для складывающейся принципиально новой во многих своих аспектах ситуации в политической, экономической, военной, информационной сфере, для изменяющегося спектра угроз, нового характера и возросшей интенсивности конфликтов тре-

⁵⁴ В.Петровский. «Стратегия и инструменты урегулирования конфликтов». «НГ-Дешкурьер», №7, 20.04.2000.

⁵⁵ В.Шустов. «Способна ли ООН вести войну». «Международная жизнь», №11, 22.11.2000.

буется определенная корректировка и, может быть, пересмотр отдельных положений международно-правовой базы, подходов к миротворческой деятельности ООН, включая упреждающие действия этой организации, операции по поддержанию мира, постконфликтное миростроительство и др. Требуются, очевидно, и определенные организационные решения, касающиеся ООН, ее Совета Безопасности и других институтов, включая силовую компоненту миротворческой деятельности ООН. Но это тема для отдельного серьезного разговора.

Во всяком случае Россия, как подчеркивается в Концепции внешней политики Российской Федерации, готова «к предметному диалогу по совершенствованию правовых аспектов применения силы в международных отношениях в условиях глобализации» и исходит из того, что «поиск конкретных форм реагирования международного сообщества на различные острые ситуации, включая гуманитарные кризисы, должен вестись коллективно, на основе четкого соблюдения норм международного права и Устава ООН»⁵⁶. Это очень взвешенный и конструктивный подход, учитывающий как современные реалии, так и интересы всех без исключения членов мирового сообщества.

И нужно отметить, что ООН уже начала работу по совершенствованию своих миротворческих механизмов.

Так, в 2000 году была создана специальная группа экспертов по операциям ООН в пользу мира, которую возглавил заместитель генерального секретаря ООН Л.Брахими. От России в нее вошел посол В.Шустов – опытнейший российский дипломат, долгое время работавший в системе ООН и возглавлявший российские делегации на многих важных переговорах по проблемам безопасности и контроля над вооружениями. Перед этой группой была поставлена задача – проанализировать миротворческий опыт ООН (включая и причины неудачных операций последних лет – в Боснии и Герцеговине и особенно в Руанде в 1994 году, где в результате межплеменной розни погибли около 800 тысяч человек) и выработать рекомендации по повышению миротворческого потенциала ООН и реформированию ее операций по поддер-

⁵⁶ «Концепция внешней политики Российской Федерации». «Российская газета», №133, 11.07.2000.

жанию мира. Обстоятельный и прагматичный доклад этой представительной группы (т.н. доклад Брахими) был представлен ООН к Саммиту тысячелетия.

IV. «Гуманитарные» уроки Косово. Оценка притязаний НАТО на миротворчество

Свои подходы к проблеме гуманитарного вмешательства, отличные от узаконенных ООН и ее Советом Безопасности, предлагаются (и уже практикуются) ведущими странами НАТО во главе с США. Эти подходы не только прошли апробирование в ряде регионов (в наиболее полном виде в 1999 году в войне НАТО против Югославии). Странами НАТО была сделана попытка юридически закрепить вмешательство во внутренние дела суверенных государств с использованием гуманитарных предлогов в официальных документах Североатлантического альянса, принятых на Вашингтонском саммите в апреле 1999 года.

Так, по словам Б.Клинтона, отныне «такие операции, как югославская, становятся одной из типичных задач НАТО. Члены союза заявляют, что теперь для усиления собственной безопасности они должны быть готовы действовать не только на территории стран-участниц, но и на территориях как географически, так и по сути связанных с НАТО»⁵⁷.

Предотвращению конфликтов и урегулированию кризисов посвящен раздел в новой Стратегической концепции Североатлантического союза. Эти задачи для «нового альянса» определены в ней как первостепенные. Альянс должен быть в постоянной готовности «содействовать эффективному предотвращению конфликтов и активно участвовать в урегулировании кризисных ситуаций, включая операции по реагированию на кризисы» (ст.10). При этом военные возможности блока «составляют основу способности альянса при всех вероятных обстоятельствах содействовать предотвращению конфликтов и урегулированию кризисов на основе операций по реагированию на кризисы, не подпадающих под Статью 5 Вашингтонского договора», т.е. за пределами

⁵⁷ См. сноску 4.

территории НАТО (ст.29). «В этом контексте, – подчеркивается в ст.31 Стратегической концепции, – НАТО напоминает о своих... решениях в отношении операций по реагированию на кризис на Балканах». Соответственно ставится задача вооруженным силам НАТО, которые «должны быть готовы к участию в предотвращении конфликтов и ведению операций по реагированию на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора» (ст.41)⁵⁸.

Разумеется, не обошлось и без ложного пафоса – здесь же авторы документа пытаются убедить всех и, очевидно, себя в том числе, что такие операции «служат в поддержку более широкой цели укрепления и распространения стабильности».

Что ж, в регионах, подвергшихся массовой ракетно-бомбовой «гуманитарной» обработке, действительно может наступить стабильность, но стабильность зачастую кладбищенского типа.

Не случайно при принятии заключительных документов на юбилейном саммите НАТО возникли противоречия между лидером альянса США и Францией, которую поддержала Германия. Главные разногласия касались как раз права альянса проводить военные операции за пределами территории своих стран без санкции Совета Безопасности ООН, на чем решительно настаивали Вашингтон и его самый ближайший союзник – Лондон. В результате был принят компромиссный вариант. В частности, появилась фраза о том, что «Совет Безопасности ООН несет первостепенную ответственность за поддержание международного мира и безопасности». Но в то же время Х.Солана, бывший в то время генсеком НАТО, на заключительной пресс-конференции вновь заявил, что для осуществления военных действий блока за пределами своей территории санкции СБ ООН вовсе не обязательны. Поэтому ссылка в ст. 31 Стратегической концепции альянса на международное право не должна никого обманывать. Военно-политическое руководство блока НАТО в случае принятия решения на проведение гуманитарной интервенции за пределами блока явно не намерено «утруджать» Совет Безопасности ООН, особенно если не будет заранее уверено в положительном для себя решении.

⁵⁸ «Стратегическая концепция Североатлантического союза», www.nato.int

Ведущие страны НАТО пытаются, похоже, подменить мировое сообщество (из 190 государств мира 186 являются членами ООН) узкой группой государств, в которую входят США как единоличный лидер, Великобритания, Франция, Германия, Италия; остальным странам – членам НАТО и «сочувствующим» этому блоку не членам отводится роль статистов. Именно эта «пятерка» в одностороннем порядке пытается присвоить себе право вмешиваться во внутренние дела государств для разрешения гуманитарных кризисов. Причем такое вмешательство всегда прикрывается вполне человеколюбивыми и даже благородными провозглашаемыми целями: предотвращение или пресечение гуманитарной катастрофы, оказание помощи пострадавшему населению, содействие в установлении мира и стабильности в государстве и регионе в целом, становлении демократических прав и свобод.

Казалось бы, вполне гуманные и справедливые устремления. В конце концов, не столь важно, кто возглавит миротворческий процесс и возьмет на себя всю тяжесть по нормализации обстановки в районе кризиса. Важен конечный позитивный результат. Но у представителей многих независимых, не входящих в сферу влияния альянса, государств, у не ангажированных политиков и объективных аналитиков в связи с устремлениями блока НАТО к лидерству в миротворческом процессе в глобальном масштабе возникает ряд серьезных опасений, многие из которых, к сожалению, оправдались в ходе «победоносной» «гуманитарной акции» НАТО в Югославии.

Акции, основным содержанием которой стали интенсивные ракетно-бомбовые удары по суверенной стране, а конечным итогом – почти полное разрушение ее экономики и подрыв социальной инфраструктуры. То есть результатами этой войны фактически стали: та же гуманитарная катастрофа, но уже сконструированная НАТО, причем в гораздо больших масштабах; этническая чистка (Косово покинули от 250 до 350 тысяч сербов и других граждан неалбанской национальности); фактическое отторжение от СРЮ ее провинций Косово и Метохии и, конечно же, едва ли не безраздельное господство США и НАТО на Балканах, которые еще недавно были в основном нейтральным регионом.

В чем заключаются эти опасения?

Первое. Международное сообщество в лице ООН подменяет региональным сообществом – Североатлантическим альянсом, а точнее – небольшой группой его ведущих государств во главе с США. Соответственно именно эта группа наиболее промышленно развитых государств мира присваивает себе право определять наличие гуманитарного кризиса в том или ином государстве, степень его остроты и опасности, влияния на региональную и глобальную стабильность. Причем эти оценки осуществляются по собственным критериям, в целом ряде случаев не соответствующим общепринятым международным принципам и законам.

Но определением и оценкой угроз эти государства далеко не ограничиваются.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что государства – лидеры НАТО вознамерились совмещать в своем лице функции и главного судьи, выдающего санкции на силовое вмешательство, и исполнителя силовых акций, и «архитектора» постконфликтного государственного переустройства, и «старшего надзирателя» за исполнением своих послевоенных предначертаний и планов. Этот вывод подтверждает опыт Косово, где НАТО продемонстрировала всему миру свое понимание концепции гуманитарного вмешательства.

Министр иностранных дел России И.Иванов так оценивает подобного рода военные акции: «Не выдерживают критики любые попытки оправдать силовые акции без согласия на то Совета Безопасности ООН, в частности ссылками на некое «право на гуманитарное вмешательство». Такое использование силы становится заложником политических пристрастий и предвзятой трактовки событий. Нельзя самочинно, без какого-либо мандата международного сообщества судить, кто прав или виноват и как наказать виновного. Это прямой путь к анархии и хаосу в мире»⁵⁹.

Второе. Как отмечают многие исследователи проблемы, уже сейчас наблюдается тенденция слияния натовской концепции гуманитарной интервенции с другой рожденной на Западе концепцией – «ограниченного суверенитета», предполагающей вмешательство во внутренние дела государства под различными предлогами (в т.ч. экологическими, миротворческими, гуманитарными и

⁵⁹ И.Иванов. «Россия в меняющемся мире». «Независимая газета», 25.06.1999.

др.). Не есть ли именно ограничение суверенитета неудобных альянсу по тем или иным причинам государств их главной целью? Благо ни по военному, ни по экономическому, да и ни по какому другому потенциалу (политическому, информационному и др.) этому блоку сегодня нет равных. Ведь для установления нового миропорядка по образцу, задуманному США и их главными союзниками по НАТО, не обойтись без определенной корректировки внутренней политики некоторых государств, вплоть до смены их политического курса и смещения неудобных или «строптивых» режимов.

Что касается правовой базы, то вполне вероятно, что решения, принятые Советом НАТО в Вашингтоне в апреле 1999 года, кладут начало коренной перестройке по задумкам НАТО сложившейся международно-правовой базы, в которой незыблемые до сего времени принципы суверенитета, независимости и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела государств могут быть пересмотрены и им будет отведена второстепенная роль.

Третье. Возникает вопрос: где пролегает граница между «гуманитарной помощью» и «гуманитарным вмешательством»? Каково соотношение этих двух видов деятельности международного сообщества? И где проходит та грань, которая отделяет гуманитарное вмешательство от «негуманитарного»? Ясно, что эти границы должны быть определены четкими международными законами. Субъективное начертание таких границ государствами – «судьями» или региональными организациями (например, военно-политическим руководством Североатлантического альянса) может не только не предотвратить развития кризиса, но и усугубить его. Тем более что в гуманитарных акциях национального или регионального масштаба могут превалировать не интересы пострадавшей стороны (групп населения, подвергающихся насилию), а интересы региональной организации, либо национальные интересы страны-«судьи».

Четвертое. Существует вполне обоснованное опасение, что принятая НАТО концепция гуманитарной интервенции служит оправданием для дальнейшего расширения блока, реализации его экспансионистских планов, безудержного и неоправданного наращивания военной мощи, выходящей далеко за рамки внутриблоковых оборонительных потребностей.

В этой связи приходится еще раз обратить внимание на скоротечную метаморфозу блока, нашедшую отражение в быстрой и крутой смене его стратегий⁶⁰. В «Декларации о преобразовании Североатлантического Союза» (Лондон, июль 1990 г.) провозглашалось: «У нас нет никаких агрессивных намерений, и мы привержены мирному урегулированию всех конфликтов». И далее, кощунственно звучащие сегодня клятвенные заверения: «Мы никогда, ни при каких обстоятельствах не станем применять силу первыми»; «...никакое наше оружие никогда не будет использовано ни в каких других целях, кроме самообороны» (статьи 5 и 15 «Декларации»)⁶¹. Но через полтора года в «Новой стратегической концепции Союза» (Рим, ноябрь 1991 г.) подчеркивалось, что «новое окружение» и кардинальное изменение обстановки предоставляют альянсу благоприятные возможности проводить свою стратегию «в рамках широкого подхода безопасности». Прошло семь с небольшим лет, и теперь рамки этого «широкого подхода» не только обозначились более чем отчетливо, но и получили юридическое закрепление в новейшей «Стратегической концепции Североатлантического альянса» (Вашингтон, апрель 1999 г.).

Эти, уже частично реализуемые намерения Североатлантического альянса, вызывают закономерные опасения у других стран, в том числе у России.

Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что Россия в своей внешней политике исходит из того, что «применение силы в нарушение Устава ООН является нелегитимным и угрожает стабилизации всей системы международных отношений. Неприемлемы попытки внедрить в международный оборот концепции типа «гуманитарной интервенции» и «ограниченного суверенитета» в целях оправдания односторонних силовых акций в обход Совета Безопасности ООН»⁶². А Военная доктрина Российской Федерации относит «использование военно-силовых ак-

⁶⁰ В. Гусейнов. «Расширение НАТО: укрепление общеевропейской безопасности или экспансия блока?» «Вестник аналитики» (Институт стратегических оценок и анализа), №1, 2001.

⁶¹ «Организация Североатлантического договора» (Служебный справочник). Российский институт стратегических исследований (Москва), 1992.

⁶² «Концепция внешней политики Российской Федерации». «Российская газета», №133, 11.07.2000.

ций в качестве средства «гуманитарного вмешательства» без санкции СБ ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права» к основным факторам, оказывающим дестабилизирующее воздействие на военно-политическую обстановку⁶³.

Пятое. НАТО, в противовес основополагающим принципам Хельсинкского Заключительного акта 1975 года, Устава ООН и базовых документов ОБСЕ, которые предполагают использование только мирных средств разрешения конфликтов, главную ставку делает на военную силу. Генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон, выступая перед персоналом одного из центров НАТО в Испании, заявил: «Мы можем говорить об «управлении кризисами», об «операциях по поддержанию мира», но все эти операции все же требуют повышенных военных возможностей, а иногда, как показало Косово, и использования передовых военных технологий»⁶⁴.

Как организация сугубо военная, НАТО соответствующим образом планирует и проводит гуманитарные операции с применением своих вооруженных сил, – т.е. как крупномасштабные боевые операции против реального противника. В Косово таким противником для блока стала Сербия, ее руководство и вооруженные силы. Но в подобного рода гуманитарных кризисах зачастую трудно определить главного виновника, ибо каждая из сторон конфликта, как правило, вносит свой вклад в обострение ситуации и развитие кризиса. Поэтому – и особенно при силовом вмешательстве – так важен беспристрастный и осторожный подход, который альянс в Косово не смог обеспечить.

Показательно, что это признают многие западные политики, – но только не действующие функционеры НАТО. Так, откровенен Г.Киссинджер при оценке итогов «морального крестового похода НАТО в Косово»: «На смену этническим чисткам сербов пришли этнические чистки албанцев, которые проводятся на глазах вооруженных сил НАТО»⁶⁵.

⁶³ «Военная доктрина Российской Федерации». Указ Президента Российской Федерации №706 от 21.04.2000. «Российская газета», №080, 25.04.2000.

⁶⁴ «New Security and Defence Challenges in the Euro-Atlantic Area». Speech by the Hon. Lord Robertson, Secretary General of NATO. Centro Caixa - Barselona, 10 May 2001. www.nato.org

⁶⁵ Г.Киссинджер. Статья «Наше близорукое видение мира» в газете «Вашингтон пост» от 10.01.2000. «Компас» (Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС), №5, 3.02.2000.

Вообще говоря, послевоенная деятельность НАТО в Косово – тема отдельного анализа. Однако некоторые выводы очевидны уже сейчас. НАТО показала свою беспомощность в решении сложных политических и организационных задач мирного периода. Хотя, надо заметить, назвать нынешний период гуманитарного вмешательства НАТО в Югославии мирным можно только с большой долей условности. Отряды албанских экстремистов как на территории Косово, так и в прилегающих районах Сербии и Македонии не только не разоружены, но и, по-видимому, не испытывают особого недостатка ни в оружии, ни в материальных средствах, ни в финансах. Каналы их поступления извне не перекрыты. Вооруженный конфликт распространился на территорию Македонии и Южную Сербию. НАТО в конце концов вынуждено было прибегнуть к помощи югославской армии для борьбы с вооруженными формированиями албанцев в Южной Сербии. Армия Македонии оставлена, по существу, один на один с албанскими вооруженными отрядами и ведет с ними бои, пытаясь вытеснить за пределы страны. Сформированное на скорую руку под сильным нажимом Запада т.н. правительство национального единства Македонии, как пишет зарубежная печать, также находится на грани развала. Отмечается «злосчастная роль» в македонском, как и в косовском конфликтах, уполномоченного США в ОБСЕ Фровика, организовавшего тайную встречу албанских партий в правительстве Македонии с «воинствующими лидерами» Армии освобождения Косово, которую генеральный секретарь НАТО Робертсон окрестил «бандой убийц»⁶⁶. (Жаль только, что г-н Робертсон, бывший министр обороны Великобритании и один из активных сторонников вооруженного вмешательства НАТО в Югославии, осознал этот факт с таким большим опозданием).

Недаром представители альянса в последнее время стараются особо не выпячивать «заслуги» НАТО в «урегулировании» конфликта в Косово, а все больше говорят о действиях сил КФОР, действующих под эгидой ООН в соответствии с резолюцией СБ ООН №1244 от 10 июня 1999 года, пытаются перело-

⁶⁶ Газета «Генераль-Анцайгер» (ФРГ) от 28.05.2001; газета «Нойес Дойчланд» (ФРГ) от 28.05.2001.

жить всю тяжесть мирного урегулирования (и ответственность за его исход) на ОБСЕ.

Уроки Косово лишний раз подтверждают, что, с одной стороны, «силовая дубина», массированные ракетно-бомбовые удары, которые НАТО, похоже, всерьез рассматривает как универсальное миротворческое средство, не могут решить сложных проблем, лежащих в основе межэтнических конфликтов и гуманитарных кризисов. А с другой – лишний раз показывает бесперспективность и даже порочность попыток НАТО, равно как и других региональных организаций или групп государств, действовать вне рамок ООН, по собственным решениям, попирая сложившееся международное право и пренебрегая миротворческим опытом, накопленным этой авторитетной всемирной организацией.

Шестое. Нельзя забывать, что в «пуле» государств, пытающихся подменить собою мировое сообщество в лице ООН, тон задают великие ядерные державы мира: США, Великобритания, Франция. Как представляется, проблема гуманитарного вмешательства тесно связана с другими глобальными проблемами современности – нераспространения ядерного и других видов оружия массового уничтожения и международным терроризмом. Самовольное и грубое вмешательство ядерных держав во внутренние дела государств в сочетании с жесткими силовыми мерами (ракетно-бомбовые удары), применяемыми против одной из сторон конфликта, может спровоцировать опасное «расшатывание» режима нераспространения оружия массового уничтожения. И, кроме того, вызвать усиление диверсионных и террористических методов противодействия. Не в этом ли заключается одна из причин заметной активизации в последнее время международного терроризма, рост которого представляет все большую угрозу миру и стабильности в глобальном масштабе?

Седьмое. Внимательный анализ современных конфликтов показывает наличие их временных и пространственных «цепочек», определенного «ландшафта» их территориальной концентрации. В частности, довольно явственно обозначается дуга кризисов вдоль южных границ России и СНГ. Если вспомнить проталкиваемые в свое время Г.Киссинджером и З.Бжезинским планы создания «дуги напряженности» вокруг СССР, идеи расчленения России, изложенные Бжезинским в его книге «Великая шахмат-

ная доска», то высказываемые некоторыми авторами предположения об искусственном конструировании таких «цепочек», преследующих создание «пояса регулируемой напряженности» с целью дальнейшего ослабления России и недопущения интеграции бывших советских республик, представляются не такими уж далекими от истины.

Этот пояс, простирающийся от Балкан до границы с Китаем, практически целиком входит в т.н. евроатлантическую зону, где влияние НАТО особенно велико и где этому союзу в случае необходимости очень пригодились бы узаконенные миротворческие функции, подкрепленные его огромной военной мощью. Причем надо отметить, что наблюдается стремление включить в этот «пояс напряженности» не только давних соперников России, но и новые государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР⁶⁷. И для реализации таких целей хорошо подходят локальные конфликты и вызванные ими гуманитарные кризисы. Недаром некоторые аналитики замечают, что со стороны определенных государств-«миротворцев» речь можно вести не столько об «урегулировании», сколько о «регулировании» таких конфликтов, т.е. о негативном влиянии на их развитие⁶⁸.

За всем этим проступают очертания некой «конфликтообразующей» системы. И в эту систему хорошо укладывается концепция гуманитарных интервенций, или гуманитарных войн, по существу закрепленная блоком НАТО в его новой Стратегической концепции.

Все высказанные выше опасения в отношении негативных последствий самовольного присвоения НАТО функций миротворца в евроатлантическом регионе и на прилегающих к нему территориях, возможных – вольных или невольных – злоупотреблений со стороны этого блока (равно как и со стороны других региональных организаций и групп государств, пытающихся подменить ООН), принижения роли этой Всемирной организации в глобальном миротворческом процессе отнюдь не исключают их

⁶⁷ См. В.Гусейнов. «Расширение НАТО: укрепление общеевропейской безопасности или экспансия блока?» «Вестник аналитики» (Институт стратегических оценок и анализа), №1, 2001.

⁶⁸ Е.Степанова. «Интернационализация локально-региональных конфликтов». «Международная жизнь», №011, 22.11.2000.

участия в миротворческих операциях, включая гуманитарное вмешательство.

Североатлантический альянс, в частности, обладает немалыми возможностями по предотвращению гуманитарных кризисов и катастроф, их пресечению. Причем эти возможности заключены не только – и даже не столько – в военной области. Альянс пользуется немалым авторитетом в мировом сообществе, особенно в европейской его части, располагает большими миротворческими возможностями в политической, дипломатической, экономической областях. Важно только, чтобы они реализовывались по санкциям и под контролем Совета Безопасности ООН, что обеспечит использование этих возможностей без односторонних пристрастий, сбалансированно по отношению ко всем сторонам конфликта и исключит их использование в гуманитарных акциях в собственных узких интересах.

Эгоистическая же цель – обеспечить любой ценой стабильность и безопасность собственных членов (а пока именно такая цель превалирует в стратегии НАТО), что, вообще говоря, вынуждает многие малые или слабые государства Европы добиваться членства в этом блоке.

Выбор у таких государств, в общем-то невелик: или будешь участником «королевской трапезы», пусть на третьих ролях, или блюдом на этом пиршестве.

IV. Роль США в реализации концепции гуманитарной интервенции

На роли США в разработке и реализации концепции гуманитарного вмешательства во внутренние дела суверенных государств на современном этапе стоит остановиться особо.

Высказываются опасения, что гуманитарные интервенции могут стать одним из основных инструментов для реализации Соединенными Штатами своих глобальных гегемонистских планов. Официальные лица и представители политического истеблишмента этой страны предпочитают называть этот процесс мировым лидерством, но терминологические ухищрения сути сказанного не меняют. Ведь сегодня дело обстоит так, что, перефразируя В.Маяковского, «мы говорим НАТО – подразумеваем

США, мы говорим США – подразумеваем НАТО». Соединенные Штаты как единоличный лидер, по мнению многих аналитиков и политологов, используют альянс как инструмент в своих планах по установлению и удержанию мирового лидерства.

А это значит, что проводить «аудит» конфликтогенных регионов, принимать решения о силовом вмешательстве, определять направления внутренней политики «побежденных» государств после завершения «гуманитарной войны» будет не весь альянс назовских государств, даже не их малая «могучая кучка», а единолично Соединенные Штаты, которые никогда особенно не скрывали, что главное для них – соблюдение национальных интересов и достижение выгод для США, их деловых кругов.

Естественно, для мирового общественного мнения все такие акции будут по возможности максимально прикрыты видимой завесой коллегиальных действий, высокопарными словами о совместной защите демократических свобод, прав личности, гуманизме, интернациональной помощи угнетаемым группам населения. Однако политические декларации – это одно, а реально проводимая политика – совсем другое. Зачастую приходится наблюдать бросающуюся в глаза предвзятость и двойные стандарты, применяемые американскими политиками и их западными союзниками к отдельным конфликтам или сторонам конфликта. В Югославии, например, такой предвзятый подход к сторонам конфликта в Косово привел в последующем к эскалации вооруженных действий албанских экстремистов в южных районах Сербии и в Македонии, не говоря уже о их практически безраздельном господстве в Косово.

И в этом видится особая опасность настойчиво продвигаемых США подходов к реализации концепции гуманитарных интервенций – в обход Совета Безопасности ООН, по решениям и санкциям, принимаемым военно-политическим руководством США, поддержанным небольшой группой ведущих стран НАТО и без колебаний одобренных хорошо организованной «клакой» второстепенных членов альянса и «сочувствующих» стран, в основном из числа рассчитывающих на членство в этом всеильном союзе.

США, как говорилось ранее, являлись неременным участником почти всех сколько-нибудь значимых акций последней четвер-

ти прошлого века, вызванных конфликтными ситуациями в различных регионах мира. Выступали они и единолично, но чаще всего – в роли ведущих организаторов и участников таких акций, предпринимаемых региональными организациями (НАТО, ОБСЕ).

Надо отметить, что Соединенные Штаты принимают довольно активное участие также и в урегулировании некоторых вооруженных конфликтов, возникших на территории СССР после его распада. Правда, официально США выступают здесь пока только в политическом плане. Но вместе с тем, судя по публикациям некоторых СМИ, политической сферой их участие не ограничивается. Так, сотрудник Фонда Сороса американец Ф.Кьюни, который, как было объявлено, погиб в Чечне в 1995 г., был, по сообщениям прессы, на самом деле офицером Разведуправления Министерства обороны (РУМО) США⁶⁹.

Отражением возросшего в последние годы интереса США к проблеме гуманитарного вмешательства явилось уточнение их военной доктрины.

Почти сразу же после завершения «холодной войны», в 1993 г., в одном из докладов военного ведомства США к возможным угрозам национальным интересам США были впервые отнесены «конфликты на этнической и религиозной почве, часто внутригосударственные».

А в 1998 году в ежегодный доклад министерства обороны США американскому конгрессу было включено положение о применении Соединенными Штатами своих вооруженных сил для поддержания гуманитарных миссий. Это решение было, конечно, далеко не случайным и вызвано ростом глобального конфликтного потенциала и соответственно, количества миротворческих акций после завершения «холодной войны» и распада Варшавского Договора и Советского Союза, ростом численности участвующего в них военного персонала.

Обосновывая возросшую активность деятельности США в гуманитарных миссиях, Э.Абрамс, бывший в то время заместителем госсекретаря США, в своей статье, опубликованной весной 2000 г. в журнале *The National Interest*, откровенно признался,

⁶⁹ В.Максименко. «Идеология и практика «гуманитарной интервенции». «Транскаспийский проект», www.transcaspien.ru

что это стало возможным в результате «победы» США в «холодной войне», поскольку, по его словам, отныне вмешательство во внутренние конфликты «не выливается в конфликт сверхдержав и риск крупной войны»⁷⁰. С этим следует согласиться. Действительно, трудно себе представить, чтобы во времена СССР и Организации Варшавского Договора Соединенные Штаты и НАТО осмелились бы развязать «гуманитарную» войну в Европе или в районах, находящихся в непосредственной близости от СССР. Примерять на себя, по образному выражению А.Адамишина, «униформу мирового шерифа»⁷¹ они смогли без опаски для себя только в начале 1990-х годов, когда прекратил существование Советский Союз.

Однако с избранием президентом США Дж.Буша-младшего и приходом в Белый дом новой внешнеполитической команды, по мнению ряда наблюдателей, положение может измениться. США могут ограничить свое военное участие в гуманитарных акциях за рубежом.

Так, в декабре 2000 г. в газете *The Guardian* (Великобритания) появилась публикация⁷², в которой говорилось о возможной корректировке внешнеполитического курса США при новой администрации и предполагалось, что «первой жертвой станет практиковавшийся при администрации Клинтона курс США на гуманитарную интервенцию». Вывод этот, к которому, кстати, склоняются и отдельные российские аналитики, сделан на основании нашумевшего заявления советника президента Буша по национальной безопасности К.Райс о том, что США должны уйти с Балкан и договориться о географическом «разделении труда» с союзниками по НАТО. Это заявление, надо сказать, заметно всполошило партнеров США по агрессии в Югославии, которые тут же откликнулись многочисленными комментариями, основной смысл которых сводился к тому, что такое решение США не только ослабит НАТО, но и внесет раскол в его ряды. И хотя К.Райс да и другие члены команды Буша поспешили успокоить

⁷⁰ Abrams, Elliot. «To Fight the Good Fight». «The National Interest», No.59, Spring 2000.

⁷¹ А.Адамишин. «Наш ответ Америке». «НГ» (Москва), №195, 19.10.1999.

⁷² J.Borger. «Interventionist approach will be the first casualty of new regime». «The Guardian» (London). December 14, 2000.

своих европейских партнеров, этот инцидент, по словам газеты, «оставил после себя неуверенность и опасения».

Но насколько оправданно прогнозы и выводы о возможном свертывании Соединенными Штатами своей активности в гуманитарных акциях в целом и на Балканах в частности?

Думается, что особых оснований для беспокойства по этому поводу у западноевропейских союзников США быть не может.

Во-первых, заявление К.Райс было сделано едва ли не с единственной целью – постараться заставить союзников по НАТО пересмотреть в сторону увеличения свой военный вклад в объединенную военную мощь альянса и соответственно попытаться сократить в этой части военные расходы США, направив их на другие военные программы. Ведь только на национальную ПРО на первом этапе ее развертывания потребуется, по официальным расчетам, около 60 млрд. долларов, а по более реалистичным оценкам независимых экспертов – около 100 млрд.

В сущности, финансовую подоплеку этого «сенсационного» заявления подтверждают и неоднократные намеки высокопоставленных функционеров НАТО, которые делались задолго до «сенсационной» угрозы К.Райс. В частности, генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон в своей лекции, прочитанной в Ланкастер-хауз (Лондон) на тему: «Расширяющаяся Европа и ее значимость как для британцев, так и для немцев», откровенно требовал от европейцев значительно увеличить свои военные расходы: «Все больше американцев задают вопрос: почему Европейский союз, ВВП которого примерно равен ВВП США, играет такую малозаметную роль в сфере обеспечения безопасности и вносит столь незначительный вклад в НАТО». Далее он подтвердил, что т.н. «Европейская оборонная инициатива» как раз и предполагает «освободить США от тяжелой необходимости возглавлять операции при любых изменениях в обстановке». Причем речь идет не о том, чтобы европейские страны действовали самостоятельно, а о том, чтобы они «делали больше» в сфере безопасности и обороны. Так, в Косово Европа смогла направить только 2% тех военнослужащих, которые числятся у нее на бумаге, и «даже это далось с напряжением сил». «Нам надо получать больше за те деньги, которые мы тратим. А если мы не можем получить то, что нам нужно, за счет большей эффективности и луч-

шого планирования, то... нам нужно тратить больше и при этом разумнее»⁷³.

Выступая 10 мая 2001 года перед персоналом натовского Центра Кайша (Барселона, Испания), Робертсон вновь упрекал европейских членов альянса в крайне неэффективном расходовании средств, выделяемых на оборону, и призывал их пересмотреть сложившиеся подходы к военным расходам: «Сегодня европейские союзники тратят на оборону около 60% того, что тратят на нее США. Но никто не станет утверждать, что их военный потенциал составляет 60% от американского. Нам необходимо улучшить отдачу от наших капиталовложений в оборону за счет лучшего управления, укрепления оборонной промышленности, расстановки приоритетов и мужественных решений». Ссылаясь на пример Косово, он утверждал, что именно военные возможности блока позволили предотвратить там гуманитарную трагедию. Естественно, «не может быть сомнений в том, что наличие эффективных военных средств останется неперменным условием обеспечения безопасности в XXI веке». В подтверждение этого «фундаментального» умозаключения Робертсон приводит слова президента США Рональда Рейгана, которого он называет «выдающимся военным стратегом»: «Когда-то мне пришлось играть шерифа без оружия. Я был убит через 27 минут после начала этого шоу»⁷⁴.

Во-вторых, США отнюдь не намерены упускать лидерства в европейской военной сфере, причем не только в НАТО, что само собой разумеется, но и в намечающейся конкуренции с вооруженными силами, создаваемыми Евросоюзом в рамках европейской политики в области безопасности и обороны и предназначенными для быстрого реагирования в случае кризисных ситуаций. Как и своего лидерства в реализации концепции гуманитарной интервенции, что позволяет, среди прочего, обеспечивать интересы США в объявленных ими жизненно важных зонах (которые, как известно, охватывают уже территорию Кавказа и

⁷³ «Генеральный секретарь НАТО о проблемах расширяющейся Европы». «Компас» (Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС), 8.02.2000.

⁷⁴ «New Security and Defence Challenges in the Euro-Atlantic Area». Speech by the Hon. Lord Robertson, Secretary General of NATO. Centro Caixa – Barcelona, 10 May 2001. www.nato.org

Прикаспия), а при необходимости – силовое прикрытие экспансии американских компаний в их борьбе за рынки сбыта и источники сырья, стратегически важных трансконтинентальных коммуникаций.

Так, Г.Киссинджер в статье «Наше близорукое видение мира» (газета «Вашингтон пост», 10.01.2000) признает, что США как «оплот стабильности» «выступают посредником в решении ключевых проблем в «горячих точках» и направляют войска по всему миру с миротворческими миссиями, которые постепенно переходят в осуществление почти постоянной оккупации»⁷⁵.

В-третьих, Соединенные Штаты в результате серии непрекращающихся балканских войн и вооруженных конфликтов обеспечили не только свое постоянное военное присутствие в этом, еще недавно нейтральном регионе, но и практически полный контроль над стратегически важными Балканами, использование развитой и удобной военной инфраструктуры (аэродромы, морские порты, базы хранения и др.). Эту же тенденцию можно наблюдать и в других регионах, где США принимали активное участие в силовых акциях гуманитарного характера.

В-четвертых. Как ни парадоксально это звучит, но из вооруженных конфликтов, малых локальных и «гуманитарных» войн Соединенные Штаты могут извлечь и извлекают немалую финансовую и экономическую выгоду. Это связано с целым рядом факторов. Например, таких как: выгодное (не только в стратегическом, но и в экономическом отношении – за счет снижения расходов) размещение своих заморских сухопутных, авиационных и морских группировок в результате «победоносных» миротворческих кампаний; получение возможности «диспетчеризации» потоков капиталов, энергетических ресурсов, туристических потоков с целью создания благоприятной для экономики США конъюнктуры и конкурентной среды; доступ к более дешевым источникам сырья и энергоресурсам, установление контроля над ними и т.д. И США, похоже, не упускают возможности получить максимальные дивиденды от таких конфликтов, в том числе от «гуманитарных войн». Кто, спрашивается, выиграл больше от войны в Югославии – Европа или США? Ответ может быть толь-

⁷⁵ «Компас» (Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС), №5, 3.02.2000.

ко один. Так, многие экономисты связывают падение евро по отношению к доллару именно с войной в Югославии.

При этом США не ограничиваются извлечением только материальной выгоды, но стараются «выжать» из своего участия в гуманитарных акциях и максимальные политические дивиденды. Нанеся огромный урон экономике и социальной инфраструктуре Югославии, они в результате получили практически безграничное политическое влияние в районе Балкан. За обещанную Югославии помощь для восстановления ими же разрушенной экономики, США требуют соответствующей ориентации внутриполитического и внешнеполитического курсов, настаивают на выдаче Милошевича, фактически шантажируя югославское правительство. Причем им нужен даже не Милошевич сам по себе (если он обвиняется в совершении преступлений перед своим народом, то и судить его должен народ). Для США важно создать прецедент, который должен сделать поговорчивее «строптивых» и неудобных им лидеров других стран, особенно тех, которые руководством США самочинно отнесены к т.н. «изгоям», а самое главное – послужить своего рода эффективной профилактической мерой против распространения «инфекции антиамериканизма» на другие страны мира.

В-пятых, приходится учитывать, что мир стоит на пороге острого энергетического кризиса из-за истощения запасов основных энергоносителей – нефти и газа. Нарастает борьба за контроль над их основными месторождениями. Гуманитарная интервенция – удобный повод, позволяющий устанавливать такой контроль – исподволь и, так сказать, не теряя лица в глазах мировой общественности, к тому же при сравнительно небольших затратах. В этой связи ряд исследователей обращают внимание на то, что наиболее «высокотемпературные» зоны современных локальных конфликтов и гуманитарных кризисов совпадают или находятся в непосредственной близости от нефтегазоносных районов мирового масштаба – Персидский залив, Ближний Восток, Каспийский регион – и путей транспортировки этих видов сырья на Запад. И все эти районы объявлены Соединенными Штатами районами своих жизненно важных интересов.

Наивно думать, что нынешнее руководство США начнет сворачивать в таких районах свое военное присутствие или посту-

пится политическим влиянием, снизит здесь активность своего участия в урегулировании гуманитарных кризисов с угрозой ослабить или даже утратить контроль над этими районами. Не исключено, что настойчивые призывы США к европейским союзникам взять на себя большую военную ношу в Европе как раз и преследуют цель высвободить силы для укрепления своих группировок в отдаленных от Европы районах, где США приходится рассчитывать в основном только на себя.

Безусловно, использовать серию гуманитарных и других кризисов и локальных конфликтов в собственных интересах для усиления своего политического и экономического влияния или военного присутствия можно только на основе комплексного геостратегического плана, рассчитанного на достаточно длительную перспективу. Но кто поручится, что таких планов не существует?

Любопытно в этом отношении признание бывшего госсекретаря США Г.Киссинджера. Подчеркивая доминирующую роль США в мире, в том числе в миротворческой деятельности, он, в частности, утверждает, что «господство Америки проявляется, скорее, не в форме стратегического замысла, а как серия на вид не связанных между собой(!) и принимаемых главным образом в ответ на конкретные кризисы решений»⁷⁶.

Вместе с тем нельзя отрицать, что Соединенные Штаты как наиболее мощная на сегодняшний день и авторитетная держава мира, обладают большим миротворческим потенциалом. Хотелось бы, чтобы этот потенциал использовался во благо мировому сообществу, для поддержания мира и стабильности в наиболее взрывоопасных зонах, а не в узкокорыстных интересах самих США и их ближайших союзников, чтобы его использование осуществлялось в рамках действующих международных законов. Нельзя допустить, чтобы конгресс США подменял Всемирную организацию – ООН, чтобы решения на проведение гуманитарных операций с привлечением вооруженных сил принимались Белым домом, а планировались эти операции Пентагоном. Такой путь был бы крайне опасным для мира. Как отмечает известный российский дипломат, прекрасно знающий Америку, бывший заместитель министра иностранных дел России А.Адамишин, «вся

⁷⁶ «Компас» (Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС), №5, 3.02.2000.

внешнеполитическая философия Вашингтона... исходит из того, что цель оправдывает средства. Это не обязательно сила. Если можно обойтись без нее или же использовать ее в рамках закона, то это, безусловно, предпочтительнее. Если же для достижения своего необходимо «стрелять с бедра», тем более твердо зная, что не получишь сдачи, то такой «порыв» редко когда останавливают моральные или юридические препоны»⁷⁷.

Но ясно и другое. Пока в мире наблюдается рост конфликтного потенциала, увеличивается количество вооруженных столкновений локального масштаба на межэтнической и межнациональной почве, гуманитарных кризисов, их предотвращение и урегулирование, миротворческая деятельность требуют отвлечения огромных сил и средств. Соединенным Штатам, даже если они искренне захотят навести порядок в общечеловеческом доме и сделать все возможное для затухания действующих и предотвращения новых гуманитарных кризисов и катастроф, при всей своей военной и экономической мощи, политическом влиянии в одиночку с этим не справиться.

Здесь заложена хорошая возможность для продуктивного интернационального взаимодействия, в том числе между Соединенными Штатами и Российской Федерацией. Но реализовать эту возможность можно только при искреннем, а не декларируемом стремлении США способствовать урегулированию локальных конфликтов, разрешению гуманитарных кризисов, созданию стабильной и мирной обстановки во взрывоопасных зонах. Конечно, нельзя утверждать, что такие благородные цели во внешней политике США в гуманитарной сфере напрочь отсутствуют. Но пока, к сожалению, они заслоняются другими, сугубо эгоистическими и гегемонистскими целями – закрепить сферы своего влияния, обеспечить политическое и экономическое доминирование в этих районах, устранить неудобных лидеров или правящие режимы, довернуть вектор политики тех или иных государств в выгодном для себя направлении.

⁷⁷ А.Адамишин. «Наш ответ Америке». «НГ» (Москва), №195, 19.10.1999.

V. Роль ОБСЕ в свете современной концепции гуманитарной интервенции

В Заключительном акте встречи Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)⁷⁸, подписанном 1 августа 1975 г. главами государств, были определены основные принципы сотрудничества между государствами – участниками СБСЕ, которые не только положили начало новой эре общеевропейского развития, но и оказали определяющее влияние на международные отношения во всем мире.

В этом исторического значения документе, в частности, говорилось: «Государства-участники будут воздерживаться в их взаимных, как и вообще в международных отношениях от применения силы или угрозы силой как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций и с настоящей Декларацией. Никакие соображения не могут использоваться для того, чтобы обосновывать обращение к угрозе силой или к ее применению в нарушение этого принципа». Государства-участники обязались разрешать споры между ними исключительно мирными средствами, как и воздерживаться «от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений. Они будут соответственно воздерживаться от любой формы вооруженного вмешательства или угрозы такого вмешательства против другого государства-участника», как и от любого акта военного, политического, экономического или другого принуждения. Подтверждалась незыблемость принципов территориальной целостности государств, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела и т.п.

Эти же ключевые направления общеевропейского развития были подтверждены в Парижской хартии СБСЕ 1990 года.

Правда, уже через два года после Парижа, в Хельсинкском документе 1992 года «Вызов времени перемен», принятом главами

⁷⁸ На саммите в Будапеште 5–6 декабря 1994 года СБСЕ было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

государств на саммите СБСЕ, подчеркивалось, что «нынешнее время не только вселяет надежды, оно несет нестабильность и неуверенность. Экономический спад, социальная напряженность, агрессивный национализм, нетерпимость, ксенофобия и этнические конфликты угрожают стабильности в регионе СБСЕ. Грубые нарушения обязательств СБСЕ в области прав человека и основных свобод, в том числе тех, которые касаются национальных меньшинств, представляют особую угрозу мирному развитию общества, в частности в новых демократических государствах. Впервые за последние десятилетия в регионе СБСЕ вновь разворачиваются военные действия. Возникают новые вооруженные конфликты, и в широких масштабах применяется сила во имя установления господства и достижения территориальной экспансии».

Но при этом главным органом регулирования как негативных, так и позитивных последствий мирного преобразования Европы должно было стать СБСЕ. Без СБСЕ, говорилось в документе, были бы невозможны усилия, «направленные на то, чтобы предупреждать агрессию и насилие, а также предотвращать, преодолевать и урегулировать конфликты надлежащими мирными средствами»⁷⁹.

На этом же саммите был принят ряд важных решений, направленных на то, чтобы сделать эту общеевропейскую организацию основным инструментом в деле урегулирования конфликтов на европейском континенте. В частности, был учрежден пост Верховного комиссара СБСЕ по делам национальных меньшинств и определены его права, создан институт специальных представителей СБСЕ, провозглашено право СБСЕ участвовать в операциях по поддержанию мира. Еще раньше, на Парижском саммите СБСЕ 1990 года, был создан Центр по предотвращению конфликтов.

При этом подчеркивалось, что миротворческие операции, проводимые СБСЕ:

- а) не должны предусматривать принудительных действий;
- б) должны проводиться беспристрастно и

⁷⁹ «Вызов времени перемен». Документ, принятый на Хельсинкской встрече СБСЕ на высшем уровне (9–10 июля 1992 г.), www.osce.org

в) с предварительного согласия непосредственно заинтересованных сторон.

Т.е. в основу миротворческих операций СБСЕ были положены базовые принципы ООН.

При этом любая операция СБСЕ по поддержанию мира должна быть лишь дополнением к процессу мирного урегулирования и ни в коем случае не подменять этот процесс. В таких операциях, согласно мандату, может быть задействован «гражданский и/или военный персонал: по своему характеру она может быть как малого масштаба, так и крупномасштабной и может осуществляться в разнообразных формах, включая миссии наблюдателей или миссии по контролю, а также развертывание более крупных сил»⁸⁰.

Были также определены условия для направления континентов СБСЕ в зону конфликта: а) эффективное прекращение огня; б) письменное соглашение между СБСЕ и сторонами конфликта; в) предоставление сторонами гарантий безопасности участвующего в операции личного состава. Предусматривалось и привлечение к проведению операций НАТО и других сторонних организаций (ЕС, ЗЕС, СНГ)⁸¹. Однако ставились жесткие условия участия таких организаций в миротворческих операциях СБСЕ. Во-первых, договариваться об участии следовало не с НАТО (или другими органами), а с каждым государством – участником привлекаемой организации. Во-вторых, даже в случае привлечения сторонней организации руководить операцией должно СБСЕ. В-третьих, в таких операциях имеет право принять участие любое государство СБСЕ, даже не являющееся членом привлекаемой сторонней организации.

Таким образом, была создана довольно стройная (по крайней мере, теоретически) система миротворческой деятельности ОБСЕ и определены основные правила проведения ею миротворческих операций во внутригосударственных гуманитарных кризисах.

⁸⁰ Хельсинский документ 1992 г. «Вызов времени перемен». «Хельсинские решения», п.18. www.osce.org.

⁸¹ В.-И. Гебали. «На пути к созданию оперативного института по вопросам всеобъемлющей безопасности». «Разоружение» (изд. ООН), т. XV, №4, 1992 г.

Однако последующие события в Европе, прежде всего конфликты на территории бывшей СФРЮ, к сожалению, показали неспособность ОБСЕ к эффективным практическим действиям в урегулировании внутрисостоятельных конфликтов. Отчасти это произошло из-за громоздкой и затяжной процедуры принятия решений: в организации, куда входят 55 государств, действует правило консенсуса⁸². Но главной причиной послужила сильнейшая конкуренция со стороны НАТО, который всячески стремился если и не оттеснить ОБСЕ на задворки общеевропейской политики, то сделать эту организацию своим политическим придатком (что Североатлантическому альянсу, надо признать, в значительной мере удалось) либо использовать эту общеевропейскую организацию для прикрытия действий, которые граничат с вмешательством во внутренние дела суверенных государств, для придания таким операциям видимости легитимности и подлинного интернационализма.

Принятие НАТО концепции гуманитарной интервенции, ее реализация в Югославии коренным образом изменили вектор общеевропейского развития в направлении, едва ли не противоположном тому, который был определен в Хельсинкском заключительном акте 1975 года и последующих документах общеевропейских форумов ОБСЕ «постхолодного» периода: Парижской хартии 1990 года, Хельсинкском документе 1992 года и др. И хотя саммит ОБСЕ в Стамбуле 17–19 ноября 1999 г. формально подтвердил роль этой организации как основного европейского инструмента по предотвращению конфликтов и их мирному урегулированию, однако тенденция «натоцентризма» в построении общеевропейской системы безопасности и стабильности отнюдь не была переломлена.

Североатлантический альянс – организация, обладающая огромной военной мощью и занимающая доминирующие позиции

⁸² На Пражской встрече СМВД (январь 1992 г.) было решено использовать формулу «консенсус минус один» в случае явного нарушения государством взятых на себя обязательств. Однако во всех последующих документах, в том числе в «Хартии европейской безопасности», принятой на саммите ОБСЕ в Стамбуле 19 ноября 1999 г., подтвержден принцип консенсуса при принятии ОБСЕ решений (ст.10 хартии).

в ОБСЕ, – отнюдь не намерена отходить на второй план. «Натоцентризм», продвигаемый его сторонниками как новейшая философия всеобщей безопасности на евроатлантическом пространстве и за его пределами, в последние годы берет верх над провозглашенными Хельсинкским Заключительным актом 1975 года принципами. Конечно, формально эти принципы не отвергаются, пока не звучат призывы к их пересмотру, но фактически все они в той или иной мере постоянно нарушаются, и НАТО принимает свои решения без оглядки на них.

Уже через семь лет после окончания «холодной войны» и принятия Хельсинкского документа 1992 года многие из тех стран, которые подписывали и этот документ, и Заключительный акт 1975 года, без особых колебаний подписали в Вашингтоне в 1999 году иные документы, в которых, в частности, миротворческие функции на евроатлантическом пространстве и за его пределами закреплялись за НАТО. Несмотря на всю приглаженность и известную туманность формулировок в документах альянса, за ними явственно встает вмешательство во внутренние дела суверенных государств, силовое их принуждение к внутренним преобразованиям по указаниям НАТО и ее лидера – США, причем вмешательство, осуществляемое по собственным решениям блока, пренебрегая мнением не только общеевропейского, но и мирового сообщества.

В этой связи интересно мнение директора Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) А.Д.Ротфельда, высказанное им в интервью «Независимой газете»⁸³. По его мнению, мир вступил «в период ухода от практики великих договоров. ...Обязательства будут приобретать более политический, чем правовой характер. Ведь правовые обоснования куда более трудоемки и кропотливы, а жизнь требует немедленных решений. Великие державы и другие страны могут счесть, что им легче принять то или иное решение, чем вести очень длительные переговоры». Он считает, что подмена правовых норм политическими декларациями – очень скользкий и опасный путь, который может вновь привести к обострению си-

⁸³ «Эпоха стратегических договоренностей образца СНВ – ПРО завершена». «НГ» (Москва), №99, 5.06.2001.

туации в международных отношениях и рано или поздно потребует новых согласованных решений.

Вывод этого известного политолога о постепенной подмене фундаментальных международных договоров односторонними политическими решениями отдельных государств (и, добавим, их коалиций, имея в виду прежде всего НАТО), в общем-то, подтверждается и развитием событий вокруг Косово, и постепенным умышленным забвением принципов Хельсинского Заключительного акта и ОБСЕ или пренебрежением ими.

Таким образом, Европа (а точнее – страны т.н. евроатлантической зоны, включающей всю Европу, европейскую территорию России и территории всех бывших союзных республик), которая, по-видимому, становится основным полигоном для отработки новой евроатлантической стратегии блока в гуманитарной сфере, так и не сумела использовать предоставленный ей после завершения «холодной войны» шанс обеспечить равноправное и стабильное положение всех стран на родном континенте и усилиями ее ведущих государств при активной помощи и руководстве США направлена по весьма сомнительному маршруту: от породивших оптимистические надежды Хельсинкских документов 1975 года и 1992 года – к натоцентристской модели общеевропейской безопасности – и далее, не исключено, к глобальному американскому лидерству. Гуманитарным интервенциям и гуманитарным войнам «штурманами» этого маршрута отводится, по-видимому, не последняя роль.

VI. 0 перспективах гуманитарного вмешательства на территории государств СНГ

Особую актуальность представляет, безусловно, анализ современных концепций гуманитарного вмешательства под углом зрения интересов России и других государств СНГ, соотнесение этой проблемы во всех ее аспектах – политическом, военном, социальном, информационном и др. – с той ситуацией, которая сложилась на территории СССР после его распада. На этом пространстве сразу же возникли многочисленные конфликты, в том числе с вооруженными столкновениями, порожденные в основном се-

паратистскими и националистическими устремлениями, которые охватили обширные зоны бывших союзных республик, особенно южных, и сопровождались острыми гуманитарными кризисами.

Надо сказать, что проблема гуманитарного вмешательства на территории бывшего СССР была поднята практически сразу же после распада Советского Союза. И первое, что сделали западные страны в этом отношении, – постарались убедить руководство и общественное мнение новых независимых государств, что терзающие их конфликты отнюдь не только их внутренняя проблема, они становятся предметом особой заботы международного, прежде всего европейского, сообщества.

«Вполне допустимо, – утверждал еще в 1992 году глава делегации Финляндии на переговорах ОБСЕ в Вене посол П.Торстила, выражая, по сути дела, общую точку зрения всех натовских и близких к ним государств, – что можно ограничить конфликты в Югославии или в регионах бывшего Советского Союза, но эти **конфликты – нечто большее, чем чисто локальные проблемы или внутренние дела**»⁸⁴.

Такой подход, получивший юридическое закрепление в Хельсинкском документе 1992 года «Вызов времени перемен», не только не вызвал возражений у России и других новых независимых государств, но и был поддержан их руководителями, поставившими свои подписи под этим и последующими документами ОБСЕ, в которых проблема интернационализации конфликтов на территории СНГ, их урегулирования силами общеевропейского сообщества получила дальнейшее развитие. Тем более что конфликтный потенциал и связанные с ним угрозы подрыва региональной и общеевропейской стабильности к очередному после Хельсинки саммиту ОБСЕ (Будапешт, 1994 год) не только не снизились, но и возросли, и руководителям государств Европы, собравшимся в Будапеште, речь пришлось вести уже об определенных районах государств СНГ, пораженных вооруженными конфликтами, и договариваться о конкретных мерах по их урегулированию, которые должны были быть приняты совместными усилиями государств – членов ОБСЕ.

⁸⁴ П.Торстила. «Хельсинкский процесс: Успехи и новые проблемы». «Разоружение» (изд. ООН), т. XV, №4, 1992.

Правда, приходится констатировать, что меры эти мало что дали для реального предотвращения конфликтов и облегчения положения людей, пострадавших в них или вынужденных покинуть места своего постоянного проживания. Вся тяжесть по ликвидации последствий этих конфликтов, их сдерживанию и урегулированию легла на страны СНГ, прежде всего на Российскую Федерацию.

России, которую и саму не обошли стороной внутренние конфликты, приходится в течение последнего десятилетия практически в одиночестве исполнять функции основного миротворца на пространстве бывшего СССР.

Ситуация порою складывается парадоксальная. Россия, исправно внося взносы в ООН, по сути дела, финансировала, например, миротворческие операции ООН в Африке, в частности провалившиеся гуманитарные акции в Сомали в исполнении американцев, в Руанде. Но всю тяжесть расходов по миротворчеству на территории СНГ Россия вынуждена нести практически в одиночестве.

Усилия, предпринимаемые ОБСЕ в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Таджикистане, ограничивались в основном посредническими функциями, политическими консультациями, обменом информацией и заметного успеха не принесли. Да и большинство участников этого процесса – представители ведущих западных стран не столько стремились к урегулированию конфликтов, сколько опасались усиления влияния России на постсоветском пространстве, что сказывалось и на эффективности миротворческих усилий, предпринимаемых ООН.

ООН, которая обладает намного более эффективными инструментами и возможностями разрешения конфликтов, чем ОБСЕ, значительным миротворческим опытом, также не стремилась ввязываться в конфликтные ситуации на территории бывшего Советского Союза, ограничиваясь мало обязывающими резолюциями Совета Безопасности в отношении ряда конфликтов на постсоветском пространстве и кое-где используя своих наблюдателей. Пожалуй, единственный более или менее значимый вклад ООН – активное участие в процессе национальной консолидации в Таджикистане, но и здесь, как показали дальнейшие события, он далеко не завершен, и ситуация в республике продолжает накаляться.

Североатлантический альянс, пытающийся взять на себя функции главного миротворца в евроатлантической зоне, как и отдельные его члены, прежде всего США и Турция, основные свои усилия сосредоточили на том, чтобы упрочить свое влияние в новых независимых государствах, освоить в оперативном отношении новые для себя театры и в конечном счете обеспечить контроль над важными в геополитическом и стратегическом отношении территориями, запасами минеральных ресурсов, коммуникационными маршрутами, а главное – вытеснить из этих регионов Россию или, по крайней мере, максимально ослабить ее роль в этих государствах (в первую очередь это касается республик Закавказья и Центральной Азии, прилегающих к Каспию)⁸⁵. А конфликтные ситуации в представляющих интерес для блока регионах, складывающаяся здесь обстановка перманентной межэтнической и военно-политической напряженности, скорее, способствовали – по крайней мере на данном этапе – достижению этих целей. К тому же НАТО, как и Запад в целом, пугают не столько конфликты на территории СНГ.

Главный приоритет их политики на постсоветском пространстве – не допустить интеграции бывших советских республик, объединения их вокруг России, консолидирующий потенциал которой хотя и был значительно подорван за последнее десятилетие, но все еще остается сегодня довольно высоким. Если предпринимаемые Россией усилия по урегулированию конфликтов в соседних странах СНГ приведут хотя бы к частичному успеху, это объективно усилит центростремительные тенденции новых независимых государств в направлении Москвы, чего опасаются «миротворцы» Североатлантического альянса, задающие тон и в ОБСЕ. Едва ли не все попытки Москвы по нормализации обстановки в зонах конфликтов, особенно в тех из них, где находятся российские воинские контингенты, на Западе воспринимают как угрозу собственным интересам в этих регионах и подаются общественному мнению как проявление «имперских амбиций», угроза суверенитету молодых государств.

⁸⁵ В.Гусейнов. «Каспийская проблема: геополитические и экономические аспекты». «Вестник аналитики», №2, 2001 (Институт стратегических оценок и анализа).

Поэтому никак нельзя считать случайными заявления, высказанные находящимся нынче не у дел Г.Киссинджером: «Важно отбить у России охоту и в будущем пытаться делать ставку на силу при регулировании своих отношений со многими своими соседями»⁸⁶. В сущности, в этих словах известного американского политика скрыта квинтэссенция позиции США в отношении миротворческой деятельности России в СНГ, как и в целом в отношении ее внешней политики в «ближнем зарубежье». В этой позиции смешались и непонимание глубинных факторов и связей, складывающихся на этом пространстве веками, а не только в советское время, и демонстративное нежелание понять озабоченности России в связи со всплеском вооруженных конфликтов в районах, прилегающих к ее южной, фактически открытой границе, и высокомерное выпячивание собственных амбиций глобального «мирового судьи» и лидера, и подчеркнуто пренебрежительное отношение к нынешней ослабевшей России, вынужденной сносить подобные эскапады.

Конечно же, дело вовсе не в имперских амбициях России, не в ее «тайных намерениях» возродить свое былое влияние в этих республиках. По большому счету речь идет о безопасности самой России и дружественных ей стран СНГ, связанных с нею не только многочисленными соглашениями, но и теснейшими многовековыми узами, об обеспечении безопасности и стабильности на пространствах бывшего СССР, без чего нельзя говорить ни об экономическом и социальном возрождении этих стран, ни о серьезных демократических и рыночных преобразованиях, ни о полноценной интеграции в европейские структуры. Ведь от локальных конфликтов в непосредственной близости от ее южных границ Россия страдала и страдает больше всех других стран, особенно заокеанских. Не говоря уже о том, что зона нестабильности распространяется все дальше на южные районы страны, России за эти годы пришлось принять и обустроить огромное число беженцев и переселенцев из «горячих точек», не только действующих, но и потенциальных.

⁸⁶ Г.Киссинджер. «Наше близорукое видение мира». Газета «Вашингтон пост», 10.01.2000. («Компас», Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС, 3.02.2000).

Миротворческие функции, которые России пришлось выполнять в Южной Осетии и Приднестровье, Абхазии и Таджикистане, требовали не только немалых материальных затрат. Они не приносили России и особых политических дивидендов. Исключительно сложный характер этих конфликтов, в которых тесно переплелись политические, экономические, социальные, национальные, религиозные проблемы, прямо противоположные апелляции конфликтующих сторон к России (одна конфликтующая сторона требовала помочь ей «обуздать сепаратистов» и сохранить территориальную целостность, другая – обрести независимость или даже принять в состав России), необходимость учитывать интересы безопасности и гарантировать защиту многочисленного русскоязычного населения, оставшегося в бывших союзных республиках, – все это не позволяло найти решений, полностью удовлетворяющих конфликтующие стороны. Россию часто и необоснованно обвиняли: одни – в нерешительности и равнодушии к судьбам недавних соотечественников, другие – в предвзятости, ведении «двойной игры», в «неоимперских амбициях».

И тем не менее надо признать, что миротворческие усилия России в СНГ принесли свои позитивные результаты. Накоплен богатый опыт, в том числе по организации и применению коллективных усилий. Как бы то ни было, но вооруженные столкновения сторон в большинстве конфликтов были остановлены, поставлены барьеры на пути перерастания гуманитарных кризисов в масштабные гуманитарные катастрофы, установлена стабильность, пусть пока в ряде районов хрупкая и неустойчивая. Трудно согласиться с некоторыми исследователями проблемы, утверждающими, что «миротворчество традиционно рассматривается в России как исключительно военная сфера деятельности, политическое и идеологическое обеспечение которой остается делом второстепенным»⁸⁷.

Представляется все же, что главный положительный итог миротворческой деятельности России в государствах СНГ – это перевод большинства вооруженных конфликтов в политическое

⁸⁷ Т.Бордачев. «Новый интервенционализм» и современное миротворчество». Московский общественный научный фонд, Издательский центр научных и учебных программ. Москва, 1998.

русло, в правовое поле, с использованием не только – и не столько – военных, сколько политических, дипломатических и иных мирных средств их дальнейшего урегулирования. И такой последовательный курс, особенно активно проводившийся в последнее время, приводит в конце концов к положительным сдвигам в урегулировании сложных внутрисударственных и межгосударственных конфликтов в СНГ.

В частности, Президент Российской Федерации В.Путин, касаясь перспектив разрешения карабахского конфликта, одного из застарелых и сложнейших на пространстве СНГ, подчеркнул, что именно «последовательные усилия России, направленные на достижение мира в этом регионе», позволили представителям США и Франции (эти страны, как и Россия, являются сопредседателями Минской группы ОБСЕ по карабахскому урегулированию) заявить накануне, что проблема Нагорного Карабаха может быть решена мирным путем уже до конца 2001 года⁸⁸.

Как соотносится миротворческая деятельность России в странах СНГ с рассматриваемой проблемой «гуманитарного вмешательства»?

Думается, связь здесь просматривается самая прямая. Прежде всего надо отметить, что применение российских воинских контингентов в зонах конфликтов на территории СНГ осуществлялось в строгом соответствии с принципами гуманитарных операций, декларируемых ООН и ОБСЕ. Т.е. они вводились в страну с согласия обеих враждующих сторон, после прекращения ими вооруженных стычек и не предпринимали никаких принудительных действий, выходящих за рамки согласованного сторонами мандата. Ни о каком вмешательстве во внутренние дела государств пребывания со стороны российских властей или миротворцев речи никогда не шло, хотя, надо признать, такие ничем не обоснованные обвинения порою звучали. Именно под таким углом зрения некоторые представители высшего руководства США из состава прошлой администрации пытались подавать мировому общественному мнению ситуацию в Приднестровье, обвиняя Россию в том, что пребывание российского воинского кон-

⁸⁸ Пресс-конференция в Ереване 25 мая 2001 г., посвященная итогам заседания Совета коллективной безопасности СНГ, <http://president.kremlin.ru>

тингента дестабилизирует обстановку в регионе и служит опорой «незаконному сепаратистскому режиму Тирасполя»⁸⁹. Неоднократно такие обвинения звучали и из Тбилиси, в основном со ссылками на высказывания российских военных представителей⁹⁰, других, более серьезных нарушений даже пристрастные наблюдатели из Тбилиси не находили.

Заслуга миротворческой деятельности России в странах СНГ с вводом воинских контингентов в зоны конфликтов видится также и в том, что их присутствие послужило, как признают некоторые авторы, сдерживающим фактором для гуманитарного вмешательства в исполнении Североатлантического альянса и примерно по той же программе, которая была продемонстрирована им в Ираке и Югославии.

Но проблема гуманитарного вмешательства на территории государств СНГ с использованием вооруженных сил западных стран, в том числе объединенных вооруженных сил НАТО, с повестки дня отнюдь не снимается. Так, президент Грузии Э.Шеварднадзе, в частности, неоднократно призывал страны НАТО к вмешательству в Абхазии по образцу косовского варианта. Выступая в программе НТВ «Герой дня» 18 мая 1999 года, в разгар ожесточенных бомбардировок Югославии натовской авиацией, и отвечая на вопрос о продлении мандата российских миротворческих сил в Абхазии, он заявил, что в случае несогласия руководства Абхазии с предложениями Грузии «возникнет вопрос о вводе международных миротворческих вооруженных сил, о которых я говорил в отношении Косово»⁹¹. Месяцем раньше Э.Шеварднадзе поднимал этот вопрос на юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне.

В западной прессе неоднократно звучали призывы о гуманитарном вмешательстве в Приднестровье, а также в связи с событиями в Дагестане и Чечне осенью – зимой 1999 – 2000 года.

⁸⁹ А.Рузский. «Прелюдия к новому походу на Восток». «НГ-Содружество» (Москва), №005, 26.05.1999.

⁹⁰ М.Корсантия. «Абхазия не одинока в борьбе за независимость». «Свободная Грузия» (Тбилиси), №083, 8.12.1999; Г.Каджая. «Пять лет борьбы и разочарований». «НГ» (Москва), №159, 28.08.1999; Е.Тесемникова. «Россия снимает экономическую блокаду с Абхазии». «НГ» (Москва), №176, 22.09.1999; «Россия – Грузия» (Сообщение НЕГА). «НГ» (Москва), №202, 28.10.1999 и др.

⁹¹ «Свободная Грузия» (Тбилиси), №389, 19.05.1999.

Характерно, что развитие чеченской темы в некоторых западных СМИ того времени во многом повторяло то, что происходило на Балканах, где с начала 1990-х годов велась информационная война против СФРЮ, а затем СРЮ. Избрана страна воздействия (Сербия – Россия), народ (сербы – русские), район кризиса (Косово – Чечня), главный повод («гуманитарная катастрофа»). Много схожего и в других нюансах: попытки использовать конфессиональные (православные – мусульмане) и национальные различия (там «агрессоры» и «националисты» сербы, притесняющие другие балканские народы; здесь русские с их «имперскими амбициями» и противопоставляемые им национальности Северного Кавказа, «борющиеся за независимость»), создание благоприятной для Запада политической ауры в окружающих район конфликта национальных республиках, негласная финансовая и материальная поддержка в них антироссийских и антирусских (на Балканах – анти-сербских) сил и «независимых» СМИ, ориентирующихся на Запад и т.п. Во многом из-за схожести моделей «балканской» и «кавказской» информационных кампаний в этих регионах прижился и стал популярным термин «балканизация Кавказа».

Но, конечно, об официальной позиции руководства западных стран по проблеме гуманитарного вмешательства на территории бывшего СССР нельзя судить по некоторым экстремистским публикациям в западных СМИ. Следует также разграничивать отношение к проблеме гуманитарного вмешательства на территории СНГ в ОБСЕ и Североатлантическом альянсе и ОБСЕ.

В ОБСЕ сложилось общее понимание, что предотвращение и урегулирование конфликтов и гуманитарных кризисов – проблема общеевропейского масштаба, решение которой не под силу одной стране и потребует координации усилий всех государств – членов ОБСЕ, привлечения значительных сил и средств, не исключая в некоторых случаях и военного персонала. Поэтому под эту проблему, при активном участии России и других государств СНГ, была разработана солидная теоретическая и правовая база. В частности, в таких основополагающих документах ОБСЕ, как Парижская хартия 1990 года, Хельсинкский документ 1992 года и последующих документах, подписанных СССР и Россией.

В Хельсинкском документе 1992 г. «Вызов времени перемен» отмечалось: «Впервые за последние десятилетия в регионе ОБСЕ

вновь разворачиваются военные действия. Возникают новые вооруженные конфликты, и в широких масштабах применяется сила во имя установления господства и достижения территориальной экспансии»⁹². Для предотвращения конфликтов и регулирования кризисов ОБСЕ разрабатывала целый ряд мер, включая применение военных сил в операциях ОБСЕ по поддержанию мира. И хотя в этом документе речь пока не шла о конкретных очагах конфликтов на территории СНГ, однако ко времени его принятия вооруженные столкновения приобретали все более широкий масштаб не только на Балканах, но и на территории распавшегося СССР, и целевая направленность документа ни у кого сомнений не вызывала.

В последующих документах ОБСЕ, принятых в Будапеште в 1994 г., Лиссабоне в 1996 г., Стамбуле в 1999 году, речь шла уже о конкретных конфликтах на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах, грузинские очаги, Приднестровье, Чечня.

Но вместе с тем нельзя не отметить, что в планах реализации гуманитарного вмешательства с применением военных сил и на Балканах, и в государствах СНГ ОБСЕ все больше уходила на задний план, оставляя за собой лишь мирную, политическую составляющую предотвращения и урегулирования конфликтов, более того – все больше превращаясь фактически в некий политический придаток НАТО.

Очень показательный пример растущей подчиненности ОБСЕ по отношению к НАТО – поведение ее накануне агрессии НАТО в Югославии. Тогда руководитель миссии ОБСЕ в Косово У.Уокер (США), который накануне агрессии, по словам министра иностранных дел России И.Иванова, «своими неудачными заявлениями политически дискредитировал миссию ОБСЕ»⁹³, сделал все, чтобы эта миссия была выведена из Косово. Это не только послужило сигналом для албанских экстремистов резко усилить свою активность и тем самым полностью сорвать обозначившийся процесс политического урегулирования, но и дало возможность натовской авиации начать интенсивные бомбежки сербских позиций.

⁹² Хельсинский документ 1992 г. «Вызов времени перемен». «Хельсинские решения», п.18. www.osce.org.

Одновременно с ослаблением ОБСЕ как общеевропейского миротворческого организма на первый план в осуществлении гуманитарных интервенций выдвигалась НАТО, обладающая и реальной военной мощью, и несопоставимым с нынешней ОБСЕ влиянием, и решительностью в принятии радикальных военных решений. Поэтому в принятой на последнем саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 года декларации упоминалось лишь о возможном использовании этой организацией ресурсов других международных организаций (имеется в виду, конечно же, НАТО) в деле урегулирования кризисов с гуманитарными последствиями.

Что касается Североатлантического альянса, то в Вашингтонской декларации 1999 г. этого союза и в других документах подчеркивалась решимость блока принять самое активное участие в урегулировании конфликтов как во всей евроатлантической зоне, так и за ее пределами. Как уже отмечалось, НАТО и в практическом плане не теряет времени даром, расширяя военное сотрудничество со всеми государствами на постсоветском пространстве на двусторонней основе и в рамках программы «Партнерство во имя мира» и активно осваивая их территории и военную инфраструктуру. Ясно, что делается это отнюдь не из чистого альтруизма, а с совершенно определенной целью – на случай, если придется использовать их территории в военных целях – для проведения наземных или воздушных операций против этих или соседних государств.

Но все же западные страны вряд ли планируют – по крайней мере в ближайшей перспективе – проведение каких-либо прямых силовых акций по гуманитарным поводам на территории стран СНГ, тем более в России (в связи, например, с конфликтом в Чечне). Веских причин для такого заключения достаточно.

Прежде всего, конфликты, происходящие на территории СНГ, не только не затрагивают пока серьезных интересов западных стран, но даже выгодны им, так как все они непосредственно ущемляют интересы России и ослабляют ее, отвлекают значительную часть сил и средств и тем самым увеличивают зависи-

⁹³ Совместная пресс-конференция министра иностранных дел РФ И.Иванова и начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерала армии А.Квашнина. «Дипломатический вестник» (Москва), №004, 1.04.1999.

мость России от Запада. Западу, по его расчетам, нет смысла на данном этапе прилагать сколько-нибудь реальных усилий для погашения этих конфликтов, тем более тратить на них материальные средства.

С другой стороны, непосредственное участие западных воинских контингентов в «горячих точках» СНГ требует больших и, по их мнению, неоправданных издержек, к тому же чревато большим риском: например, гибелью военнослужащих, что наверняка настроило бы общественное мнение западных стран крайне негативно и потребовало бы, скорее всего, вывода этих контингентов из конфликтных зон. (Такая ситуация, в частности, имела место с провалившейся миротворческой акцией США в Сомали). То есть возможные издержки и риски для Запада пока намного превышают те выгоды, которые можно получить от непосредственного участия в урегулировании вооруженных конфликтов в странах СНГ.

Но есть и другие причины. Так, несмотря на всю внешнюю похожесть конфликтов на Балканах и на Кавказе, посол ФРГ в Грузии Дитрих Фогель счел нужным объяснить нежелание своей страны вмешиваться в грузино-абхазский конфликт следующим образом: «Между абхазским и косовским конфликтами не видно параллелей, поэтому механизм примирения, апробируемый на Балканах, неприемлем в Абхазии». Представители посольства США в Тбилиси в ответ на обращение грузинских руководителей также поспешили разъяснить им, что даже обсуждение такой темы потребует согласия обеих сторон конфликта. Турция, несмотря на объявление Грузии своим стратегическим партнером, также однозначно высказалась против своего участия в военном вмешательстве в Абхазии⁹⁴. По существу, дан недвусмысленный отказ Э.Шеварднадзе в ответ на его неоднократные намеки о желательности ввода в Абхазию воинского контингента западных стран.

Наконец, нельзя забывать, что Россия в военном отношении – это не Ирак и не Югославия. При всей ее нынешней экономической слабости, снижении политического влияния и авторитета на международной арене она остается великой ракетно-ядер-

⁹⁴ В.Соковнин. «Глобальная проблема региональных войн». «НГ-Содружество» (Москва), №002, 28.02.2001.

ной державой, любой конфликт с которой чреват весьма серьезными последствиями. Да и Вооруженные Силы России, при всей их ослабленности за последние годы, способны оказать мощное вооруженное сопротивление интервентам, которые выступили бы, например, на стороне чеченских «борцов за независимость».

К тому же возможности западных стран – членов НАТО по участию в гуманитарном вмешательстве с использованием вооруженных сил достаточно невысоки и не позволят им «охватить» все конфликты на территории СНГ. Речь может идти максимум об одной – двух таких зонах, да и то только в теоретическом плане, так как реализация гуманитарного вмешательства на территории любой страны СНГ возможна исключительно при согласии всех конфликтующих сторон и России, а также других стран – членов СНГ или участниц Договора о коллективной безопасности (ДКБ), если такая акция будет затрагивать их интересы.

Все это серьезные сдерживающие факторы. Поэтому утверждения, звучащие порой в некоторых российских СМИ о возможном гуманитарном вмешательстве НАТО, например в Приднестровье, пока всерьез рассматривать не приходится.

Но вместе с тем, думается, нельзя полностью исключать участия войск западных стран в урегулировании некоторых конфликтов на территории отдельных государств СНГ, если на это будет получено согласие всех заинтересованных сторон. Но вот «гуманитарные акции» по типу Косово на территории бывшего СССР исключены при любых обстоятельствах.

И еще один довод в пользу необходимости координации международных усилий в гуманитарной сфере. На горизонте глобальной политической жизни встает грозный призрак международного терроризма, который, не исключено, уже в ближайшее время может стать еще большей опасностью для мирового сообщества, чем нынешние многочисленные внутригосударственные конфликты и вызванные ими гуманитарные кризисы. Сегодня на евразийском пространстве передний фронт борьбы с этим явлением проходит по южным районам СНГ – Северокавказский район России, прежде всего Чечня, государства Центральной Азии. Это грозная, организованная, хорошо вооруженная и фанатичная сила, о чем можно судить по движению талибов, по выступлениям ваххабитов на Северном Кавказе, экстремистским

выступлениям и террористическим проявлениям в других районах. Масштабные акции этой глобальной силы (кстати, термин «международный терроризм», по-видимому, не совсем точно отражает и суть этой силы, и ее цели, и масштабы выступлений) могут привести к гуманитарным катастрофам, не идущим ни в какое сравнение с теми, которые были вызваны внутрисоветскими конфликтами. Пока против этой силы выступает практически одна Россия при поддержке некоторых стран СНГ – участников ДКБ. Запад ограничивается общими рассуждениями на тему международного терроризма, то ли недооценивая эту опасность для себя, то ли надеясь отсидеться за спиной России, то ли пытаясь, как уже бывало не раз, получить для себя определенные выгоды, выжидая, когда противоборствующие силы ослабят друг друга. Призывы России серьезно отнестись к этой проблеме, подумать о совместных мерах по предотвращению возможных катастрофических последствий пока не получают положительной реакции западных стран. Такая выжидательная позиция несет опасность не только для России и других стран СНГ, но и для Европы в целом.

VII. Заключение

Проведенный многими исследователями анализ позволяет сделать вывод, что сегодня на смену традиционному миротворчеству приходит новая его форма – миротворчество силовое, «военизированное». Гуманитарная деятельность все чаще принимает форму гуманитарных интервенций или даже гуманитарных войн. Тенденция эта после 1999 года и агрессии НАТО в Югославии не только сохраняется, но и усиливается.

С другой стороны, надо признать и то, что резкий рост внутрисоветских конфликтов на межнациональной и межэтнической почве с использованием сторонами регулярных вооруженных сил или хорошо подготовленных и вооруженных боевых формирований, конфликтов, в которых, как правило, зачастую страдают огромные массы гражданского населения, происходят массовые нарушения прав человека, демократических прав и свобод, разрушается социальная инфраструктура, требует соответствующей реакции мирового сообщества и объективно повышает востребованность силовых гуманитарных акций. Но пока действенной стратегии противостояния таким угрозам мировое

сообщество не выработало. Причина этого видится прежде всего в тормозящей тактике США и других ведущих стран Запада, стремящихся отеснить ООН и возглавить миротворческий процесс, направить его в русло собственных политических и экономических интересов.

Крайне важно, чтобы миротворческие операции, включая гуманитарные интервенции, проводились исключительно под эгидой и по санкциям ООН, что будет гарантировать их беспристрастный и действительно интернациональный характер, не исключая при этом участия в них других региональных международных организаций – ЕС, СНГ, НАТО и др.

Гуманитарное вмешательство в дела суверенных государств в складывающихся сегодня в мире условиях становится одним из определяющих элементов формирующегося нового миропорядка. Более того, учитывая возрастающую его востребованность и такую характерную черту, как четко выраженный интернациональный характер (так, США, даже в тех случаях, когда решение о гуманитарном вмешательстве принималось на национальном уровне и вся основная нагрузка ложилась на их вооруженные силы, старались привлекать к участию в таких операциях на своей стороне как можно больше других государств, хотя зачастую такое участие носило чисто формальный характер) можно сказать, что силовое вмешательство по гуманитарным и другим поводам становится своеобразной «философией интернационализма» XXI века. Как принципиально новое по своей форме и содержанию явление современного мира, оно требует дальнейшего тщательного анализа, всесторонней оценки сочетаемости с существующей международно-правовой базой, возможных последствий ее применения и, в конечном итоге, – если такая форма силового вмешательства в дела суверенного государства будет окончательно принята мировым сообществом – разработки теории применения и ведения силовых гуманитарных операций, введения их в жесткие рамки международного права.

Задачи эти представляются тем более важными в связи с тем, что, во-первых, гуманитарная интервенция, как и многие другие процессы и явления, вызванные глобализацией или сопутствующие ей, сочетает в себе и позитивное начало, и многие негативные черты как объективного характера, так и порою искусственно привносимые определенными заинтересованными силами. А во-вторых, уже сейчас стала явственно проявляться опасная тен-

денция своеобразной «приватизации» подобных акций отдельными государствами или союзами государств (речь идет в первую очередь о Североатлантическом союзе), создания собственной обособленной правовой базы для таких операций, не совпадающей с общепризнанными международными законами и соглашениями или даже игнорирующих их, но зато выгодной этому государству или союзу.

«Вестник аналитики», №3, 2001г.

*В сокращенном варианте статья под заголовком
«Современная философия интернационализма»
опубликована в «Независимой газете» 7 июля 2001).*

БАЛКАНЫ: НАТОЦЕНТРИЗМ В ДЕЙСТВИИ?

*Они
С первобытным пристрастьем,
Уже посягнув на миры,
Царят с превышением власти
С тех пор
И до нашей поры.*

В.Федоров. «Человек»

I.

1 августа – знаменательная дата в новейшей истории Европы. В этот день в 1975 году собравшиеся в Хельсинки главы практически всех европейских государств, США и Канады подписали Заключительный акт Сопровождающего (позднее оформившегося в Организацию) по безопасности и сотрудничеству в Европе, положив тем самым начало Хельсинкскому процессу. Процессу, который стал своего рода катализатором бурных исторических перемен, произошедших в Европе в последнюю четверть XX века и выразившихся в окончательном сломе систем безопасности времен «холодной войны», крушении Организации Варшавского договора – одного из двух антагонистических военно-политических блоков, противостояние которых долгое время определяло внешнюю, да и внутреннюю политику входящих в них государств, распаде лидера социалистического лагеря – СССР, беспрецедентном по масштабам, глубине и срокам реализации сокращения вооруженных сил и вооружений, немислимым для времен «холодной войны» мерах доверия и открытости в военной области. Глубоко затронул

Хельсинкский процесс не только политическую и военную области европейских стран, но и их экономику, социальную и особенно гуманитарную сферу.

Именно под воздействием Хельсинкского процесса к началу 1990-х годов в Европе стала складываться общая атмосфера сотрудничества и взаимопонимания, уважения жизненно важных интересов и безопасности всех государств – участников ОБСЕ. Широкое распространение в то время получила идея общеевропейского дома, варианты которого разрабатывались и выдвигались различными государственными деятелями, политическими организациями и политологами. В последние годы об этой идее почти забыли – может быть, потому, что Европа все больше воспринимается как заокеанская «хижина дяди Сэма».

Параллельно с развитием и углублением в духе Хельсинки широкого международного сотрудничества в Европе исподволь развивались и набирали силу и иные процессы, в том числе и те, отправным пунктом для которых послужил синдром «победителей в «холодной войне».

Наиболее заметным из них, составившим сильную конкуренцию принципам Хельсинки, явился процесс, который по месту его «запуска» можно назвать «брюссельским», или, еще точнее, – «вашингтонским». Имеется в виду выход на первые роли в общеевропейской политике Североатлантического альянса, постепенную подмену заложенных в хельсинкском Заключительном акте модели и принципов общеевропейского сотрудничества натоцентристской моделью, основополагающим принципом которой является «обеспечение неделимой безопасности всех его членов»⁹⁵ – но отнюдь не всей Европы. Члены альянса вместе с кандидатами на вступление в него составляют сегодня костяк ОБСЕ и имеют возможность кардинально влиять на политику этой общеевропейской организации, успешно лоббировать в ОБСЕ выгодные для себя решения или, наоборот, блокировать неудобные. Более того, втягивать третьи страны в многочисленные вооруженные конфликты, во имя чуждых им целей и интересов⁹⁶.

⁹⁵ Стратегическая концепция Североатлантического союза // п.8. www.nato.int.

⁹⁶ Гусейнов В. «Обновление» НАТО и безопасность России // Независимое военное обозрение. – М., 1999. – 16.04. – №014.; // Независимая газета. – М., 1999. – 15.04. – №068. 15.

Но политика, проводимая этими государствами в рамках «вашингтонского процесса», естественно, не ограничивается обеспечением лидирующей и лоббирующей роли НАТО в ОБСЕ. Стратегические цели этой политики намного более претенциозны: построение натоцентристской модели общеевропейской безопасности, в которой ОБСЕ отведена роль политического придатка НАТО; распространение военно-политических и менторских амбиций Североатлантического альянса на всю евроатлантическую зону и ее окрестности; установление нового миропорядка, в котором роль главного центра силы будет играть этот военно-политический блок, единоличным лидером станут Соединенные Штаты, а все прочие общеевропейские, региональные или субрегиональные организации должны играть в такой системе в лучшем случае роль «младшего партнера».

История последнего десятилетия дает достаточно фактов, подтверждающих устремленную именно в таком направлении деятельность Североатлантического альянса. Это: последовательно выдерживаемый курс на расширение блока за счет приема в него новых членов, в том числе из стран Восточной Европы и бывших республик СССР; образование по инициативе НАТО Совета евроатлантического партнерства и направляемая альянсом деятельность этой организации; реализация программы «Партнерство во имя мира», в которую втянуты все страны Евроатлантического региона; кардинальный пересмотр стратегической концепции блока, расширение территориальных рамок его военной деятельности далеко за границы блока и соответственно расширение спектра задач, в том числе решаемых с применением военной силы, оправдывающих вмешательство альянса во внутренние дела суверенных государств по собственным решениям. В этом ряду можно также отметить смешение «хельсинкских корзин», прежде всего военной и гуманитарной, одним из итогов которого стало появление на свет нынешней, приспособленной для экспансионистских целей блока теории «гуманитарных интервенций» как одного из несущих элементов нового миропорядка⁹⁷, который намереваются установить Соединенные Штаты и НАТО.

⁹⁷ Гусейнов В. Гуманитарные интервенции как элемент нового миропорядка // Вестник аналитики. – М., 2001. – №3.

II

Идеология натоцентризма, занимающая сегодня одно из центральных мест в общем спектре политических общеевропейских течений и настойчиво продвигаемая в жизнь членами этого военно-политического блока, явилась одной из причин «тихой кончины» движения нейтральных и неприсоединившихся стран, в котором ведущую роль на европейском континенте играла распавшаяся СФРЮ, занимавшая крайне выгодное стратегическое положение в адриатическом «подбрюшье» Европы и проводившая самостоятельную политику на внешней арене.

О потенциальных опасностях, которые несет эта новорожденная идеология для Европы, стран евроатлантического региона, да и в глобальном масштабе, говорилось много⁹⁸.

В этом отношении балканский кризис, разгоревшийся в начале 1990-х годов и продолжающийся поныне, стал наиболее наглядным проявлением на практике упомянутого выше «вашингтонского процесса», апофеозом которого явилась агрессия НАТО против суверенной Югославии в 1999 году – первая после 1945 года полномасштабная война в самом центре Европы. Война, развязанная блоком, который постоянно твердил о своей приверженности миру, о своем якобы сугубо оборонительном характере.

Сегодня, через два года после ее окончания, мы вправе задаться вопросом: не послужила ли эта война точкой отсчета для нового периода общеевропейской истории, вслед за «холодной войной» и последующим кратковременным периодом «хельсинкского потепления»? Думается, есть все основания ответить на этот вопрос положительно. Очертания этого нового, «посткосовского» периода общеевропейского развития проявляются все более явственно, и особенно в дальнейшем развитии кризиса на Балканах.

В современной Европе складывается новая политическая реальность, характеризующаяся доминированием Брюсселя и стоящего за ним Вашингтона во всех сферах общеевропейского раз-

⁹⁸ Гусейнов В. Что несет Европе «натоцентризм» //Новости разведки и контрразведки. – М.,1999. – 24.06. – №011–012.

вития и их определяющим влиянием на национальную политику многих (если не абсолютного большинства) евроатлантических государств, забвением или умышленным нарушением многих принципов Хельсинки, принижением роли общеевропейского форума – ОБСЕ.

Конечно, балканский кризис – лишь часть этого процесса, но часть наиболее показательная, ибо НАТО и лидеры этого союза с самого начала кризиса играли в нем главенствующую роль.

Этот кризис, развивающийся отчасти спонтанно, а отчасти – под воздействием определенных внешних импульсов, и особенно силовые методы, включая постоянную угрозу силой, применяемые странами НАТО на территории бывшей СФРЮ, убедительно показывают, к чему может привести Европу и другие страны Евроатлантического региона «вашингтонский процесс», идущий на смену хельсинкскому. Особенно в условиях, когда блок НАТО, уже нарастивший свой военный потенциал до беспрецедентных размеров и продолжающий поглощать все новые страны, их территории и вооруженные силы, буквально опьянен своей военной и политической мощью и чувством априорной безнаказанности за любые свои силовые действия как в Европе, так и за ее пределами, а главное – лишен прежних сдерживающих центров (роль которого в период «холодной войны» играла Организация Варшавского договора во главе с СССР) и не намерен считаться с интересами других стран, если они не совпадают с его собственными интересами.

События весны – лета 2001 года на Балканах показали, что нынешний затяжной кризис, начавшийся с распада СФРЮ, вскоре после этого переросший в вооруженные конфликты в Западной Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине и достигший своего пика в 1999 году в Косово, отнюдь не завершен. Нельзя даже говорить о том, что усилиями международного сообщества и новых государств, образовавшихся на обломках СФРЮ, этот кризис переведен в мирную стадию. Вооруженные выступления албанских сепаратистов на юге Сербии и в Македонии в начале 2001 года не только вновь обострили до предела обстановку в этих странах, но и вызвали рецидивы сепаратизма и экстремизма различной интенсивности в других районах бывшей Югославии.

По-прежнему остается сложной ситуация в Косово, где костяк сил КФОР составляют воинские контингенты стран НАТО, а

политический курс по урегулированию косовского (а теперь и македонского) кризиса формируется и проводится при непосредственном участии руководства НАТО и едва ли не главных натовских «ястребов» 1999 года – генсека альянса Дж. Робертсона, бывшего министра обороны Великобритании, и Хавьера Соланы, бывшего генсека НАТО, ныне занимающего должность генерального секретаря Совета ЕС – высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС.

По данным, приведенным бывшим командующим российско-го воинского контингента в Косово генерал-лейтенантом В. Евтуховичем, из более чем полутораmillionного населения Косово сербы и другие неалбанские национальные меньшинства края составляют сегодня всего около 10%, а еще 250 тысяч из них вынуждены были покинуть край и сейчас являются беженцами⁹⁹.

28 октября 2000 года в Косово состоялись выборы в местные органы власти, в которых приняли участие практически только албанцы. Тем не менее ОБСЕ, ООН и, конечно, НАТО признали эти выборы действительными. Убедительную победу на них одержали представители Демократической лиги Косово (ДЛК), лидером которой является Ибрагим Ругова, сравнительно умеренный националист. Однако фактически власть на местах к моменту выборов уже была захвачена и поделена представителями Освободительной армии Косово (ОАК), которая на глазах КФОР была переименована в Корпус защиты Косово, куда и «перетекли» албанские боевики из ОАК и образовала свою политическую организацию – Демократическую партию Косово (ДПК), вождем которой стал Хашим Тачи, бывший политический руководитель ОАК. В результате борьбы между ними на сторонников Руговы было совершено несколько покушений, в том числе со смертельным исходом.

Президент Югославии В.Коштуница заявил, что эти выборы не могут быть признаны действительными, поскольку в них не принимала участия неалбанская часть населения края. МИД России по поводу муниципальных выборов в Косово также выступил с заявлением, в котором предупреждал, что исключение из демократического процесса сербского населения и других нацио-

⁹⁹ Мухин В. Больше года без войны // Независимая газета. – М., 2000. – 18.11. – №219.

нальных меньшинств «будет иметь негативные последствия для дальнейшего урегулирования ситуации в крае»¹⁰⁰. Однако оба эти заявления были проигнорированы западными организаторами выборов.

Не в полной мере реализуются и требования резолюции Совета Безопасности ООН №1244 по Косово. В частности, резолюция предусматривает возвращение в Косово югославских сил безопасности и полицейских подразделений. Однако представители КФОР, как и миссия ООН, жестко выступают против, мотивируя свою позицию тем, что это может резко обострить обстановку в крае. Доля формальной истины в этом есть. Однако именно КФОР, а точнее, стоящие за ними руководители НАТО, своим бездействием, а отчасти и преднамеренным попустительством в отношении албанских экстремистов, по существу, создали в Косово такую обстановку, в которой выполнение данного пункта резолюции становится опасным. А принимать какие-либо меры для исправления создавшегося положения натовские миротворцы не спешат. То же можно сказать и о полном разоружении отрядов ОАК. Это требование также не выполнено в надлежащем виде. По целому ряду свидетельств, основу албанских т.н. освободительных армий, действующих в Южной Сербии и в Македонии, составляют именно боевики ОАК, «незаметно» просочившиеся через границу с Косово, несмотря на усиленное патрулирование приграничной зоны силами КФОР. Вооружение и материальные средства для этих «освободительных армий» также поступают из Косово.

Что касается Корпуса защиты Косово, то, как объявлено лидерами косовских албанцев, это гражданская организация, принявшая на себя функции по охране порядка в крае после расформирования ОАК. Однако многие факты говорят за то, что функции этой организации шире и выходят за рамки чисто гражданских, да и порядок в крае понимаются ею довольно однобоко и не в пользу неалбанского населения.

При подобном лояльном отношении со стороны КФОР албанские сепаратисты чувствуют себя в крае достаточно вольготно. Тот же Хашим Тачи, возглавляющий ныне Демократическую пар-

¹⁰⁰ Выборы под знаком вопроса // Российская газета. – М., 2000. – 01.11. – №211.

тию Косова, демонстрирует полное пренебрежение к резолюции мирового сообщества по урегулированию в Косово и безапелляционно заявляет, что любые попытки югославских лидеров вернуть в Косово полицейские или военные подразделения «приведут к очередной войне», в которую могут быть вовлечены и миротворцы НАТО. Такое заявление им было сделано, в частности, в ответ на идею возвращения сербских сил в Косово, выдвинутую Воиславом Коштуницей во время предвыборной президентской кампании. Тачи дал ясно понять, что компромисса с сербами в этом вопросе быть не может¹⁰¹.

А сама НАТО в Косово, в районе Джаковице, начала строительство собственного аэродрома, поскольку аэродром в Приштине контролируется российским воинским контингентом, а силам альянса в Косово, похоже, есть что прятать от мировой общественности.

Один из важнейших вопросов, который необходимо решить в отношении Косово, – определение его статуса. ОБСЕ предложила решать проблему Косово поэтапно.

На первом этапе принять все меры для возвращения беженцев и создать соответствующие механизмы их безопасности. Эта задача, считают в ОБСЕ, может быть решена силами КФОР. Но для складывающихся сегодня в Косово условий эта задача разрешима только в отношении албанских семей, ставших беженцами. Сербским беженцам силы КФОР защиту не смогут обеспечить, учитывая практически полное господство в крае албанских функционеров из числа бывших членов ОАК.

На втором этапе предполагается создание демократического правительства Косово на пять или более лет. Как конкретно решать эту задачу, в ОБСЕ пока не знают и ограничиваются общими рассуждениями и рекомендациями.

Только после этого можно перейти к третьему этапу и начинать работу над соглашением о статусе Косово между заинтересованными сторонами. Причем срок выработки такого соглашения не устанавливается.

Однако высокопоставленные представители альянса в последнее время уходят от прямого ответа на вопрос, останется ли

¹⁰¹ Время новостей. – М., 2000. – 28.09. – №135.

Косово неотъемлемой частью Югославии, из чего можно заключить, что вопрос об отторжении Косово от Югославии в недрах альянса в принципе решен. Пока, по-видимому, неясно, в какой форме это лучше сделать.

Так, генсек НАТО Дж. Робертсон в интервью одной из российских газет на вопрос: «Что произойдет со статусом Косово? Будет ли это протекторат под международным сотрудничеством?» – ограничился уклончивым ответом, что этот вопрос должен, очевидно, решаться в ООН, поэтому вопрос надо адресовать высшим должностным лицам этой организации¹⁰². Вместе с тем он дал понять, что вопрос о возвращении в Косово частей югославской армии вообще не стоит. «Очевидно, если бы возвращение произошло сейчас, это привело бы к очень глубокой дестабилизации. Цель в том, чтобы это произошло после того, как станет безопасно», – таков туманный ответ генсека НАТО¹⁰³.

И хотя на последней встрече «восьмерки» в Генуе лидеры западных стран по настоянию России признали, что главным принципом балканского урегулирования должна стать нерушимость границ¹⁰⁴, вопрос этот далеко не прост, и особенно в отношении Косово.

Еще в октябре 2000 года на встрече лидеров балканских стран в Скопье постоянный представитель США при ООН Р.Холбрук дал понять, что требование косовских албанцев о предоставлении независимости этому краю может быть поддержано Вашингтоном. А в качестве первого шага в этом направлении он призвал как можно скорее провести выборы в новый парламент Косово (речь шла о весне 2001 года). Эта его идея тогда не была поддержана. И тем не менее вариант предоставления Косово не-

¹⁰² Коротченко И. НАТО ждет от Москвы подробностей...//Независимая газета. – М., 2000. – 19.07. – №139.

¹⁰³ Резолюция СБ ООН №1244 (1999) (www.un.org) гласит: «После вывода войск согласованному числу югославских и сербских военнослужащих будет разрешено вернуться в Косово для выполнения следующих функций: поддержание связи с международной гражданской миссией и международными силами безопасности; разметка/разминирование минных полей; обеспечение охраны сербских святынь; несение службы на ключевых погранзаставах». При этом «согласованная численность будет ограниченной (сотни, но не тысячи человек)».

¹⁰⁴ Будберг А. Киотская битва в Генуе //Московский комсомолец. – 2001. – 23.07. – №158.

зависимости вырисовывается с течением времени все четче. Как известно, в резолюции СБ ООН №1244 по косовскому урегулированию речь идет о Косово как неотъемлемой части Югославии. Не будет такого государства, как СРЮ, – не будет и проблемы, вопрос о независимости края решится сам собой. Можно предположить, что политической линией, проводимой США и НАТО на Балканах, предусматривается распад Югославии. Это произойдет после выхода из нее Черногории. И такое развитие событий вполне реально, что признает даже президент СРЮ В. Коштуница. А при незначительной помощи со стороны заинтересованных в этом стран Запада подобный исход весьма вероятен. Тем более что при таком варианте Сербия будет отрезана от моря и лишится нынешних важных коммуникационных преимуществ, станет вполне затрапезным внутриконтинентальным государством.

При подобном варианте развития балканского кризиса такие фундаментальные принципы Хельсинки, как нерушимость границ и территориальная целостность государств, формально не будут нарушены. Но фактически события на Балканах будут направляться так, чтобы эти принципы не стали тормозом на пути продвижения идеологии «натоцентризма» и развития упоминаемого выше «вашингтонского процесса».

III

В ряду важнейших событий, произошедших после вооруженной агрессии НАТО 1999 года, стоят президентские выборы в Союзной Республике Югославии в сентябре 2000 года, в результате которых президентом страны стал Воислав Коштуница, а также арест бывшего президента страны Слободана Милошевича, проигравшего на этих выборах, и сопровождавшаяся сильным скандальным душком выдача его Международному трибуналу по расследованию военных преступлений в бывшей Югославии (МТБЮ) в Гааге.

Первое из этих событий привело в результате к смене политического режима в СРЮ и, надо сказать, вызвало значительную эйфорию на Западе. Эйфорию, связанную не столько с уходом с

политической арены «проблемного» для блока Слободана Милошевича, сколько с тем, что к этому времени югославская политика НАТО – главного идеолога и организатора урегулирования балканского кризиса по собственным меркам и с использованием собственных средств – зашла в тупик. Провал Милошевича на выборах давал альянсу новый шанс хотя бы в какой-то мере спасти лицо. В случае победы Милошевича альянс мог бы оказаться в крайне неприятном положении. Ни масштабные бомбардировки Югославии, ни ввод наземных сил НАТО в Косово не сломили режим Милошевича, а в случае его очередного избрания президентом Югославии у НАТО не оставалось иного выбора, кроме силового варианта, причем на этот раз вряд ли можно было обойтись без ввода в страну наземных войск, что было чревато самыми тяжелыми последствиями.

Поэтому страны НАТО еще до выборов объявили, что победа Милошевича ими признана не будет ни при каких условиях. За 1999 – 2000 годы только Вашингтон выделил на поддержку противников Милошевича 35,7 млн. долларов, а на 2001 год было запрошено 41,4 млн. долларов¹⁰⁵. Всего же, по признанию официального представителя Белого дома, за 2000 год на эти цели было выделено около 77 млн. долларов¹⁰⁶, а общая сумма, потраченная Западом, была, конечно, намного больше. Во всяком случае оппозиция не испытывала недостатка в материальных и финансовых средствах для проведения выборов.

Разумеется, НАТО была не одинока в стремлении сделать все, чтобы выборы в Югославии закончились выгодным для альянса результатом, причем первоочередной задачей было не допустить победы Милошевича.

Так, в Венгрии, в Геделле под Будапештом накануне выборов президента Югославии лидеры «четверки» (Италия, Словения, Хорватия и Венгрия), которые, по всей видимости, близки к созданию новой региональной группировки, приняли резкое заяв-

¹⁰⁵ Сергеев Ю. НАТО в югославского избирателя // Российские вести. М., 2000. – 27.09. – №38–39.

¹⁰⁶ Замятина Т., Калинин Н. Президентские выборы раскололи общество // Компас. Вестник иностранной информации ИТАР-ТАСС. – 2000. – 05.10. – №41.

ление с предупреждением Милошевичу о недопустимости недемократичных методов в ходе избирательной кампании¹⁰⁷.

Еще более показателен демарш, предпринятый Евросоюзом, который обратился к сербскому народу с призывом проголосовать против Милошевича. Разумеется, Евросоюз вправе иметь свое мнение в отношении кандидатов в президенты одной из наиболее проблемных стран Европы, как и отдавать предпочтение тому или иному претенденту. Но в случае если избиратели Югославии проголосуют «правильно», то есть против Милошевича, Евросоюз пообещал отменить санкции против СРЮ и выделить в ближайшие семь лет в качестве помощи Югославии 2,7 млрд. евро¹⁰⁸. Это сразу же придало в общем-то понятной позиции Евросоюза привкус заурядной рыночной сделки. Более того, подобный подход очень смахивает на тривиальный шантаж избирателей Сербии. Тем более что сегодня Сербия находится в крайне тяжелом положении: безработица составляет 50%, инфляция – 70%, 10% населения нуждаются в продовольственной помощи¹⁰⁹.

Но если соратники НАТО ограничились политической и денежной поддержкой оппозиции и обещанием финансовых вливаний в экономику страны, то сам блок пошел намного дальше. В ходе предвыборной кампании эта организация, претендующая на роль главного защитника демократии, использовала методы, которые намного превосходили недемократические методы, в которых – и не без оснований – обвинялся Милошевич и его сторонники. Тактика, используемая НАТО в предвыборной кампании в Югославии, наглядно показала истинную суть разглагольствований ее лидеров о приверженности альянса принципам демократии, о праве избирателей на свободное волеизъявление и необходимости его уважения, о «выборе, ведущем к демократическим переменам» и т.п. Не говоря уже о целенаправленной масштабированной психологической обработке населения страны, США и НАТО активно использовали свой наиболее весомый и универсальный аргумент – угрозу применения силы и военное

¹⁰⁷ Сергеев Ю. НАТО в югославского избирателя // Российские вести. М., 2000. – 27.09. – №38–39.

¹⁰⁸ Панков Ю. Запад хочет купить Сербию // Красная звезда. – М., 2000. – 22.09. – №179.

¹⁰⁹ Гедмин Дж. Сербам надо покаяться. // Ведомости. – М., 2001. – 03.04. – №058.

давление. Благо НАТО сосредоточила на Балканах внушительный военный потенциал. Его общая численность, по сообщениям СМИ, составляет около 180 тыс. человек (80 тыс. – в Албании, 50 тыс. – в Косово, 30 тыс. – в Боснии и Герцеговине, 20 тыс. – в Македонии)¹¹⁰. Основу этих сил составляют американские части. При этом, как заявил президент США Дж. Буш, который 24 июля 2001 г. посетил американский воинский контингент в Косово, США отнюдь не намерены сокращать его численность в ближайшем будущем. Тем самым президент США окончательно дезавуировал заявление своего советника по национальной безопасности Кондолизы Райс о том, что США могут сократить свое военное присутствие на Балканах, сделанное ею в конце 2000 года¹¹¹.

Накануне выборов президента СРЮ была усилена военноморская группировка НАТО вблизи берегов Югославии, а в соседних с Югославией странах вооруженные силы были приведены в повышенную готовность. В регионе и возле его границ накануне выборов практически непрерывно проводились военные маневры альянса. В это же время появились сообщения, что корабли ВМС НАТО, включая самолетонесущие корабли и вертолетоносцы, начали прибывать в порт Дубровник для участия в совместных с Хорватией маневрах в Адриатическом море¹¹². Последовал ряд жестких заявлений со стороны некоторых высокопоставленных натовских военных, вплоть до угрозы наземного вторжения в страну в случае победы Милошевича, если НАТО посчитает, что выборы проведены с нарушениями.

В частности, накануне выборов командующий ВВС США в Европе генерал Грегори Мартин заявил, что НАТО не исключает возможности проведения военной наземной операции против Югославии «в случае применения Белградом силы против Черногории»¹¹³, руководство которой под давлением Запада бойкотиро-

¹¹⁰ Сергеев Ю. НАТО в югославского избирателя // Российские вести. – М., 2000. – 27.09. – №38–39.

¹¹¹ Borger J. Interventionist approach will be the first casualty of new regime // The Guardian – London, 2000. – December 14.

¹¹² Петров Г. США – Югославия. Возможны варианты // Иностранец. – 2000. – 26.09. – №137.

¹¹³ НАТО готова вступить за Черногорию // Время МН. – М., 2000. – 14.09. – №151.

вало выборы президента СРЮ. Командующий войсками НАТО в Европе во времена войны блока в Югославии американский генерал Уэсли Кларк, выступая на конференции в Праге, посвященной проблеме Балкан (конференция проводилась незадолго до выборов в Югославии), предупредил Милошевича, что на его месте готовился бы к иностранной интервенции¹¹⁴.

МИД России вынужден был сделать по этому поводу заявление, в котором подчеркивалось, что «особое беспокойство вызывает тот факт, что в НАТО уже отработаны несколько вариантов возможных действий против Югославии», включая и вариант, предусматривающий переброску в Сербию сухопутных войск альянса¹¹⁵.

О серьезности намерений в отношении военного вмешательства свидетельствует, в частности, выступление Б.Клинтона с заявлением, в котором он пообещал, что военного вмешательства в события в Югославии в связи с выборами президента страны не будет. Но это заявление он сделал в начале октября, когда победа претендента от оппозиции Воислава Коштуницы уже никаких сомнений не вызывала.

Дело не только в весомости подобных предвыборных финансовых и военно-силовых «аргументов» США и НАТО для Югославии и их вкладе в победу Коштуницы. И, конечно, не в одиозной личности Милошевича, как бы ни пытались подавать это представители НАТО. Открытым, более того – нарочито демонстративным вмешательством во внутренние дела суверенного государства и угрозой силой (а кого бояться?), попранием одного из фундаментальных принципов хельсинкского Заключительного акта и ОБСЕ Североатлантический альянс недвусмысленно дал понять, что готов и в других районах контролируемой им зоны поддерживать не только политически и финансово, но и силой своей военной мощи угодных блоку кандидатов на высшие государственные посты. Разумеется, подобные акции осуществлялись и будут осуществляться под лозунгами «защиты демократии», «обеспечения свободного волеизъявления народа», предупреждения правящих

¹¹⁴ Иваницкий А. В воскресенье в Югославии пройдут выборы // Новые Известия. – М., 2000. – 23.09. – №175.

¹¹⁵ Ведомости. – М., 2000. – 15.09. – №170.

режимов от применения ими «недемократических» (по меркам блока) методов и т.п.

Надо признать, альянс избрал довольно эффективный метод решения кадровых вопросов в выгодном для себя направлении. И если Хельсинкский процесс полностью исключал применение силы или угрозы силой даже для решения межгосударственных проблем, не говоря уже о внутренних, то для «вашингтонского процесса» подобные финансовые «аргументы» и силовые действия становятся нормой – в том числе в рамках избирательных кампаний в странах, представляющих интерес для альянса. Своеобразный пиаровский прием «по-натовски» – с одной стороны, и профилактическое средство для чересчур строптивых – с другой!

И вот свежий пример, демонстрирующий дальнейшее развитие тактики альянса в отношении избирательных кампаний в независимых государствах. Официальный представитель НАТО Джеми Шеа, выступая перед членами Кембриджского клуба в Лондоне в ноябре 2000 года, не только поставил в прямую заслугу НАТО поражение Милошевича на выборах в Югославии и победу там демократической оппозиции, которой страны блока оказывали помощь и поддержку, но и сделал весьма показательное и откровенное заявление в отношении предстоящих в сентябре 2001 года президентских выборов в Белоруссии: «Я думаю, что следующей страной в Европе, где НАТО должно применить подобную тактику, будет Белоруссия. Мы должны оказать финансовую поддержку на выборах демократической оппозиции режиму Лукашенко»¹¹⁶. И тут впору задаться вопросом – а что будет, если западные деньги не приведут в Белоруссии к желаемому для альянса результату? Ведь тратить огромные средства, не получая дивидендов, альянс не привык.

Ставка на поддержку собственных кандидатур на высшие государственные должности в государствах евроатлантической зоны, особенно тех, руководство которых не следует беспрекословно в фарватере натовской политики, – еще одно доказательство пренебрежительного отношения Запада к принципам Хельсин-

¹¹⁶ Кара-Мурза В. Лукашенко уйдет демократическим путем // Коммерсантъ. – М., 2000. – 21.11. – №218.

ки. В частности, к принципу «любого невмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений»¹¹⁷. И хотя пока никто из руководителей стран НАТО открыто не назвал хельсинкский Заключительный акт 1975 года рудиментом «холодной войны» (как это провозглашено Соединенными Штатами, например, в отношении Договора по ПРО 1972 года), однако фактически многие, если не все, принципы Хельсинкского процесса ими так или иначе нарушаются.

Это подмечено, в частности, директором Стокгольмского института стратегических исследований Адамом Д. Ротфельдом, который в интервью одной из российских газет отметил, что мир входит в новый этап, важной особенностью которого является то, что многие решения нередко принимаются, «невзирая на сложившуюся ранее структуру соответствующих договоренностей»¹¹⁸.

Второе, далеко не однозначное событие, – арест бывшего президента Югославии Слободана Милошевича и выдача его Международному трибуналу в Гааге.

Газета «The Guardian» (Великобритания) в статье под заголовком «Милошевича должны судить не в Гааге» пишет: «Способ, которым бывший президент Югославии Слободан Милошевич был привлечен к международному суду в Гааге, не может не вызывать тревогу у любого, кто хотел бы верить в существование вызывающей доверие и непредвзятой международной правовой системы»¹¹⁹.

Это скандальное событие (Милошевич был, по существу, продан правительством Сербии за 1,3 млрд. долл., которые были обещаны Западом в виде помощи за восстановление ими же разбомбленной экономики страны – т.н. «дивиденды демократии», как выразился канцлер ФРГ Герхард Шредер) расценивается большинством аналитиков как политическая игра, которую ведут Соеди-

¹¹⁷ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинки, 1.08.1975.

¹¹⁸ Интервью директора СИПРИ Адама Д. Ротфельда // Независимая газета. – М., 2001. – 05.06. – №099.

¹¹⁹ Hague is not the place to try Milisevic // The Guardian (www.inosmi.ru, 2.08.2001).

ненные Штаты, в которой они преследуют главным образом собственные цели и, в значительно меньшей степени, стремятся добиться наказания Милошевича за нарушение международного гуманитарного права.

Что касается роли Международного трибунала, то истинная роль его в этом деле выражена в словах Чарльза Краутхэммера в журнале «Тайм» (США): «Депортация Милошевича является свидетельством не силы международного правосудия, но могущества США». А процитированная выше статья в газете The Gardian носит недвусмысленный подзаголовок: «Трибунал по военным преступлениям является, по сути, юридическим инструментом НАТО на Балканах». К этому надо добавить, что почти вся информация по обвинению Милошевича в военных преступлениях, коррупции и т.д. будет предоставляться спецслужбами США.

Цели, которых добиваются США «делом Милошевича», достаточно прозрачны:

– создать международный прецедент, который должен стать устрашающим примером для «строптивых» лидеров других стран, послужить своего рода профилактической мерой, надежным лекарством от расширяющейся «инфекции антиамериканизма»;

– навсегда убрать Милошевича с балканской политической сцены. Нельзя забывать, что Милошевич до сих пор пользуется поддержкой значительной части населения – даже на последних президентских выборах, накануне которых из-за событий вокруг Косово он растерял многих своих почитателей, за него проголосовали, по различным оценкам, от 30 до 40% населения. К тому же сильнейший удар будет нанесен и по возглавляемой Милошевичем Социалистической (бывшей Коммунистической) партии Сербии;

– нанести ощутимый удар по национальному самосознанию сербов – наиболее «непокорной» нации Балкан и, как считают США и их союзники по НАТО, – главному, если не единственному виновнику практически всех вооруженных конфликтов на Балканах последних лет. Все же «продать» своего президента за 1,2 млрд. долларов – сделка, мягко говоря, довольно необычная, особенно если вспомнить, что деньги будут даны на восстановление страны, разрушенной именно «покупателями» Милошевича. Эта сделка долго не забудется и, думается, еще даст о себе знать;

– осуждение Милошевича может также послужить весомым аргументом против Альберта Гора в избирательной кампании президента США 2004 года. Ведь Милошевич не один год имел дело с прежней администрацией Клинтона – Гора, он их партнер по переговорам в Дейтоне в 1995 году.

Здесь не идет речь о том, чтобы оправдывать или осуждать Милошевича. Это дело национального правосудия. Если Милошевич виновен перед своим народом, то и судить его должен народ, а не «политические назначенцы тех самых стран, которые осуществили нападение на Югославию»¹²⁰. Но даже если бы международный суд над Милошевичем и не был явной политической игрой США, а преследовал действительно благородные и гуманные цели, то достичь таких целей весьма сомнительными, мягко говоря, методами в любом случае невозможно. Сам президент СРЮ Воислав Коштуница оценил выдачу С.Милошевича Гаагскому трибуналу как серьезное нарушение конституционного порядка в стране. В его заявлении, распространенном сразу же после выдачи Милошевича, говорилось: «В дополнение к бедам, которые оставили в наследство как прежний режим, так и те, кто держал нас вместе с этим режимом в изоляции долгие годы, а затем и под бомбами, мы имеем сейчас дело с проблемой, которую создали своими непродуманными действиями. Не могу рассматривать выдачу бывшего президента СРЮ Гаагскому трибуналу законной и конституционной». Назвав этот акт «унизительным и поспешным шагом», он признал необходимость сотрудничества с Гаагским трибуналом, но подчеркнул при этом, что оно не может сводиться только к выдаче обвиняемых, без защиты граждан, а в конечном итоге работать против интересов государства¹²¹.

Премьер-министр Сербии Зоран Джинджич, кабинет которого принимал решение о выдаче Милошевича, аргументировал свое решение тем, что 29 июня в Брюсселе открывается международная донорская конференция для Югославии, и если бы Слободан Милошевич не был выдан Международному трибуналу, то страна не получила бы обещанные кредиты и помощь, не были

¹²⁰ Hague is not the place to try Milosevic //The Guardian (www.inosmi.ru, 2.08.2001).

¹²¹ Ястребов Я. Новый виток кризиса на Балканах //Красная звезда. – М., 2001. – 30.06. – №118.

бы списаны внешние долги, возникла бы опасность нового витка международной изоляции страны.

29 июня конференция стран-доноров в Брюсселе решила выделить для страны, «расставшейся со своим прошлым», 530 млн. евро, 230 млн. из которых станут безвозмездной помощью. Кроме того, помочь Югославии собирается и Всемирный банк, эта помощь составит 580 млн.долл.

IV

Несмотря на то, что новый президент Югославии Воислав Коштуница, как признают многие западные представители, ориентирован как политик больше в национальную сторону (в западных СМИ его называют «мягким националистом») и намерен продолжать защиту сербских интересов, хотя и другими методами, чем это делал Слободан Милошевич, для лидеров Запада он более приемлемый президент, по крайней мере, на нынешнем переходном этапе. К тому же немаловажно, что, по словам одного из известных политологов Черногории, профессора Милана Поповича, «Милошевич словно создан для того, чтобы на его фоне любой кандидат выглядел демократом»¹²².

Но главный побудительный мотив, обеспечивший Коштунице поддержку Запада, заключается в том, что в Югославии после натовской агрессии 1999 года вряд ли смог бы добиться успеха претендент на президентское кресло, ориентированный строго на Запад, готовый выполнить все его требования. Уж слишком велико в этой стране недоверие к НАТО. Нынешний президент страны Коштуница в период своей предвыборной кампании постоянно высказывался в том духе, что, хотя у Сербии в отношениях с Западом и нет иного пути, кроме сотрудничества, но народ Сербии никогда не забудет агрессии НАТО. А натовские бомбардировки он открыто называл преступными¹²³.

¹²² Дубнов В. Человек из шинели Милошевича // Новое время. – М., 2000. – 17.09. – №37.

¹²³ Петровский Ю. Сербия и Черногория ценнее любого политического руководства // Время МН. – М., 2000. – 16.09. – №153.

Каким курсом направляется Югославия, ведомая Западом, добившимся свержения режима Милошевича? Думается, что страну ведут отнюдь не к восстановлению ее реальной территориальной целостности, подъему подорванной многолетней блокадой и окончательно добитой бомбардировками экономики, не к возвращению Косово в состав Сербии, а сербских беженцев – в места их постоянного проживания, а к дальнейшей фрагментации страны. Причем дело может не ограничиться только Черногорией. Существуют большие проблемы и в других частях страны – Воеводине, Санджаке. Тем не менее Запад позволил Югославии восстановить свое полноправное членство в ООН, ОБСЕ, других международных организациях. Здесь сыграло роль и то, что новый премьер-министр Сербии Зоран Джинджич ориентирован на Запад (его даже называют самым прозападным политиком Сербии) и с самого начала подтвердил свое намерение тесно сотрудничать с ним. Он даже пошел на такой непростой для нынешней Сербии шаг, как принятие решения о выдаче бывшего президента СРЮ Милошевича Международному трибуналу в Гааге, нарушив при этом все возможные законные рамки¹²⁴.

И тем не менее становится все более очевидным, что политика, проводимая новым руководством СРЮ, далеко не во всем устраивает Запад. Первыми признаками этого можно считать появление ряда критических публикаций в западных СМИ. Тон публикаций, касающихся смены политического режима в Югославии, заметно меняется, все больше переходя от эйфористического к критическому и алармистскому. Это, конечно, отражает общий настрой политического руководства ведущих стран Запада – лидеров НАТО.

Показателен в этом отношении вывод, который делает, например, Виктор Майер. Он заявляет, в частности, что после смены власти в Белграде не только остались и даже обострились старые проблемы, но к ним прибавились и новые, причем, по его мнению, «западная политика однозначно действовала здесь как катализатор»¹²⁵.

¹²⁴ См., например: Гуськова Е. Сербия останется при разбитом корыте // *Время МН*. – М., 2001. – 30.06. – №11.

¹²⁵ Майер В. Испытание для Балкан // *International Politics*. – 2001. – March. – №3.

Предупреждения для политиков и критические послышки аналитиков из западных стран сводятся к следующему.

Первое. Переоценка руководством западных стран итогов победы оппозиционных сил в Югославии привела к оживлению сербского сепаратизма в других странах Балкан.

В частности, тот же Майер считает, что именно Республика Сербская (РС) – одно из двух государственных образований в составе Боснии и Герцеговины – является наиболее наглядным примером новой расстановки сил на Балканах и новых проблем, возникших в связи с недальновидной, по его мнению, политикой Запада после установления в СРЮ нового политического режима. Курс на сотрудничество с Сараево руководители Республики Сербской резко сменили, переориентировавшись в сторону Белграда. В республике произошло заметное усиление националистических сил, одержавших убедительную победу на последних выборах. Да и президент Югославии Коштуница в ряде своих публичных выступлений дал понять, что не прочь рассматривать Республику Сербскую как своего рода предполье Сербии.

Активизация националистических сил в РС и их консолидация с Сербией, как считают на Западе, помимо прочих угроз, вновь создают серьезную угрозу безопасности Хорватии со стороны Сербии.

Аналогичные процессы усилились и в хорватской общине БиГ. В начале марта 2001 года Хорватский народный собор в Боснии и Герцеговине провозгласил хорватское самоуправление, собственное правительство и даже армию, что было расценено в ООН, ОБСЕ и ЕС как попытка создания третьего субъекта БиГ.

Второе. Даже при новом руководстве СРЮ резолюция СБ ООН №1244 – по крайней мере в той ее части, где Косово признается неотъемлемой частью Югославии – невыполнима. В нынешних условиях невозможно даже обсуждение статуса Косово. Западные политики, не видя выхода из этого тупика, не только не иницируют, но даже тормозят этот процесс. Поэтому в Косово до сих пор не налажена мирная жизнь: отсутствует правовая система, более или менее действенные правоохранительные органы, способные бороться с разросшейся здесь преступностью и коррупцией; не работают крупные предприятия, которые в результате событий последних лет потеряли собственников и до

сих пор не восстановили свой статус. В крае отсутствует финансовая система, представительные политические органы и т.д. Нельзя проводить и выборы в местный парламент, ибо албанское большинство, которое, несомненно, одержит победу на них, сразу же выдвинет требование о независимости. Соответственно в обстановке нестабильности и непредсказуемости о притоке инвестиций в край нечего и думать. Свой вклад вносит и Македония, которая задерживает транспорт, следующий в Косово, тем самым усугубляя тяжелую ситуацию в Косово.

В итоге всего этого страдают прежде всего косовские албанцы, считает Майер. О сербском населении, изгнанном из этого края, он предпочитает не говорить. При этом следуют обвинения западных руководителей в недальновидности, в их отрыве от реальности. А реальность якобы такова, что албанцы никогда не согласятся вновь вернуться под власть Белграда. Предлагается и выход – объявить Косово областью, самостоятельной в правовом и экономическом отношении, то есть фактически предоставить ей независимость.

Что касается т.н. «паналбанизма», то это химера, раздутая чуть ли не недоброжелателями албанцев.

Третье. В конце января 2000 года на юге Сербии, в районе Прешево, Медведжа и Буяноваца, где проживает в подавляющем большинстве албанское население, начались столкновения вооруженных отрядов так называемой Армии освобождения Прешево, Медведжа и Буяноваца (АОПМБ) с подразделениями сербской полиции. Большинство албанцев – бывшие боевики Армии освобождения Косова, что не особенно и скрывалось ими. Появились первые убитые. Уже в начале марта 2001 года сотрудники ООН сообщили о резко возросшем потоке беженцев-албанцев с юга Сербии в Косово. Подобный сценарий разыгрывался свое время в Косово, он же применен албанцами и стоящими за ними силами и в Македонии. Это давало повод лидерам албанцев обратиться к международному сообществу за помощью и обвинить новое руководство Югославии в том, что оно продолжает политику геноцида в отношении албанского населения. Но истинную цель албанцев высказал лидер косовских албанцев Хашим Тачи – «освободить от угнетателей» Прешевскую долину в Южной Сербии и район Тетово, Куманово на севере Македо-

нии¹²⁶. И тем не менее некоторыми западными СМИ проводилась такая мысль: не преувеличены ли беспорядки на юге Сербии Белградом умышленно, с целью выставить в глазах мирового сообщества албанцев в неприглядном свете и показать свою выдержанность и приверженность взятым обязательствам по демилитаризации буферной зоны? Призыв Хавьера Соланы к экстремистам из АОПМБ в феврале 2001 года во время визита в Белград сложить оружие вызвал у них осуждение: они считают, что Солане надо было прежде всего получить гарантии от сербов по защите национальных меньшинств и предоставлении им мест в органах управления.

Но даже западным приверженцам албанских экстремистов было ясно, что обвинения Сербии в провокационном подходе к событиям на юге страны шиты белыми нитками, что малочисленные отряды сербской полиции, вооруженные лишь автоматами, просто не в состоянии были контролировать ситуацию и противостоять хорошо вооруженным (в том числе минометами, зенитными орудиями) отрядам АОПМБ. Поэтому эта акция албанских экстремистов успеха не имела. Пока.

Четвертое. Западных политиков обвиняют в том, что после смены режима в Белграде они якобы изменили отношение к Черногории. Если раньше-де Запад поддерживал стремление Черногории к самостоятельности и выказывал всяческое благорасположение к ее президенту Мило Джукановичу, то сейчас Черногорию считают своего рода «нарушителем порядка». Это недальновидно, да и невозможно сдержать стремление целого народа к независимости, втиснуть его в жесткие рамки единого государства.

Но дело, конечно, не в том, что Запад удерживает Черногорию в составе единого государства. На последних выборах партия сторонников независимости Джукановича одержала победу, но с незначительным отрывом, его противники получили 35–40% голосов. Поэтому из-за боязни расколоть страну и подвести ее к гражданской войне Джукановичу пришлось отложить на неопределенное время намеченный на весну 2001 года референдум о выходе Черногории из союзного государства. Но как только база для

¹²⁶ Глебова Е. Весеннее обострение войны // Общая газета. – М., 2001. – 15.03. – №011.

референдума будет подготовлена и заинтересованные в разделе Югославии силы будут убеждены, что большинство населения поддерживает идею независимости, этот вопрос будет немедленно решен, и СРЮ прекратит существование.

Наконец, настойчиво проводится мысль, что интересам Запада не может отвечать то, что Югославия, занимая выгодное географическое расположение на Балканах – от Адриатики до Дуная, перекрывает все коммуникации, идущие с севера на юг. Решение проблемы сторонники ужесточения югославской политики Запада видят в расчленении СРЮ и создании независимого албанского государственного образования, включающего Косово, север Македонии, юг Сербии и районы Черногории с компактным проживанием албанцев.

V

Ярким подтверждением кризиса политики Запада на Балканах, применяемых лидерами Североатлантического альянса двойных стандартов по отношению к вовлеченным в конфликты сторонам, стала Македония. Эта страна, подвергшаяся спровоцированному нападению албанских экстремистов в начале 2001 года, сегодня по существу поставлена на грань распада, хотя гражданскую войну в стране совместными усилиями международных организаций удалось пока перевести из острой фазы в тлеющий режим.

Здесь уместно напомнить, что одной из декларируемых НАТО целей войны против Югославии ставилось не допустить распространения военных действий, виновницей которых выступала Сербия, на другие районы Балкан. Но, как показали события в Македонии, война все-таки вышла за пределы Югославии, причем ее зачинщиками явились отнюдь не сербы, а как раз защищаемые НАТО албанские экстремисты.

Западные страны в этих условиях в качестве кардинальной меры урегулирования начинают, похоже, рассматривать раздел территории страны, хотя на словах декларируется приверженность ее единству и территориальной целостности.

В частности, все чаще пробрасываются мысли о возможном обмене территориями как едва ли не единственном действенном

способе покончить с конфликтами и установить мир на Балканах. По этим планам Македония могла бы отдать часть западных территорий, граничащих с Албанией, а взамен получить часть территории Болгарии (зону Перин) и Греции (т.н. «македонскую Эгею») с компактным проживанием македонцев.

Появились сообщения о том, что в Вашингтоне была проведена закрытая конференция по проблеме пересмотра границ на Балканах¹²⁷, в которой приняли участие бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, а также представители Албании, Греции, Болгарии, Румынии и Сербии. В белградской печати опубликована информация о планируемой в мае 2002 года в Берлине международной конференции по переделу границ на Балканах.

На семинаре в Международном институте стратегических исследований Дэвид Оуэн, бывший представитель ООН в БиГ в начале 1990-х годов, призвал перекроить карту Балкан, чтобы создать там «наиболее жизнеспособные государства, включая независимое Косово», к которому присоединить населенные албанцами районы Сербии, Македонии, Черногории¹²⁸.

Все это говорит о том, что схемы изменения границ на Балканах уже разрабатываются и обсуждаются на Западе, т.е., используя ставшим крылатым выражение известного российского политика, «процесс пошел», причем довольно интенсивно.

И если неприязнь НАТО к Югославии, которая пыталась проводить независимую от Вашингтона и Брюсселя политику и закрепить свою ключевую роль на Балканах, еще можно как-то объяснить, то отношение альянса к Македонии понять значительно труднее, – если, конечно, НАТО всерьез преследует цели установления мира и стабильности в этой стране, сохранения ее территориальной целостности. Ведь именно Македония одна из первых поддержала вооруженную агрессию НАТО против Югославии – и не просто поддержала, а предоставила в полное распоряжение альянса свое воздушное пространство для осуществления воздушной операции и свою территорию в качестве плацдарма для под-

¹²⁷ Полунин А. Как поделить Балканы // Парламентская газета. – М., 2001. – 19.07. – №133.

¹²⁸ Фокина К. В Македонии продолжаются бои // Независимая газета. – М., 2001. – 16.03. – №46.

готовки наземного вторжения в Югославию. Именно на эту страну легла основная тяжесть по приему и обустройству албанских беженцев из Косово, многие из которых (по оценкам, 60–80 тыс. человек¹²⁹) остались на территории страны. Некоторые из них почти наверняка принимают участие в боевых действиях на стороне албанских сепаратистов.

Справедливости ради надо сказать, что международные организации – ООН, Евросоюз, ОБСЕ, НАТО – осудили действия албанских сепаратистов в Македонии. Официальный представитель государственного департамента США Ричард Бауэр заявил, что Соединенные Штаты осуждают насилие, учиненное этническими албанцами в Македонии. «Они не представляют, с нашей точки зрения, большинство этнических албанцев – граждан Македонии, – отметил он. – Мы полностью поддерживаем территориальную целостность Македонии, легитимные попытки правительства этой страны защитить верховенство закона»¹³⁰.

Генсек Евросоюза Хавьер Солана также считает, что действия албанских экстремистов в Македонии наносят серьезный ущерб – нет, не Македонии! – «образу и интересам этнических албанцев во всей Юго-Восточной Европе». Очевидно, для этого высокопоставленного представителя Евросоюза имидж албанцев – зачинщиков конфликта – важнее, чем ущерб, наносимый их действиями Македонии, да и всем Балканам.

Странной в этой ситуации выглядит и роль главного «миротворца» на Балканах – Соединенных Штатов.

По сообщениям западной и российской прессы, в отрядах албанских сепаратистов действуют американские инструкторы¹³¹. Так, 17 американцев находились среди 400 мятежников, выведенных под охраной НАТО из окруженного македонскими войсками г. Арачиново¹³². Отряды оснащены новейшим американским во-

¹²⁹ Куранов А. Где «якобы», там и рвется // Независимая газета. – М., 2001. – 26.07. – №135.

¹³⁰ Иванов Д. Балканский пожар // Труд. – М., 2001. – 21.03. – №52.

¹³¹ Куранов А. НАТО направляет миротворцев на Балканы // Независимая газета. – М., 2001. – 22.06. – №111; В рядах экстремистов воюют американцы // Независимая газета. – М., 2001. – 05.07. – №120.

¹³² Григорьев Е. Македонская дилемма // Независимая газета. – М., 2001. – 09.08. – №145.

оружием, в т.ч. приборами ночного видения третьего поколения. С помощью тех же американцев была хорошо налажена поставка конфиденциальной информации о состоянии и планах македонской армии. В конце июня 2001 года был отправлен в отставку начальник штаба македонской армии Йован Андревский, который поставлял такую информацию американской организации MPRI (Military Professional Resources Inc.), а через нее информация тут же попадала к албанским мятежникам. Сотрудники MPRI, по сообщениям западной прессы, – вышедшие в отставку офицеры американской армии, тесно связанные с Пентагоном и правительственными чиновниками США и выполняющие их «деликатные задачи». С деятельностью этой организации связывают, в частности, подготовку и осуществление молниеносной операции хорватской армии против сепаратистской провинции Сербской Краины осенью 1995 года. В результате этой операции около 200 тысяч сербов были изгнаны из родных мест. MPRI, по сообщениям прессы, занималась также формированием ОАК и боевой подготовкой ее отрядов. Следы этой организации проявились и в нынешних конфликтах в Македонии и Южной Сербии.

Конечно, официальные власти США стремятся отмежеваться от албанских сепаратистов. Президент Македонии Б.Трайковский даже поблагодарил американского президента Дж.Буша за принципиальную позицию, занятую по конфликту в Македонии. Но тут же представитель организации «Народное движение за Косово» Э.Хемайли «разъяснил» жесткие заявления Буша в адрес албанских экстремистов, дав понять, что сделаны они с единственной целью – усадить Трайковского за стол переговоров с сепаратистами. Слова Э.Хемайли подтверждаются и тем, что представители в Македонии – от НАТО Питер Фейт и от Евросоюза Франсуа Леотард – настойчиво требовали от Трайковского не уничтожать албанских мятежников, а сесть с ними за стол переговоров. США выразили готовность оказать помощь Македонии, но только не военную. Ясно, что это совершенно определенная общая согласованная линия, выработанная руководством Соединенных Штатов, Североатлантического альянса и Евросоюза.

Небольшой, но характерный штрих: специальный представитель президента США в Косово Джеймс Перджу выразил озабоченность тем, что действия албанцев в районе Тетово (Македо-

ния) в середине марта 2001 года негативно повлияли на отношение его лично к албанцам, которые, оказывается, были «фактором стабильности в регионе»¹³³.

По словам прибывшей с визитом в Москву 26 июля 2001 года советника президента США по национальной безопасности Кондолизы Райс, США этом конфликте занимают нейтральную позицию (жаль, что Македония не догадалась занять такую же позицию во время агрессии НАТО против СРЮ). В чем же смысл американского нейтралитета? Оказывается, в том, чтобы убедить албанскую и македонскую общины заключить политическое соглашение, устраивающее обе стороны¹³⁴. (И опять же – жаль, что в косовском конфликте США пытались «убедить» только Югославию, причем используя в качестве главного «аргумента» ракетно-бомбовые удары.) Но какое же соглашение может удовлетворить албанцев? Они требовали внесения около полутора сотен поправок в конституцию страны (т.е., по сути, ее полного пересмотра), придания албанскому языку статуса государственного, введения для албанца поста вице-президента, который мог бы блокировать все неудобные решения македонских властей, соответствующего представительства во всех органах власти, подчинения полицейских сил местным властям. По существу, речь идет о федеративном устройстве Македонии, даже о ее «мягком» разделе. И от этих требований албанцы, составляющие от 25 до 30% населения страны, не намерены отказываться, особенно чувствуя за спиной могучую политическую и иную поддержку «нейтральных» США и НАТО, вооруженную поддержку косовских албанцев.

Ясно, что эти переговоры (очередной их этап начался 30 июля 2001 года) ведутся уже апробированным методом «выкручивания рук» македонским руководителям. О многом говорит, например, тот факт, что прибывшие в Скопье 26 июля 2001 года генсек НАТО Дж. Робертсон, генсек Евросоюза по вопросам общей политики и безопасности Хавьер Солана и действующий председатель ОБСЕ Мирча Джоана встретились только с президентом страны Трайковским и отказались от встречи с премьер-минист-

¹³³ Фокина К. В Македонии продолжаются бои // Независимая газета. – М., 2001. – 16.03. – №46.

¹³⁴ Тропкина О., Родин И. Чего ждать от Кондолизы Райс?. // Независимая газета. – М., 2001. – 27.07. – №136.

ром страны Георгиевским, который занимает жесткую позицию в отношении экстремистов и к тому же допустил ряд резких антизападных высказываний по поводу пассивности в оказании помощи Македонии в ее борьбе с экстремистами.

Последующие события подтвердили, что миротворческие усилия натовских эмиссаров оказались недейственными. Об успешном завершении переговоров их «кураторы» из НАТО поспешили объявить 8 августа. Но уже на другой день в результате террористического акта, приведшего к гибели македонских военнослужащих, обстановка в стране вновь накалилась до предела. Возобновились боевые действия в районе города Тетово и населенного пункта Радуш, находящегося всего в 30 км от Скопье. Македонская армия впервые с начала конфликта применила штурмовики Су-25 для нанесения ударов по позициям албанских сепаратистов. Даже западные участники переговоров вынуждены были признать, что в сложившейся обстановке примирение стало практически невозможным.

И тем не менее 13 августа 2001 года в столице Македонии Скопье в присутствии высокопоставленных руководителей НАТО и ЕС – Дж.Робертсона и Х.Соланы состоялось «торжественное заключение мира» и подписание мирного соглашения. Вслед за этим под грохот продолжающихся вооруженных стычек в страну начали прибывать первые воинские контингенты НАТО для сбора оружия, которое должны добровольно сдать албанские вооруженные отряды.

В результате переговоров албанцы добились внесения изменений в конституцию Македонии и ряда других выгод для себя. В частности, признания албанского языка государственным в районах, где не менее 20% населения составляют албанцы, пропорционального формирования полицейских сил.

Многие обозреватели высказывают мнение, что до установления подлинного мира в стране, особенно после вооруженных столкновений, многочисленных жертв с обеих сторон, насильственного выселения мирных жителей, еще далеко. Сепаратистские тенденции заключением мирного соглашения отнюдь не пресечены. Ясно, что одно только формирование правоохранительных органов по национальному признаку – это уже первый шаг к разделению страны. А главное – не пресечены каналы под

питки сепаратистов даже со стороны Косово, не говоря уже со стороны других внешних сил, ратующих за предоставление полной независимости районам Македонии с преобладанием албанского населения, т.е. за раздел страны.

США и НАТО не останавливает тот факт, что за последние месяцы они потеряли всякую веру в них македонцев, что выразилось, в частности, в стихийном погроме в столице Македонии Скопье посольств США, Великобритании и Германии, представительства ОБСЕ. Соединенные Штаты вынуждены были эвакуировать из страны семьи своих дипломатов.

Особое недоверие и раздражение вызывают у македонцев действия НАТО. Под защитой натовских солдат были выведены на территорию Косово вооруженные албанские экстремисты, захватившие ряд населенных пунктов на территории Македонии. Как оказалось, ненадолго. Спустя несколько дней вновь возникли вооруженные столкновения в районе Тетово. В то время как беженцы из района Тетово и жители Скопье требовали от правительства страны принятия самых решительных мер для разгрома и уничтожения сепаратистов, личный представитель генсека НАТО в регионе Питер Фейт встретился в Косово с лидером т.н. Освободительной национальной армии (ОНА) Али Ахмети и буквально заставил того подписать обязательство об отводе албанских боевиков от захваченных ими районов Тетово и сел в этом районе, снятии самовольно построенных блок-постов, разминировании территории, разблокировании дорог¹³⁵. После этого он заявил, что беженцы из Тетово могут спокойно вернуться домой, их безопасность гарантируется... Евросоюзом и ОБСЕ. Правда, по свидетельству прессы, город довольно сильно разрушен.

Что касается НАТО, то она выразила готовность ввести свой контингент численностью 3500 человек в страну (подразделения Великобритании, Германии, Франции, Греции), но только при получении твердых гарантий безопасности своих военнослужащих, полном прекращении огня обеими сторонами и лишь для того, чтобы принять (!) оружие у албанских боевиков. Однако мало кто верит в добровольную сдачу оружия албанскими вооружен-

¹³⁵ Иванов А. Косовары обещают отступить. // Независимая газета. – М., 2001. – 27.07. – №136.

ными формированиями. Этому контингенту уготована, скорее всего, роль «сборщика оружейного металлолома». Даже у ближайших союзников США по Североатлантическому альянсу нарастают сомнения в целесообразности ввода в страну своих войск и страх перед возможностью быть втянутыми, помимо своей воли, в очередную военную авантюру. Так, депутат бундестага от ХДС Вилли Виммер считает, что США, по всей вероятности, «поддерживают возникновение благоприятно относящейся к ним «Великой Албании» из стратегических соображений»¹³⁶.

Все эти события свидетельствуют о нарастающем кризисе политики США и НАТО в Македонии, да и в целом на Балканах. Политики, направленной, в частности, на поддержку албанских сепаратистов и мятежников, на создание на Балканах уже третьего натовского протектората и имеющей конечной целью, по-видимому, образование нового квазигосударства, полностью управляемого «форпоста» США на Балканах. Как справедливо отмечают некоторые обозреватели, ввод в Македонию воинских контингентов НАТО, по существу, делит страну на две части и является еще одним шагом на пути ее дезинтеграции. Генсек НАТО Дж. Робертсон был вынужден даже выступить с заявлением, в котором пытался убедить общественное мнение, что НАТО не будет соучастницей разделения Македонии по этническим линиям.

В заявлении МИД России от 16 марта 2001 года, сделанном еще по поводу мартовских событий вокруг Тетово, эти события расценены как «целенаправленная и продуманная тактика албанских экстремистов, стремящихся с помощью нагнетания напряженности, террора и все более широких боевых действий, подпитываемых политическим радикализмом, добиться своих националистических целей». И активность сепаратистов понятна – ведь их главная цель заключается отнюдь не в том, чтобы добиться больших прав для македонских албанцев (которые и без того были отнюдь не ущемленным меньшинством). Вооруженными выступлениями в Македонии и Южной Сербии они добиваются прежде всего независимости Косово. Но и получив ее, они на этом не остановятся. Если против албанских экстремистов не бу-

¹³⁶ Григорьев Е. Македонская дилемма // Независимая газета. – М., 2001. – 09.08. – №145.

дуг приняты самые жесткие меры, то рано или поздно, особенно при независимом Косово, конфликты в Македонии, Сербии, Черногории, в районах с компактным проживанием албанцев вновь разгорятся. Речь, конечно же, не идет о каких-то репрессивных мерах против албанского населения. В конце концов, необходимо призвать к ответу их одиозных политических лидеров, полностью разоружить и расформировать т.н. «освободительные армии» и боевые отряды экстремистов, призвать к ответу всех без исключения виновных в расправах с мирным населением, невзирая на их национальную принадлежность.

В целом же конфликт в Македонии не только лишний раз высветил политику двойных стандартов, проводимую западными странами – членами НАТО по отношению к различным сторонам конфликта, но и еще раз показал их пренебрежительное отношение к принципам Хельсинки.

Захват Тетово подтвердил также, что боевики прекрасно вооружены, обучены и организованы. Македонской армии одной с ними не справиться. Обязательства о прекращении огня и отводе отрядов, которое дают под нажимом Запада лидеры албанцев, не выполняются полевыми командирами и главарями вооруженных групп. Прекратить их вылазки против Македонии возможно лишь жесткими силовыми действиями, принудительным разоружением, в том числе – и даже в первую очередь – на территории Косово, откуда и исходит основная угроза. Именно там располагаются штабы, базы подготовки и отдыха боевиков, склады вооружений и других материальных средств. Оттуда налажены маршруты переброски подкреплений, вооружений, боеприпасов. Без разоружения боевиков бессмысленно вести переговоры и с представителями албанской общины Македонии. Ведь только очень наивный человек может поверить, что представители албанского населения действительно настолько самостоятельны и не подвергаются никакому давлению со стороны политических и военных лидеров косоваров и их доверенных лиц среди македонских албанцев. Достаточно задаться вопросом: с чего это вдруг албанцы Македонии, многие годы мирно жившие бок о бок с македонцами в стране, которая еще недавно превозносилась Западом как образец национального согласия, мирно пережившая распад СФРЮ (единственная из всех республик), почувствовали

себя настолько обделенными и обиженными, что взялись за оружие? Ведь даже специальный представитель президента США в Косово Джеймс Перджу признал, что албанцы в Македонии имеют больше прав, чем неалбанское меньшинство в Косово.

Можно задуматься и над другими странностями. Случайно ли вооруженные выступления албанцев в Македонии и Южной Сербии начались практически в одно время, причем почти сразу же после «победы» НАТО над Югославией, а косоваров – над сербами? Почему натовские войска, находящиеся в Косово, не смогли не только разоружить косовских боевиков, но даже перекрыть каналы просачивания их вооруженных отрядов на сопредельные территории?

Официальный представитель МИД России А. Яковенко, говоря о роли НАТО в Македонии и планов участия в «добровольном» разоружении албанских боевиков, подчеркнул: «Весь мир уже убедился, чем обернулась так называемая «демилитаризация» формально распущенной «Освободительной армии Косово». В условиях продолжающегося разгула терроризма и экстремизма в Косово и подпитки с территории края боевиков, действующих в Македонии, вряд ли можно ожидать, что затея с «добровольной сдачей оружия» сама по себе приведет к нормализации обстановки»¹³⁷.

Одним словом, мирное соглашение в Македонии подписано, вооруженный конфликт продолжается...

VI

Балканский кризис наглядно показывает генеральное направление, в котором развивается архитектура европейской безопасности начала XXI века, закладываемые в нее принципы и ее специфические черты. И надо сказать, что направления ее развития, как и другие параметры, существенным образом отличаются от той, так и не реализованной до конца модели безопасности, основы которой были заложены хельсинкским Заключительным актом, разработаны в основополагающих документах ОБСЕ и частично начали даже претворяться в жизнь.

¹³⁷ Ответ официального представителя МИД России на вопрос РИА «Новости» о роли НАТО в Македонии. 23.06.2001 (www.mid.ru)

В конце 1980-х – начале 1990-х годов появился и стал все внятнее заявлять о себе параллельный процесс, характеризующийся доминированием Вашингтона и Брюсселя. Поначалу он был встроен в Хельсинкский процесс, но к сегодняшнему дню едва ли не полностью поглотил его и повернул в нужном для себя направлении.

Можно считать, что с 1999 года – с агрессии НАТО против Югославии и юбилейного Вашингтонского саммита Североатлантического альянса – в истории Европы начался новый, пока еще не получивший названия этап (условно можно назвать его «посткосовским»), пришедший на смену полувековому этапу «холодной войны» и непродолжительному этапу хельсинкского потепления.

Модель безопасности, реализуемая на этом этапе на евроатлантическом (может быть, пора его называть «евроамериканским»?) пространстве, характеризуется следующими основными чертами.

1. *Существенной неравномерностью реальных уровней безопасности государств.* На высшем уровне располагаются Соединенные Штаты, чуть ниже их – страны Западной Европы, «старые» члены НАТО. Балканы занимают в этой иерархии низший уровень безопасности. И не очень похоже, что подобное положение в сфере безопасности в обозримой перспективе изменится к лучшему.

2. *Созданием своеобразных протекторатов НАТО.* На территории бывшей СФРЮ ими стали БиГ, Косово, возможно создание подобного образования и в Македонии.

3. *Наличием «ползучих» разделительных границ, вызванных расширением НАТО в восточном направлении.* Эти границы разделяют евроатлантическое пространство на зоны не только с существенно различными уровнями безопасности, но и резко различающимися совокупностями угроз. Немудрено, что малые государства, оказавшиеся по ту сторону границ, всеми силами стремятся попасть под крыло НАТО.

4. *Кардинальным пересмотром хельсинкских принципов* неприкосновенности суверенитета, территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела или пренебрежением этими принципами.

В частности, государства-лидеры (или считающие себя таковыми) – США и их ближайшие союзники в Западной Европе –

присвоили себе право вмешиваться во внутренние дела суверенных государств по собственному усмотрению, без санкции ООН, что и отражено в новой стратегической концепции альянса. Причем вмешиваться не только в случаях, действительно грозящих гуманитарной катастрофой, что еще можно было бы хоть как-то если не оправдать, то понять. Сегодня они считают себя вправе открыто решать даже кадровые вопросы в высших эшелонах власти суверенных государств – естественно, в выгодном для себя ключе. Например, вмешиваться в избирательный процесс в этих государствах, как это было на выборах в Югославии в 2000 году. Причем Югославия в этом отношении – далеко не единичный (и, похоже, не последний) пример.

5. *Неадекватно широкими масштабами применения военной силы или угрозы силой.* События последних лет, особенно на Балканах, показали, что военная сила альянса применяется уже не для решения чисто оборонительных задач, как это декларировалось еще совсем недавно. Это естественно, так как угроза нападения для НАТО сведена практически к нулю. Значительно расширился и спектр ситуаций, в которых блоком может быть применена военная сила или угроза силой. Например, как было показано выше, на выборах в Югославии осенью 2000 года угроза применения военной силы явилась одним из весомых аргументов в пользу оппозиции, выступающей против Милошевича.

6. *Переделом границ как способом решения проблем безопасности и способом прекращения конфликтов.* По сути говоря, фундаментальный принцип Хельсинки – нерушимость границ, сложившихся в Европе после Второй мировой войны, – был подорван еще в начале 1990-х годов – с исчезновением с карты Европы ряда государств – подписантов Заключительного акта в Хельсинки – ГДР, СФРЮ, Чехословакии, Советского Союза. Одно это создало массу территориальных проблем, которые уже начали сказываться во взаимоотношениях между государствами. А в той модели безопасности, которая создается сегодня в Европе усилиями Североатлантического альянса, передел границ уже фактически используется (пока, правда, в виде намерений) как одно из средств прекращения конфликтов и повышения безопасности. И не только в виде намерений, но уже и на практике – в БиГ, Косово, отторгнутом от Сербии.

Так, если затяжной конфликт на Балканах несет угрозу для «благополучной» части Европы, то, по мнению «натоцентристов», можно разделить враждующие стороны государственными границами. По сути, в новых условиях, в рамках новой модели безопасности в Европе реализуется старое римское правило «разделяй и властвуй».

Таким образом, события на Балканах последнего десятилетия со всей наглядностью показали, чего стоят торжественные обещания, данные в ряде общеевропейских соглашений последнего времени архитекторами новой европейской модели безопасности – Соединенными Штатами и их главными союзниками по Североатлантическому альянсу. А ведь они не только подписывались под этими соглашениями и заложенными в них принципами международного сотрудничества и общеевропейской безопасности, но и выступили инициаторами многих из них.

И прежде всего имеются в виду принципы, заложенные в хельсинкском Заключительном акте 1975 года, которые послужили основой для всех без исключения соглашений в области укрепления общеевропейской безопасности и стабильности, по мерам доверия в военной области, по развитию общеевропейского сотрудничества в экономической, гуманитарной, экологической и других сферах. Именно эти принципы подверглись в ходе балканского кризиса жесткой ревизии со стороны Североатлантического альянса и стали постепенно заменяться принципами, закрепленными в новой стратегической концепции альянса, основная цель которой – строительство натоцентристской модели безопасности, приоритет собственных интересов над интересами других стран, обеспечение беспрекословного собственного могущества во всем Евроатлантическом регионе и безнаказанного вмешательства во внутренние дела других суверенных государств по собственным решениям и едва ли не по любым поводам.

«Вестник аналитики», №4–2001 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ НА ПОРОГЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Идеологи глобализма утверждают сегодня, что глобализация – это объективно обусловленный процесс мирового развития, высший этап существования человеческой цивилизации. Явившись следствием технического прогресса, особенно в сфере информационных технологий и коммуникаций, она позволила, по существу, стереть государственные границы и предоставила неограниченные возможности прежде всего для экономических и финансовых процессов мирового развития. Но, как и следовало ожидать, очень быстро процессы глобализации показали свой комплексный характер, охватив сферу политики, культуру и другие области человеческого бытия, унифицируя социальный уклад и сглаживая национальные особенности стран и народов.

К сожалению, в этих процессах разным государствам мира отводится далеко не равная роль. Для сильнейших глобализация открыла серьезные возможности воздействовать на другие страны, как, впрочем, и на весь ход мировых событий, не прибегая к традиционным силовым методам. Возрастает и роль транснациональных корпораций, особенно тех, которые связаны с энергоресурсами, информационной и коммуникационной сферами. Но странам, в силу объективных причин отставшим в своем развитии от передовых, уготована, похоже, пассивная роль в общемировых политических, экономических и других процессах. Государства-лидеры, стремящиеся утвердить новый мировой порядок, исходят в основном из собственной выгоды и из своего понимания демократических ценностей. Мнения, национальные интересы и особенности других государств зачастую просто игнорируются.

Страны Центральной Азии – бывшие союзные республики, переживающие переходный период и уступающие мировым лидерам в экономическом и технологическом развитии, в этом отношении не являются исключением. Вместе с тем, думается, было бы неправильным относить их лишь к объектам воздействия, которым в процессах глобализации отводится исключительно пассивная роль. Эти страны, вступающие в эпоху глобализации сразу же из эпохи развитого социализма и административно-командной, жестко централизованной системы, предстают тем исключительно сложным регионом мира, в котором наиболее ярко проявляются плюсы и минусы наступающей эпохи, истинные цели стран-лидеров, просчеты и ошибки «капитанов» процессов глобализации и, хочется надеяться, постепенно формируется понимание ими новых угроз XXI века, одной из которых (хотя и далеко не единственной) является международный терроризм.

I. Геополитическая «роза ветров» для Центральной Азии

Глубочайшие геополитические изменения, которые претерпел мир в конце XX столетия, затронули многие районы Европы и Азии. Но, пожалуй, наиболее наглядно они проявились в Центральной Азии. Для такого утверждения есть довольно веские основания. Центрально-Азиатский регион (ЦАР), бывший еще недавно частью огромного Советского Союза, стал непосредственным участником одного из величайших исторических событий ушедшего века – распада многовекового государства, ранее называвшегося Российской империей, а в последние несколько десятилетий – Советским Союзом. Населяющим Центральную Азию народам пришлось на собственной судьбе испытать немалые трудности, выпавшие на долю того единого многонационального сообщества, которое еще недавно называлось советским народом.

Но, помимо роли непосредственного участника (и объекта) геополитических катаклизмов последнего времени, Центрально-Азиатский регион постепенно превращается также в один из заметных объектов мировой экономики. Этому способствуют имеющиеся здесь значительные запасы углеводородного сырья,

редких и цветных металлов, других полезных ископаемых. В не меньшей и даже, может быть, в большей степени резкое увеличение геоэкономического веса Центральной Азии вызвано потенциальными транзитными возможностями региона, который связывает Север с Югом, Запад с Востоком и в силу этого становится в XXI веке транспортным перекрестком глобального значения. Распад СССР и образование на этой огромной территории новых независимых государств (ННГ) сразу же превратили Центральную Азию из окраинного тупикового района огромной страны, связанного с миром только через территорию России, в один из узловых транспортных районов всего Евразийского континента.

А события последних лет, особенно конца 2001 года, показали, что этот регион приобретает и самостоятельное военно-стратегическое значение, становится одним из опорных пунктов борьбы с международным терроризмом. Но этим его военно-стратегическое значение, по-видимому, не ограничится, особенно если учитывать далеко идущие планы США в отношении Ирана, Ирака, а также превращения Черноморско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов в перспективе в нефтегазодобывающий бассейн глобального масштаба, способный составить конкуренцию Персидскому заливу, и в контролируемую ими (добавим: и хорошо охраняемую) транзитную территорию на маршруте трансконтинентальных товаропотоков Запад – Восток. Следовательно, есть все основания говорить и об увеличении геостратегического веса Центрально-Азиатского региона.

Помимо геополитической, геоэкономической и геостратегической сферы, в которых Центрально-Азиатский регион стремительно набирает вес, можно отметить и такую специфическую сферу, как «геокриминальную». Центрально-Азиатский регион становится одним из главных транзитных (да и потребляющих) регионов для международного наркобизнеса и других сфер международной преступной деятельности. Наркотики из Афганистана (одного из главных мировых производителей наркотических средств), в основном через афгано-таджикскую границу, перевозятся в республики Центральной Азии и далее идут в Россию, государства СНГ, Германию, Голландию и другие страны Западной Европы.

Разумеется, вышеперечисленными сферами, в которых значение Центрально-Азиатского региона заметно выросло, нельзя ограничиться. Так, например, активно муссируется как одна из глобальных опасностей XXI века возможное столкновение христианского и исламского миров. Многие политики – представители этих ведущих мировых конфессий хорошо понимают таящиеся за ним угрозы и делают все возможное, чтобы предотвратить эту опасность, заблаговременно ликвидировать угрозу такого противостояния. Тем не менее сбрасывать ее со счетов пока нельзя. И Центрально-Азиатский регион является именно тем местом на земном шаре, который может оказаться основной «фронтальной зоной» «религиозных» или «цивилизационных» (назовем их условно так) войн XXI века, если таковые совместными усилиями мирового сообщества все же не удастся предотвратить.

Таким образом, современная Центральная Азия начинает играть все более заметную роль в мировой политике, экономике, военной и других сферах мирового бытия. Поэтому не случайно на этот регион обращают все более пристальное внимание ведущие глобальные центры силы, а также государства, которые претендуют на роль региональных лидеров либо стремятся закрепиться в этом перспективном регионе и надеются получить здесь политические, экономические или идеологические дивиденды.

По количеству и разнообразию действующих в регионе различного рода межгосударственных объединений, политических сил, религиозных, националистических и иных группировок ЦАР является уникальным регионом современного мира. Тем не менее, несмотря на их пестроту, к началу XXI века здесь довольно четко обозначились основные векторы приложения политических сил со своими направляющими центрами и лидерами. Эта геополитическая «роза ветров» в регионе выглядит следующим образом.

Северный вектор, где роль лидера играет Российская Федерация. Все страны региона являются членами СНГ. Четверо из них (кроме Туркмении) входят в экономическое объединение Евр-

АзЭС. Трое являются участниками Договора о коллективной безопасности стран СНГ (Казахстан, Киргизия и Таджикистан)¹³⁸.

Еще одним межгосударственным объединением, которое (правда, с серьезными оговорками, о которых будет сказано ниже) также можно отнести к «северному вектору», является Шанхайская организация сотрудничества¹³⁹ (помимо России и КНР, в нее входят Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан).

Западный вектор с направляющими центрами в Вашингтоне и Брюсселе. Республики Центральной Азии сразу же после обретения независимости вошли в СБСЕ (с 1994 года – ОБСЕ). Хотя, надо признать, в свое время в Вене шли долгие дебаты относительно того, где проходит восточная граница Европы¹⁴⁰. Причем споры шли в основном относительно Кавказского региона. Казахстан и союзные республики Средней Азии никто и не думал относить к Европе. Поэтому прием их в 1992 году в ОБСЕ, по существу, придал этой общеевропейской организации евразийский формат и внес известную двусмысленность в ее название, существенно расширив географические границы реализации декларируемых ОБСЕ целей. Тогда же на этот регион обратил внимание Североатлантический альянс. Все пять республик Центральной Азии стали участниками натовской программы «Партнерство во

¹³⁸ Договор о коллективной безопасности подписан 15 мая 1992 года в Ташкенте Арменией, Казахстаном, Киргизией, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном. Срок действия ДКБ – пять лет с последующей пролонгацией. 24 сентября 1993 года к нему присоединился Азербайджан, 9 декабря 1993 года – Грузия, 3 января 1994 года – Белоруссия. 15 апреля 1994 года, после ратификации парламентами всех государств-участников, договор вступил в силу. В том же году он был зарегистрирован в ООН. 2 апреля 1999 года шестью государствами подписан Протокол о продлении действия ДКБ. Узбекистан, Азербайджан и Грузия отказались подписать этот протокол, тем самым выйдя из ДКБ. Таким образом, в настоящее время участниками договора являются Россия, Белоруссия и три государства Центральной Азии.

¹³⁹ «Шанхайская организация сотрудничества» (ШОС) сформировалась в июне 2001 года на базе «Шанхайского форума», или «Шанхайской пятерки» (образована в 1996 году; с 2000 года, после присоединения к ней Узбекистана, – «Шанхайская шестерка»). В ШОС входят Китай, РФ, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан.

¹⁴⁰ В Вене проходили общеевропейские переговоры о мерах безопасности и укрепления доверия в военной области в Европе и переговоры между странами Варшавского договора и странами НАТО о сокращении обычных вооруженных сил в Европе.

имя мира» и членами Совета Североатлантического сотрудничества, позднее преобразованного в Совет Евро-Атлантического партнерства (СЕАП), а Казахстан к тому же стал и участником Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Довольно активно налаживает взаимодействие со странами региона Евросоюз и Совет Европы. Весьма заметно здесь присутствие и влияние Японии, особенно в экономической сфере.

Безусловно, наиболее мощной и влиятельной силой западного вектора приложения политических сил являются **Соединенные Штаты**, которые оказывают все большее влияние в этом регионе – и как ведущая страна Североатлантического альянса, и как глобальный лидер, обладающий мощными политическими, экономическими и военными рычагами влияния. Причем последние приобретают все больший вес в политике, проводимой новой американской администрацией на мировой арене, и, в частности, в районах, непосредственно примыкающих к Центральной Азии. Надо отметить, что цели Западной Европы и Соединенных Штатов в отношении Центральной Азии, по всей вероятности, совпадают далеко не полностью. В последнее время появляется все больше признаков того, что США и Западная Европа – отнюдь не столь консолидированное политическое целое, как это было во времена «холодной войны» и сразу же после ее окончания¹⁴¹.

Южный вектор. Характерной особенностью этого направления является отсутствие единоличного лидера или явно выраженного направляющего центра. Можно говорить о значительной роли, которую играют в этом районе Саудовская Аравия (идеологическое и финансовое влияние), Турция (экономическое и политическое влияние, помощь военная и по линии спецслужб), Пакистан (военная сфера и спецслужбы, идеологическая

¹⁴¹ В этой связи обращает на себя внимание статья Роберта Кагана «Сила и слабость» в журнале Policy Review (Институт Гувера), вызвавшая в Европе острую дискуссию. Автор доказывает, что Западная Европа и США живут в разных мирах. В частности, европейцы в вопросах безопасности склонны отдавать приоритет международному праву, считая применение военной силы крайним средством, а США исходят из того, что национальная безопасность не может быть обеспечена ничем иным, кроме военной мощи. (См. Kagan R. Power and Weakness. Policy Review (Published by the Hoover Institution), № 113, 2002).

сфера). Нельзя сбрасывать со счетов Афганистан, непредсказуемая ситуация в котором оказывает самое непосредственное влияние на мир и стабильность в республиках Центральной Азии, на клановую и религиозную борьбу в странах региона и на обстановку в криминальной сфере. Все громче заявляет о себе в регионе самая большая страна мусульманского мира – Индонезия. Тем не менее, несмотря на множество претендентов на лидерство в регионе, разброс их целей и намерений, и на этом направлении отчетливо проявляются попытки государств региона к коллегиальному сотрудничеству.

Страны региона входят в Организацию экономического сотрудничества¹⁴², объединяющую сегодня 10 стран мусульманского мира. И хотя единство религии – ислама – играет в этой организации свою консолидирующую роль, однако главные объединяющие факторы лежат, безусловно, в экономической сфере. В ОЭС собрались далеко не самые богатые страны мира. Однако у каждой из них есть что внести в общемировую экономическую систему, будь то запасы полезных ископаемых мирового уровня, транзитный потенциал, рынки сбыта продукции, производимой в других частях мира (в основном продукции технологического уклона), или собственной (в основном сельскохозяйственной), дешевые рынки рабочей силы.

Согласовывая свои возможности, целенаправленно и с максимальной выгодой для себя используя свой объединенный потенциал как на территории объединения, так и на мировых рынках, страны ОЭС могли бы, конечно, улучшить свою внутреннюю социально-экономическую ситуацию, добиться более значительного политического веса на международной арене. Однако слабостью этого межгосударственного объединения является несогласованность действий, внутренняя борьба за лидерство среди

¹⁴² ОЭС – правопреемница существовавшей в 1964 – 1979 годах Организации регионального сотрудничества стран Азии. После революции в Иране эта организация распалась и была возрождена в 1985 году, когда Иран, Пакистан и Турция объединились в ОЭС. В ноябре 1992 года к ОЭС присоединились Афганистан и шесть стран бывшего СССР – Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. Генеральный секретарь ОЭС – Абдурахим Гавахи (Иран), избран осенью 2000 года. Главный орган ОЭС – Совет министров государств – участников ОЭС.

его членов, чрезмерные амбиции отдельных государств, претендующих на роль лидера. Лидерам «десятки» так и не удалось договориться об институционализации ОЭС. Все это приводит к известной рыхлости объединения, отсутствию каких-либо официальных коллегиальных постоянно действующих исполнительных или иных органов и, как следствие, к размытости и неэффективности его политики. Можно было бы назвать такое состояние «синдромом скалярности».

Пока не приходится говорить о том, что ОЭС сможет составить более или менее значительную конкуренцию международным объединениям «северной» или «западной» ориентации, особенно в политическом или экономическом отношении. Но вот в сфере безопасности, в обеспечении стабильности в Центрально-Азиатском регионе и ее поддержании на требуемом уровне влияние ОЭС и отдельных входящих в нее государств мусульманского мира – Турции, Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана, Афганистана – никак нельзя сбрасывать со счетов.

Все больше дает о себе знать в Центрально-Азиатском регионе восточный вектор с направляющим центром в Пекине. Пока деятельность Пекина в регионе на фоне активности других столиц выглядит скромнее, отличается осмотрительностью и неторопливостью и рассчитана, по-видимому, на длительную перспективу. Но уже сегодня ни один серьезный аналитик не рискнет отрицать влияние Китая на ситуацию в регионе. Китай, который все увереннее входит в группу лидирующих государств мира, стремится распространить свое влияние прежде всего на соседние государства, внедряясь в экономику этих стран, укрепляя в них китайскую диаспору и поддерживая, особо не афишируя, внутренние политические силы прокитайской ориентации. В Центральной Азии его деятельность наиболее ощутимо сказывается в Узбекистане и Киргизии. В частности, решение Узбекистана о вступлении в ШОС не в последнюю очередь связывается с китайским влиянием.

КНР, как известно, выступила одним из главных инициаторов создания ШОС. Среди подспудных целей, которые, по некоторым оценкам, преследует Пекин в этой организации, – скрытое противодействие усиливающемуся в этом регионе американскому влиянию. Военное присутствие США в Центральной Азии,

особенно в Киргизии, в непосредственной близости от границ с Китаем, вызывает понятные опасения у восточного соседа России. Тем более что сравнительно недалеко от границы с Киргизией находятся позиции китайских баллистических ракет, которые, таким образом, становятся в пределах досягаемости авиации США с авиабазы Манас в Киргизии. Американо-китайское соперничество грозит Центральной Азии опасностью стать «прифронтовым» районом, в котором в непосредственное соприкосновение входят американские и китайские группировки вооруженных сил.

Китай с нескрываемым опасением относится к усилению активности США в Центральной Азии (надо отметить – не в пример российскому руководству¹⁴³). Пекин особенно настораживают сообщения о том, что США строят базу ВВС в Киргизии вблизи Бишкека (аэропорт Манас), где будут размещаться до 3 тысяч военнослужащих, боевая авиация и авиация поддержки. Когда ее строительство будет закончено, она может быть использована для самых различных целей, поскольку договор США с правительством Киргизии не накладывает никаких ограничений на виды осуществляемых отсюда операций и типы используемых самолетов¹⁴⁴.

К тому же у Китая есть и еще один повод для беспокойства близким американским присутствием. Это расположенный на границе с Центрально-Азиатским регионом Синьцзян-Уйгурский автономный район, где сильны сепаратистские и экстремистские настроения.

Руководство КНР считает, что с созданием Соединенными Штатами постоянных военных баз в Центральной Азии завершится процесс окружения Китая американскими базами¹⁴⁵.

¹⁴³ Если даже не принимать в расчет военно-стратегические и военно-политические соображения, у России в Центральной Азии довольно много чувствительных объектов, наблюдение за которыми для США теперь будет значительно облегчено. Это космодром Байконур, находящийся всего в сотне километров от границы с Узбекистаном; центр космического слежения в Таджикистане, в районе Нурекской ГЭС; испытательный полигон ВМФ на Иссык-Куле в Киргизии и ряд других.

¹⁴⁴ Ладыгин Ф.И. Предварительные оценки антитеррористической операции США и их союзников в Афганистане. // Вестник аналитики. 2002, № 2(8).

¹⁴⁵ Примаков Е. Россия: долговечно ли сближение с США? // Международная жизнь. 2002. № 11. С.114.

Опасения Пекина во многом связаны с новой политикой США в отношении КНР. Китай теперь переведен в разряд соперников США, и администрация Дж.Буша-младшего намерена проводить политику «сдерживания» Китая в новом варианте. А в руководящих кругах Китая превалирует мнение, что на деле стратегической задачей США является не просто сдерживание КНР, а развал Китая как основного геополитического соперника, единственной державы, которая может составлять конкуренцию США после распада СССР¹⁴⁶.

Сейчас довольно оживленная дискуссия ведется вокруг вопроса о том, останутся ли войска США и их союзников в странах Центральной Азии на постоянной основе или большая их часть будет выведена. Думается, для оценки военно-политической ситуации в регионе на перспективу это не имеет особого значения. Действительно, здешний театр военных действий американскими военными будет хорошо изучен, необходимая оперативная инфраструктура создана или освоена бывшая советская, связи с официальными властями установлены, более того – заключены двусторонние или многосторонние соглашения о военном сотрудничестве, создающие правовую базу для размещения в случае необходимости воинских контингентов США на территории этих стран. Что касается оперативной переброски войск и военной техники в эти районы, то для Соединенных Штатов с их прекрасно развитой и неоднократно отработанной на практике системой стратегических перебросок это не составит особого труда. Да и сами страны Центральной Азии занимают в этом вопросе далеко не однозначную позицию. Так, президент Узбекистана И. Каримов считает, что американцы должны оставаться в Центральной Азии столько, «сколько нужно, чтобы навести стабильность, обеспечить мир в Афганистане». Даже непосвященному человеку понятно, что эта цель не может быть достигнута за короткое время. А ведь у США в этом регионе есть и другие, не менее важные долгосрочные цели.

Сошлемся вновь на мнение американского политолога З.Бжезинского. Он утверждает, в частности, что американское

¹⁴⁶ Кокошин А.А. О системе стратегического управления в КНР. // Вестник аналитики. 2002, № 3(9).

присутствие в Центральной Азии «определенно будет возрастать, потому что государства Центральной Азии не хотят, чтобы в их регионе доминировали Россия или Китай». И далее: «Мы уже наблюдаем расширение здесь американского политического и экономического влияния, которое также включает и **военную сферу** (Выделено мною. – *Авт.*), и этот процесс, вероятно, также будет продолжен»¹⁴⁷.

Все вышеперечисленные нюансы вносят весьма важные существенные дополнения в геостратегическую характеристику Центрально-Азиатского региона.

И еще один значимый штрих, касающийся так называемого восточного вектора. Угрозы, которые несет Китаю военное присутствие США и других стран НАТО в регионе, – не единственная причина, побуждающая Китай активизировать свою деятельность в Центральной Азии. Сошлемся, в частности, на мнение российского ученого-востоковеда, профессора Института стран Азии и Африки при МГУ им. Ломоносова, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН В.Гельбраса¹⁴⁸. Он убежден, что «китайский вопрос – это вопрос дальнейшего существования России» и, в частности, обращает внимание на то, что в Китае принята программа активного внешнеэкономического наступления под девизом «Идти вовне». Китай остро нуждается в промышленном сырье, в энергетических и других ресурсах, в рынках сбыта своей продукции (тем более что по объему ВВП он рассчитывает к 2010 году выйти на второе место в мире, а к 2050 году обойти мирового лидера – США). А Центрально-Азиатский регион как нельзя лучше подходит для этих целей – это и огромный рынок сбыта для дешевых китайских товаров, и сырьевая база, и поставщик ресурсов мирового уровня, и удобный плацдарм для дальнейшего продвижения своего влияния на другие регионы западного и северо-западного направлений. К тому же здесь после развала СССР образовался своего рода вакуум влияния. Следовательно, в ЦАР нет необходимости вести изнурительную борьбу по вытеснению «старожилов», как это пришлось бы делать в «обжитых» районах мира, здесь КНР может на равных конкурировать с дру-

¹⁴⁷ Независимая газета. 2002, 4 ноября.

¹⁴⁸ Интервью В.Г.Гельбраса газете «Комсомольская правда» от 7 мая 2002 года.

гими претендентами. Необходимо учитывать и тот факт, что в КНР, по оценкам, число безработных и неполно занятых в ближайшее десятилетие достигнет 360 млн человек (сегодня эта цифра составляет порядка 200 млн)¹⁴⁹. Это гигантское внутреннее давление может потребовать выхода на сопредельные территории бывшего СССР – в Россию и Центральную Азию. Но мирная экономическая и демографическая экспансия, естественно, потребует, в числе прочих, опоры на военную силу.

Такова краткая характеристика действующих в Центральной Азии политических внешних сил и их примерная структуризация.

Следует также упомянуть, что, помимо более или менее структурированных векторов внешней направленности, воздействующих на ситуацию в Центральной Азии и определяющих перспективы ее дальнейшего развития, здесь имеет место и тенденция внутрорегиональной интеграции (которой, правда, пока не удалось заметно преодолеть центробежные тенденции, которые также присутствуют в динамике развития ЦАР). Государства этого региона пытаются создавать внутрорегиональные межгосударственные объединения, играющие самостоятельную роль в регионе и на мировой арене и стремящиеся на равных конкурировать или сотрудничать с другими, внерегиональными объединениями.

Так, свыше восьми лет действовало Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС)¹⁵⁰, объединявшее ННГ региона (кроме Туркменистана). Результаты его деятельности были не очень заметны даже в Центральной Азии, не говоря уже о мировой арене, но тем не менее оно оказывало свое влияние на экономическую политику своих членов, их политическое и деловое сотрудничество. Решением Межгосударственного совета Казахстана, Киргизии и Узбекистана в 1995 году были созданы Совет министров иностранных дел и Совет министров обороны этих стран и принято решение о формировании центральноазиатского миротворческого батальона под эгидой ООН.

¹⁴⁹ Эти цифры приводит В.Г.Гельбрас в беседе с корреспондентом «Независимой газеты» (публикация «Да, азиаты мы...» в номере от 6 августа 2002 года).

¹⁵⁰ 30 апреля 1994 года Казахстан, Киргизия и Узбекистан подписали Договор о создании Единого экономического пространства. Впоследствии эта организация стала Центрально-Азиатским экономическим сообществом (ЦАЭС) и пополнилась новым членом – Республикой Таджикистан.

А 28 февраля 2002 года в Алма-Ате президенты четырех государств – Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана – подписали Договор о создании организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ЦАС), которая сменила Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). По мнению всех подписантов договора, этот альянс должен обеспечить новый уровень взаимодействия четырех республик не только в экономической сфере, как декларировалось ЦАЭС, но и в других жизненно важных для населения региона областях. И прежде всего в политической, научно-технической, торговой, культурной, природоохранной, и, конечно же, в вопросах обеспечения безопасности, мира и стабильности.

Справедливости ради надо отметить, что возможности стран Центрально-Азиатского региона к внутривнутрирегиональной интеграции в сфере безопасности, как и их потенциал по самообеспечению безопасности, оцениваются пока независимыми наблюдателями невысоко. Среди причин этого называются: отсутствие опыта военного строительства, незрелость национальной военной элиты, неразвитость оборонной промышленности или даже ее отсутствие, отсутствие национальной военной культуры и традиций военной службы и др.¹⁵¹ А это приводит к тому, что страны ЦАР вынуждены пока опираться на военную силу зарубежных государств, искать на стороне сильных покровителей, поддерживающих существующий государственный строй и его правящую верхушку.

4–6 июня 2002 года в Алма-Ате прошло Сопсовещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии¹⁵² (СВМДА), своего рода азиатский аналог ОБСЕ. В работе совещания приняли участие руководители России, КНР, Индии, Пакистана, Турции, Афганистана,

¹⁵¹ См., например: Зиядуллаев Н.. СНГ: национальная безопасность и экспансия США. // Свободная мысль-XXI (Москва). 2002, №006.

¹⁵² Идею созыва Сопсовещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в 1992 году высказал президент Казахстана Н.Назарбаев на 47-й сессии Генассамблеи ООН. На сегодняшний день членами Сопсовещания считаются 16 государств: Азербайджан, Афганистан, Египет, Израиль, Индия, Иран, Казахстан, Киргизия, Китай, Монголия, Пакистан, Палестина, Россия, Таджикистан, Турция и Узбекистан. Десять стран имеют статус наблюдателей (Австралия, Вьетнам, Индонезия, Республика Корея, Ливан, Малайзия, США, Таиланд, Украина, Япония).

центральноазиатских республик (кроме Туркменистана), руководители или высокие представители других государств – участников СВМДА. По итогам саммита подписан концептуальный документ широкого плана – Алма-Атинский акт, в котором обозначены общие подходы к проблемам Азии. Принята также Декларация об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями. Но помимо всех прочих движущих мотивов инициаторов этого саммита, он показал также, что Казахстан, как и другие страны Центрально-Азиатского региона, для поддержания стабильности в регионе действительно стремятся заручиться поддержкой извне.

Закономерен вопрос: куда выведет Центрально-Азиатский регион равнодействующая конгломерата политических сил, активизирующих здесь год от года свою деятельность? Ответ на него дать не просто. Многое, хотя и не все, будет зависеть от того, по какому пути пойдет развитие отношений между Западом и Востоком. Будет ли это равноправное сотрудничество, учитывающее интересы всех заинтересованных сторон? Или процесс пойдет по пути экспансии и поглощения процветающим и богатым Западом восточных пространств? Ясно, что в таком варианте странам Центральной Азии уготована лишь роль сырьевого придатка при «золотом миллиарде», мест размещения экологически грязных производств и в лучшем случае – транзитного моста Запад – Восток. А в худшем – Центрально-Азиатский регион может стать одной из прифронтовых зон либо в намечающемся противостоянии США и Китая, которое, по оценке ряда известных политологов, может стать одним из факторов, определяющих геополитический ландшафт региона в не столь отдаленной перспективе, либо в борьбе США и их союзников против международного терроризма – в широком понятии этой деятельности, с включением в качестве объектов ее воздействия не только террористических организаций, но и государств с неудобными Вашингтону режимами. И в первую очередь территория стран Центральной Азии может быть использована как одна из опорных в войне США против Ирака.

В этой связи можно напомнить, что конгресс США предоставил полномочия президенту Бушу в развертывании военных действий против Ирака (за эту резолюцию проголосовали 392

конгрессмена, и только 12 высказались против)¹⁵³. 8 ноября 2002 года Совет Безопасности ООН принял новую резолюцию по Ираку. Однако она отнюдь не сняла угрозы военных действий. В случае развязывания этой войны даже не столь важно, будут ли наноситься авиационные удары по объектам Ирака с территории стран Центральной Азии (скорее всего, этого не будет) или с авианосцев в Персидском заливе. Само присутствие американских войск в странах Центральной Азии в момент нанесения таких ударов будет восприниматься в арабском мире, да и общественным мнением других государств, как безусловная поддержка спорной по целям и весьма сомнительной по применяемым военным средствам их достижения антииракской акции (подчеркнем – не столько антихусейновской, сколько именно антииракской), против которой выступают многие трезвомыслящие государственные деятели и политики.

II. Американизм как высшая стадия глобализма

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, которое поможет глубже уяснить подоплеку происходящих в Центрально-Азиатском регионе процессов, их направленность и движущие силы.

В начале июля 2002 года в столице Латвии Риге состоялся саммит государств – кандидатов второй волны на вступление в НАТО. Казалось бы, событие, далекое от проблем Центральной Азии. Но интересно оно тем, что присутствовавший на этом саммите бывший советник президента США по национальной безопасности, известный американский политолог Збигнев Бжезинский, автор нашумевшей в свое время книги «Великая шахматная доска», постарался придать работе этого второразрядного мероприятия геополитическую перспективу, показать, что ожидаемый прием в Североатлантический альянс очередных новых членов – всего лишь промежуточный этап в продвижении к мировому господству этого «самого важного в мире» военно-политического блока, с которым «ничто не сравнится»¹⁵⁴. Подобные дифи-

¹⁵³ Независимая газета. 2002, 26 января.

¹⁵⁴ Здесь и ниже ссылки на интервью З.Бжезинского, опубликованное в газете «Время мп» 9 июля 2002 года.

рамбы блоку из уст американца Бжезинского станут более понятны, если учесть, что нынешний Североатлантический альянс, по меткому определению другого видного американского государственного деятеля, бывшего министра юстиции США Рамсея Кларка, – «это кулак американской экономики»¹⁵⁵.

Вехи намеченной г-ном Бжезинским перспективы мирового развития весьма красноречивы. НАТО сейчас должен «смотреть на восток от Чехии и Турции». Причем главная цель на ближайшие годы – прием в Североатлантический альянс Украины. Белоруссия пока остается проблемой, и первоочередная задача в отношении этой страны, по Бжезинскому, – добиться «политических перемен в сторону законности, конституционности и демократии». А главная «политическая перемена», как можно понять из намеков американского политолога, – тем или иным образом отстранить от власти «диктатора с очень эксцентричным поведением», то есть нынешнего президента страны А. Лукашенко. В решении этой «благородной» задачи, считает Бжезинский, должна оказать помощь Россия, «если она хочет сотрудничать с НАТО». Тем самым г-н Бжезинский определил похода и «вступительный взнос» России.

Какая же роль уготована России? Г-н Бжезинский с присущей ему непоколебимой убежденностью и откровенно выражаемой снисходительностью «победителя в «холодной войне» утверждает: Россия находится в глубочайшем социальном и демографическом кризисе, который, к тому же, отягощен последствиями внутренней политики последних лет. Она даже не пытается соревноваться с Западом за политическое влияние – причем речь идет только о влиянии на территории бывшего СССР, о влиянии России на глобальные процессы, по мнению этого политолога, можно уже забыть. Вопрос сегодня стоит о выживании страны. Россия понимает, с удовлетворением отмечает Бжезинский, что не в ее силах остановить продвижение НАТО на Восток, что «сопротивление бесполезно». (Заметим, что подобная военная риторика звучит довольно странно из уст одного из видных представителей страны, которую многие наши политики считают стратегическим партнером.) Образование нового

¹⁵⁵ Независимая газета. 2002. 26 января.

Совета «19+1»¹⁵⁶ подтвердило, что оппозиция альянсу со стороны России была лишь формальностью. В общем «шахматная партия», считает Бжезинский, закончена ввиду отсутствия у США соперника. Кстати, эти высказывания американского политика лишь подтверждают сомнения некоторых российских политологов, которые считают, что образование Совета Россия – НАТО в Риме есть не что иное, как старое вино, налитое в новые меха.

Складывается впечатление, что над Россией уже занесен «геополитический топор», готовый раскрыть остатки великой державы на еще более мелкие части. И этот исход едва ли не предопределен, убежден Бжезинский. Деться России некуда. На Востоке – мощный Китай с 1,3-миллиардным населением и с экономикой, в пять раз превосходящей российскую. На юге – 300 миллионов мусульман, которых через 20 лет будет 450 миллионов, в то время как население России к этому времени составит менее 140 миллионов. Причем эти 450 миллионов настроены враждебно к России из-за Чечни и Афганистана.

Можно сколько угодно иронизировать над исполнением З.Бжезинским роли геополитической Кассандры, над его предсказаниями (в которых порой говорит не рассудок, а страсти, вынуждающие глубокие аналитические выкладки подменять неприкрытыми антироссийскими чувствами, которые он, похоже, перенес с СССР на Россию), но нельзя не признать, что известная доля истины в них есть, особенно в том, что касается потен-

¹⁵⁶ На саммите НАТО – РФ в Риме была подписана Декларация глав государств и правительств «Отношения Россия – НАТО: новое качество» и ряд других документов по организации работы Совета Россия – НАТО. Новый Совет будет функционировать на основе консенсуса и продолжающегося политического диалога по вопросам безопасности с тем, чтобы обеспечить в соответствии с требованиями ситуации оперативное выявление возникающих проблем, определение общих подходов, проведение совместных действий. К ключевым областям сотрудничества Россия – НАТО отнесены: борьба с терроризмом, антикризисное регулирование, нераспространение ОМП, меры контроля над вооружением и укрепления доверия, нестратегическая ПРО, поиск и спасение на море, сотрудничество между военными и реагирование на чрезвычайные гражданские ситуации. Заседания будут проводиться под председательством генсека НАТО не реже одного раза в месяц на уровне послов и военных представителей, два раза в год на уровне министров иностранных дел и обороны и начальников генеральных штабов, а иногда – и на высшем уровне.

циальных угроз территориальной целостности России и окончательной потери ею влияния на постсоветском пространстве. И наибольшую динамику процесс дальнейшего ослабления и исхода России из исторически сложившихся территорий ее влияния может приобрести именно в Центральной Азии – хотя бы потому, что в этом регионе влияние России пока достаточно велико по сравнению с Южным Кавказом или даже с Украиной.

И еще одно необходимое отступление. На Западе многие политики, говоря о Центральной Азии, включают в этот регион и Афганистан. Такой подход, вообще говоря, имеет свое логическое обоснование – и не только по географическим критериям, но и, если принимать в расчет, например, этнические факторы. В ряде западных и северо-восточных провинций Афганистана живут таджики, на севере – узбеки и туркмены. Но все же в такой географической «нарезке», не считающейся с реалиями сегодняшнего дня, больше политики, чем здравого смысла. Тот же З.Бжезинский считает регион одним из самых нестабильных и опасных регионов в мире. А причина этого – «действия СССР в Центральной Азии». Движение «Талибан», бен Ладен и «Аль Каида» – все это, как пытается убедить общественное мнение Бжезинский, есть «продукт советской интервенции в Афганистане». Естественно, Россия как правопреемница СССР, к тому же «развязавшая две войны в Чечне», несет ответственность за нестабильную и потенциально опасную ситуацию в регионе Центральной Азии. А уж продолжить выстраиваемую г-ном Бжезинским логическую цепочку до событий 11 сентября в Нью-Йорке доступно любому. В итоге получается, что косвенная вина за этот теракт ложится и на Россию. Такова истинная суть этой политической географии, которую, возможно, было бы точнее назвать «географической политикой».

Опровержение подобного рода «логических» измышлений не ставится целью данной статьи. Но заметим попутно, что при таком подходе Соединенные Штаты можно обвинить в многочисленных грехах на мировой арене за генерируемую ими нестабильность во многих регионах, в той разрухе и хаосе, которые оставались в этих регионах после силового вмешательства Соединенных Штатов. «Я перечислю страны, в которых политика США после Второй мировой войны привела к дестабилизации:

Корея, Вьетнам, Камбоджа, Никарагуа, Доминиканская Республика, Филиппины, Либерия, Куба, Гватемала, Гренада, Палестина, Ливан, Иран, Сомали, Судан, Гаити, Сальвадор, Гондурас, Ангола, Хорватия, Югославия, Сьерра-Леоне, Ирак, Индонезия, Афганистан. Кто следующий? Средства массовой информации обсуждают возможные кандидатуры... Цель американской политики – установление контроля и господства на Ближнем Востоке, в Персидском заливе и в *Центральной Азии*». (Выделено мною. – *Авт.*). Эти обвинения прозвучали в одном из интервью бывшего министра юстиции США Рамсея Кларка¹⁵⁷.

Поэтому речь в данной статье идет не о той Центральной Азии, которую хотелось бы представить некоторым «политическим географам», а о территории, занимаемой пятью бывшими союзными республиками, ныне новыми независимыми государствами: Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном. Афганистан, а также Пакистан, Иран – это страны, за ситуацию в которых Соединенные Штаты несут прямую ответственность, как бы ни пытались некоторые американские политики и политологи переложить ее на несуществующую уже страну – СССР, самим своим существованием полностью расплатившейся за допущенные ошибки.

А территория Казахстана и четырех бывших среднеазиатских советских республик – это тот регион, в котором влияние США и их западных союзников до 1992 года было фактически нулевым. Но почти сразу же после распада Советского Союза Центральная Азия наряду с Каспийским регионом была объявлена еще одной зоной жизненно важных интересов США. Именно 1992 год является точкой отсчета новейшей истории Центрально-Азиатского региона, с которой началось становление новых независимых государств. Ни одно из них не имело своей государственности, хотя населявшие их народы – это самобытные нации, с древнейшей культурой, историей, национальными особенностями и укладом жизни. Поэтому регион Центральной Азии можно рассматривать как наиболее показательный в том смысле, что здесь, как говорится, в первозданной чистоте проявляются особенности нынешнего этапа мирового развития, этапа, кото-

¹⁵⁷ Независимая газета. 2002. 26 января.

рый, перефразируя классика марксизма-ленинизма, можно было бы назвать «американизм как высшая стадия глобализма».

III. Россия и Центральная Азия

А что же Россия? Какова ее политика в отношении тех сложных процессов, которые происходили в последнее десятилетие и происходят сегодня в Центральной Азии? И какова роль в конце концов уготована России в Центрально-Азиатском регионе: пассивного наблюдателя за усиливающимся здесь влиянием США и Запада, других центров силы? Самостоятельного, активно действующего актора в регионе, стремящегося любыми способами восстановить здесь свое пошатнувшееся за последние десять лет прошлого века влияние, но уже на новой политической и экономической основе, в условиях жесткой конкурентной борьбы с другими центрами влияния? Или же Россия станет в Центральной Азии на путь сотрудничества с Соединенными Штатами, ведущими странами Запада, Китаем, региональными державами?

Если объективно оценивать нынешние российские возможности, прежде всего экономические, то приходится констатировать, что наиболее вероятен – и даже, может быть, оптимален для нынешних условий и в складывающейся для нас на ближайшую четверть века ситуации – именно третий путь, путь сотрудничества в Центрально-Азиатском регионе с другими глобальными центрами силы при умеренных (адекватных нашим нынешним политическим, экономическим и военным возможностям) собственных амбициях регионального лидера.

Однако следует признать и то, что сотрудничество на центральноазиатском направлении – в частности, с теми же Соединенными Штатами – для нынешнего положения России в мире будет иметь свои особенности, причем не всегда приятные для нас. Разные весовые категории США и России (у России только 30-е место в мире по объему ВВП на душу населения, на лицо большой технологический разрыв с ведущими державами Запада, особенно в передовых технологиях, несопоставимая военная мощь и т.д.) вряд ли позволяют говорить о равноправном сотрудничестве. Направленность процесса сотрудничества такова, что у российской стороны будут более скромные возмож-

ности по защите и продвижению собственных интересов и целей. Имеются в виду те из них, которые не будут совпадать с интересами США и Запада в целом. Вместе с тем на сегодняшний день довольно много и совпадающих интересов – например та же антитеррористическая операция международной коалиции в Афганистане, которая, что ни говори, помогла устранить серьезную угрозу России и странам Центральной Азии со стороны режима «Талибан». Этого не отрицает даже руководство российских Вооруженных Сил. Обе стороны заинтересованы в обеспечении мира и стабильности в этом регионе, в их экономическом подъеме, в развитии их по демократическому пути как светских государств.

Конечно, России и в дальнейшем можно и нужно стремиться строить свою политику на центральноазиатском направлении так, чтобы обеспечить максимально возможное количество совпадающих интересов. Но... этому опять же мешает слишком большая разница между положением США и России в современном мире. Признанному мировому лидеру и стране, далеко от него отстающей и по экономическим показателям, и по политическому влиянию, и по военным возможностям, довольно трудно найти некие срединные интересы и цели. Центр их тяжести, хотим мы того или нет, объективно будет так или иначе максимально приближен к американским интересам и целям. Это относится ко многим сферам нашей внешней политики. И Центральная Азия, конечно, не станет исключением. Суть такого «сближения приоритетов» изложена в выступлениях ряда наших видных политиков. Можно сослаться, например, на Дм.Рогозина, который на пресс-конференции 22 октября 2001 года по итогам поездки делегации Госдумы РФ в США сообщил журналистам, что смысл этой поездки – «в попытке сблизить внешнеполитические приоритеты Соединенных Штатов и Российской Федерации, свести к минимуму количество конфликтных проблем». В каком направлении осуществляется подобное сближение, можно видеть на примерах практической политики – судьбы Договора по ПРО 1972 года, Римской декларации, открывающей новый этап сотрудничества с НАТО и др. Для этого достаточно сравнить первоначальные позиции России и итоговые подписанные нами документы. Довольно яркий пример – жесткая позиция США по чеченской

проблеме, которая не стала объективней после 11 сентября, если не сказать больше. Вполне оправданны опасения, что и сближение по проблемам Калининграда, вступления России в ВТО или Южных Курил пойдет в том же направлении, то есть в основном за счет наших односторонних уступок.

Но все же самая большая трудность даже не в этом, а в том, что нынешняя администрация США намерена мало считаться с интересами и озабоченностями других стран. Во главу угла проводимой командой президента Буша внешней политики поставлены только национальные интересы. Именно такой курс стал причиной наметившихся в последнее время трений в еще недавно казавшемся монолитом Евроатлантическом сообществе. Правда, слепая фетишизация национальных интересов и даже пренебрежение в ряде случаев нормами и законами международного права, мнением не только мирового сообщества, не только Организации Объединенных Наций, но и своих союзников по НАТО (например, в отношении развязывания войны против Ирака) несут в себе опасность прежде всего для самих Соединенных Штатов. Возведение национального эгоизма в ранг государственной политики усиливает самоизоляционистские тенденции в политике США, что плохо согласуется с имиджем страны, претендующей на роль единоличного мирового лидера и в действительности близкой к этому.

Тем не менее при всех вышеперечисленных нюансах и трудностях иного пути для России в Центральной Азии, кроме сотрудничества со всеми государствами и политическими силами, заинтересованными в установлении здесь мира и стабильности, нет. Тем более что у России в этом регионе немало своих преимуществ, которые можно и нужно использовать.

В пользу такого вывода говорит и то, что ЦАР и граничащие с ним на юге территории на ближайшие десятилетия останутся одним из основных регионов потенциальной нестабильности. Весьма долгий путь лежит к окончательному урегулированию в Афганистане и, главное, к обеспечению здесь хотя бы в минимальной мере того уровня жизни для населения, который способствовал бы снижению нынешнего взрывоопасного конфликтного потенциала в стране до безопасного. Не на один год, по-видимому, рассчитано и действие в регионе организованных определенными

силами очагов религиозного экстремизма, с которым тесно переплелись криминальные факторы – терроризм, наркобизнес, незаконная торговля оружием, даже работорговля.

«Сейчас противодействие терроризму стало приоритетной задачей и для наших западных партнеров, – отметил начальник российского Генерального штаба А.Квашнин по итогам заседания Совместного постоянного военного комитета Россия – НАТО на уровне начальников генеральных штабов и его встреч с руководителями НАТО в Брюсселе в ноябре 2001 года. – Что касается России, то международный терроризм был еще ранее определен в нашей военной доктрине как главный враг мирового сообщества... Поэтому на основе единства интересов и понимания необходимости общих усилий мы обсуждали с Североатлантическим альянсом оптимальные формы, методы и подходы к борьбе с этим злом». При этом А.Квашнин особо подчеркнул два момента. Во-первых, Россия ведет борьбу с международным терроризмом не только совместно с НАТО, но и в рамках «Шанхайской группы» и «Среднеазиатской группы», где создан единый анти-террористический центр. Во-вторых, борьба с терроризмом должна вестись не только военными методами, но и обязательно включать в себя решение политических, социальных и гуманитарных проблем, порождающих это зло¹⁵⁸ (что, в общем-то, не противоречит и взглядам западных партнеров).

Свою лепту в нагнетание напряженности в обширных регионах Южной Азии вносят проблемы, связанные с Ираком и Ираном, и, конечно же, перманентная напряженность в отношениях между Пакистаном и Индией, двумя ядерными государствами. Влияние всех этих «горячих» – даже не точек, а площадей, негативно сказывается и в Центральной Азии.

Ни одному государству в одиночку не под силу справиться с огромным комплексом дестабилизирующих факторов, от негативного воздействия которых не отсидеться даже за Атлантическим океаном. А для России, для которой ликвидация очагов потенциальной нестабильности на ее южных, к тому же открытых, границах – вопрос жизни, альтернативы международному сотрудничеству нет.

¹⁵⁸ «Красная звезда». 23 ноября, 2001.

Думается, это хорошо понимает нынешнее руководство России. За последние два года заметно активизировалась деятельность высшего руководства страны по развитию всесторонних отношений со странами Центральной Азии как в рамках СНГ и других межгосударственных объединений, так и на двусторонней основе. Причем если в такой сфере, как военная, приоритет явно отдается коллективным формам сотрудничества, то в политической и особенно в экономической областях акцент, похоже, сделан на двусторонние отношения. Это правильный в нынешних обстоятельствах путь, позволяющий в максимальной степени учитывать национальные особенности каждого государства, его интересы и нужды. Важным является и то, что сам Президент РФ В.Путин не стремится играть роль то ли «старшего брата», то ли «отца-командира», как это зачастую проскальзывало в поведении Б.Ельцина, а придерживается делового равноправного сотрудничества, не выпячивая личные амбиции президента великой державы. В сущности, то немалое, что сделано в последние годы для укрепления сотрудничества с центральноазиатскими республиками, во многом связано с именем Президента РФ В.Путина и его деятельностью на этом направлении.

Вместе с тем нельзя не отметить, что приоритеты российской внешней политики на центральноазиатском направлении отданы пока развитию сотрудничества в основном в военной сфере. Это понятно, так как главная и общая угроза сегодняшнего дня – это международный терроризм, ставящий целью свержение существующих режимов в республиках Центральной Азии и их крутую переориентацию в соответствии с догмами так называемого «политического ислама» в качестве государственной идеологии. А общая угроза требует координации усилий в борьбе с нею, и прежде всего для предупреждения или отражения вооруженного вторжения в страны Центральной Азии, попытки которого за последние годы предпринимались уже не раз. Россия при этом сыграла – и продолжает играть сегодня – важную роль в обеспечении военной безопасности этого региона. Но при этом надо иметь в виду, что военное присутствие США и других стран НАТО в регионе создает для здешних государств вполне реальную альтернативу военных гарантий безопасности, которые до сих пор давала только Россия. Руководство некото-

рых из этих стран вполне может сделать главную ставку на западную военную мощь, особенно если этого сильно захотят Соединенные Штаты и их союзники. Тенденции к такому варианту наблюдаются, в частности в Узбекистане.

В сущности, уже сегодня российские и натовские войска дислоцируются в непосредственной близости друг от друга, например в Киргизии¹⁵⁹. Уже сегодня можно говорить о реальном разделении военной ответственности между Россией, Соединенными Штатами и другими странами НАТО за безопасность стран региона от вторжения вооруженных группировок радикальных исламистов.

Поэтому российская внешняя политика на центральноазиатском направлении должна строиться по комплексному принципу, охватывая все области сотрудничества, и в первую очередь экономическую сферу. В этом отношении предложенная российским президентом идея создания Евразийского газового альянса в составе четырех газодобывающих стран СНГ – России, Туркменистана, Казахстана и Узбекистана представляется весьма своевременной и полезной¹⁶⁰. Она не только удачно вписывается в концепцию комплексного подхода к сотрудничеству с ННГ Центральной Азии, но и способствует реальному постепенному переносу приоритетов сотрудничества в сферу экономики, о чем пока было больше разговоров, чем практических дел, и учитывает новые реалии и условия.

А эти условия, надо признать, принципиально отличаются от условий недавнего прошлого. В регионе, помимо России, действует целый ряд очень серьезных акторов, с влиянием которых придется так или иначе считаться. Утверждать и расширять свое влияние России придется в конкурентной борьбе с другими центрами влияния, придется находить компромиссы и налаживать сотрудничество с ними, где это возможно.

¹⁵⁹ Так, в ближайшее время в Канте (Киргизия), неподалеку от созданной американцами мощной военной базы в аэропорту Манас в районе Бишкека, планируется сформировать две эскадрильи ВВС России и другие подразделения.

¹⁶⁰ О планах по созданию нового энергетического союза, который назвали «газовый ОПЕК», было заявлено 1 марта 2002 года на неформальном саммите СНГ в Алма-Ате.

IV. Каспийские углеводороды как один из движителей геополитических процессов в Центральной Азии

Только две страны Центральной Азии (Казахстан и Туркменистан) из пяти относятся к прикаспийским государствам. Тем не менее трудно отрицать тот факт, что возросшая значимость всего региона Центральной Азии непосредственно связана с энергоресурсами Каспия, с определением правового статуса моря и другими проблемами этого уникального во многих отношениях региона.

В первую очередь это связано, конечно, с интересом Запада к этому региону как перспективной, мирового уровня кладовой углеводородов и других минеральных богатств. В частности, все чаще говорят о том, что Каспийский нефтеносный район должен стать для промышленно развитых стран Запада если и не равноценной альтернативой Персидскому заливу, то, во всяком случае, составить ему ощутимую конкуренцию и быть в состоянии «подстраховать» поставки нефти на западные рынки в случае каких-либо перебоев с поставками из Залива. А что такие перебои возможны, говорит ряд фактов.

Так, в последнее время в отношениях США с Саудовской Аравией – основным поставщиком нефти из бассейна Персидского залива в США и на западные рынки – наметились определенные осложнения¹⁶¹. В одном из аналитических докладов, подготовленном для Совета по оборонной политике, выдержки из которого стали достоянием американской прессы, Саудовская Аравия называется «самым опасным противником США в регионе». Эта страна обвиняется не только в идеологическом обеспечении международного терроризма, но и в активной финансовой помощи террористическим организациям. А Дж.Вулси (руководитель ЦРУ США в 1992 – 1995 годах) в интервью западногерманской газете «Ди Вельт» прямо заявил, что Соединенным Штатам необходимо уменьшить свою зависимость от Саудовской Аравии и при-

¹⁶¹ Так, резкую реакцию в Саудовской Аравии вызвало то, что в США родственники погибших 11 сентября обратились в суд с иском на \$1 триллион против тех, кого они считают главными спонсорами Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды». Истцы надеются, что смогут получить эти деньги после ареста банковских вкладов Саудовской Аравии, которые хранятся в США.

нять меры, которые смогут «подорвать способность саудовцев применять то единственное средство, на котором основывается сила их государства», то есть нефтяные поставки. В качестве альтернативы он видит меры, направленные на то, чтобы увеличить поставки нефти из России и других государств СНГ, прежде всего прикаспийских. А для того чтобы эти поставки были надежными и не зависели от каких бы то ни было конъюнктурных соображений (связанных с религиозными или политическими факторами), США намерены с самого начала поставить дело так, чтобы держать ситуацию в странах Центрально-Азиатского региона под жестким контролем.

При этом надо учесть, что, помимо Казахстана и Туркменистана, довольно значительные запасы углеводородного сырья имеет и Узбекистан (второе место по запасам нефти после Казахстана и второе место по запасам газа после Туркменистана). Да и вообще территория Центральной Азии еще далеко не полностью исследована, и здесь вполне можно ожидать открытия в будущем новых месторождений нефти, газа и других полезных ископаемых.

Не менее важной для будущего ЦАР является и проблема транспортировки минеральных ресурсов Каспийского и Центрально-Азиатского регионов через территорию Центральной Азии на мировые рынки. Для того чтобы такие поставки были надежными и бесперебойными, необходимо прежде всего поддерживать на всех маршрутах транспортировки и в прилегающих районах определенный уровень стабильности, надежно пригасить тлеющие здесь на огромной территории очаги конфликтов.

Это тем более важно, что США с самого начала выступали и продолжают выступать за диверсификацию маршрутов транспортировки нефти и газа из этого региона. А так называемый диверсификационный подход означает одно – ликвидировать или значительно ослабить зависимость транспортировки нефтегазовых ресурсов Азербайджана и государств ЦАР от российских, основных на сегодня маршрутов. Проектируемый нефтепровод Баку – Джейхан уже продлен до Казахстана и именуется теперь нефтепроводом Актау – Баку – Джейхан. Он позволит направить нефть центральноазиатских месторождений (из Казахстана в

первую очередь) на Запад. Уже работает нефтепровод Баку – Супса (Грузия).

Этим же целям служит и проект транскаспийского газопровода из Туркмении в западном направлении, принципиальное решение о котором было принято на самом высоком уровне в ходе Стамбульского саммита ОБСЕ в ноябре 1999 года.

Более того, многие аналитики связывают истинные цели антитеррористической операции США в Афганистане с южными маршрутами транспортировки энергоресурсов ЦАР и Каспия (прежде всего туркменского газа) через территорию Афганистана. Именно на обеспечение стабильности на южных маршрутах, особенно на наиболее опасном его участке – в нестабильном Афганистане, на установление своего контроля на всем его протяжении направлены усилия США в этой операции и их последующая политика по формированию и поддержанию лояльного к их политике и управляемого режима в этой стране.

С энергетическими планами США связывается в том числе и их намерение «навести порядок» на всем Ближнем Востоке, и прежде всего ликвидировать наиболее опасный, с их точки зрения, режим Саддама Хусейна в Ираке.

Разумеется, реализация трансконтинентальных транспортных артерий потребует со стороны США и их союзников контроля за ситуацией и в республиках Центральной Азии. Это собственно и наблюдается в последние годы, с момента объявления ЦАР зоной жизненно важных интересов США до обеспечения непосредственного военного присутствия США в этих странах.

Проблемы, связанные с транспортировкой энергоресурсов, выявляют ряд важных нюансов, оказывающих значительное влияние на ситуацию в государствах ЦАР, причем не только прикаспийских.

Основные нефтегазодобывающие страны этого региона (к ним относятся Казахстан, Туркменистан и в меньшей мере Узбекистан) вследствие географической изолированности и оторванности от мировых морей оказываются в зависимости от других стран, территории которых приходится использовать для транзита энергопотоков. А это требует обеспечить, с одной стороны, политическую стабильность на всех маршрутах транспортиров-

ки (непростая задача для одного из наиболее конфликтогенных районов мира). Собственными силами эту задачу новым независимым государствам не решить. Приходится рассчитывать на США (в отношении по крайней мере западных и южных маршрутов транспортировки), а также на Россию (северное направление транспортировки). Им надо также поддерживать добрососедские отношения с Ираном, Турцией, Афганистаном, другими региональными странами. Это предполагает со стороны государств Центральной Азии выработки и осуществления внешней политики, сбалансированной по всем азимутам.

А с другой стороны, в силу исторически сложившихся условий транспортные (в том числе трубопроводные) коммуникации региона проходили в основном через российскую территорию. Такое положение теперь не устраивает ни транснациональные компании, занимающие на сегодняшний день главенствующее положение в добыче и транспортировке минеральных ресурсов, ни политическое руководство западных стран, ни сами страны региона, которые стремятся освободиться от практически полной транспортной зависимости от России и по возможности иметь альтернативные маршруты. А это неизбежно приводит к поиску внешних покровителей (помимо России) и усиливает западный крен в их политике. Но надо учитывать и то, что со стороны западных покровителей геополитические и политические факторы нередко превалируют над экономическими. При этом в наибольшей степени политизирована именно сфера транспортировки энергоресурсов и минерального сырья. И эта политизированность не ограничивается только выбором «внероссийских» маршрутов, но и проявляется в целенаправленном углублении западного влияния в странах ЦАР и соответственно в уменьшении здесь российского влияния.

Что касается России, то официальная позиция ее руководства в отношении выбора маршрутов транспортировки минеральных ресурсов региона состоит в том, что при их разработке должна учитываться экономическая целесообразность, а не политические соображения. И в этом отношении Россия, как не раз заявлялось руководителями страны, не намерена оставлять без внимания попытки некоторых сил ослабить ее позиции в районе Каспия, под которым, вполне понятно, подразумевается и Цент-

ральная Азия. Но, говоря по правде, декларируемый российскими руководителями чисто экономический подход к проблеме транспортировки энергоресурсов, да и другого сырья и товаров, вряд ли возможно реализовать. Большая нефть – это всегда большая политика, и закрывать на это глаза не стоит. Это, конечно, хорошо понимают и высшие российские власти. Свидетельством тому – проведенные в августе этого года крупномасштабные многонациональные военно-морские учения на Каспии.

Значительные запасы углеводородного сырья, а также разгорающаяся борьба за маршруты их транспортировки сразу же повысили интерес и Запада, и Востока, и Юга к Центрально-Азиатскому региону в целом как к важному связующему звену, «перекрестку» мировых энергетических и товарных коммуникаций Европа – Азия и Север – Юг. Сами нефтегазодобывающие страны региона стали не без оснований рассматривать нефть и газ как эффективное орудие создания долгосрочных гарантий их независимости и будущего процветания. По самым последним российским данным, суммарные ресурсы только акватории Каспийского моря составляют от 16 до 20 млрд. тонн нефтяного эквивалента (н.э.). А годовой уровень добычи на шельфе Каспия может составить (с учетом Азербайджана) не менее 200 млн. тонн нефти и 100–150 млрд. куб. метров газа¹⁶². Но, помимо углеводородного сырья, Центрально-Азиатский регион богат запасами цветных, редких и драгоценных металлов. В частности, в Казахстане находятся месторождения урана, серебра, хромовой руды, а также залежи фосфоритов мирового уровня (по запасам этих минеральных ресурсов республика занимает 2-е место в мире). Здесь же имеются значительные месторождения меди, свинца, никеля, вольфрама, бывшие в свое время важнейшим (а по ряду элементов единственным) источником для промышленной базы СССР. Запасы калийных солей мирового уровня, а также многих других полезных ископаемых имеет Туркменистан. Небедны природными запасами полезных ископаемых и остальные государства Центральной Азии.

Между тем в наиболее развитых странах Западной Европы минерально-сырьевая база в значительной мере истощена. Лише-

¹⁶² «Нефтегазовая вертикаль». 2001. №8.

ны ее Япония, быстро развивающиеся страны Юго-Восточной Азии. Крайне неравномерное размещение месторождений полезных ископаемых по странам, резко различающимся по уровню потребления сырья и энергии, научно-техническому и социально-экономическому развитию, уже сейчас оказывает, а в будущем еще в большей степени будет оказывать влияние на мировую политическую и экономическую обстановку. Именно с этим связано стремление иностранных компаний Запада (в частности, американских), четко проявившееся сразу же после распада СССР, утвердить свое влияние в области минерально-сырьевой политики в Каспийском регионе и во всех бывших союзных республиках Центральной Азии, обладающих богатыми природными ресурсами. И эта экономическая экспансия национальных и транснациональных компаний активно поддерживается политическим руководством западных стран.

Показателен в этом отношении проведенный в Вашингтоне еще в 1995 году симпозиум с участием видных американских политологов о целесообразном курсе США по отношению к странам Каспийского региона. Так, один из ведущих американских политологов Д.Файн заявил, что «нельзя исключать ситуации, в которой США будут вынуждены распространить на Каспийское море (ясно, что под этим «морем» он понимает и нефтегазодобывающие страны восточного побережья Каспия. – Авт.) те же самые гарантии безопасности, что и в Персидском заливе».

Разумеется, представители США не отрицают в открытую наличия интересов России в этом регионе и даже выражают готовность считаться с ними. Это в общем создает основу для конструктивного сотрудничества в ЦАР между Россией и Соединенными Штатами. Так, по мнению Струота Тэлботта, бывшего заместителя госсекретаря США в администрации Клинтона (которое он высказал, в частности, в интервью бакинскому информационному агентству «Туран» в начале июня 2001 года), «новое мышление подталкивает США и Россию, заинтересованные в стабильности и процветании Южного Кавказа и Центральной Азии, работать вместе. В число других таких стран входят Турция и Китай и определенно Иран, если внешняя политика этой страны будет более конструктивна».

Поэтому вряд ли будет преувеличением сказать, что именно в политико-экономическом сражении за каспийскую нефть во многом решается и судьба центральноазиатских государств. Значительные запасы нефти, залегающей в Прикаспии, а также стратегическое положение региона придают этой борьбе хотя и внешне цивилизованный, но ожесточенный характер. Ключевым моментом этой борьбы является география, противоборство заинтересованных сторон за тот или иной выбор маршрутов трубопроводов. А от ее исхода в значительной мере будет зависеть будущее региона и расположенных здесь государств.

V. О политической и экономической ситуации, сложившейся в Центральной Азии к началу XXI века

При всем многообразии государственных, национальных, экономических и социальных особенностей новым независимым государствам Центрально-Азиатского региона присущ ряд общих специфических черт, которые, конечно же, должны учитываться как при анализе ситуации в данном регионе и перспектив ее развития на ближайшие годы, так и, что особенно важно, при выработке прагматичной государственной политики России на этом направлении.

Первое. Все пять ННГ этого региона – это страны с преобладанием населения, исповедующего ислам. Этот фактор играет весьма важную роль, особенно если учесть набирающую силу тенденцию к религиозному возрождению на территории бывшего СССР. Это обстоятельство, в частности, активно используется теми внешними силами, представляющими радикальный ислам, которые выступают за объединение всех или, по крайней мере, большей части государств этого региона на основе ислама и создание здесь «священного исламского государства». Не прочь разыграть исламскую карту и другие внешние силы, которые хотели бы окончательно вытеснить Россию из региона или, по крайней мере, свести к минимуму ее влияние здесь. Надо признать, что широко развернувшаяся в Центрально-Азиатском регионе сразу же после распада СССР деятельность исламских экстремистских группировок – это во многом результат совпадения антироссийских интересов этих двух сил, их взаимодействия, в том числе и прямого.

Характерно между прочим, что с началом войны США в Афганистане против режима «Талибан» деятельность этих группировок в Центральной Азии заметно активизировалась. Она зафиксирована даже в Казахстане, еще недавно самой спокойной в этом отношении стране региона.

Наиболее активно действует экстремистское «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ). Появились сообщения, что известный руководитель военного крыла ИДУ Джума Намангани не погиб в Афганистане в ходе антитеррористической операции, как об этом сообщали американцы и различные источники в Киргизии, Узбекистане и других странах, а жив и формирует новые отряды¹⁶³. Все это породило массу слухов о новой «операции возмездия», в ходе которой экстремистами планируется захват Ферганской долины. Это уже не первая попытка экстремистов закрепиться в Центральной Азии. Главная цель операции прежняя – образование нового государства – халифата и создание в Ферганской долине плацдарма для последующего продвижения в направлении столиц центральноазиатских республик – Ташкента, Бишкека, Ашхабада. При этом боевики ИДУ, судя по поступающей информации, ставят своей задачей не только свержение местных руководителей и расширение территории находящейся под контролем ИДУ, но и уничтожение западных военных объектов в регионе. Впрочем, вряд ли они пощадили бы и российские военные объекты.

Активизируется деятельность и других исламских группировок. В частности таких партий, как международная исламская партия «Хизб ут-Тахрир», «Таблиги Джаамат» с центром в Пакистане и других.

Так, «Хизб ут-Тахрир»¹⁶⁴ запрещена в большинстве исламских государств. И хотя она подвергается жестким репрессиям со сто-

¹⁶³ Об этом, в частности, сообщил секретарь Совета безопасности Киргизии Мисир Аширкулов. (Независимая газета. 2002, 30 июля).

¹⁶⁴ Партия «Хизб ут-Тахрир» была создана в 1953 году в Палестине. В Средней Азии ее активность зафиксирована с 1995 года. По заявлению ее лидеров, партия отвергает вооруженные методы борьбы и действует лишь путем убеждения. Ее цель – добиться объединения мусульман всего мира в единый халифат. Партия считает, что на сегодняшний день в мире нет ни одного истинного исламского государства, что западная демократия неприемлема для мусульман, а такие государства, как США, Израиль, Великобритания, являются «порождением шайтана». «Хизб ут-Тахрир» запрещена практически во всех мусульманских странах. Координирующий центр деятельности за границей, по некоторым данным, располагается в Лондоне.

роны властей среднеазиатских республик – Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, нейтрализовать ее деятельность в этих республиках не удается. В частности, эта партия, наряду с ИДУ, является самой массовой партией среди населения Ферганской долины. Официально «Хизб ут-Тахрир» осуждает деятельность ИДУ, однако на деле ее руководители поддерживали Намангани и его боевиков, которые пытались захватить Ферганскую долину.

Деятельность подобного рода экстремистских группировок, их долгосрочные цели, направленные ни много ни мало на смену государственного строя в республиках Центральной Азии с созданием на их территории халифата приводит к тому, что район Центральной Азии становится районом перманентной нестабильности. Несогласованность действий противостоящих исламским экстремистам сил (в частности, России, США, западноевропейских стран и государственных властей новых независимых государств Центральной Азии), неизбывное стремление США вести здесь двойную игру и применять двойные стандарты для оценки тех или иных проявлений терроризма и экстремизма, с подспудными целями использовать радикальных исламистов для решения собственных задач в регионе, делают подобную перспективу для Центральной Азии более чем реальной.

Второе. Во всех республиках Центральной Азии нынешние президенты пришли к власти сразу же после объявления независимости этих государств (некоторое исключение составляет лишь Таджикистан) и находятся на высшем государственном посту своих республик 12 и более лет.

Назарбаев Нурсултан Абишевич (Казахстан) родился 6 июля 1940 года. С 1984 года – председатель правительства Казахской ССР, с 1989 года – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Стал президентом республики (в составе СССР) в апреле 1990 года. 1 декабря 1991 года избран президентом страны на безальтернативной основе. 29 апреля 1995 года был проведен референдум, по результатам которого полномочия президента были продлены до 2001 года. 10 января 1999 года переизбран президентом страны на очередной, семилетний срок – до 2006 года.

Каримов Ислам Абдуганиевич (Узбекистан) родился 30 января 1938 года. С июня 1989 года занимал пост первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. Избран на пост президента страны 29 декабря

1991 года, после провозглашения независимости республики (31 августа 1991 года). 9 января 2000 года переизбран на второй срок. Национальный референдум 27 февраля 2002 года продлил президентские полномочия с 5 до 7 лет. Следующие выборы должны состояться в декабре 2007 года.

Акаев Аскар Акаевич (Киргизия) родился 10 ноября 1944 года. Избран на пост президента республики (в составе СССР) в октябре 1990 года. После объявления независимости на выборах 12 октября 1991 года вновь избран президентом страны. 24 декабря 1995 года переизбран на второй срок. В декабре 2000 года вновь переизбран президентом. В июле 2002 года заявил, что не намерен выставлять свою кандидатуру на президентских выборах 2005 года.

Рахмонов Эмомали Шарипович (Таджикистан) родился 5 октября 1952 года. Избран президентом страны 6 ноября 1994 года. На выборах 6 ноября 1999 года был переизбран на второй срок. Очередные выборы президента страны должны состояться в 2006 году. (В соответствии с изменениями, внесенными в Конституцию Республики Таджикистан по итогам референдума 26 сентября 1999 года, срок президентства продлен до семи лет.) (Первым президентом Таджикистана в составе СССР был избран первый секретарь Компартии республики Кахор Махкамов. 9 сентября 1991 года Таджикистан объявлен независимым государством, и в ноябре проведены выборы президента страны. Им стал Рахмон Нобиев. В 1992 году в стране разразилась гражданская война. Пост президента был упразднен. В ноябре 1994 года была принята новая конституция страны и восстановлен пост президента).

Ниязов Сапармурат Атаевич (Туркменистан) родился 19 февраля 1940 года. Избран первым президентом республики (в составе СССР) 27 октября 1990 года, будучи первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана. В 1992 году переизбран президентом независимого Туркменистана. В 1998 году получил полномочия находиться на посту президента без ограничения срока. С. Ниязов отказался от этого и заявил, что в 2008 – 2010 годах состоятся президентские выборы. Но в августе 2002 года появились сообщения, что он дал согласие остаться президентом Туркменистана пожизненно.

Итак, в 2005 году должны состояться президентские выборы в Киргизии, в 2006-м – в Таджикистане и Казахстане, в 2007-м – в Узбекистане. Смена нынешних лидеров республик ЦАР на ближайших выборах или в последующем цикле (2013 – 2014 годы) неизбежна, тем более что нельзя не учитывать и возрастной фак-

тор. Произойдет ли она мирным путем? Многие аналитики высказывают небезосновательные опасения, что смена лидеров в этих странах приведет к острейшей борьбе за власть. Этот процесс также может стать мощным источником нестабильности как в отдельных государствах, так и во всем регионе.

Не следует, впрочем, забывать, что в 2008 году произойдет и смена президента в Российской Федерации, что также не может не внести определенный возмущающий момент в обстановку в ЦАР, особенно если учесть роль России в этом регионе.

Есть и другая сторона вопроса, непосредственно касающаяся взаимоотношений в звене Россия – Центральная Азия. Грядет не просто смена лидеров, а, скорее всего, смена политического курса центральноазиатских ННГ. На смену политикам, которые были тесно связаны с Россией своим воспитанием, образованием, дружественными и даже семейными отношениями, а в какой-то мере и идеологическими узами, которые были воспитаны в духе уважения к кремлевским властям, приходит новое поколение политиков, свободных от прежних пристрастий и догм и ориентированных уже главным образом на демократические ценности в западном их понимании и трактовке. Это неизбежно должно привести и к смене общеполитического курса ННГ во вполне предсказуемом направлении – от России к Западу. Уже сейчас раздаются голоса о том, что ныне действующие президенты центральноазиатских республик «исчерпали свои ресурсы по реформированию и развитию своих стран, хотя созданный ими механизм правления способен обеспечить длительное их пребывание у руля власти»¹⁶⁵. Правящие режимы этих стран, по мнению национальной оппозиции и многих западных аналитиков, политически законсервированы и в большинстве своем авторитарны, что провоцирует развитие в них революционных процессов. Более того, целый ряд политологов на Западе (Ричард Пайпс в США и другие) склонны рассматривать складывающуюся в государствах Центральной Азии форму правления как «султанизм».

К борьбе за главный пост в странах Центрально-Азиатского региона неизбежно подключатся и третьи силы. Религиозные

¹⁶⁵ Интервью Мурада Эсенова, руководителя Центра социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция), журналу «Центральная Азия: политика и экономика» (№3-4, март-апрель 2001).

группировки, в том числе и экстремистски настроенные, воспользуются сменой лидеров в своих целях. США, со своей стороны, реализуя уже неоднократно оправдавший себя прием и прикрываясь лозунгами защиты демократических ценностей в ННГ, наверняка будут стремиться посадить в президентское кресло лояльного к ним политика. Очевидно, не будет безучастно смотреть на процесс смены власти и Россия, для которой политический курс государств Центральной Азии после смены лидеров особенно важен.

Третье. Общей особенностью государств региона является клановость. Кланов в них играют существенную роль во всех сторонах жизни общества и государства, а борьба кланов – один из наиболее серьезных деструктивных и дестабилизационных факторов. Пожалуй, в наиболее жесткой форме такая борьба проявилась в Таджикистане, где дело дошло до гражданской войны, длившейся с 1992 по 1996 год, унесшей жизни более 50 тысяч людей и отбросившей страну на несколько десятилетий назад. В Узбекистане, как и в Таджикистане, кланы сложились по территориальному принципу. Естественно, что наиболее влиятельные посты в государстве распределяются по клановой принадлежности. В Таджикистане – это кулябский клан, к которому принадлежит Э.Рахмонов, в Узбекистане – самаркандско-бухарский, из которого вышел президент И.Каримов. Пожалуй, в наименьшей степени клановость проявляется в Туркменистане, хотя здесь и сохраняются черты племенного деления. С.Ниязов, текинец по происхождению, не стал раздавать посты своим соплеменникам и принял меры для того, чтобы ни один из регионов не пытался бороться за власть. Впрочем, этому способствовал и процветающий в республике непререкаемый властный авторитет самого Ниязова, не допускающего никакой внутригосударственной борьбы – ни племенной, ни партийной. В Киргизии выделяются два клана – северный (к которому принадлежит и президент Акаев) и южный. Здесь также время от времени обостряется политическая борьба, которая подогревается тем, что представители южного клана не намерены пребывать на вторых ролях и стремятся занять подобающее место в органах государственной власти.

Между тем клановая борьба приводит ко многим негативным последствиям. Она подпитывает коррупцию, обостряет полити-

ческую борьбу, провоцирует внутренние вооруженные конфликты, приводит к ущемлению прав целых групп населения. Огромные государственные средства уходят на поддержание «своего» клана. Снижается и управленческий потенциал руководящей элиты на всех уровнях власти.

Четвертое. Еще один общий для всех стран Центральной Азии фактор, который условно можно назвать «русским». Он не сводится только к решению проблемы соотечественников за рубежом или русскоязычного населения в центрально-азиатских странах СНГ. Это лишь часть проблемы – может быть, даже не самая ее главная. Речь идет о более широких давних связях – исторических, экономических, культурных и других – России со странами Центральной Азии, которые длительное время были частями единого государственного организма.

Во всех республиках Центрально-Азиатского региона была велика доля русских и других так называемых некоренных национальностей. Они составляли значительную часть интеллектуальной элиты этих республик – политической, управленческой, научной, инженерно-технической, в сфере здравоохранения, образования и т. д. Но после объявления независимости во всех новых государствах ЦАР довольно быстрыми темпами стали развиваться процессы превращения их в моноэтнические государства, стал резко меняться национальный состав этих республик.

Так, в Казахстане численность казахов к настоящему времени уже достигла 8 млн. человек, увеличившись за годы независимости на 1,5 млн. (почти на 23%). А численность русских, украинцев, белорусов, немцев сократилась почти на треть. В Киргизии значительно возросла доля киргизов – с 1,9 млн. человек в 1989 году (52,4%) до 3,1 млн. человек в 1999 году (64,9%). Численность русских в этой стране сократилась почти на треть – с 916 тыс. до 663 тыс. человек¹⁶⁶. В Таджикистане после 1991 года начался массовый исход русских и других некоренных национальностей. Не менее интенсивно процессы их отторжения шли в Узбекистане и Туркменистане.

Но процесс превращения ННГ Центральной Азии в моноэтнические государства не ограничился резким уменьшением доли

¹⁶⁶ Независимая газета. 2002. 6 авг.

некоренных национальностей в общем составе населения. В намного больших масштабах он захватил сферу управления. Почти все командные посты – административные, в органах исполнительной власти, в вооруженных силах и спецслужбах, в научных учреждениях и производственных предприятиях заняты сегодня представителями коренного населения. Об этой «управленческой дискриминации» по разным причинам предпочитают особо не распространяться как у нас в стране, так и в ННГ, очевидно, считая этот процесс естественным. Однако нельзя не отметить, что он не идет на пользу глубинным интересам ННГ. Понижается деловой уровень управленческих и иных кадров, поскольку главным критерием их отбора становится не компетентность и профессионализм, а принадлежность к клану и национальность. Разрушаются многолетние плодотворные связи между бывшими союзными республиками, их институтами власти, научными и другими учреждениями, которые также во многом держались на личных отношениях и связях – вместе учились, работали, дружили и т. д.

Пятое. Все страны Центрально-Азиатского региона так или иначе вынуждены в своей внешней политике учитывать позиции сильнейших держав, проявляющих интерес к этому региону. А проще говоря – балансировать между такими центрами силы, как Москва, Вашингтон, Пекин. Конечно, развитие сотрудничества России с США, с Североатлантическим альянсом, в том числе в рамках борьбы с международным терроризмом, с Китаем в определенной мере меняет расклад политических сил в ЦАР и облегчает для стран региона проблему выбора. Позитивный вклад в этом смысле вносит и ШОС, сотрудничество в которой также сглаживает остроту конкурентной борьбы за влияние в регионе между Москвой и Пекином и позволяет в конструктивном ключе решать возникающие спорные вопросы. Однако говорить о полном устранении противоречий внутри этого «треугольника силы», особенно на сколько-нибудь отдаленную перспективу, пока не приходится. У каждой из столиц есть и останутся на долгие годы свои интересы в этом регионе.

Следовательно, государствам региона придется и впредь строить свою внешнюю политику как некую равнодействующую между этими центрами силы, постоянно находить компромиссы, учитывать, что любой перекося во внешнеполитических приори-

татах может иметь для них негативные последствия. Сложность подобного «балансирования» заключается еще и в том, что взаимоотношения между вершинами этого треугольника постоянно меняются. Так, если брать отдаленную стратегическую цель, то США, конечно, заинтересованы в устранении России из региона. Однако появление здесь третьей серьезной силы в лице Пекина приводит к тому, что США пока не выгоден полный уход из региона России, которую они рассчитывают использовать в качестве своеобразного противовеса КНР. Точно такой же интерес у Китая в отношении США.

VI. От настоящего к будущему. (Попытка политического прогноза)

Политические прогнозы в наше время – дело неблагодарное. Для Центральной Азии с ее переплетением множества политических, экономических, социальных проблем делать прогнозы вдвойне сложно. Тем не менее ряд направлений развития ситуации в этом регионе можно спрогнозировать с достаточно высокой степенью вероятности.

За десять с лишним лет, прошедших после распада Советского Союза, государства Центральной Азии, ставшие независимыми, достигли немало на пути построения национальных государств, укрепления собственной независимости и суверенитета. Одна из причин этого, как представляется, заключается в том, что в составе СССР эти бывшие союзные республики приобрели довольно разносторонний практический опыт в развитии элементов государственности, и поэтому построение собственного, теперь уже независимого государства прошло для большинства из них с намного меньшими потерями, чем ожидали некоторые аналитики, и, что самое главное, в довольно короткие сроки.

Какие же выводы можно сделать в отношении ближайшей перспективы развития центрально-азиатских государств?

1. В целом нынешнее состояние в регионе после разгрома режима «Талибан» в Афганистане и существенного подрыва его союзников (ИДУ, «Хизб ут-Тахрир» и др.) можно оценить как относительно стабильное. Однако антитеррористическая операция США и их союзников отнюдь не избавила центрально-азиатские

республики от угрозы религиозного экстремизма. Аналитики и практические политики расценивают складывающийся в регионе расклад сил как неоднозначный. Экстремистские группировки движения (прежде всего ИДУ, «Хизб ут-Тахрир») далеко не разгромлены. Радикалы сохранили костяк своих боевых группировок и осуществляют перегруппировку и накопление сил. Самое главное – не перекрыты каналы их финансовой, материальной и «кадровой» подпитки из-за рубежа.

По имеющимся оценкам, в Афганистане осталось не более 500–600 боевиков ИДУ. Столько же их укрылось в Пакистане. А вот на территории Таджикистана, в Тавильдарьинском и Джиргатальском районах, по некоторым данным, сосредоточено несколько крупных отрядов ИДУ, в Ферганской долине в глубоком подполье находятся до 3000 активистов членов ИДУ.

Но, помимо основной угрозы региональной стабильности со стороны экстремистских группировок, в регионе действует ряд других внешних и внутренних факторов, которые не способствуют укреплению стабильности (о них речь шла выше). Усилия властей, предпринимаемые для устранения угроз конфликтов, зачастую не достигают своей цели. Поэтому сегодня довольно трудно однозначно ответить на часто обсуждаемый аналитиками вопрос, является ли нынешнее состояние стабильности в Центрально-Азиатском регионе постконфликтным или предконфликтным. Ясно одно: угрозы новых внутри- и межгосударственных конфликтов далеко не устранены, и вероятность возгорания тлеющих «горячих точек», как и появления новых, достаточно высока. От государственных властей, международных организаций и государств, интересы которых обозначились в этом регионе, требуется много усилий и много сил и средств, чтобы поддерживать в регионе хотя бы минимальный уровень стабильности, необходимый для укрепления государственности, экономики новых независимых государств, повышения жизненного уровня населения.

2. Одним из последствий распада СССР и последующих процессов в регионе явилось то, что здесь в настоящее время осуществляется коренная перестройка международных отношений. Интенсивно идет передел сфер влияния и формирование нового геополитического расклада. Причем этот процесс,

призванный коренным образом изменить геополитический ландшафт региона, находится пока в самом своем начале. В формировании новой региональной политики участвуют целый ряд сил: ННГ Центрально-Азиатского региона, Россия, США, КНР, а также региональные державы: Турция, Иран, Пакистан. Тенденция этого процесса пока такова, что роль США в регионе и их проникновение в экономику, политику, информационную и культурную сферы центрально-азиатских государств будет усиливаться, причем наиболее динамично по сравнению с основными геополитическими конкурентами.

Постепенно, но неуклонно будет возрастать роль и влияние Китая.

Россия наверняка останется, несмотря на попытки других государств вытеснить ее из этого региона, одним из ведущих центров силы в регионе, оказывающим серьезное влияние на развитие ситуации во всем регионе и в отдельных его странах. Тем более что пока ее присутствие в регионе в целом выгодно другому главному актору – Соединенным Штатам. Разумеется, конфронтационный вариант развития российско-американских отношений – пока, думается, маловероятный – положил бы конец такому тактическому сотрудничеству. В настоящее время в странах региона реализуется довольно много экономических проектов, в которых непосредственное участие принимают российские и американские компании, в том числе и совместно, что способствует сотрудничеству и в других сферах.

Но вместе с тем влияние России как главного на сегодня политического лидера среди стран Центрально-Азиатского региона будет, по-видимому, постепенно ослабляться. Однако эти потери могут быть с лихвой компенсированы разумной экономической политикой в регионе, укреплением военного и военно-технического сотрудничества со странами Центральной Азии и выбором правильных путей взаимодействия с другими ведущими державами – Соединенными Штатами, Китаем, Турцией, Ираном.

3. Можно ли считать ННГ Центральной Азии демократическими государствами? Ответы на этот важный вопрос также характеризуются разнообразными, порою полярными точками зрения как в оценках отдельных стран региона, так и у разных аналити-

ков. Однозначности в оценках и здесь нет. Практически все эти страны обвиняются в серьезных нарушениях принципов ОБСЕ, членами которой они являются, в репрессиях против оппозиционных партий и политиков и т. д.

Для иллюстрации можно привести выдержки из резолюции №397 Палаты представителей Конгресса США от 2 ноября 2000 года.

Казахстан. Президент страны Н.Назарбаев обвиняется в необоснованном продлении срока своих полномочий до 2000 года с помощью референдума, проведенного с серьезными нарушениями, в отстранении основного соперника от участия в выборах, в организации давления на независимые СМИ. (К этому надо добавить и так называемый «Казахгейт» – ведущееся в США и Швейцарии расследование по фактам выплаты со стороны американских нефтяных компаний многомиллионных вознаграждений президенту, его родственникам, другим руководителям страны).

Киргизия (страна, которая, кстати, оценивается в резолюции как наиболее благополучная в сопоставлении с другими государствами ЦАР по соблюдению демократических норм и принципов). Власти Киргизии обвиняются в отстранении от участия в парламентских выборах в феврале-марте 2000 года ряда оппозиционных партий и их кандидатов, в организации уголовных процессов, «имевших явно политическую окраску», над лидерами оппозиции, в существенном ограничении независимых и оппозиционных СМИ.

Таджикистан. Президент Э.Рахмонов переизбран 96% голосов на выборах, на которых не было условий, необходимых для честного соперничества между кандидатами.

В **Туркменистане**, «управляемом президентом С. Ниязовым», не соблюдается ни одно из признанных во всем мире прав человека, включая свободу слова, собраний, ассоциаций, вероисповедания, а попытки осуществить эти права жестоко подавляются. В стране установился культ личности С. Ниязова, который стал пожизненным президентом. Все СМИ подвергаются жесткой цензуре. Официально зарегистрирована лишь одна политическая партия – Демократическая партия, возглавляемая С.Ниязовым.

Узбекистан. Все оппозиционные партии страны вынуждены уйти в глубокое подполье, все СМИ подвергаются цензуре. Вину

за теракты в Ташкенте в феврале 1999 года власти возложили на лидера оппозиции, его соратников и родственников, причем судебные расследования не соответствовали никаким нормам ОБСЕ, а сам процесс был по существу закрытым.

Тем не менее, несмотря на эти и подобные им обвинения, нельзя отрицать того очевидного факта, что государства Центральной Азии стоят на демократическом пути развития, хотя, может быть, идут по нему с различными скоростями и порою действительно допускают серьезные нарушения.

Другое дело, что пока налицо существенный разрыв в уровнях демократии между западными странами и государствами Центральной Азии, совсем недавно ставшими на путь демократического развития. Да и условия реализации истинно демократических принципов у них намного более тяжелые, чем у западных менторов и судей: затяжной и глубокий экономический спад, разрушение устоявшихся политических и идеологических основ, социального уклада, резкий переход от социалистической к принципиально отличной западной демократии, антагонистическая несовместимость декларируемых властями новых независимых государств демократических принципов развития с принципами, провозглашаемыми экстремистскими исламистскими течениями и группировками, не признающими никаких светских законов и использующих в качестве основного средства политической борьбы террористические и диверсионные методы. Наивно было бы ожидать, что в этих странах уже завтра восторжествует демократия в западном понимании. Путь к этому, очевидно, еще довольно долгий. Ведь зачастую руководители этих стран вынуждены исходить из того, что свобода всяческой оппозиционной деятельности в их странах – это фактически «свобода» угнетения и правового беспредела в отношении людей другой национальности, вероисповедания, даже района проживания, «свобода» бандитизма, осуществления терактов и т. п. Поэтому в этих странах порою можно наблюдать двойственное отношение к демократии. Здесь, например, нередко бытует мнение, что движение к демократии неизбежно генерирует нестабильность.

Нельзя механически переносить принципы американской демократии в страны, только-только вставшие на этот путь. «Экс-

порт демократии» по своим последствиям равносильна «экспорту революции». Надо учитывать, что во всех странах Центральной Азии сегодня налицо понимание того, что процессам демократизации альтернативы нет, что они просто обречены двигаться по этому пути. Хотя бы потому, что их экономика бесповоротно встала на рыночный путь, в нее глубоко внедрили американские и другие западные компании. В этих условиях обязанность тех государств, которые взяли на себя ответственную роль лидеров в регионе, – оказывать всяческую помощь в движении ННГ по этому пути, не ускоряя насильственно демократические процессы и помогая устранять тормозящие факторы. При этом надо учитывать и традиционно патриархальный менталитет Востока, с одной стороны, а с другой – не пытаться использовать борьбу за демократию для реализации собственных целей и замыслов, применяя двойные стандарты в оценке тех или иных проявлений оппозиционной деятельности или мероприятий официальных властей. К чему это может привести, видно на примере более чем лояльной на первых порах политики США по отношению к движению «Талибан».

Сегодня довольно значительные средства западные доноры планируют вложить в восстановление Афганистана, его экономики, социальной инфраструктуры. Понять благие намерения западных вкладчиков капиталов можно. Именно Афганистан сегодня является едва ли не главным заповедником международных террористических организаций, которые и до сих пор не утратили здесь своего влияния.

Но многие эксперты, глубоко разбирающиеся в проблемах Центрально-Азиатского региона и прилегающих к нему регионов, высказывают серьезные сомнения, что их удастся решить в ближайшей перспективе. Ошибкой западных правительств они считают то, что те пренебрегают состоянием и влиянием государств Центральной Азии, особенно граничащих с Афганистаном, на общую ситуацию во всем этом обширном районе мира. Помощь в стабилизации экономики, в решении их социальных и других проблем смогла бы способствовать созданию своего рода пояса стабильности на границах с Афганистаном, подрывающего социальную базу террористических группировок. Тем более что в государствах Центральной Азии в основном сохранилась

производственная база, социальная инфраструктура, ситуация в них в основном уверенно контролируется легитимными государственными властями, что позволяет использовать получаемые средства с намного большей отдачей для общей стабильности в регионе, чем в том же Афганистане, который пока представляет собой во многом «черную дыру».

Так, например, директор программ по России и Евразии Международного института стратегических исследований (Лондон) Оксана Антоненко считает: если нет институтов, которые могут обеспечить стабильность в стране, то в Афганистане, предоставленном самому себе, с полностью разрушенной экономикой и социальной инфраструктурой, это даст «возможность структурам, основанным на военизированных группах, имеющих рычаги влияния в обществе, практически без закона управлять страной и тем самым превратить ее в очаг не только терроризма, но и в источник целого круга глобальных проблем – экологических, переправки наркотиков и так далее»¹⁶⁷.

К сожалению, пока внимание западных правительств сосредоточено в основном на Афганистане, хотя пренебрежение к экономическим и социальным проблемам государств Центральной Азии может им дорого обойтись.

Такова в общих чертах ситуация, складывающаяся сегодня в Центрально-Азиатском регионе как едином геополитическом пространстве, стоящем на пороге наступающей эры глобализации и оказывающемся не только в центре Евроазиатского континента, но и в центре внимания многих влиятельных политических сил современного мира. В данном материале сделан основной упор на рассмотрение общих для региона проблем, особенностей, тенденций дальнейшего развития. Вместе с тем не менее интересны и важны процессы, происходящие в каждом из пяти государств региона, влияние которых выходит даже за региональные рамки. Рассмотрению и анализу этих особенностей должно быть уделено особое внимание.

«Вестник аналитики», №4 – 2002 г.

¹⁶⁷ Литературная газета. 2002. №27.

ПРИОРИТЕТЫ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

I

Процесс глобализации, начавшийся в свое время в экономике, постепенно охватил все без исключения сферы деятельности мировой цивилизации и стал общемировым ключевым процессом XXI века. Его уже нельзя оценивать только в экономических категориях, хотя экономика пока остается центральным звеном глобализации. В докладе Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего: «Доклад по Проекту-2020»» отмечается, что «размах и скорость перемен, обусловленные глобализацией, вне зависимости от их природы станут характерной особенностью ближайших 15 лет». Мир столкнется с серьезными проблемами, вызванными этими переменами. Обусловлено это главным образом тем, что под воздействием глобализационных процессов современный мир становится все более взаимозависимым, более неразделенным во всех своих проявлениях, более однородным, в чем-то более безопасным, но во многом, к сожалению, и более уязвимым.

Непредвзятые оценки подтверждают, что глобализация – процесс не только разветвленный, но и неоднозначный по своему воздействию на мировое сообщество в целом и на отдельные государства. Она влечет за собой не только позитивные, но и значительные негативные последствия. Лауреат Нобелевской премии 2001 года по экономике Джозеф Стиглиц в своей книге «Глобализация: тревожные тенденции» отмечает, что надежды на благотворные последствия глобализации оказались во многом иллю-

зорными. В целом ряде регионов мира наблюдается стагнация экономики, финансовые кризисы, вооруженные конфликты, терроризм, рост международной преступности, экологические бедствия, техногенные катастрофы. До тысячекратного показателя увеличился разрыв между самыми бедными и самыми богатыми странами мира. Он стал одной из наиболее актуальных проблем современности и источником многих угроз. Большинству стран глобализация не принесла обещанных экономических выгод. В наиболее трудном положении оказались страны, переходящие от плановой к рыночной экономике. Это особенно относится к России, крупнейшей стране мира с еще недавно высоко развитой и разветвленной плановой экономикой. Неизбежные трудности переходного периода накладываются у нас на те негативы, которые вызваны глобализацией.

Можно согласиться со Стиглицем и в том, что глобализация не сделала мир более стабильным и безопасным. Это касается не только экономики, но и всех других важнейших сфер жизнедеятельности государств и условий их существования.

Помимо общего глобального экономического пространства, которое сегодня является объективной реальностью, создано и продолжает интенсивно развиваться **единое мировое информационное пространство**. Ту же всемирную компьютерную сеть Интернет уже нельзя считать чисто информационным явлением. Она все более активно воздействует на экономику, финансы, социальную сферу, мировую культуру, общественную мораль и т.д. Появляется все больше возможностей для осуществления атак в виртуальном пространстве на важнейшие узлы мировой информационной структуры, на структуры, управляющие промышленными процессами, финансовыми потоками, энергоснабжением, а также на национальные системы управления, в том числе и системы управления оружием, включая ракетно-ядерное.

Физические границы между государствами, которые еще недавно служили барьерами для перемещения людей, товаров, капиталов, услуг и даже интеллектуальных продуктов (идеологий, верований, научных и иных теорий, политических взглядов и т.д.), постепенно утрачивают свое прежнее значение, все более превращаясь в некое географическое понятие, в условные линии, очерчивающие территорию отдельных государств, но не ограничива-

ющие межчеловеческое общение – экономическое, информационное, личное – и, самое главное, все меньше препятствующие распространению угроз безопасности.

Сегодня уже можно говорить о существовании не только единого экономического и информационного глобальных пространств. Все явственнее проявляются, например, признаки формирования общего пространства безопасности и даже единого силового пространства, хотя пока и в задаточной форме, формируемого, главным образом, для решения конкретных задач.

Несколько примеров в подтверждение этого.

Первый – антитеррористическая операция, начавшаяся в 2001 году после сентябрьских терактов в США. В ней приняли участие или поддержали ее практически все государства мира, за малым исключением.

Второй пример – Ирак. Только к военной операции во главе с США присоединились 50 государств с общим числом 1,23 млрд. человек и совокупным валовым внутренним продуктом 22 трлн. долларов. (Такие цифры называла Кондолиза Райс в марте 2003 года). Ряд других государств, в том числе союзники США по НАТО, не принимали участия в военной операции, но назвать их нейтральными нельзя, поскольку они возражали не столько против силового воздействия на режим Хусейна, сколько против способов такого воздействия и против монопольного права США принимать важнейшие для всего мира решения.

Третий пример – обновленный Североатлантический альянс. Он значительно увеличил свой боевой состав и расширил географические рамки, приняв в свой состав все государства бывшего Варшавского договора и три прибалтийские республики. Но самое главное – альянс трансформировался концептуально и стратегически. Это уже не оборонительный союз времен «холодной войны», действующий на территории Западной Европы. Сегодня это мощный, единственный в мире военно-политический союз, влияние и военно-политическое пространство которого распространяются на значительную часть Евразийского и Североамериканского континентов, на север Африканского континента, на Атлантику. В случае необходимости блок может и готов действовать в любом районе земного шара. Многие страны, не являющиеся сегодня членами НАТО, в том числе государства – бывшие со-

ветские республики, стремятся попасть под силовой зонтик, предоставляемый им Соединенными Штатами и НАТО. Стремление это обоюдное. На Стамбульском 2004 года саммите НАТО объявила зоной своих стратегических интересов Южный Кавказ и Центральную Азию. Тогда же было принято решение о расширении сотрудничества альянса со странами Средиземноморья и Ближнего Востока.

Да и отношения России и НАТО за последние 10 лет существенным образом изменились и носят все больше характер сотрудничества, хотя определенные конфронтационные моменты пока все же сохраняются, в основном из-за позиции НАТО, предпочитающей держать Россию на дистанции и упорно не желающей считаться с озабоченностями России в отношении немотивированного расширения блока на восток, некоторых аспектов, касающихся Договора по обычным вооруженным силам в Европе, ситуации вокруг чеченского кризиса и др. Но это не мешает НАТО целенаправленно укреплять свои позиции на постсоветском пространстве при молчаливом согласии России. Так, в одном из своих последних интервью (сентябрь 2005 года) генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа заявил: «Я не рассматриваю НАТО как противоборствующую структуру и не говорю о том, что мы должны соперничать. Сегодня мы де-факто действуем на одном поле. И дальше будем идти параллельными курсами, не соприкасаясь и не взаимодействуя, что, в принципе, тоже возможно».

Все это дает веские основания для вывода о том, что *НАТО XXI века неуклонно превращается в военно-политический альянс глобального уровня.*

II

Что касается **общего пространства безопасности**, то здесь хотелось бы подчеркнуть следующее. С одной стороны, общий ландшафт глобального пространства безопасности пока еще довольно неоднороден. Это и понятно. У каждой страны есть свои интересы, свои приоритеты в сфере безопасности, свои специфические угрозы и вызовы, они обладают далеко не равными возможностями как по обеспечению собственной безопасности, так и по вкладу в глобальную безопасность. Но, с другой стороны, се-

годня нельзя рассматривать безопасность любой страны как нечто обособленное, вне рамок глобального пространства безопасности, нельзя не учитывать тех общемировых процессов и особенно глобализации, которые оказывают влияние на состояние безопасности, укрепляя или, наоборот, ослабляя ее. Россия в этом отношении не исключение.

Чем обосновывается влияние глобализации на общемировую и национальную безопасность государств?

Во-первых, глобализация существенным образом меняет спектр угроз, стоящих перед каждой страной. Появляется ряд новых угроз, а ранее существовавшие традиционные угрозы под воздействием глобализационных процессов либо кардинально меняются, либо постепенно исчезают. Увеличилось количество глобальных угроз человеческой цивилизации, что может способствовать созданию общемирового пространства безопасности, по крайней мере для предотвращения отдельных угроз такого рода.

Во-вторых, глобализация объективно повышает прозрачность всей жизни государств – прозрачность их экономики, политики, информационной и военной сферы, деятельности властей, расстановки внутривнутриполитических сил и др. Это, естественно, требует пересмотра всего комплекса задач, стоящих перед государством по обеспечению национальной безопасности, и методов их решения. Некоторые из таких задач попросту отмирают, другие приходится решать в атмосфере прозрачности, что также накладывает определенную специфику на многие аспекты деятельности государства и его соответствующих органов, занимающихся обеспечением безопасности.

Достаточно вспомнить, сколько сил и средств тратилось нашей страной на обеспечение военных и государственных секретов. В частности, на сокрытие численности войск, их дислокации, вооружений, мероприятий боевой и оперативной подготовки и т.п. Теперь эту информацию в соответствии с заключенными международными соглашениями мы предоставляем на регулярной основе всем государствам – членам Организации и безопасности и сотрудничеству в Европе и участникам договоров по разоружению.

Аналогичные примеры открытости можно видеть в экономике, науке, социальной сфере.

В-третьих, безопасность любого государства в сегодняшнем мире приобретает все больше наднациональных признаков. Это вытекает, с одной стороны, из общности некоторых угроз для всего мирового сообщества или, по крайней мере, для большей его части. А с другой – растет понимание того непреложного факта, что со многими современными угрозами самостоятельно не в состоянии справиться даже мощные державы. Что уж говорить о более слабых, о развивающихся или т. н. падающих государствах?

В-четвертых, глобализации сопутствует ряд нежелательных, скажем так, процессов, также влияющих на национальную безопасность. Таким процессом является, например, вестернизация, которая порою отождествляется с глобализацией, а порою искусственно маскируется ею, преследуя интересы одной супердержавы или корпорации западных государств и объективно способствуя не объединению, а разделению мира. Нельзя напрочь отвергать западный путь развития, но и слепо копировать его, не учитывая многие специфические национальные особенности и национальный исторический опыт, было бы серьезной ошибкой.

Так, в частности, перевод силовых структур, особенно вооруженных сил, не только новообращенных членов НАТО, но уже и ряда государств СНГ на западные организационные, тактические, военно-технические стандарты серьезно подтачивает позиции России на постсоветском пространстве, приводя к утрате рынков сбыта военной техники, разрыву кооперационных связей в оборонно-промышленном комплексе, кадровым потерям, и в конечном счете усиливает изоляционистские тенденции в российской политике окружающих нас государств и даже способствует в какой-то мере нарастанию русофобии.

III

Таким образом, нарастающее воздействие глобализационных процессов на национальную безопасность страны неоспоримо. Причем это воздействие несет в себе как положительные тенденции, способствующие укреплению безопасности страны, так и негативное влияние, в чем-то подрывающее безопасность и внутреннюю стабильность.

В этих условиях просто необходим принципиальный пересмотр наших подходов к оценке угроз национальной безопасности и к ее обеспечению.

К сожалению, если это и сознается нашими компетентными органами, отвечающими за эту важнейшую государственную задачу, то пока слабо реализуется в соответствующих правовых и концептуальных документах и, соответственно, в практической работе.

Один из главных документов, положивший начало формированию нормативно-правовой базы РФ в сфере безопасности, – *Закон РФ о безопасности 1992 года*, который действует до сих пор (с незначительными изменениями, внесенными в октябре 1993 года и июле 2002 года).

Основополагающим концептуальным документом в сфере безопасности является на сегодня *Концепция национальной безопасности РФ*, утвержденная Президентом РФ в январе 2000 года. Фактически же это документ 1997 года с внесенными в него незначительными правками. Другие концептуальные документы в сфере безопасности: *Военная доктрина РФ* (утверждена Президентом РФ в апреле 2000 года), *Концепция внешней политики РФ* (июль 2000 года), *Доктрина информационной безопасности РФ* (сентябрь 2000 года).

Все эти документы в значительной мере устарели и не учитывают тех принципиальных и динамичных изменений, которые произошли и происходят в мире, и тех особенностей, которые требуют иных подходов к обеспечению национальной безопасности, определению главных задач в этой области, средств и методов их осуществления.

Среди таких особенностей надо отметить следующие:

- *стирание границ между внешними и внутренними угрозами*. Это относится и к экономике, и к военной, и к другим сферам. Эта особенность является прямым следствием развития процесса глобализации, и она будет проявляться все более отчетливо. Сегодня не только на экономику, но даже на сугубо внутренние политические и социальные процессы могут оказывать и оказывают влияние внешние факторы. За примерами далеко ходить не надо – тот же феномен т. н. «оранжевых революций», приведший к смене полити-

ческих властей в ряде государств, в том числе и в странах СНГ;

- *появление новых угроз безопасности*, как общемировых, так и тех, которые характерны только или в большей степени для России;
- *перераспределение «веса», или значимости угроз, их приоритетов*. Это относится как к ранее существовавшим, традиционным угрозам, так и к сравнительно новым.

В июле с. г. Совет по внешней и оборонной политике организовал обсуждение проекта Стратегии национальной безопасности, который был разработан под эгидой Совета безопасности Российской Федерации. Этот документ, который должен прийти на смену Концепции национальной безопасности 2000 года, в целом неплохой, он более прагматичен, в нем сделана попытка учесть те новые изменения, которые произошли и происходят сегодня в мире. Но все же и в этом документе явственно проскальзывают старые подходы к оценке угроз и, как следствие, к обеспечению безопасности.

В проекте отмечалось, в частности, что «военная сила остается одним из важнейших инструментов политики большинства государств». Вывод принципиальный. По сути, он определяет главные приоритеты в деятельности государства и общества по обеспечению безопасности и недвусмысленно требует, чтобы в ближайшие годы основные усилия по обеспечению безопасности страны направлялись на усиление военной составляющей. Но надо признать, что на фоне растущей значимости таких инструментов, как экономическая и финансовая мощь государства, как информационное воздействие, как инструменты гуманитарного характера значение военной мощи явно тускнеет. Современные возможности финансово-экономических, политических, идеологических, информационных и других несиловых видов воздействия позволяют с успехом решать те же задачи, которые раньше ставились только перед военной силой. Так, например, Россию в последние годы и без применения военной силы успешно вытаскивают из зон ее традиционного и безраздельного влияния, в том числе на постсоветском пространстве.

Никто не спорит, военные угрозы для нашей страны не исчезли. Поэтому повышение оборонных возможностей государ-

ства, укрепление Вооруженных Сил, их подготовка и оснащение современной техникой остается одной из приоритетных задач государства. Но все же надо исходить из того, что современный инструментарий обеспечения национальной безопасности должен носить комплексный характер, и в этом комплексе военная составляющая остается важным, но уже не самым главным элементом.

IV

В этой связи хотелось бы остановиться на особенностях и краткой оценке некоторых угроз безопасности, представляющих главную опасность для страны, ее стабильности, территориальной целостности, дальнейшего существования как независимого суверенного государства в условиях глобализации.

Во-первых, надо исходить из того, что *главная угроза для страны лежит сегодня не в военной, а в экономической сфере*. Если Россия в мировой экономике будет занимать место заурядного сырьевого придатка (а пока скатывание страны к этому незавидному статусу приостановить не удастся), если и дальше будет увеличиваться технологический разрыв между Россией и развитыми странами мира, если мы не решим еще целый ряд общегосударственных задач по подъему экономики до уровня развитых стран, никакая военная мощь не поможет нашей стране занять место в ряду передовых держав мира. Более того, мы просто не сможем обеспечить поддержание наших Вооруженных Сил и других силовых структур на требуемом уровне.

Разумеется, приходится учитывать, что глобализация, хотим мы того или нет, приводит к более глубокому международному разделению труда в системе мирового хозяйства. Россия с ее природными запасами энергоресурсов и других природных ископаемых будет и впредь оставаться одним из основных их поставщиком на мировые рынки – от этого никуда не деться. Но ведь даже в качестве поставщика сырья можно действовать по-разному. Можно гнать на экспорт сырую низкокачественную нефть с высоким содержанием серы, теряя на каждой ее тонне значительные деньги. А можно организовать очистку нефти, ее переработку внутри страны и поставку на мировые рынки высо-

кокачественных продуктов. Это не только способствовало бы созданию новых рабочих мест внутри страны, но и принесло бы дополнительные средства для решения одной из главных задач обеспечения ее экономической безопасности – развития высокотехнологических отраслей и достижения конкурентоспособности их продукции на мировых рынках.

Во-вторых, особо надо сказать о *военной угрозе*. Конечно, она сохраняется. И сохраняется угроза войны. Но военная угроза для страны существенно видоизменилась. Угроза широкомасштабной внешней агрессии сегодня становится намного менее вероятной, чем в годы «холодной войны». Это не значит, что такое положение сохранится навсегда. Но в реалиях сегодняшнего дня развязывание войны против России со стороны, скажем, НАТО, США или Китая представляется практически нереальным. Хотя бы потому, что у этих мировых гигантов есть другие возможности внешнего воздействия и достижения своих целей.

Наибольшая военная опасность сегодня исходит от тех сил, которые действуют внутри страны, но пользуются поддержкой извне. Уже на протяжении более десяти лет страна ведет военные действия на собственной территории. Можно называть их как угодно – наведением конституционного порядка, антитеррористической операцией, но фактически это война. Такое положение может сохраняться довольно длительное время, оно потребует отвлечения многих сил и средств и будет нести в себе одну из главных угроз безопасности и целостности страны.

Если сравнить ситуацию на Северном Кавказе с 1994 годом, когда началась операция по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике, с нынешней, то приходится признать, что ситуация в этом регионе для целостности страны стала не менее, а в чем-то даже более опасной. Помимо Чечни, военные действия против террористических бандформирований в последние годы имели место в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Нет никаких гарантий того, что они не вспыхнут вновь в любой республике и в любое время. Очень непростая ситуация зреет в Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Адыгее.

Поэтому в качестве одной из главных потенциальных угроз сегодня приходится рассматривать *возможность развязывания*

гражданской войны на Кавказе и последующего нарушения территориальной целостности страны.

В сущности, не прекращающийся уже полтора десятка лет чеченский конфликт, последние события в Ингушетии, Северной Осетии (Беслан), Кабардино-Балкарии связаны между собой. Об этом говорил на недавней пресс-конференции в связи с нападением боевиков на Нальчик заместитель Генерального прокурора в Южном федеральном округе Н. Шепель, заявив при этом, что на Северном Кавказе действует «серьезная реальная сила, идеология которой представляет угрозу нашему государству». Нельзя и дальше закрывать глаза на происходящее и называть все это «бандитскими налетами», «вылазками боевиков», «происками ваххабитов», полностью игнорируя главную угрозу – опасность возникновения в регионе гражданской войны, какой бы малой эта угроза не представлялась. Предотвратить эту угрозу еще можно, а вот выйти из гражданской войны, если она разгорится, без огромных потерь не удастся.

Надо отметить еще одну опасную особенность боевых действий на Северном Кавказе, проявившуюся в последнее время.

Если в начале 90-х годов основные причины обострения сепаратизма, а следовательно, и пути устранения этих причин в национальных республиках Северного Кавказа лежали в основном в социально-экономической области, то сегодня только подъемом экономики региона и созданием условий для ликвидации массовой безработицы (до 70% трудоспособного населения в отдельных районах) вряд ли удастся добиться здесь стабильности. Значительная часть населения, особенно молодежи, за это время подверглась идеологической обработке и находится под влиянием радикальных исламистских сил. Конечно, не обходится без внешней поддержки таких сил, тем более что за рубежом достаточно много тех, кто заинтересован в дестабилизации обстановки на Северном Кавказе и в России в целом. Но главная военная угроза находится внутри региона. Действующие там силы неуклонно ведут линию на отделение Северного Кавказа от России. В соответствии с законами диалектики в регионе происходит сращивание экономического базиса и идеологической надстройки. Увядающая экономика и снижающийся уровень жизни, коррупция и клановость способствуют внедрению в сознание населе-

ния, особенно молодой его части, радикальных, в том числе антироссийских идей. Нельзя не видеть, что многие молодые люди, выступившие с оружием в руках на стороне боевиков в том же Нальчике и в других местах, идут на смерть не за кусок хлеба, а за идею, какой бы иррациональной и даже дикой она ни казалась нам, привыкшим мыслить рационально. И таких молодых людей среди боевиков становится все больше.

Поэтому подъем уровня жизни населения кавказских республик – это важное, необходимое, но уже недостаточное условие для обеспечения стабильности в регионе. Не помогут и финансовые потоки из центра, которые в большей своей части, скорее всего, будут разворованы и частично пойдут на финансирование враждебных сил. Наряду с экономическими, финансовыми, социальными и другими мерами необходима серьезная идейно-воспитательная работа среди населения региона, в том числе и в профессиональной области, необходима серьезная борьба за молодежь.

В-третьих, одной из серьезнейших угроз безопасности, в том числе для России, продолжает оставаться *международный терроризм*. Рост этой угрозы пока не остановлен, она продолжает нарастать как по своим масштабам, так и по географическим рамкам, приобретает все более комплексный характер, тесно переплетаясь с международным криминалом всех видов (наркобизнес, торговля оружием, работоторговля, контрабанда, незаконные финансовые операции и т.д.), террористическая деятельность становится все более изощренной и изобретательной по формам и применяемым средствам.

Терроризм – это одна из тех угроз, которые носят глобальный характер. Для борьбы с ней необходима консолидация усилий всего мирового сообщества. Однако сложность борьбы с этой угрозой заключается в том, что до сих пор не выработано четкого общепринятого определения «международного терроризма», а это тормозит создание необходимой международно-правовой базы.

В свою очередь сложность выработки определения «международный терроризм» не в последнюю очередь определяется тем, что это явление, в сущности, вышло далеко за рамки собственно терроризма. Есть все основания говорить о принци-

пиально новом характере этой угрозы. Современный терроризм – это уже не удел одиночек. Например, все чаще речь идет о «террористических государствах» или о «государственном терроризме» (Иран в глазах Израиля и США, Иран и Палестина в глазах Израиля, еще недавно Пакистан в глазах Индии и др.).

Еще один показательный пример. Просматривая ряд источников по современному терроризму, я обнаружил массу определенных к понятию «терроризм»: «политический», «экономический», «финансовый», «информационный», «экологический», «техногенный», «социальный», «религиозный» и даже «культурный» терроризм. Разве это не говорит о всеобъемлющем характере этого явления, его принципиально новом характере, о проникновении террористических методов во все сферы нашей жизни?

На международной конференции «Глобальное партнерство стран «Большой восьмерки» против распространения оружия и материалов массового уничтожения», которая прошла в апреле 2004 года в Москве, речь шла о «катастрофическом терроризме» как одной из самых серьезных современных угроз безопасности.

Современный терроризм это – мощная сила, о которой нельзя говорить как о стихийной и неорганизованной, причем ее организованность и идеологическая спаянность год от года растут. Это сила, которая способна планировать, организовывать и осуществлять крупномасштабные террористические операции, держать в страхе целые народы и государства, не только наносить многомиллиардный ущерб отдельным странам, но и дестабилизировать мировую экономику и социальную среду в целом, разрушать информационное пространство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Более того, это сила, которая способна вести новый тип войны – террористическую войну. К такой войне, средствам и способам ее ведения мировое сообщество, системы безопасности и силовые структуры государств, включая многомиллионные и вооруженные самым современным оружием армии, не подготовлено. Противопоставить ей фактически нечего.

Одна из глав последней книги Збигнева Бжезинского «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» носит многозначительное название: «Сила слабости» (впрочем, ее можно было бы назвать и «Слабость силы»). Позволю процитировать

выдержку из этой книги: *«11 сентября 2001 года является эпохальным событием в истории политики, основанной на факторе силы. Десять миллионов располагавших скудными ресурсами фанатиков... заставили содрогнуться в панике самую могущественную и технологически высокоразвитую державу мира и ввергли мир в глобальный политический кризис». И далее: «...Терроризм в действительности есть беспощадная война слабых против сильных».*

Борьба с современным терроризмом не укладывается в рамки простых полицейских мер или операций, она должна носить комплексный характер, при этом силовые акции должны быть лишь одним из элементов этого комплекса. Такие акции требуют проведения крупномасштабных, тщательно подготовленных и длительных антитеррористических операций (даже кампаний) особого вида, с привлечением не только спецслужб, но и вооруженных сил, и носящих, как правило, международный характер.

Одним из главных препятствий на пути консолидации усилий международного сообщества в борьбе с террористическими вызовами современности являются двойные и тройные стандарты в подходах к оценке тех или иных (в том числе достаточно бесспорных) проявлений терроризма. Тем самым острота борьбы переносится с главного противника (угрозы) на второстепенного оппонента, на решение неких собственных политических или идеологических задач. В этом, в частности, одна из причин (не единственная, но важная) затяжной, пока без видимого конца, войны в Чечне и ее распространения на другие республики Северного Кавказа.

Вместе с тем надо исходить из того, что полностью искоренить терроризм как одну из главных угроз безопасности в ближайшем будущем вряд ли удастся. Сегодня неиссякаемой питательной средой для терроризма служат многомиллионные массы голодающих, не имеющих работы, настоящего крова людей, которым недоступны ни современное медицинское обслуживание, ни образование, ни даже минимальная социальная защита. Углубляющиеся противоречия между этими массами людей и благополучным миром – то взрывчатое вещество, которое не только будет постоянно использоваться определенными силами в собственных целях – идеологических, политических, религиозных или в целях обычной наживы, – но и которое способно

взорвать мир. Причем в условиях глобализации действует достаточно много факторов, способствующих увеличению этого разрыва, а следовательно, и росту социальной базы терроризма. Поэтому в принципе мировое сообщество, если оно хочет покончить с терроризмом, должно приложить усилия именно в этом направлении.

В-четвертых, необходимо учитывать угрозу *изоляции России*. Такая угроза вполне реальна, если оценивать ее не по словам и не по декларируемым намерениям наших западных соседей, а по их реальным делам.

Речь идет прежде всего о политической изоляции. Процессы интеграции России в европейскую и мировую экономику будут, скорее всего, развиваться и дальше, но с одной оговоркой. Это будет достаточно однобокий процесс, направленный на то, чтобы закрепить за Россией статус поставщика первичных сырьевых ресурсов. Западные страны не заинтересованы в том, чтобы Россия становилась страной, конкурентоспособной в области высоких технологий. В этом отношении помощи от них ждать не приходится, скорее наоборот. Так что во внешнеэкономической сфере угроза для России лежит в искусственном притормаживании развития ее как высокотехнологической державы с разветвленной экономикой. Наивно думать, что Запад своими руками будет выращивать себе конкурента в лице России. Да и влиять на страну с примитивной по своей структуре, «узконаправленной» экономикой, благополучие которой зависит в основном от мировых цен на нефть и газ, от зарубежных поставок продовольствия и большинства промышленных товаров, держать ее в узде значительно легче.

Что касается политической сферы, то здесь намерения изолировать Россию от остального мира, если судить не по велеречивым заверениям Запада, а по конкретным делам, проявляются более заметно. По периметру России возникают региональные межгосударственные образования с четко выраженной прозападной ориентацией и довольно заметными антироссийскими нюансами в своей политике.

Это – ГУАМ, объединение Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (лишившийся Узбекистана, но, скорее всего, не насовсем), прозападный противовес ОДКБ.

Это – т. н. «Сообщество демократического выбора» – новый геополитический альянс, объединяющий страны от Балтийского до Черного моря (Украина, Грузия, Польша, Литва, в последующем возможно присоединение к нему других стран из числа бывших союзных советских республик и стран Варшавского договора). Первый саммит этого объединения прошел в Крыму, в Артеке 22 августа 2005 года.

Это – наметившиеся планы объединения под эгидой США стран Центральной и Южной Азии (ЦЮАз) «для углубления сотрудничества в сфере безопасности». Но, думается, эта цель лишь на ближайшую перспективу. В него могут войти пять центральноазиатских государств, Пакистан и Афганистан. Первая из серии запланированных конференций на уровне министров обороны, иностранных дел, внутренних дел и пограничной стражи прошла в январе 2005 года в Германии. В более отдаленной перспективе создание такого объединения будет способствовать реализации давних планов США по прокладке трубопроводов для каспийских энергоресурсов и транспортных коммуникаций для товаропотоков в южном направлении и для выхода центральноазиатских стран к южным морям, в чем, безусловно, заинтересованы и сами эти страны, особенно Туркменистан, Казахстан и Узбекистан. Правда, для этого США надо добиться необходимого уровня стабильности и безопасности в Афганистане.

Таким образом, в недалекой перспективе могут быть сформированы два новых стратегических направления транспортировки каспийских углеводородов, идущие в обход России: западное (нефтепровод Актау – Баку – Джейхан и транскаспийский газопровод из Туркменистана), прикрытое ГУАМ, и южное, обеспечение безопасности которого будет возложено на возможное новое региональное объединение стран ЦЮАз. Подобные проекты с точки зрения безопасности России нельзя рассматривать только как чисто экономические, призванные обеспечить диверсификацию энерго- и товаропотоков на мировые рынки. Они несут в себе очевидную геополитическую нагрузку, их реализация будет способствовать вытеснению России на задворки мировой экономики и политики, усилит ее зависимость от Запада.

Заметно активизировалась деятельность НАТО на восточном направлении. Блок вышел непосредственно к границам

России, полностью окружил Калининградскую область, интенсивно работает с Грузией и особенно с Украиной, готовя их к вступлению в блок. На Стамбульском 2004 года саммите НАТО принято решение назначить своих представителей на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Своих представителей в этом регионе имеют и ведущие члены блока – США, Великобритания, Германия. Причем Вашингтон назначил спецпредставителем президента США по урегулированию конфликтов на Южном Кавказе Стивена Манга, человека с репутацией «организатора революций». Так что работа по вовлечению стран Южного Кавказа и Центральной Азии в орбиту НАТО и ослаблению здесь влияния России ведется целенаправленно.

В числе наиболее вероятных кандидатов очередной волны расширения блока на постсоветском пространстве – Грузия и Украина. Президент Саакашвили заявил, что вопрос о вступлении Грузии в НАТО должен быть решен положительно уже в его первый президентский срок. «Перспектива вступления Грузии в НАТО очень реальна», – подтвердил и недавно назначенный министром иностранных дел Грузии Гела Бежушвили на пресс-конференции по итогам закрытой встречи со специальным представителем генсека НАТО в странах Центральной Азии и на Южном Кавказе Робертом Симмонсом. Принятие в состав НАТО Украины является одним из главных внешнеполитических приоритетов не только Киева, но и Брюсселя. Особую активность в этом проявляют США. Переговоры об этом (пока в виде неофициальных консультаций между главами военных ведомств США и Украины) начались 21 октября с.г. в Вильнюсе.

Таким образом, вдоль российских границ постепенно создается своего рода *санитарный кордон*, некая серая зона, основу которой составляют бывшие советские республики, в том числе члены СНГ, а также бывшие члены Варшавского договора из числа восточноевропейских государств. Протяженность этой зоны – от Балтики, через Черное и Каспийское моря до границ с Китаем. Во внешней политике одних государств этого пояса все отчетливее проявляются недружественные по отношению к России мотивы (Польша, Прибалтика, Грузия, Украина, Молдова), в других все громче звучат голоса оппозиции, поддерживаемой Западом (Армения, Азербайджан, Казахстан, Киргизия и др.).

Не хотелось бы приводить подобных аналогий, но ситуация, должен сказать, напоминает ту, которая складывалась вокруг СССР перед Второй мировой войной.

Речь, конечно, не идет о готовящемся военном нападении на Россию. Но создание вокруг нашей страны пояса из государств, политика которых, мягко говоря, не отличается лояльностью к России и к тому же подкреплена военной и экономической мощью НАТО, США и стран Западной Европы, позволит диктовать свои условия России. Уже сейчас видно, как при решении с соседними странами самых заурядных проблем двусторонних отношений, не имеющих касательства к политике, привносятся политические мотивы (инцидент с российским самолетом, упавшим на территорию Литвы, рыболовный конфликт с Норвегией).

Окружение России недружественными режимами, ее изоляция грозит ростом опасности «внешнего управления», когда решение государственных задач навязывается извне, серьезным ограничением суверенитета, утратой нынешнего геополитического положения и статуса мировой державы.

В-пятых, требует переоценки роль ядерного оружия – и как средства сдерживания, и как угрозы безопасности России. В этой сфере развиваются далеко не однозначные процессы. В действующей Военной доктрине Российской Федерации ядерное оружие рассматривается как основной фактор сдерживания агрессии и обеспечения военной безопасности РФ и ее союзников. Эта функция за ядерным оружием сохранится, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Тем более что США как страна, обладающая наиболее мощным в мире ядерным потенциалом, проводит в области ядерного оружия довольно двусмысленную политику. С одной стороны, Вашингтон борется за укрепление режима нераспространения. Но с другой – предпринимает шаги, косвенно направленные на его подрыв. США вышли из Договора по ПРО 1972 года, тем самым разрушив его. Отказались ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, инициатором которого сами и же выступали. Из уст их военных звучали намеки на возможность применения тактических ядерных средств в Афганистане, Ираке. Появляются сведения о планах США по разработке нового поколения

ядерного оружия малой мощности, которое может стать эффективным средством ведения войны и, в частности, оружием первого удара, что наиболее опасно. Вашингтон тормозит выработку Договора об ограничении использования расщепляющихся материалов, опасаясь международного контроля за своими закрытыми ядерными программами. А практикуемая США политика двойных стандартов по отношению к странам, ставшим обладателями ядерного оружия или разрабатывающим его, провоцирует ядерные амбиции других стран и подстегивает гонку ядерных вооружений.

Все это заставляет Россию, как и другие ядерные страны, поддерживать свой ядерный потенциал сдерживания на достаточном уровне.

В то же время надо отметить, что в современных условиях возрос риск того, что ядерное оружие, ядерные объекты, средства изготовления ядерных боеприпасов, расщепляющиеся и радиоактивные материалы попадут в руки террористов или будут захвачены ими и будет создана угроза применения ядерного оружия, причем в самых разнообразных формах, включая не только подрыв боезаряда, но и разрушение мирных ядерных реакторов, умышленное радиоактивное заражение местности и объектов и т.д.

Так что ядерная опасность для нашей страны сохраняется, причем набор связанных с ней угроз после «холодной войны» даже расширился. Мировая война с массированным применением ядерного оружия практически невозможна, но вполне возможно применение такого оружия в локальной войне или вооруженном конфликте, применение ядерного или других видов оружия массового поражения террористами. Нельзя исключать и террористических актов против мирных ядерных объектов.

В-шестых, в комплексе угроз безопасности нарастает удельный вес угроз внутреннего характера. А с учетом того, что в условиях глобализации и особенно после ожидаемого вступления России в ВТО на внутреннюю ситуацию в стране все большее воздействие будут оказывать внешние факторы, суммарный потенциал таких угроз возрастает, и они выходят на первый план.

Не останавливаясь на рассмотрении конкретных, специфически российских угроз, отмечу лишь, что наиболее опасными из

них (не считая экономических, о которых сегодня, очевидно, будет сказано подробно) представляются угрозы, связанные с ухудшающейся демографической ситуацией в стране, здоровьем нации, экологией и нарастающей вероятностью техногенных катастроф, межнациональными отношениями (в том числе все более частыми проявлениями расизма, национализма, ксенофобии, фашистской идеологии), коррупцией (борьба с которой ограничивается пока в основном местечковым уровнем).

Но, пожалуй, одна из главных внутренних угроз – идеологическая и социальная разобщенность российского общества, снижение чувства гражданской ответственности, отсутствие общей консолидирующей идеи. Ведь до сих пор нет даже ответа на вопрос, что мы строим и куда стремимся. Старые идеалы были довольно быстро разрушены, а новые не созданы. Вряд ли можно всерьез воспринимать пропаганду т. н. «россиянизма» в качестве объединяющей патриотической идеологии XXI века (см., например, монографию В.Н.Кузнецова «Российская идеология XXI: опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века»). В результате все большее распространение среди всех слоев населения получает опасная идеология «пофигизма».

В-седьмых, говоря о тенденциях, которые наблюдаются в сфере национальной безопасности и которые частично обусловлены объективно нарастающими процессами глобализации, а частично политикой, проводимой в этих условиях «флагманами глобализации» во главе с США, хотел бы поставить вопрос: следует ли сегодня считаться с такой угрозой, как нарушение территориальной целостности страны и даже ее распад, и как на эту угрозу влияет глобализация.

Всего лишь 14 лет прошло с тех пор, как мир стал свидетелем, а народы советских республик – жертвами крупнейшей геополитической катастрофы XX века – распада Советского Союза. Как отметил Президент РФ В.Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ в апреле 2005 года, «эпидемия этого распада перекинулась на саму Россию... Целостность страны оказалась нарушена террористической интервенцией и последовавшей хасавюртовской капитуляцией».

Надо признать, что современный спектр угроз безопасности страны более широк, чем это было во времена «холодной войны»

и существования СССР, и их «суммарный потенциал опасности» выше прежнего. Это, конечно, наводит на определенные размышления: если распался казавшийся несокрушимым Советский Союз, то вероятность распада Российской Федерации, по крайней мере, не стала меньше. Действительно, эта угроза по сравнению, например, с 1996 годом уменьшена, но окончательно не ликвидирована. Более того, если 10 лет назад основной угрозой нарушения территориальной целостности страны был чеченский кризис, то сегодня реальными становятся другие угрозы этого плана. Например, постоянное снижение численности населения России, примерно на миллион в год. Если дело так пойдет и дальше, то Россия через какое-то время будет просто не в состоянии контролировать свою огромную территорию. Это касается в первую очередь ее отдаленных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, где население уменьшается не только в результате смертности, но из-за того, что многие люди, в основном трудоспособного возраста, покидают районы, в которых становится невозможно жить, негде работать, нельзя учить детей и т.д. То есть снижается не только численность населения, но и его качество. Россия может потерять эту часть своей территории без всякой войны и без проявлений терроризма.

В заключение хотел бы подчеркнуть, что страна должна быть заблаговременно подготовлена к новым угрозам и вызовам, а не решать проблемы безопасности после того, как потенциальная угроза становится реальной. Объективная оценка комплекса угроз, в том числе на перспективу, их упреждение – вот один из главных и обязательных принципов поддержания на требуемом уровне безопасности страны в условиях глобализации.

*Сборник «Конкурентоспособность России
в условиях глобализации».
Изд-во РАГС, Москва, 2006*

ДУХОВНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – НОВАЯ УГРОЗА

Такие рубежные события, как мировые войны, радикально изменяли мир, а вместе с этим менялись и жизнь людей, их духовно-нравственные ориентиры. Таким же стало 11 сентября, когда группа террористов нанесла огромной моральной и психологической силы удар по самой могущественной державе мира. Подвижки от него были глобальны, они коснулись едва ли не каждого живущего на Земле, лишив его уверенности в защищенности от беды.

Терроризм становится важнейшим фактором геополитики, а масштабный контртерроризм значительно корректирует структуру деятельности государственной власти практически во всех странах: урезаются некоторые свободы и права людей, вводятся различного рода ограничения на миграцию населения, ужесточаются режимы передвижения и контроля за частной жизнью... Акции справедливого возмездия оборачиваются долгоиграющими и безысходными войнами в густонаселенных и взрывоопасных регионах мира, все более зловеще посверкивают будущим огнем горячие угольки забытых конфликтов. Призраки возможных апокалипсисов вползают в общественное сознание, рождая страх за свою жизнь и жизнь близких.

В этом суровом контексте и разгорался как бы внезапно вспыхнувший «карикатурный скандал», столкнувший лбами современные демократии с исламом. Первой ласточкой был, как известно, проживавший в Великобритании писатель Салман Рушди, приговоренный аятоллой Хомейни к смерти за свою книгу «Сатанинские стихи» и загнанный на долгие годы в глухое подполье. Там же позднее оказалась и голландка Аян Хирши Али, написавшая книгу, по которой впоследствии убитым голландским режиссером Ван Гогом был снят фильм. Возмутила арабский мир и кни-

га итальянской журналистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость», направленная против исламского фундаментализма. В Нигерии карикатура на Магомеда, опубликованная в датской (!) газете, вызвала массовый христианский погром, было сожжено 11 церквей, насмерть забито полтора десятка человек. В Ливии пытались штурмом взять итальянское посольство, погибли 11 человек. Впоследствии итальянского министра, выразившего солидарность с жертвами «слепого религиозного наследия», отправят в отставку. Ливийского министра внутренних дел за излишнее усердие – тоже.

Суд во Франции по делу Филиппа Валя, главного редактора французского сатирического еженедельника Charlie Hebdo, на страницах которого были помещены 10 карикатур на Пророка Мухаммеда, завершился лишь в начале февраля этого года. После нескольких дней слушаний прокурор заявил, что не видит состава преступления в действиях Филиппа Валя и поэтому предлагает попросту закрыть дело. Приговор должен быть оглашен 15 марта. В случае если он окажется обвинительным, главному редактору сатирического еженедельника грозит шесть месяцев тюремного заключения и штраф в размере 22,5 тысячи евро. При этом многие представители исламской общины Франции заявили о своем возмущении речью прокурора и поддержкой, оказанной «редактору-злоумышленнику» министром внутренних дел Франции Николя Саркози. Под давлением ожесточенных протестов многочисленной общины французских мусульман в прошлом году владелец ежедневной газеты «Франс суар» принес публичные извинения за действия главного редактора Жака Лефранка, перепечатавшего злополучные карикатуры, и уволил его с поста.

Такого рода свирепое давление с вовлечением огромных масс малоосведомленных людей, руководствующихся слепой верой в непогрешимость своих искушенных в политических интригах поводырей, иначе чем духовной агрессией и трудно назвать.

Духовная агрессия имеет множество проявлений. А как иначе можно расценить разрушение Вавилона – исторического памятника с более чем тысячелетней историей? Он был столицей при царе Навуходоносоре, создателе известных Висячих садов. После американского вторжения в Вавилоне была создана американская военная база. Историческому наследию военными

был причинен большой ущерб. Лагерь был разбит прямо на развалинах древних храмов. Там же были сооружены вертолетная площадка и заправочные станции. Солдаты рыли траншеи на неисследованных территориях, а танки гусеницами разрушали древнее мощение, возраст которого 2600 лет.

То же самое можно сказать и о фактическом разрушении мавзолея имама Али – одной из главных святынь шиитов в иракском городе Эн-Наджаф. Только в позолоченном куполе мавзолея очевидцы насчитали четыре пролома. В результате бомбардировок американских ВВС были разбиты несколько мечетей в городе Эль-Фаллуджа, а через несколько месяцев – мечети в иракском городе Хита. К явлениям подобного порядка можно отнести и издевательства американских военных над пленными иракцами, сопровождавшиеся отвратительными выходками с использованием Корана.

Духовным терроризмом была названа и скандальная выставка «Осторожно: религия!» в Сахаровском центре, организованная галереей Марата Гельмана в январе-феврале 2005 г. Особое возмущение вызвали лик Спасителя в виде трафарета, наложенного на экран с постоянно меняющимися роликами, и исламский храм, мечети и минареты на месте православных храмов с зеленым знаменем ислама над Кремлевским дворцом. Выставку назвали «кошунственной и попирающей не только моральные, духовные, нравственные ценности, но и закон».

В разряд сознательного осквернения святынь отнесены и, к сожалению, участвовавшие в последние годы случаи сожжения церковных храмов и убийства священников. А ведь священнослужители традиционно являются духовными светильниками и нравственными наставниками прихожан.

И эта чрезвычайно быстрая цепная реакция, охватившая множество стран на разных континентах, более чем красноречиво говорит о том, что мы стоим на пороге некоей ценностной революции, изначально приобретшей весьма агрессивный характер.

Столь же чувствительно-болезненной сферой, как показывают события, является и история. Густо замешенная на политике, она властно связывает наше настоящее с прошлым и, оказываясь важнейшим фактором продолжающейся самоидентификации

этносов и их культур, навязывает свои далеко не всегда точные ориентиры на будущее.

В истории всегда сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святости. Многое зависит от собственного жизненного опыта людей, однако господствующие предпочтения составляли и составляют костяк культуры как базы основных духовно-нравственных ценностей общества, скрепляющий его.

Вот были такие понятия – советская общность, советский образ жизни, советский народ, советский человек. Таким был несколько усредненный типаж, сложившийся в результате этих самых общих моральных ценностей. С разрывом общего государства нарушилось и взаимодействие этносов и культур, а со стремительным позиционированием бывших союзных республик и процессом самоидентификации там начали утверждаться новые ценности и жизненные установки. И уже как бы и не было никакой общей истории и общих героев, общих традиций и обязательств хранить их и защищать.

Прошлое страны, вычленяемое таким образом из общего, обретает вроде бы самостоятельную ценность, более соответствующую новым представлениям и новому сознанию.

Возможно ли такое перекраивание прошлого? Увы, были времена, когда пытались не то что кроить его, но и стирать начисто, как первый китайский император династии Цинь в III веке до нашей эры, распорядившийся сжечь все исторические хроники, дабы убедить себя и всех других в том, что история началась со времени начала его царствования.

Не очень мучился совестью и наш Никита Сергеевич, приказавший изъять из архива и уничтожить более миллиона единиц хранения – документов, уличающих его лично и некоторых его сподвижников в неблаговидных делах в период массовых репрессий.

Все это – дело рук политиков, не особо заботящихся о чистоте помыслов и рук. Как любил говорить товарищ Ленин, политика – это тогда, когда речь идет о миллионах. И там на первый план выходит статистика.

Нас же интересуют сейчас люди и психология. Вот какую реакцию, например, ожидал президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, характеризуя освобождение Эстонии советскими войсками от

немецко-фашистских захватчиков в 1944 году такими словами: «Группа бандитов-нацистов была изгнана другой шайкой – советскими войсками». И далее о том, что памятник павшим во Второй мировой войне на Тынисмяги (Бронзовый солдат) для эстонцев оскорбителен, поскольку это монумент массовым убийствам: «Именно так он представляется людям. Возможно, это неприятно слышать, но в нашем сознании этот солдат олицетворяет депортации и убийства, разрушение страны, а не освобождение». Собственно, он ничего, очевидно, и не ждал, поскольку сознательно пнул грубым словом своего соседа, похожего в его представлении на какую-то латиноамериканскую страну. Такие уж, как видно, сегодняшние нравы в этом ЕС: «Мы обсуждаем все вопросы, и я не вижу причины, по которой к России должны относиться отлично от, скажем, стран Латинской Америки. Очевидно, что испанцы и португальцы хорошо понимают страны Латинской Америки, и этот опыт учитывается в ЕС. У нас такая же роль, потому что мы лучше знаем Россию». Какую роль, порученную ему или присвоенную им самочинно, он выполнял, мы видим воочию. Как и то, что для ее исполнения ему понадобилась и «своя версия истории» Великой Отечественной войны тоже.

Всякое лыко в строку, как говорилось в старину, и это лыко удобно уложилось в системе его радикальных взглядов на отношения с Россией в совокупности с его проамериканской ориентацией, опытом работы в эстонской редакции радио «Свободная Европа», в Комиссии по иностранным делам Европейского парламента и незнанием особенностей уклада жизни эстонцев. Хотя справедливости ради и стоит отметить, что в разгар борьбы за власть г-н Ильвес пылко осудил бывшего президента Рюйтеля за отказ приехать в Москву 9 мая 2005 года на празднование Дня Победы, а также призывал сохранить памятник солдату-освободителю, который эстонские националисты хотели убрать из центра Таллина.

Что же изменилось за полгода?

Неужто и вправду «Горячее предчувствие «холодной войны», как назван опубликованный в интернете обзор эстонской прессы? Обсуждение в Рийгикогу 20 февраля внешней политики Эстонии превратилось, замечает журналист «Молодежи Эстонии», «в многочисленные предсказания начала «холодной войны» в связи с на-

шумевшей речью президента России на конференции в Мюнхене». И уверенность в том, что, как заявил глава внешнеполитического ведомства Эстонии Паэт, «за 15 лет эстонские политики и дипломаты вполне справились с изложением своей версии истории, и наши западные друзья ее отлично знают».

Все-таки очень и очень откровенны, как на исповеди, эти горячие парни Прибалтики!

Кстати заметить, и в Латвии принята «официальная доктрина о равной преступности сталинского и гитлеровского режимов». И в Литве вряд ли думают по-другому. «Москва забывает, что для эстонцев, латышей, литовцев и поляков это означает сотни тысяч депортированных, десятки тысяч убитых, Катынь. Для нас СССР олицетворяет именно это, а не освобождение от фашизма».

Это тоже слова президента Эстонии, как и два других главы прибалтийских республик, большую часть своей жизни прожившего в США. Очевидно, все они учились по одним учебникам истории, где так и описывалась эта большая война. И потому как они, например, могут понять вот такое письмо Софиева, пришедшее в одну из газет республики в ответ на оскорбительное заявление ее президента:

«...Они не делили народы на своих и чужих. Другое дело, что коммунистический режим принес в дальнейшем Эстонии немало проблем. Но кому он их не принес? Разве не депортировались поволжские немцы, крымские татары, чеченцы и другие? И разве в те годы было только плохое? Разве плохим делом было строительство в этой республике гигантского порта и прочих важнейших промышленных объектов? А что нужно было лично нашему Ази Асланову на эстонской земле? Да ничего! Он, как и тысячи других героев, воевал за то, чтобы освободить ее и другие оккупированные немецкими фашистами земли». И автор письма уточнил, что в Эстонии и рядом с ней – в Латвии и Литве – воевали дважды Герой Советского Союза генерал танковых войск Ази Асланов и другие азербайджанцы вместе с представителями всех народов СССР.

Что можно добавить к этим идущим от сердца словам?

Ничего не скажешь – весьма опытен и хорошо подготовлен для словесных баталий политик г-н Ильвес. Так что грубость из его уст никак нельзя отнести на счет оговорки, неточного перево-

да или неправильной трактовки. Надо полагать, что и впредь г-н Ильвес будет придерживаться этой линии. И в отношениях с историей, из которой он изъял без малого полвека вместе с живыми и мертвыми участниками борьбы с фашизмом и послевоенного строительства республики. И в отношениях с частью русского населения, поскольку, по его мнению, она абсолютно нормально лишена гражданства и равенства в правах с эстонцами, так как тему защиты национальных меньшинств в Прибалтике никто, кроме России, не поднимает.

Приведенная им в качестве примера «параллель между белыми в ЮАР – группой людей, которая в прошлом была в привилегированном положении, а сейчас они как и остальные», – свидетельствует о хорошем знании предмета разговора. Он достаточно откровенен, чтобы можно было не сомневаться в том, что он и в дальнейшем постарается следовать этим своим представлениям и убеждениям, сформированным всем предыдущим опытом работы и жизни.

В своей предвыборной программе он заявил, что внешнеполитическую задачу своей страны на ближайшие годы видит в увеличении влияния Таллина на решения, принимаемые в Евросоюзе и НАТО. И, значит, будет играть по соответствующим правилам большой политической игры в общей, что называется, упряжке.

Радикализм и главы государства, и блока правых партий националистического толка, выдвинувшего его в президенты, очевидно, опирается на достаточно серьезную электоральную базу и пока поддерживается большинством правящей элиты страны. Но, несомненно, прав заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам Леонид Слуцкий, напоминая об ограниченности полномочий президента в Эстонии и о том, что «самое интересное будет происходить в следующем году, когда будут проходить парламентские выборы». «Избрание Ильвеса президентом, – пишет он, – способно ухудшить положение русскоязычного населения в Эстонии. Россия через международные организации будет по-прежнему проводить линию на ускорение темпов натурализации в Эстонии».

Но политика есть политика. Реальность вносит серьезные коррективы в любые планы. И даже такой неудобный для прези-

дента Ильвеса сосед, как Россия, никуда не денется как минимум до конца этого тысячелетия.

Но было бы заблуждением рассматривать эту отчетливо выраженную специфику современной эстонской политики лишь в качестве некой временной победы националистических и маргинальных кругов эстонского общества. Самостоятельно сформулировать, а тем более практически взяться за столь серьезную «антидуховную» задачу маленькая Эстония не могла. Она лишь воспользовалась ситуацией, чтобы привлечь к себе внимание, стать неким форпостом антироссийских, а затем профашистских настроений. При этом отнюдь не бескорыстно. Факты показывают: беспринципный политический «бизнес по-эстонски» приносит хорошие дивиденды. С мая 2004 года (как раз в тот период, когда эстонская политика начала особенно явный разворот к профашистской направленности) для Эстонии стала доступна помощь из всех пяти структурных фондов ЕС. А в целом поддержка Европейским союзом Эстонии достигла многомиллиардных сумм. Все дотации ЕС сейчас в несколько раз превышают взносы Эстонии в бюджет союза.

Конечно, эти средства, формирующиеся из взносов ряда европейских стран, входивших в антигитлеровскую коалицию, напрямую не идут на разработку и проведение националистической политики в Эстонии. Формально ЕС выделяет деньги на конкретные экономические проекты. Выделяя Эстонии в ЕС дотации в размере 400 евро на каждого жителя, Европейский союз оказал властям этой страны большую моральную поддержку, поднял их авторитет среди населения. Иначе говоря, за проявления национализма и профашистскую политику Европейский союз не только гладит Эстонию по голове, но и субсидирует ее гораздо щедрее, чем других новичков ЕС. А между тем возникает вполне законный вопрос: если советские солдаты, освобождавшие Эстонию, были бандитами, то, очевидно, бандитами были и их союзники по антигитлеровской коалиции – американцы, французы, англичане? Очевидно, по эстонской логике, их теперь надо величать не союзниками, а подельниками. Да и брать деньги у «бандитов» – это все-таки моветон.

Политики, как утверждал У.Черчилль, способны предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год, а потом объяснить, почему это не произошло.

Мы не будем прогнозировать, как сложатся отношения между нашими странами в дальнейшем. Что же касается ситуации, отнесенной нами к одному из ярких примеров духовной агрессии, то думаем, что реакция на нее как внутри страны, так и за ее пределами чему-то да научит горячие головы. А иначе зачем же браться за бразды правления, если, побив в самом начале все горшки, оставшееся время тратить на их склеивание?

Подводя итог, хочется отметить, что сейчас, как говорилось выше, все люди доброй воли должны открыть «второй фронт» в борьбе с терроризмом – в сфере духовной. Надо отдавать себе отчет в том, что терроризм есть проявление природы человека. Борясь с терроризмом как явлением технологическим, мы ни в коем случае не должны упускать из виду его духовное измерение. Каждый человек должен заглянуть в свою душу и обратиться к душе другого человека. При этом мы не должны забывать о необходимости заботиться о духовности последующих поколений.

«Независимая газета». 13 марта 2007 г.

**СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ
«РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ СЕГОДНЯ»
(2005–2008гг.)**

Слабость велика, а сила ничтожна

А. и Б. Стругацкие.

(«Сталкер»)

ШАНСЫ ЗАБОЛЕТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ БОЛЕЗНЮ

Мир вновь взбудоражен, на этот раз масштабными беспорядками во Франции, начавшимися 27 октября и быстро охватившими десятки городов страны. Эти события, сопровождающиеся массовыми поджогами и разгромом мирных объектов, связываются с экстремистски настроенной исламской молодежью, противостоящей силам охраны правопорядка. Совет министров Франции вынужден был в конце концов принять Декрет о введении чрезвычайного положения на основе закона 1955 года. Местным властям дано право устанавливать комендантский час для борьбы с беспорядками.

Политики и аналитики многих стран Европы и других континентов пытаются разобраться в природе этих явлений: были ли это спонтанно разгоревшиеся волнения, вызванные гибелью двух арабов-подростков, либо провокацией, спланированной и организованной радикальными исламистскими силами, или же эти беспорядки стали закономерным результатом кризиса французской социальной политики и в целом европейской ли-

беральной демократии. Высказываются опасения, что события во Франции явятся той искрой, от которой «возгорится пламя» масштабных беспорядков во всей Западной Европе и будет положено начало то ли третьей мировой войне, которую стремится навязать миру международный терроризм, то ли «мировой революции», основным орудием которой станут обездоленные исламские массы, а организующей и направляющей силой – идеологи международного терроризма, приверженцы радикального ислама.

Мировая цивилизация уже пережила подобный опыт. Первая мировая война и последовавшая за ней революция 1917 года в России не только смели политические режимы во многих странах Европы и мира, но и инициировали грандиозные перемены во всем мировом сообществе, разделили мир на два антагонистических лагеря, противостояние которых едва не привело к глобальным катастрофическим последствиям.

Последние события в Европе, ставящие под угрозу общеевропейскую стабильность, можно рассматривать и как своеобразный реванш мусульманского мира за многие десятилетия геополитической экспансии западного сообщества в исламских странах Востока, нещадную эксплуатацию их природных богатств и ресурсов. Не являются ли эти события провозвестником эры нового глобального беспорядка, которая приходит на смену эре «холодной войны» и будет характеризоваться столкновением восточной и западной цивилизаций?

Чтобы получить ответы на все эти вопросы, надо прежде всего разобраться в причинах происшедших во Франции трагических событий, которые, к сожалению, становятся типичными для сегодняшней Европы и которые могут не обойти стороной и Россию.

В событиях во Франции просматриваются две группы причин.

Первая группа имеет внутриевропейские истоки и носит ярко выраженный комплексный характер. Эти истоки лежат в накопившихся годами экономических, политических, социальных, религиозных проблемах. В большинстве своем эти проблемы являются интернациональными, хотя, разумеется, не лишены и национальных особенностей. Не случайно события во Франции получили большой международный резонанс. Многие

развитые страны, и не только Европы, примеряют подобный сценарий на себя. Но в Европе проблемы сосуществования различных слоев населения выражены наиболее остро в силу исторических причин и тех ошибок, которые были допущены в проведении иммиграционной политики в отношении национальных и конфессиональных меньшинств.

В политическом отношении события во Франции было бы неправильно рассматривать только как кризис французской социальной модели. Скорее, они несут в себе признаки серьезного кризиса общеевропейской социальной политики и либеральной демократии. Объединенная Европа, по существу, не имеет сегодня ни ясного видения перспектив своего дальнейшего развития, что еще раз показали провальные результаты по принятию общеевропейской конституции, ни цельного политического проекта, который мог бы не только обозначить стратегическую перспективу сообщества, но и консолидировать различные социальные слои населения. Много ошибок допускается в иммиграционной политике ЕС. Декларируемые высокие лозунги о защите прав человека, равенстве прав и возможностей, свободе выбора на практике часто оборачиваются совсем иной стороной. В реальности наблюдается увеличение разрыва между коренным населением стран ЕС и иммигрантскими слоями.

В экономическом и имущественном отношении также наблюдается значительное расслоение между иммигрантами и их потомками во втором и третьем поколениях, с одной стороны, и коренным населением, с другой. Низкий, по сравнению с общим, уровень жизни, непрестижная работа, высокий процент безработных (в некоторых предместьях Парижа, населенных иммигрантами, безработица достигает 80 процентов), особенно среди молодых арабов и мусульман, отсутствие или убогость жизненных перспектив приводят к накоплению критической массы недовольных, вбить в головы которых радикальные идеи и вывести их на улицы не составляет большого труда.

Невысокой оценки заслуживают и результаты социальной ассимиляции иммигрантских слоев в развитых государствах Европы. Причины этого двоякие. С одной стороны, имеет место молчаливое отторжение коренным населением европейских стран иммигрантской среды, создание своего рода интеллекту-

ального барьера, препятствующего реальной интеграции и единению общества. В свою очередь, иммигранты, численность которых в странах Западной Европы неуклонно растет, живут, как правило, тесными национальными общинами, особенно мусульмане. Люди в этих общинах в своем большинстве не приемлют западных ценностей и практически не интегрируются в западное общество.

Во Франции около 700 таких общин, в которых компактно проживают этнические меньшинства (около 5 млн. человек). Всего же, по некоторым оценкам, мусульманская диаспора Франции составляет около 20 процентов от общей численности населения. В Германии около 8 процентов жителей не являются немцами, причем 3,7 процента населения ФРГ – мусульмане. В Великобритании этнические меньшинства составляют около 6 процентов. В Нидерландах около 17 процентов населения – выходцы из других стран, почти 9 процентов – мусульмане. При этом относительная доля приезжих из стран Востока и Африки, в том числе мусульман, постоянно растет, чему способствует и снижающаяся рождаемость среди коренных европейцев.

Увеличивается раздробленность западного общества. Чем дальше, тем больше оно делится на группы по национально-этническим, религиозным, общинным, клановым признакам. А это значит, что авторитет государственных и местных властей, законы страны пребывания для этих общин и этнических групп отходят на второй план, что еще больше увеличивает центробежные процессы и усиливает межнациональную рознь, в том числе на бытовом уровне.

Растут *конфессиональная враждебность, ксенофобия, неприятие иной культуры*. Опасной чертой волнений во Франции стали поджоги церквей, библиотек, школ. Разумеется, нельзя считать религиозную нетерпимость и фанатизм главным побудительным фактором экстремистских проявлений. Во Франции только 15 процентов тех людей, которых можно отнести к мусульманам, посещают мечети. Но есть влиятельные силы, которым выгодно и очень хотелось бы сделать религию главным фактором противостояния в гражданских обществах европейских стран.

Волнения во Франции, как и примеры других стран Европы, показывают, что в них, как правило, происходит сращива-

ние экстремистски настроенной молодежи из иммигрантской среды с преступными элементами. В этой среде находят живой отклик и идеи международных террористов – не случайно власти характеризовали массовые беспорядки в городах Франции как «урбанизированный терроризм». Основные участники этих беспорядков – молодые люди, даже мальчишки, многие из них представляют второе и третье поколение иммигрантов. Их менталитет и мораль сформировались под влиянием как французской и европейской, так и родовой, национальной культуры и морали. Как отмечают наблюдатели, «это уже не арабы, но еще и не французы». Характерной чертой этой иррациональной смеси является неуважение, даже враждебность к стране, в которой они выросли, к ее порядкам, обычаям, законам.

Вторая группа причин вызвана той скрытой политикой, которую проводят в Европе радикальные исламисты, тесно связанные с международной террористической сетью и заинтересованные в подрыве стабильности в ведущих странах Евросоюза и мира. Наблюдатели, как и некоторые представители властей Франции, отмечали, что последние события в стране отнюдь не носят спонтанный характер, за ними стоят некие организующие и координирующие центры. Франция, страна с наиболее либеральной иммиграционной политикой, использована этими силами в качестве плацдарма, с которого массовые беспорядки могли бы распространиться на другие западноевропейские страны.

Очевидна связь волнений во Франции со вспышками вандализма в Германии и Бельгии, как и с терактами в Лондоне и Испании. Вряд ли можно считать случайным совпадением и то, что одновременно с началом волнений во Франции готовилась серия крупных террористических актов в Австралии, в Мельбурне и Сиднее, объектами которых должны были стать вокзал, нефтеперерабатывающие заводы, Австралийская фондовая биржа. Как, в общем, не случаен, по-видимому, и выбор времени совершения серии террористических актов с многочисленными жертвами в международных отелях в столице Иордании вечером 9 ноября.

События во Франции и других европейских странах высветили общую слабость Евросоюза в борьбе с этим злом. Европа долгие годы пренебрегала проблемами иммигрантов и теперь расплачивается за это. Похоже, Евросоюз, как и ОБСЕ, их парламентские

институты все эти годы больше занимали проблемы постсоветских республик, чем тревожные тенденции в странах Европы. Так, в повестку дня встречи в Брюсселе 8 ноября министров иностранных дел стран-членов ЕС не были включены вопросы, касающиеся ситуации во Франции и в целом проблемы иммиграционной политики ЕС. Обсуждались проблемы птичьего гриппа, Белоруссии, Ближнего Востока, Ирана, Ирака, Сирии. На серьезнейшие по своим последствиям для Европы события во Франции руководители европейских стран почти никак не реагировали. Подобные подходы характерны для европейской политической элиты. Это своего рода болезнь, симптомы которой инерционность и консерватизм государственного мышления, «евродогматизм».

Как могут сказаться события во Франции и подобные им в других странах на России?

Волнения во Франции уже привели к резкому падению курса евро, а в случае возможной эскалации конфликта, распространения его на другие страны приведут к значительному ослаблению экономики Европы, с которой тесно связана российская экономика.

Но самое главное – те причины, которые приводили и приводят к беспорядкам во Франции и других странах Евросоюза, как и недостатки в иммиграционной политике и развитии демократических процессов, во многом присущи и России.

Остро стоят в нашей стране иммиграционные проблемы. Соответствующие органы даже не знают, какое количество иммигрантов находится на территории страны. Разные источники называют цифры с огромным разбросом – от 4 до 14 млн. человек. По оценкам МВД, в России находится около 5 млн. незаконно пребывающих на территории страны низкоквалифицированных или не имеющих квалификации рабочих.

Иммиграционная политика федерального центра также страдает многими недостатками. Конечно, этому способствует та обстановка, которая сложилась на постсоветском пространстве после распада СССР: незащищенность границ, развал экономики и связанный с этим рост безработицы, бедности и нищеты, криминала. Проблемы иммигрантов у нас, как и в странах Европы, зачастую используются как разменная карта в политической борьбе. Но серьезно вопросы иммиграции в стране не решаются.

Волнения во Франции заставляют более внимательно относиться к проблемам мигрирующего населения как из ближнего зарубежья, так и дальнего – из Китая, других стран Азии и Африки. Федеральная миграционная служба объявила о проведении в ряде регионов страны эксперимента по амнистии гастарбайтеров. Его цель – облегчить легализацию мигрантов и навести хоть какой-то порядок в их учете и правовой защите. По заявлениям представителей ФМС, этот эксперимент, по результатам которого будет внесен в Государственную Думу соответствующий законопроект, коснется около миллиона гастарбайтеров. Конечно, это капля в море. Но все же это первый шаг по пути законной интеграции иммигрантов в российское общество и ликвидации вопиющего правового беспредела, который творится сегодня в отношении многих из них и который может послужить формированию серьезной социальной базы для протестных выступлений.

России необходимо взять все полезное из европейского опыта и постараться избежать тех недостатков и провалов в миграционной и социальной политике, которые явственно проявились во Франции и других европейских странах и которые чреваты весьма серьезными последствиями. Надо исходить из того, что любую болезнь легче предупредить, чем лечить. Разумеется, речь не идет о слепом копировании европейского опыта. В России, в частности, потенциальная опасность может поджидать общество не только (а пока и не столько) со стороны бесправных и неорганизованных иммигрантских кругов, но и со стороны тех, кто с яркой нетерпимостью относится ко всякого рода иноверцам и людям другого цвета кожи. А таких примеров у нас сегодня немало. Поэтому российским властям приходится бороться на два фронта – с нелегальной миграцией (и это сегодня одна из приоритетных государственных задач) и с агрессивными националистическими проявлениями, несущими в себе не меньшую опасность для национальной безопасности и стабильности.

«Российская Федерация сегодня», №22 – 2005 г.

ЧТО ПОКАЗАЛА ВОЙНА ИЗРАИЛЯ В ЛИВАНЕ

Война Израиля в Ливане стала главным международным событием лета 2006 года, затмив собою даже Петербургский саммит «восьмерки». Повышенное внимание к этой войне не случайно. Ближневосточный конфликт – один из самых застарелых на планете. Периодическое обострение ситуации на Ближнем Востоке становится едва ли не характерной чертой современного мирового развития.

Ближневосточный конфликт давно перерос рамки региона. Война Израиля в Ливане и события в секторе Газа являются звеньями единой цепи событий, происходящих на Большом Ближнем Востоке, они тесно связаны с той политикой, которая проводится здесь ведущими мировыми и региональными центрами силы. Понять истинные истоки войны, а следовательно, найти способы приведения Ближневосточного региона к миру можно только в контексте общей ситуации в этом бурлящем регионе, который стал главной ареной геополитического противоборства, где одни борются с угрозой «исламофашизма», а другие, не менее яростно, с «западной угрозой».

Здесь сталкиваются полярные мировоззрения на будущее мироустройство и меркантильные интересы государств, кланов, транснациональных корпораций.

Война в Ливане – лишь видимая часть айсберга, ее по праву можно назвать «войной теней». За непосредственными ее участниками стоят намного более значимые воинствующие силы. В роли «тени отца Гамлета» за спиной Израиля стоит Вашингтон, за движением «Хезболла» – Тегеран и его партнер в этой войне Дамаск. Кое-кто даже называет операцию Израиля в Ливане «пер-

вой израильско-иранской войной». Но более логично считать ее первым американо-иранским военным столкновением.

О многом говорит то, что «Хезболла», зародившаяся как радикальное шиитское движение, за четверть века сумела стать одной из значимых политических сил в Ливане. Ее представители входят в правительство и парламент страны. Движение ХАМАС пришло к власти в Палестине также законным путем, на основе демократических и честных выборов. Победа ХАМАСа в определенном смысле была даже выгодна Вашингтону и Тель-Авиву. Появилась возможность ускорить процесс политической трансформации одной из самых непримиримых Тель-Авиву организаций. Ведь одно дело находиться в оппозиции и критиковать правящее правительство за промахи, ошибки, обвинять его в коррупции и пренебрежении интересами народа и совсем другое – самим стать у руля и попытаться претворить в жизнь свои экономические и социальные лозунги.

Однако Вашингтон демонстративно проигнорировал возможность наладить связи с правительством ХАМАСа, продолжая числить ее террористической организацией. Была организована политическая и финансовая изоляция сформированного ХАМАСом правительства. Этот курс был поддержан и Евросоюзом. Попытки Москвы наладить диалог с правительством ХАМАСа (шаг, безусловно, правильный) вызвали волну обвинений Кремля в поддержке террористической организации.

Короче, Вашингтон своими недалекими (или продуманными) действиями сделал все, чтобы до крайности обострить ситуацию, доведя ее до военных столкновений, пресечь обозначившиеся процессы эволюции ХАМАСа в политическую силу (а такая эволюция неизбежно ослабила бы экстремистское крыло организации), положить конец «Дорожной карте» и принятым палестино-израильским соглашениям.

Эта жесткая линия была с готовностью поддержана Израилем, у которого за 60 лет его существования выработался воинственный менталитет государства, вынужденного существовать во враждебном окружении и фактически перманентно находящегося на военном положении. Ожидаемым итогом явились аресты ряда министров и парламентариев Палестины, представляющих ХАМАС, и очередные военные действия Израиля против Палес-

тины. В результате Палестину, скорее всего, ожидает очередной виток нестабильности, а о создании полноценного государства Палестина в ближайшей перспективе можно забыть, что, очевидно, отвечает интересам Израиля и США по представлению их лидеров, но никак не способствует миру и стабильности в районе конфликта.

Не снимая вины за обострившуюся ситуацию с лидеров ХАМАСа, которые не признают права Израиля на существование, отвергают заключенные договоренности и не отказываются от вооруженных акций, надо все же признать, что немалая вина лежит на вашингтонской администрации, которая не захотела использовать позитивный опыт своих предшественников по мирному урегулированию конфликта, посчитав, что радикальные силовые, «ковбойские» методы – наиболее короткий путь к достижению мира в регионе на выгодных Вашингтону условиях. А ведь Соединенные Штаты действительно много сделали для примирения враждующих сторон, принятый по их инициативе план «Дорожная карта» был близок к осуществлению.

Вряд ли такую политику можно списать на консерватизм и инерционность политического мышления нынешнего руководства США, не пожелавшего замечать постепенной трансформации таких организаций, как ХАМАС и «Хезболла», в политическую силу, которая пользуется поддержкой значительной части населения и с которой хочешь не хочешь, но приходится считаться, если действительно стремишься к мирному разрешению конфликта и к внедрению демократических норм в политическую жизнь региона. Вполне вероятно, что администрация США жесткой позицией в обострившемся конфликте попыталась затушевать в глазах общественности неудачи в Афганистане и Ираке, в ситуации вокруг Ирана, в отношениях с миром ислама.

Дальнейший ход событий подтверждает такой вывод. Немного потребовалось, чтобы совместными усилиями США, ЕС и Израиля спровоцировать палестинцев на ответные меры с использованием доступных им средств, включая похищение людей и теракты. События развивались по нарастающей, в соответствии с военной логикой. Обострившейся ситуацией вокруг Палестины не замедлил воспользоваться теократический режим Ирана, поддерживающий конфессионально родственную орга-

низацию «Хезболла», снабжающий ее оружием, деньгами и активно противостоящий политике США в регионе. Опираясь на поддержку Ирана и Сирии, «Хезболла» предприняла массированный ракетный обстрел территории Израиля и потребовала освобождения ливанских и палестинских заключенных, находящихся в израильских тюрьмах, в обмен на двух захваченных израильских военных. Это послужило для Израиля поводом начать военную операцию против отрядов «Хезболлы». Операцию, которая, по признанию самих израильских военных, готовилась 2–3 года.

Но все же самый первый шаг к войне в Ливане был сделан в Вашингтоне, после того как президент Буш, узнав о результатах выборов в Палестине, напрочь отверг возможность иметь дела с правительством ХАМАСа. А военные действия Израиля были выгодны для США еще и тем, что позволяли отсечь палестинские и ливанские «щупальца» иранского «шиитского спрута» и тем самым ослабить режим Тегерана.

Стоит отметить, как это ни парадоксально, что между политикой Вашингтона (в нынешнем ее исполнении) и Тегерана можно найти немало общего. Оба являются приверженцами демократии, хотя и разной – «исламской» и «западной», оба истовые приверженцы глобальных революций: Вашингтон – «демократической», Тегеран – «исламской», и оба, хотя и в разной степени, привержены к тоталитарным методам в продвижении «своих» революций; оба стремятся к лидерству: Вашингтон – к мировому, Тегеран – в исламском мире. И оба проявляют одинаковую «упертость» в продвижении своей внешнеполитической линии, не особенно считаясь с ее грозными последствиями для остального мира.

Свои интересы в обозначившемся противостоянии теневых сил имела и Сирия, которая после вывода под давлением США войск из Ливана была заинтересована в сохранении влияния в этой стране, причем «Хезболла» рассматривалась Дамаском как один из основных инструментов для этого.

Что касается непосредственных участников войны, которая была прекращена (надолго ли?) 11 августа после принятия СБ ООН резолюции 1701, то каждая из сторон вправе считать себя победителем, хотя ни той, ни другой не удалось достичь поставленных целей, а Ливану нанесен огромный ущерб, который оце-

нивается в 3,5 млрд долл. По данным ООН, в этой стране погибло 1183 человека, треть из них – дети, более 4000 ранены. Правозащитная организация «Международная амнистия» обвинила Израиль в совершении военных преступлений и в преднамеренном причинении ущерба мирному населению Ливана.

«Хезболла» ставит себе в заслугу то, что она сумела выстоять против опытной и технически прекрасно оснащенной израильской армии, сохранить свой военный потенциал. Ее авторитет среди населения стран арабского мира заметно возрос, и многие, и не только в арабском мире, искренне считают, что «Хезболла» одержала победу в войне.

Но нельзя говорить и о проигрыше войны Израилем, хотя сторонников таких оценок немало, в том числе и в самом Израиле. В этой стране поднялась волна критики в адрес премьера Ольмерта и военного руководства, прежде всего министра обороны и начальника генерального штаба. Их обвиняют в бездарно проведенной военной операции, прервавшей победную серию войн, которые Израиль на протяжении последних десятилетий вел в регионе.

Но так ли это? Во-первых, израильская армия все же нанесла существенный урон военному потенциалу «Хезболлы». Да и мир уже далеко не тот, каким он был в начале 60-х годов прошлого века. Израильские политики и военные стратеги, планировавшие акцию в Ливане, явно не приняли всерьез тот факт, что за это время изменились и арабский мир, и сам Израиль. Израиль сегодня – это страна с высоким уровнем жизни. Из его вооруженных сил ушли опытные и закаленные ветераны, пришло новое поколение, не прошедшее горнило многих войн, как их отцы и деды, менее приспособленное к суровым условиям постоянного существования во враждебном окружении и тем более к войне, менее готовое к самопожертвованию во имя «Великого Израиля». Сменилось и военно-политическое руководство страны, которое не имеет такого военного опыта, как прежние лидеры, ярким представителем которого является недавно ушедший с политической сцены Шарон.

Но Израиль – страна, быстро приспосабливающаяся к изменившимся условиям внешней среды, умеющая делать правильные выводы и учиться на собственных ошибках. Надо учитывать

и мощную поддержку Израиля со стороны США и влиятельной еврейской мировой диаспоры.

Что же показала пока еще не закончившаяся «война теней» и чего можно ожидать от нее в ближайшей перспективе?

Скорее всего, война в Ливане получила только передышку. Для ее окончательного завершения не созданы ни политические, ни военные, ни социально-экономические предпосылки, резолюция СБ ООН 1701 не исключила опасности новой, еще более масштабной войны, в которую могут быть втянуты многие страны, в первую очередь участники «теневого войны». Так, например, в эфире радиостанции «Эхо Москвы» израильский аналитик Алек Эпштейн заявил: «Израилю совсем не нужно было бомбить Бейрут, была уникальная возможность, упущенная израильским руководством, бомбить ядерные объекты Ирана. Я считаю, что Израиль совершил огромную ошибку».

В пользу продолжения военного варианта говорит и то, что многие политики и военные Израиля не видят иного пути решения проблемы, кроме военного. Так, посол Израиля в Украине Бен-Ами заявила: «Ситуация с Ливаном настолько сложна и неоднозначна, что, к сожалению, то, что мы делаем сейчас, – это крайний, но единственный выход... Если не ликвидировать разросшуюся там инфраструктуру террора, то ситуация повторится снова и снова». Но разве не этим и занимался Израиль все годы своего существования? И каков же итог? Может быть, военные действия все же не единственная дорога к миру? Ситуация в регионе все больше напоминает описанную в романе американского фантаста Гарри Гаррисона «Неукротимая планета». Насилие одной стороны порождает только насилие другой, что, в свою очередь, вынуждает первую к еще большим насильственным действиям и т. д. – процесс, нарастающий лавинообразно. И нужно найти силы, мужество и способы прервать эту порочную спираль насилия. Но пока этого не наблюдается.

Сейчас усилия США направлены на то, чтобы провести через СБ ООН новую резолюцию, требующую полного разоружения «Хезболлы» и позволяющую перекрыть доставку новых вооружений из Ирана и Сирии. Этого нельзя сделать ни силами ООН, ни ливанской армией. Остается два варианта: добровольное разоружение (что маловероятно) либо новая военная опера-

ция Израиля. Но даже разоружение «Хезболлы» не решает проблемы. «Хезболла» в любом случае сохранит свой политический потенциал и на очередных выборах может прийти к власти вполне демократическим путем (45 процентов населения Ливана – шииты, к тому же «Хезболла» пользуется поддержкой и среди населения других конфессий). Характерно, что после прекращения военных действий в Ливане эта организация перехватила инициативу, и ее лидер Насралла выступает уже как один из политических лидеров страны. Он и его организация активно взялись за восстановление разрушенного войной – врачебная и материальная помощь, питание, строительство жилья и объектов социального назначения и т. д.

Не внушает большого оптимизма и линия, которую проводят США, от которых во многом зависит, как будет развиваться ситуация в перспективе. Не случайно такие влиятельные в западном мире и опытные в международных делах политики и дипломаты, как Картер, Киссинджер, Олбрайт, Холбрук, финансист Сорос и другие, серьезно критикуют, по сути, бездарную восточную политику нынешней администрации, которая предпочитает решать сложные проблемы арабского мира кавалерийским наскоком. При президенте Никсоне госсекретарь США Киссинджер своей впечатляющей челночной дипломатией 1973–1975 годов запустил мирный процесс между евреями и арабами, который привел к ближневосточному мирному договору и признанию Израиля Египтом и Иорданией. А президент Буш и его команда с упорством, достойным лучшего применения, придерживаются принципа «Карфаген должен быть разрушен», хотя Бушу вряд ли светят лавры Сципиона Африканского.

Нынешняя администрация США уже не может позиционировать себя как объективный посредник между Израилем и арабскими государствами. США всегда были союзником Израиля, но никогда еще так откровенно не выступали защитником его интересов, игнорируя интересы населения Палестины и Ливана, других арабских государств. «В эти дни Израиль и США оказались в такой изоляции, в какую наша страна не попадала при жизни вот уже нескольких поколений», – констатирует экс-президент США Картер.

В оценках перспектив дальнейшего развития событий в арабо-израильском конфликте преобладают пока негативные, кото-

рые результаты «теневого войны» в Ливане только усилили. Пессимизму способствуют усиливающаяся нестабильность в Ираке, который, по существу, находится в состоянии гражданской войны, возрождающаяся активность талибов в Афганистане, а главное – иранская проблема, остоном которой служит его ядерная программа и стремление Вашингтона, несмотря ни на что, решать все эти проблемы главным образом с опорой на силу, его нежелание или неумение использовать политические и дипломатические рычаги для ослабления достигшей опасного уровня напряженности в регионе, сесть за стол переговоров с другими сторонами «теневого войны», прежде всего с Ираном и Сирией, без сотрудничества с которыми, нравится это кому-то или нет, невозможно добиться мирного урегулирования в арабо-израильском конфликте. Не приходится рассчитывать и на лояльные Вашингтону арабские режимы Египта, Иордании, стран Персидского залива, которые вынуждены лавировать между политикой Вашингтона и настроением своих народов, в своем большинстве настроенных против силовой политики США и Израиля. Как нельзя рассчитывать и на раскол между шиитами и суннитами: одним из итогов войны в Ливане является как раз обозначившееся стремление к сближению этих двух родственных течений на антиамериканской и антиизраильской почве.

С другой стороны, опасность для мира в регионе несет и радикальная позиция «Хезболлы» и ХАМАСа, других исламских организаций и режимов. Без признания Израиля и исключения террора процесс мирного урегулирования не имеет перспектив. И это – главное, что надо понять лидерам этих организаций, если они искренне заинтересованы в том, чтобы принести мир на земли своих народов. Этого от них надо добиваться и тем внешним силам, которые стремятся выступать в роли посредников и миротворцев.

А пока остается надеяться, что в конце концов главенствующую роль в мирном урегулировании станут играть не политические силы и политики, которые стоят на прагматических позициях и не понимают, что бомбежки, разрушение городов и гибель мирных людей, террористические акты и диверсии – это путь в никуда и что все народы региона имеют право на мирную жизнь.

«Российская Федерация сегодня». №17– 2006 г.

ОППОНЕНТ США? – ДА! СОЮЗНИК РОССИИ? – ВОЗМОЖНО. ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Можно ли говорить о том, что Движение неприсоединения в наши дни переживает второе рождение, своего рода ренессанс? Сможет ли это Движение в принципиально новых геополитических условиях стать активной международной силой, способной серьезно отстаивать интересы развивающегося мира, и хотя бы частично сбалансировать те перекосы, которые наблюдаются в общем процессе глобализации?

И можно ли говорить, что благородные принципы межгосударственных отношений, сформулированные еще Неру, Насером и Тито и в основе которых лежало неприсоединение к военным блокам и мирное сосуществование народов и государств на основе независимости, взаимного уважения и равноправия, являются не столь уж идеалистическими, как о них можно судить, исходя из реальной политической практики последних десятилетий?

Ответы на эти вопросы следует искать в контексте той ситуации, которая складывается сегодня в мировой политике, экономике, военной и информационной сферах – словом, в реальной жизни нашей планеты и с учетом наметившихся тенденций ее развития.

Официально оформившееся во времена жесткого противоборства двух противоположных общественно-экономических систем (Первая конференция 25 неприсоединившихся стран состоялась осенью 1961 года в Белграде) как альтернатива этому иссушающему человеческую цивилизацию противостоянию, приводящему к огромной и бесполезной – если исходить из подлинных интересов развития общечеловеческой цивилизации – трате общими-

ровых ресурсов, Движение неприсоединения развивалось бурными темпами (к концу 1980-х годов в него входили свыше 100 государств), завоевывая все больший вес на мировой арене.

Но в первые годы после завершения «холодной войны» Движение вступило в полосу серьезного кризиса. В той политической атмосфере стремление к сотрудничеству, укреплению взаимопонимания, налаживанию многовекторных связей между еще недавно непримиримыми противниками, которое было характерно для первых лет «постхолодного» периода, идейные принципы, на которых строилось Движение, несколько растворились и поблекли. Серьезный удар по Движению нанесли распад СФРЮ, одной из ведущих стран Движения, а также все больший крен ряда нейтральных и неприсоединившихся государств к «победителям» в «холодной войне», которыми позиционировали себя США и Североатлантический альянс. Кризис Движения углублялся и бурно развивающимися процессами глобализации, охватившими экономику и другие сферы межгосударственной и общечеловеческой деятельности – политику, информационное и культурное пространства, стирающими границы между государствами и затушевывающими различия между социально-экономическими укладами государств и народов.

Конечно, кризис ДН был вызван не только внешними, но и внутренними причинами. В частности, неравномерностью развития стран третьего мира, разновекторными политическими предпочтениями, различием их подходов к определению стратегического курса Движения в новых условиях. Это привело к тому, что внутри Движения к началу 90-х годов прошлого века образовалась «Группа 15», в которую вошли наиболее развитые государства Движения, например Бразилия и Мексика. Это расслоение продолжится и в наши дни. В Движении выделяются страны, за последние годы достигшие заметных успехов в своем индустриальном развитии (страны Юго-Восточной Азии, ЮАР, Египет, некоторые государства Латинской Америки), с одной стороны, и беднейшие страны (в основном африканские) – с другой. Есть и середняки. Эта пестрота объективно не позволяет Движению выработать не только общий стратегический курс, но очень часто и единую позицию по тем или иным важнейшим международным проблемам.

Тем не менее сегодня со всей уверенностью можно говорить о нарастании консолидирующих тенденций среди стран, входящих в Движение неприсоединения. И тому есть серьезные основания. Политическая атмосфера в мире существенным образом изменилась, и отнюдь не в лучшую сторону. Ожидания «золотого века» или по крайней мере относительной глобальной стабильности, которые были характерны для первых лет «постхолодного» периода, не сбылись. Более того, мир, похоже, стоит на грани очередного периода напряженности и противоборства. И не без оснований некоторые серьезные западные аналитики предупреждают о возможном начале новой «холодной войны».

В этих условиях Движение неприсоединения вновь становится все более привлекательным для многих стран мира, его авторитет в последние годы заметно растет, преодолевая последствия кризиса, оно все больше превращается в значимую политическую силу, способную оказывать позитивное влияние на ход мировых событий. Это показал и последний саммит Движения, прошедший в Гаване, на котором присутствовали делегации от 118 стран (две трети государств – членов ООН), в том числе 56 глав государств и правительств. И это не считая «друзей» Движения, в число которых входит и Российская Федерация. (Справедливости ради надо отметить, что не во всех странах-участницах ДН сегодняшнюю Россию рассматривают однозначно, как друга или союзника. Для кого-то теперь мы «богатые белые», для кого-то член нескольких элитарных клубов – «большой восьмерки», Совбеза ООН, где Россия обсуждает проблемы на равных, но кулуарно с США и бывшими колониальными державами).

В чем же видятся конкретные причины возрождения Движения неприсоединения и роста его привлекательности для большинства развивающихся стран?

Пожалуй, главным консолидирующим фактором для этих стран явился тот курс на создание однополярного мира, который стали проводить на международной арене Соединенные Штаты, оставшиеся после распада СССР единственной сверхдержавой, с которой по ее экономическим и финансовым возможностям, военной мощи да и политическому влиянию не могло сравниться ни одно государство на нашей планете. Этот курс, пусть и с определенными оговорками, поддержан ближайшими

союзниками США – странами Западной Европы и Японией и к тому же опирается на огромный военный потенциал Североатлантического альянса. И не суть важно, называть ли гегемонистские устремления Вашингтона мировым господством или глобальным лидерством – они не могут не вызывать опасений многих других стран. И дело даже не столько в притязаниях США на главенство в мировых процессах. В еще большей мере в мире растут опасения, касающиеся последствий политики гегемонизма и тех способов, которыми она проводится, зачастую без учета мнений мирового сообщества, интересов других стран, а то и с применением военной силы.

Разумеется, речь отнюдь не идет о том, что в основе обновляющегося Движения неприсоединения лежит антиамериканизм. Скорее, наоборот. Многие его члены отдают должное Соединенным Штатам, как одной из ведущих мировых держав, считаются с их авторитетом и влиянием, настроены отнюдь не на соперничество, а на сотрудничество. Но государственный эгоизм Вашингтона в проведении курса на мировое лидерство, самовольно присвоенное право быть одновременно и обвинителем, и мировым полицейским, и судьей, конфронтационный подход к решению ряда внешнеполитических проблем и к выстраиванию отношений с «непокорными» странами (особенно характерный для нынешней вашингтонской администрации) не могут не вызывать опасений других стран за собственный суверенитет. Естественно их стремление к тому, чтобы им не препятствовали в самостоятельном выборе пути развития, не лишали права самим определять этот путь.

В этих условиях нет ничего удивительного в том, что идеи, заложенные в идеологическую основу Движения неприсоединения, вновь становятся актуальными. Этому способствует и то, что в мировую политическую практику возвращаются многие постулаты «холодной войны», такие как стратегия устрашения, приверженность военному давлению и силовым действиям, превентивные войны (прикрываемые демократическими и гуманитарными лозунгами), массированное применение идеологического оружия, изоляция «изгоев». Тем более что Соединенные Штаты присвоили себе право самим определять, в какую «корзину» отнести то или иное государство: то ли к «оси зла» (к ним относят «непокор-

ные» страны, причем главное их зло – в неподчинении диктату США), то ли к государствам, демонстрирующим лояльность Вашингтону и проводимой им политике. Не случайно в заключительной Декларации 14-го саммита ДН в Гаване отвергнут столь полюбившийся нынешним руководителям США термин «ось зла».

Ярким примером диктата США является недавно подписанная президентом Дж. Бушем директива, согласно которой США берут на себя право лишать доступа в космос любую страну, враждебную американским интересам.

И в этом отношении Движение неприсоединения вполне может составить в мировой политике альтернативу гегемонизму США. На саммите Движения в Гаване звучали призывы превратить Движение в самостоятельный мировой центр политической силы, подкрепленный прочной экономической базой, созданной на принципах сотрудничества членов Движения. Об этом говорил, в частности, Президент Беларуси А. Лукашенко.

Другой причиной, консолидирующей Движение неприсоединения, является растущий разрыв в уровне и качестве жизни между странами «золотого миллиарда» и третьего мира. Этот разрыв – одна из главных угроз мировой стабильности, неиссякаемый источник пополнения кадрами международной преступности и терроризма, сепаратизма, различного рода воинствующих националистических и религиозных течений. И если развитые, богатые страны, также страдающие от этих угроз, все же имеют значительно больше возможностей для собственной защиты, то развивающиеся страны в таких возможностях значительно ограничены. В консолидации усилий себе подобных многие из них видят одно из наиболее действенных средств сообща противостоять таким угрозам. Поэтому проблемы борьбы с бедностью и устойчивого развития стран третьего мира, которые всегда были одними из приоритетных для Движения, сегодня приобретают особую остроту, настоятельно требуют расширения международного сотрудничества для их решения.

Третья причина – угроза истощения невозобновляемых природных ресурсов, прежде всего энергетических (нефти, газа, угля, урана), а также чистой воды, продовольствия (животного и растительного белка), с одной стороны, и «высасывание» индустриально развитыми странами всевозможных ресурсов из разви-

вающихся стран мира, составляющих костяк Движения неприсоединения, – с другой. Причем ресурсов не только природных, но и интеллектуальных, трудовых. Понятно, что у развивающихся стран нарастают страхи остаться, в конце концов, «у разбитого корыта», на обочине мирового технологического прогресса. В странах Движения сосредоточены основные запасы энергетических ресурсов, и развитые страны (в своем большинстве это страны с давно истощенными ресурсами) проявляют наибольший интерес именно к энергетической сырьевой сфере.

Так, Всемирный фонд дикой природы (WWF) в своем последнем отчете предупреждает, что ресурсы Земли истощаются, скорость их потребления человеком превышает способность планеты их восстанавливать. И если в жизнедеятельность человека не внести изменений, то уже к 2050 году человечеству будет необходимо в два раза больше ресурсов, чем Земля способна воспроизвести. А потребление природных ресурсов далеко не равномерное. Основные их потребители – развитые страны. Так, США, население которых составляет 5 процентов от общей численности населения Земли (300 млн. человек), потребляют 25 процентов мировой электроэнергии, три четверти добываемой в мире нефти (располагая только 3 процентами мировых запасов нефти). Если весь мир будет жить так, как, например, Великобритания, то для обеспечения жизнедеятельности человечества потребуется три таких планеты, как наша, считают эксперты Фонда.

Но не менее опасен для будущего развивающихся стран тот ущерб, который наносится их интеллектуальному потенциалу и трудовым ресурсам.

Впрочем, это проблема не только развивающихся стран. Она хорошо известна и нам в России. Именно на нашем примере наиболее наглядно видно, какие угрозы несет для национальных интересов «утечка мозгов» и квалифицированной рабочей силы.

В сущности, проблема «утечки мозгов» и квалифицированных кадров, хотя и не в таких масштабах, волнует и страны, входящие в Движение неприсоединения, многие из которых озабочены сохранением и наращиванием своего интеллектуального потенциала. Задача непростая, особенно в условиях глобализации, открытости границ и существования мощного «магнита» в лице развитых стран, способных предоставлять талантам из других стран мно-

го более привлекательные условия для жизни и творчества и целенаправленно собирающих по всему миру лучших интеллектуалов, скупающих научные и технические идеи и разработки.

Разумеется, перечисленные выше причины далеко не единственные, которые объективно способствуют консолидации относительно «слабых» государств мира, их стремлению к согласованию усилий в борьбе с современными угрозами.

К числу других проблем, вынуждающих развивающиеся страны согласовывать усилия или по крайней мере находить по ним общие точки соприкосновения, можно отнести целый ряд других, не менее значимых. Это и нарастание комплекса угроз, связанных с так называемой «войной цивилизаций» (включая борьбу с международным терроризмом), которая, если она примет глобальные масштабы, принесет наибольший урон странам третьего мира. Это и становящиеся все более серьезными экологические угрозы, которые в конечном счете могут привести к глобальной катастрофе. Это и разоруженческая проблематика, в которой страны Движения всегда занимали и продолжают занимать наступательные позиции. Это и реформирование ООН с таким прицелом, чтобы «не допустить использования ООН в качестве инструмента «разборок» со странами, проводящими независимую политику». Это и проблемы, связанные с нераспространением ядерного оружия и развитием ядерной энергетики.

Анализ нынешнего состояния Движения неприсоединения, которое становится важным фактором в вопросах противодействия современным угрозам и вызовам, как и стоящих перед Движением задач, дает основания утверждать, что сотрудничество России с этой вновь набирающей вес организацией должно стать значимым элементом отечественной внешней политики. Потенциал такого сотрудничества достаточно большой. Прежде всего это касается таких вопросов, как поддержание международной безопасности и стабильности, политическое урегулирование региональных конфликтов, проблемы разоружения и нераспространения ядерного и других видов оружия и, безусловно, совместные усилия по предотвращению комплекса угроз, связанных с цивилизационным и конфессиональным противостоянием.

«Российская Федерация сегодня», №21– 2006 г.

ОБЪЕКТИВНОСТИ ХВАТИЛО НЕ ВСЕМ. О РЕАКЦИИ В МИРЕ НА РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА В МЮНХЕНЕ

Выступление российского президента на конференции по безопасности в Мюнхене вызвало широкий резонанс. Эту речь подробно комментировали политики и средства массовой информации США и Европы. Разумеется, для политических наблюдателей наибольший интерес представляла реакция со стороны США, как главного объекта критики В.Путина.

Если говорить в целом, то реакция американских средств массовой информации была единодушно отрицательной. Выступление президента России в Мюнхене они характеризовали по меньшей мере как «самонадеянное», «недипломатичное», «мрачное» и «негибкое». Большинство из них считают, что речь В.Путина знаменовала собой возврат к временам «холодной войны».

В то же время в американской печати появились и статьи, претендующие на более объективную оценку и серьезный анализ речи президента России. Так, в материале газеты The Los Angeles Times говорилось о том, что у России есть давние причины не верить словам Гейтса о том, что США – это «сила, действующая на благо мира». Эти причины связаны не столько с Ираком, сколько со стремлением США в последние десять лет расширить НАТО на Восток. Это расширение нарушает договоренность, которая, по мнению России, подразумевалась или даже была очевидной. «В одном из типичных заявлений НАТО, сделанном после неожиданного мирного окончания «холодной войны», – отмечает газета, – говорится: «В связи с сугубо оборонительным характером нашего альянса мы не станем добиваться одностороннего преимущества в результате изменения ситуации в Европе или угрожать законным интересам какого-либо

государства». Но через несколько лет США в глазах России превратились в мстительного победителя. Америка позволила бывшим странам Варшавского Договора вступить в НАТО: в их числе оказались и страны бывшей советской Прибалтики. Унижение и предполагаемая попытка взять Россию в кольцо продолжаются и теперь: звучат разговоры о том, что однажды в альянс вступят Грузия и Украина. Единственное, что удивительно в этой агрессивной речи, – делает вывод газета, – это почему она прозвучала только теперь».

Однако такая оценка – только одна из немногих попыток объективно взглянуть на мировые события. В целом позиция СМИ США сводится к тому, что Россия отплатила черной неблагодарностью Западу, который в течение многих лет пытался установить с ней партнерские отношения и наладить сотрудничество, несмотря на ее политику в Чечне и «отсутствие демократии».

Выводы, которые делают американские СМИ в данной ситуации, достаточно однозначны и могут быть наглядно проиллюстрированы на примере выдержки из материала *The Washington Times*, которая задается вопросом: «Как ответить на нажим Путина?» Газета пишет: «Россия добивается стратегического паритета с США и вырабатывает национальное самосознание в противовес Западу. Наступило время наводить мосты с возможными союзниками русских, чтобы не допустить создания антиамериканских блоков. Кроме того, США должны обратиться к своим традиционным союзникам в Европе и в мире, чтобы те признали изменение стратегического баланса в Восточном полушарии и активнее действовали в интересах взаимной обороны, координировали энергетическую политику и действия потребителей по обеспечению энергетической безопасности».

Иначе говоря, речь идет о продолжении и ужесточении проводившейся до сих пор политики США. Суть ситуации на сегодняшний день в понимании американских СМИ проста и может быть изложена одной фразой: США настаивают на своей гегемонии в мире и не желают видеть в России достойного партнера.

На фоне таких выступлений реакция американских официальных кругов представляется более чем сдержанной. Отвергая в достаточно мягких тонах обвинение В.Путина в том, что от США исходит угроза миру, они одновременно призывают его к сотруд-

ничеству. «Мы не хотим конфронтации», – подчеркивают представители Белого дома и госдепартамента. «У нас много совместных проектов», – говорит Гейтс, который, по мнению многих комментаторов, собственно и спровоцировал резкое выступление российского президента своим заявлением в Конгрессе США, когда он назвал Россию в числе стран, представляющих потенциальную угрозу.

Показательны в этом смысле и слова американского президента, который считает, что США и Россия, несмотря на резкую критику американской внешней политики со стороны В.Путина, могут вместе работать над решением многих вопросов. На пресс-конференции в Белом доме Буш признал, что отношения имеют «сложный» характер и между Вашингтоном и Москвой «имеются разногласия». Мнения руководителей России и США не всегда совпадают, к примеру, в оценках роли НАТО. «Однако это также отношения, в которых мы можем находить взаимопонимание для решения проблем. В таком духе я и намерен продолжать работать с Владимиром Путиным», – заявил глава американской администрации.

При этом Буш напомнил, что Соединенные Штаты и Россия, несмотря на некоторые расхождения в подходах к урегулированию ядерных проблем Ирана и КНДР, смогли в конечном счете преодолеть их в Совете Безопасности ООН, в результате чего были приняты резолюции, предусматривающие применение санкций против Тегерана и Пхеньяна.

Такая спокойная реакция со стороны официальных кругов США на резкое выступление российского президента, очевидно, обусловлена следующими факторами.

Во-первых, позиция российского руководства отнюдь не стала сюрпризом для американской администрации. Достаточно вспомнить сделанное незадолго до Мюнхена заявление начальника Генштаба Российской армии Юрия Балуевского о том, что «курс США на мировое лидерство, стремление утвердиться в районах традиционного присутствия России» является основным источником угрозы российской национальной безопасности.

Во-вторых, американская сторона четко осознает, что многие союзники США в Европе и других частях мира были во мно-

гом согласны с критикой Путина в адрес администрации Буша, в первую очередь что касается иракской войны.

И, в-третьих, США уже не могут не считаться с Россией. В связи с этим можно отметить мнение, приведенное в газете *The Washington Post*: «Сейчас пришло время возможностей для новой России. Америка, вовсе не представляя собой ту «однополярную» сверхдержаву, которую описывает Путин, ослаблена войной в Ираке и отчаянно нуждается в союзниках».

Из этого следует вывод, что официальные круги США в настоящий момент скорее всего просто не могут позволить себе более жесткой реакции, несмотря на свою уверенность в том, что «Россия в последнее время ведет себя слишком высокомерно, разбогатев благодаря экспорту нефти и газа».

Отклики на выступление российского президента в Европе также имели свою специфику.

Что касается резкости суждений, то реакция основных западноевропейских СМИ ни в чем не уступала американской прессе, а кое в чем даже превосходила ее. Так, английская *The Times* писала, что «президент Путин предпринял самое агрессивное со времени окончания «холодной войны» словесное наступление на США и их европейских союзников. На международных встречах такого уровня подобных леденящих критических выступлений российского руководства не было с того момента, когда Никита Хрущев стучал своей туфлей по трибуне ООН в 1960 году».

По мнению итальянской *La Stampa*, риторика президента Путина «носила беспрецедентно жесткий характер даже при том, что антиамериканизм уже достаточно долго является частью российской политики».

Однако, как и в Соединенных Штатах, в европейской прессе нашлось место и для относительно трезвых оценок. Так, немецкая *Die Welt* отмечает: «Вполне логично, что такая большая и значимая страна, как Россия, после периода слабости снова во всеуслышание подает голос. И это хорошо, поскольку только стабильная и уверенная в собственных силах Россия может взять на себя ответственность за равновесие в мировой политике. Эта ответственность соизмерима с ее масштабами и весом».

Вместе с тем (опять-таки как и в США) официальная реакция западноевропейских членов НАТО на речь российского прези-

дента была вполне сдержанной. Как заявил представитель правительства ФРГ, Путин «в присущей ему манере использовал свое выступление для разъяснения российского восприятия международной политики. Диалог с Россией будет продолжен, несмотря на то что не во всех вопросах существует единство мнений».

Следует отметить, что вообще германские лидеры в целом отреагировали на речь российского президента с пониманием. Так, министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер в докладе на конференции воздержался от комментариев по поводу речи Путина, а глава комитета бундестага по международным делам Рупрехт Поленц с одобрением отозвался о его позиции по Ирану. Кроме того, он отметил, что планы США по размещению объектов своего противоракетного зaslona в Польше и Чехии вызывают озабоченность не только у России. Некоторые политики, такие как Guido Westerwelle из СвДП, назвали откровенность В.Путина «хорошим знаком для готовности к диалогу без прикрас». Такая позиция германских политиков, очевидно, объясняется еще и тем, что, по итогам опросов общественного мнения в Германии, население в своем большинстве одобряет антиамериканскую направленность заявлений Путина.

Другие западноевропейские государства в целом восприняли выступление российского лидера спокойно, хотя и с некоторой настороженностью, оценив его как проявление растущей напористости со стороны России. Обратило на себя внимание мнение министра иностранных дел Норвегии Юнаса Гара Стере, который считает, что следует отдать должное тому, что «такие позиции озвучиваются на конференциях, а не при других обстоятельствах». «Это жесткие слова, но все-таки это слова», – заявил он в интервью FTD.

В восточно- и центральноевропейских государствах – членах НАТО выступление В.Путина, как и ожидалось, вызвало волну острой критики. В первую очередь это касается «задетых» в выступлении российского президента Польши и Чехии.

По словам Павла Залевского, главы польского парламентского комитета по международным отношениям, речь Путина демонстрирует «образ мышления минувшей эпохи». «Из речи Путина явствовало, что Россия чувствует, как вокруг нее смыкается кольцо из демократических правовых государств».

«Мыльные пузыри лопнули», – заявил министр обороны Польши Александр Щигло. – Путин показал настоящее лицо России».

Министр иностранных дел Чехии Карел Шварценберг ответил на критику Путина словами, что времена Советского Союза давно прошли. «Никакие замечания третьих сторон не окажут влияния на наше правительство, – заявил чешский министр. – Они лишь усиливают нашу решимость двигаться в этом направлении. Мы – суверенное государство. И мы сами будем решать – размещать у себя радарную систему или нет».

«Российская Федерация сегодня», №5 – 2007 г.

ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ ПРЕДСТОИТ ЖИТЬ НАРОДАМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Крупнейшая геополитическая катастрофа конца XX века – распад Советского Союза превратил многовековую державу мирового уровня в размытое и аморфное «постсоветское пространство» (ПСП). На этом пространстве и сегодня, спустя полтора десятилетия, продолжаются турбулентные процессы, оказывающие неоднозначное влияние на перспективы становления и развития образовавшихся здесь государств. К началу 2007 года «цивилизованный развод» бывших союзных республик по «национальным квартирам» в основном завершен. И хотя большой войны удалось избежать, все же бескровным этот процесс не назовешь. Немало крови пролилось в вооруженных столкновениях «малого масштаба» – Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Чечня.

Существующая ситуация. Сегодня территория бывшего СССР являет собой довольно пеструю картину. «Концерта» суверенных республик не получилось. Не считая России, которая занимает большую часть ПСП и политика которой во многом определяет будущее этого пространства, здесь можно выделить несколько специфических групп государственных образований.

К ним относятся: страны Балтии, которые, эксплуатируя образ оккупированных СССР территорий и «новую российскую угрозу», сумели в короткий срок стать членами НАТО и ЕС; западные республики – Украина, Молдавия, Белоруссия; Южный Кавказ; Центральная Азия. На этом же пространстве существует несколько квазигосударственных образований, не признанных мировым сообществом, но стремящихся приобрести все атрибуты независимых, – Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье.

Несмотря на пестроту политического и социально-экономического ландшафта, на ПСП действуют ряд общих факторов, влияющих на развитие ситуации. К ним относятся:

в политической сфере – продолжающаяся перестройка внешнеполитического курса новых государств с усилением прозападного и ослаблением российского векторов, что характерно и для государств, придерживающихся многовекторной внешней политики;

в экономике – переход к рыночным отношениям, во многих странах сдерживаемый рудиментами политической системы советских времен, приспособленной для жесткого централизованного управления хозяйственной жизнью страны, но малоприспособленной для свободного рынка;

в сфере технологий – резкий спад технологического уровня и нарастающее отставание не только от стран западного мира, но и от многих развивающихся стран;

в оборонной области – ослабление военной мощи (не считая находящихся под зонтиком НАТО стран Балтии), особенно заметное на фоне роста военных сил и Запада (США, блок НАТО, объединенные вооруженные силы ЕС), и Востока (Китай, Япония). Сегодня ни одна из стран СНГ не в состоянии самостоятельно обеспечить вооруженную защиту своего суверенитета. Наиболее мощная среди них Россия (даже с учетом ее значительного, но постепенно тающего ракетно-ядерного потенциала) не может сравниться с США и НАТО, даже с КНР, неуклонно нарастающей и модернизирующей военный потенциал;

в области национальных отношений – переход от интернационализма советских времен к национализму;

в интеллектуальной сфере – снижение образовательного и интеллектуального уровня, разрушение научного потенциала, особенно в фундаментальных исследованиях;

в идеологической сфере – усиление влияния религиозных институтов, заметное проявление размежевания по конфессиональному признаку, рост ксенофобии и неприятия иных верований.

Не менее значимо влияние на ситуацию в странах ПСП и вторичных факторов, становящихся все более весомыми. Это приобретающие опасный системообразующий характер криминали-

тет и коррупция, демографические проблемы, неконтролируемая миграция, пошатнувшееся духовное и физическое здоровье наций.

Воздействие всех этих объективно и повсеместно действующих факторов на отдельные страны ПСП не одинаково. Соответственно глубина политических и экономических преобразований в этих странах, их развитие также заметно разнятся.

Перспективы развития ситуации. В ближайшем будущем постсоветское пространство полностью перестанет восприниматься как пусть рыхлое, с распадающимися связями, но все же единое пространство, как целостный объект воздействия политики внешних сил, в том числе дипломатии России. Грани между постсоветским пространством и окружающим миром становятся все более размытыми, новые страны все прочнее встраиваются в мировую политическую и хозяйственную системы. Помимо России здесь борются за свои интересы и преследуют свои цели США и ЕС, Китай и Индия, Пакистан и Турция, Иран и Саудовская Аравия. СНГ, которое так и не смогло стать реально действующим сообществом стран, вставших на путь кардинальных политических и экономических преобразований, тихо прекращает свое существование. «Гранды» мировой политики все больший упор делают на дифференцированный подход к постсоветским государствам.

Вместе с тем со стороны внешних сил (США, ЕС, Китая) можно ожидать стимулирования интеграционных процессов в отдельных частях ПСП и в отдельных сферах (экономика, оборона, борьба с общими угрозами и т. п.). В борьбе за влияние на постсоветские государства и контроль за их природными ресурсами эти центры силы будут стремиться формировать объединения постсоветских республик под своей эгидой, в том числе с включением в них других государств. Примерами таких образований могут служить ШОС (одним из инициаторов создания которой выступил Пекин), ГУАМ, Содружество демократического выбора (последние два созданы под покровительством США и ЕС) и ряд проектируемых образований, в частности объединение стран Центральной и Южной (Афганистан, Пакистан) Азии.

В сущности, постсоветское пространство интересует США и Запад, во-первых, как дополнительный надежный поставщик

первичных энергоресурсов и важная транзитная территория и, во-вторых, как средство ограничения влияния и амбиций России – наиболее опасного для их долговременных планов звена на постсоветском пространстве, ее «мягкой изоляции» или даже «управляемой блокады». Достижение этих двух целей укладывается в комплекс превентивных мер Вашингтона, имеющих целью исключить появление на месте бывшего СССР нового геополитического конкурента.

Дилемма в отношении будущего ПСП, в сущности, довольно проста. Если Россия сумеет добиться успехов на пути экономической и социальной модернизации и дальнейшей демократизации своей политической системы, она неизбежно станет мощным центром притяжения для ближайших соседей, их экономического и политического объединения на новой основе. И более того, центром консолидации мировых сил, выступающих против концепции однополярного мира со штаб-квартирой в Вашингтоне. Иначе сложится ситуация, если этого не произойдет. Экономически и технологически отсталая Россия навсегда распрощается с надеждами на возрождение своего влияния на пространстве бывшего СССР и намного облегчит США достижение мирового господства.

Исходя из рассмотренных выше факторов и возможных сценариев эволюции отношений между Россией, Китаем, США и ЕС можно прогнозировать следующее развитие ситуации в постсоветских государствах.

Страны Балтии как северо-восточный форпост НАТО и ЕС окончательно связывают свое будущее только с этими организациями. Они, конечно, будут развивать экономические связи с Россией. И можно надеяться, что их политический курс на российском направлении станет более сглаженным и прагматичным, лишенным нынешних экстремистских антироссийских выпадов. Но надо учитывать и то, что курс этих стран, представляющих в НАТО и ЕС проамериканскую прослойку, в отношении России будет и впредь формироваться под влиянием Вашингтона.

Политическое руководство и политические элиты государств западного сегмента ПСП (прежде всего Украины и Молдавии) продолжают попытки ввести свои страны в сферу политического и экономического влияния Евросоюза, хотя членство в этой

организации для них пока недостижимая цель. Тем не менее влияние ЕС на эти страны будет возрастать, и их экономические, трудовые, транзитные ресурсы окажутся предметом конкурентной борьбы между объединенной Европой и Россией.

Украина при поддержке ЕС сохранится в своих современных границах, оставаясь политически рыхлым государством с неустойчивым конституционным строем. Итогом жесткой политической борьбы с участием внешних сил станет возможное вступление «незалежной» в НАТО (этого, с достаточно высокой вероятностью, можно ожидать к 2012 году), что не избавит страну от появления ряда новых вялотекущих конфликтов на ее территории, особенно в восточных областях страны и в Крыму, где уже сегодня обозначились три противоборствующие силы: крымские татары, украинские националистические движения, пророссийские силы.

Молдавия, весьма вероятно, будет все дальше продвигаться по пути распада, становясь при этом объектом возможного конфликта между Украиной и Румынией.

Особое место занимает **Белоруссия**, которая сегодня находится, образно говоря, на перепутье трех дорог. В случае смены политического режима на прозападный она скорее всего попытается выйти из-под влияния России. Если нынешняя правящая элита Минска сумеет сохранить свои властные полномочия, страна может превратиться в предмет торга между Россией, США и ЕС.

Южный Кавказ в обозримом будущем, несмотря на массивное содействие США, в том числе финансовые вливания, и непосредственное участие Западной Европы, вряд ли превратится в полноценный и надежный энергокоридор, оставаясь зоной региональных конфликтов. Грузия через 5–7 лет может стать членом НАТО. Главным препятствием на этом пути остаются территориальные конфликты, приемлемых путей разрешения которых пока не видно. Не исключено, что в связи с этим Грузия в конце концов может стать подконтрольным ООН анклавом. Вместе с тем нынешние высокие темпы милитаризации страны увеличивают вероятность попыток Тбилиси решить конфликты с Южной Осетией и Абхазией вооруженным путем.

Армения будет и впредь придерживаться сбалансированной между Западом и Россией политики, что в известном смысле бу-

дет ограничивать ее суверенитет. Вместе с тем все большую роль в политике Армении будут играть США и НАТО, доминирующее влияние России в этой стране будет уменьшаться.

Роль **Азербайджана** в силу его большей независимости от внешних факторов как главного поставщика энергоресурсов в субрегионе будет скорее всего возрастать. Этому будут способствовать и тесные связи с Турцией – «эmissаром» НАТО в регионе, достаточно стабильный уровень взаимоотношений с Россией в политической и экономической сферах, поддержка со стороны исламского мира.

Существенным дестабилизирующим фактором будет оставаться пока неразрешимая проблема Карабаха, которая может в любой момент привести к новому витку вооруженных столкновений между Азербайджаном и Арменией.

В Центральной Азии продолжатся дезинтеграционные процессы. Ориентация Казахстана на Москву и Запад одновременно и на лидерство в ЕврАзЭС не найдет отклика в погрязшей в неразрешимых социально-экономических проблемах Центральной Азии.

Что касается **России**, то серьезный урон ее интересам на ПСП нанесли ошибки, допущенные во взаимоотношениях с Украиной и Белоруссией. Вместе с тем заслуга Президента Владимира Путина в том, что он сумел остановить процесс распада России. Это позитивно повлияло, хотя и в разной степени, на все страны СНГ и приостановило полную дезинтеграцию Содружества. Но серьезные вызовы интересам России сохраняются и нарастают.

На западе ПСП усилиями США и НАТО в ближайшие годы будет усилена попытка создать в Киеве альтернативный Москве центр влияния. Вступление Украины в НАТО, если оно произойдет (а на это направлены главные усилия США), станет крупнейшим вызовом России со времен крушения СССР.

В отношениях с Украиной России придется все больше опираться на формат стандартных международных отношений. Однако неустойчивость политической системы Украины будет тормозить процесс их установления. В ближайшие 10 лет не получит позитивного политического решения между Москвой и Киевом проблема транзита российских углеводородов. Что касается проблемы базирования Черноморского флота России, то его вы-

вод из Севастополя может потребоваться ранее оговоренного 2017 года.

Сотрудничество с **Белоруссией** будет и впредь иметь для России стратегический характер. Однако особенности нынешнего белорусского политического режима, с одной стороны, и «механистический» курс российского руководства, стремящегося перевести на рыночные рельсы отношения с этой страной без должного учета долговременных стратегических интересов России, – с другой, могут не позволить сделать Белоруссию своим стратегическим союзником, плацдармом для «прорыва» в Центральную Европу, надежным звеном для решения проблемы «калининградского» коридора. В итоге Белоруссия может повторить украинский сценарий и в значительной степени переориентируется на Запад.

На Кавказе будет активизироваться политика внешних сил по вытеснению России, и Москве придется искать пути закрепления своего влияния в этом важном для ее безопасности и обеспечения собственной территориальной целостности регионе (учитывая неразрывную связь Южного и Северного Кавказа).

В Центральной Азии главным вызовом явится растущая угроза дальнейшей экономической деградации и политической дестабилизации ряда стран – Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Будет обостряться политическая борьба за влияние в Туркменистане, где можно ожидать активизации проамерикански настроенной оппозиции нынешнему режиму.

В целом можно отметить, что общие интеграционные процессы на постсоветском пространстве слабеют. В обозримый период будут все больше доминировать двусторонние связи при усиливающейся конкуренции со стороны внешних сил за влияние на ПСП.

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – ЕС: НИ ШАГУ ВПЕРЕД, НИ ШАГУ НАЗАД

Встреча на высшем уровне Россия – ЕС, прошедшая 17–18 мая в Самаре, продемонстрировала глубокий политический кризис, в котором в настоящее время находится Евросоюз. До последнего момента было непонятно, состоится ли встреча вообще. За несколько дней до нее Польша и Литва сообщили, что накладывают вето на начало переговоров России и ЕС по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве. Более того, в литовском сейме был подготовлен проект «Стратегии по сдерживанию России».

Верховный представитель по внешней политике ЕС Хавьер Солана вообще решил в Самаре не ездить. Возможно, это проявления тенденции на свертывание умеренной линии возглавляющей ЕС Германии во взаимоотношениях с Россией и на развал энергетического альянса между ЕС и Россией.

К сожалению, в этом нет ничего удивительного: к этому все и шло. От России всегда ждали и ждут уступок, однако в этот раз не дождались. Россия сейчас уже не та, что была раньше. СССР при Горбачеве и Россия при Ельцине, прежде всего в лице своих политических элит, готовы были стать частью Запада даже на птичьих правах. Но даже и в такой унижительной малости им было отказано. Если за что-то и нужно благодарить США и ЕС, так это за то, что они не оставили для нынешнего российского руководства никакой альтернативы, кроме перехода к принципиально новому курсу – курсу на достижение самодостаточности и самоуважения во внутренней и внешней политике.

Суть в том, что многие трудности и проблемы мы породили сами в годы «ельцинской дипломатии». Практически все обеща-

ния Запада, данные в те годы, остались на бумаге. Как много говорилось о нерасширении НАТО на Восток, и что мы видим сейчас! В последние годы произошло новое расширение НАТО на Восток, в том числе на территорию бывших балтийских республик СССР. При этом сейчас обнародованы планы ускоренного втягивания Украины и Грузии в НАТО. А проект строительства объектов американской стратегической ПРО в Польше и Чехии противоречит духу Совместной декларации новых стратегических отношений между РФ и США от 2002 года о сотрудничестве в разработке такой системы и идет вразрез с переговорами в Совете Россия – НАТО о работе над общей ПРО театра военных действий. И так во всех других вопросах: ДОВСЕ, Косово, политика на постсоветском пространстве, Чечня.

Россия же всего лишь стремится к тому, чтобы ее не только на словах, но и на деле признавали равной в ряду других ведущих держав. Она требует, чтобы уважали ее законные интересы и считались с ее мнением по важнейшим вопросам, даже если оно расходится с позицией США и стран ЕС. В случае же возникновения разногласий проблемы должны решаться на основе взаимных компромиссов, а не путем «продавливания» линии Запада или самонадеянного навязывания Москве такой точки зрения, будто она якобы «неверно понимает собственные интересы».

В этом в основном и состоит суть нынешней политики президента России. Складывается впечатление, что мюнхенские тезисы В.Путина прозвучали для Запада как гром среди ясного неба еще и по той причине, что их жесткость резко контрастировала с длительной, почти 20-летней полосой уступок Кремля в отношении Запада. США и страны ЕС уже привыкли к тому, что за два десятилетия сильной внешней экономической и политической зависимости России от Запада официальная Москва вследствие тяжелого внутреннего состояния российского общества не позволяла себе громко заявлять о своих законных правах и интересах.

Политику В.Путина следует воспринимать как призыв к западным странам освободиться от стереотипов и двойных стандартов, которые существуют по отношению к России, а также по отношению к другим странам, например Эстонии и Польше. Недавно Брюссель (а также Вашингтон) открыто поддержали эсто-

нские власти в их неприкрытом стремлении «свести счеты» с послевоенной историей, заложить основы для пересмотра итогов Второй мировой войны.

Россия всегда выступала и выступает за открытый диалог с ЕС и делает для этого все возможное. Здравомыслящие политики осознают, что развитие отношений России и ЕС начало тормозиться после последнего расширения этого союза. Те правила игры, которые были хороши для 15 стран, дают сбой сейчас, когда в составе ЕС уже 27 стран и некоторые «новички» пытаются диктовать свои условия. История с Польшей, уже второй саммит блокирующей начало обсуждения нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве из-за российского эмбарго на поставки мяса, – своего рода экзамен и для самого Евросоюза. ЕС не может не тревожить прецедент, при котором одна страна способна воспрепятствовать любому решению остальных двадцати шести.

Теперь стало ясно, что «старый» Евросоюз был более прагматичен, всегда четко отделял главное от второстепенного. То есть сами принципы сотрудничества, в первую очередь в экономике и энергетике, – от частных двусторонних проблем. У «новых европейских» – совсем наоборот.

Нельзя также забывать, что в диалоге России и ЕС часто присутствует и третий участник – США. К мнению Вашингтона различные страны ЕС прислушиваются с разной степенью внимания, но среди них нет таких, кто бы полностью его игнорировал. Многие эксперты признают, что, возможно, отношения России и ЕС были бы лучше, если бы в них не было США, но в данном случае сослагательное наклонение не имеет смысла.

Закрывая пресс-конференцию после саммита в Самаре, В.Путин признал, что после расширения Евросоюза России стало значительно труднее иметь с ним дело. «Соседей не выбирают, – сказал Путин. – И мы будем жить вместе, несмотря на все сложности».

Сам факт, что мандат на обсуждение нового соглашения между Россией и ЕС до сих пор Еврокомиссии не выдан (срок действия старого соглашения истекает в ноябре), не может не беспокоить европейцев, вынужденных уже не первый раз идти на поводу у новых членов ЕС, чьи цели – особенно на российском направлении – нередко идут вразрез интересам и планам Брюсселя.

Как же нам строить партнерство с ЕС, чтобы диалог был действительно конструктивным?

Необходимо отметить, что при всем вышесказанном имеются серьезные основания полагать, что ситуация, когда затягивается принятие мандата Комиссии Европейских сообществ (КЕС), откладываются переговоры по новой политико-правовой базе РФ – Евросоюз и продление нынешнего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, как это ни парадоксально, благоприятна с точки зрения российских интересов.

Во-первых, даже начавшись, эти переговоры будут вестись неопределенно долго ввиду системного противоречия позиций сторон в вопросе либерализации российского энергетического сектора.

Во-вторых, чрезвычайно серьезной проблемой станет ратификация нового соглашения в парламентах «новичков» Евросоюза. Как показывает пример Польши, каждая из них будет настаивать на максимальном отражении в нем ее односторонних претензий и требований к России, в связи с чем прохождение приемлемого для РФ договора через парламенты 10 стран Центральной и Восточной Европы и Балтии станет практически невозможным.

При этом как неспособность Москвы и Брюсселя подписать новое соглашение, так и провал его ратификации одной или несколькими странами-«новичками» окажут на отношения России и ЕС гораздо более негативное воздействие, чем отказ от нового договора, как такового. Ситуация здесь примерно такая же, как внутри самого ЕС. Для сравнения приведем следующий пример. Если бы вопрос о Конституции в ЕС не встал вообще, то Евросоюз находился бы сегодня в значительно менее кризисном состоянии, чем после провала Конституционного договора на референдумах. В этой связи российскому политическому руководству и дипломатическому ведомству представляется целесообразным в ближайшие несколько месяцев отказаться от политики, нацеленной на скорейшее заключение с ЕС нового всеобъемлющего соглашения, и детально рассмотреть вариант подписания с ним «Декларации о стратегическом партнерстве» или «Декларации о стратегическом союзе», параллельно перенося основное содержание отношений в частные секторальные соглашения.

Данная схема позволила бы, с одной стороны, продемонстрировать прогресс в отношениях Россия – ЕС и обновить их институциональный каркас (формат диалога, частота саммитов и т. д.) и, с другой стороны, избежать как бесконечно долгих переговоров, так и провала ратификации документа в парламентах стран – членов ЕС с его негативными последствиями. Равным образом модель декларации с привязанными к ней секторальными соглашениями позволит обособить наиболее противоречивую – энергетическую – область отношений РФ – ЕС в отдельный блок (по нему следует готовить отдельное соглашение), который не будет оказывать негативное воздействие на все другие стороны отношений. Подобная практика отношений у Евросоюза имеется. Именно так выстроены отношения ЕС – США.

Энергетика – это такой вопрос, который по идее должен объединить Россию и Европейский союз, но на данном этапе в основном их разъединяет. Россия – поставщик энергоресурсов и поэтому, естественно, заинтересована в более высоких ценах. Европа, наоборот, – в более низких. Этого противоречия можно было бы избежать, если бы обе стороны договорились проводить общую стратегию. России можно было бы предложить продажу активов в европейских распределительных сетях, а значит, и частичный контроль над ними; в обмен европейцам предложили бы покупать и соответственно частично контролировать российские добывающие мощности. Именно это, кстати, В.Путин и предлагает уже несколько лет. Однако до сих пор на все его предложения следовал неизменно отрицательный ответ. Более того, Россию постоянно обвиняют в энергетическом империализме, в том, что она не может считаться надежным поставщиком (как будто у Европы есть более надежные поставщики), а также в том, что она не способна освоить собственные запасы полезных ископаемых (хотя самой России ни нефть, ни газ в больших количествах не нужны). России грозят образованием некоей «энергетической НАТО», грозят общеевропейской энергетической политикой. Со стороны создается такое впечатление, что формируется картель потребителей. Однако Россия может сама войти в картель поставщиков или переориентировать часть своих экспортных потоков на восток и на юг. И все же такая победа означала бы стратегическое поражение для всей Европы – как для Западной, так и

для Восточной. В этой связи особый интерес представляет вопрос о потенциальном влиянии на двусторонние энергетические отношения ожесточенной борьбы внутри Евросоюза, которая разворачивается вокруг предложений КЕС о разделении вертикально интегрированных энергетических компаний и общей либерализации рынка. В целом деятельность ЕС и КЕС направлена на создание наиболее благоприятных условий для компаний стран Евросоюза, в том числе через обеспечение доступа к российским транзитным мощностям.

Аналогичная политика проводится ЕС в сфере транспорта. В этой связи большой интерес для Брюсселя представляет начало консультаций по проблеме подготовки нового всеобъемлющего соглашения Россия – ЕС в сфере воздушного транспорта и выдвигаемые в этой связи требования в отношении постепенной отмены российской стороной нетехнических ограничений на пролеты авиакомпаний стран ЕС по Транссибирскому воздушному маршруту (ТСМ). Насколько известно, в настоящее время КЕС настойчиво требует от российских властей скорейшего утверждения на уровне Правительства РФ «Согласованных принципов использования транссибирских маршрутов», предварительно одобренных в рамках саммита Россия – Евросоюз 24 ноября 2006 года.

В этой связи обращает на себя внимание наличие явных расхождений в трактовке Правительством РФ и Еврокомиссией содержания и последствий введения в действие «Согласованных принципов». Так, в недавнем интервью министра транспорта РФ РИА «Новости» было заявлено, что российская сторона «решила не снижать постепенно сборы за транссибирские перелеты до 2013 года, так как в этих платежах есть коммерческая составляющая, которую государство не может регулировать», однако согласилась «убрать в 2010 году» сбор за беспосадочный перелет через территорию России (за право не совершать посадку в Москве). Далее министр подчеркнул, что большая часть компенсационных платежей сохранится в неизменном виде не только сейчас, но и после 2014 года.

Вместе с тем в самих «Согласованных принципах» и выпущенном 24 ноября 2006 года пресс-релизе Еврокомиссии утверждается прямо противоположное. Там говорится о том, что все компенсационные выплаты по ТСМ (а не только за беспосадоч-

ный перелет) подлежат постепенному сокращению с 2010 года, с выходом на полную их отмену к 31 декабря 2013 года. Наличие подобных расхождений и необходимость их разъяснения делают утверждение «Согласованных принципов» крайне проблематичным.

Необходимо также обратить внимание на то, что, согласно поступающей информации из Брюсселя, там рассматривают успех в «продавливании» вопроса о свободном воздушном транзите в качестве «отмычки» для выдвигания аналогичных ультимативных требований по другим видам транзитного сообщения, и в первую очередь транзита энергоресурсов. Можно с уверенностью прогнозировать, что в случае поспешного принятия Правительством РФ требований об изменении существующих правил регулирования воздушного сообщения, как это предусмотрено упомянутыми «Согласованными принципами», Еврокомиссия и ряд стран Евросоюза усилят свое давление и по вопросу о ратификации транзитного протокола к Энергетической хартии, чего Россия никак не может допустить. Для того чтобы сотрудничество между Россией и ЕС было конструктивным на деле, необходимы уступки с обеих сторон, а не только со стороны России.

В заключение следует отметить, что в мае 2007 года стало очевидным: в топтании на месте виновата не Россия. По сути, именно это констатировал В.Путин на пресс-конференции 18 мая, проявив «понимание и сочувствие» к проблемам расширившегося Евросоюза. Но этим же давая понять, что Россия при всем желании не сможет решить их за Брюссель. Понятная и естественная солидарность государств ЕС не должна все же поощрять «экономический эгоизм» тех, кто еще не готов мыслить категориями всего Европейского союза в целом, в том числе в диалоге с его важнейшими партнерами.

«Российская Федерация сегодня», № 11 – 2007 г.

«РЕСУРСНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ» И ПРАВО СИЛЫ

Новый президент России Д.Медведев принимает эстафету от своего предшественника в непростое время. И дело не только в тех немалых внутренних сложностях, перед которыми стоит страна, до сих пор преодолевающая разрушительные последствия первых лет «независимости» и скоропалительной раздачи государственной собственности. Главные на сегодня задачи на порядок сложнее – диверсифицировать экономику и придать ей инновационный характер, реализовать намеченные социально ориентированные проекты и в конечном итоге занять достойное место в ряду мировых держав. И решать эти масштабные и трудоемкие задачи новому главе государства и его команде придется в существенно иной международной обстановке, нежели та, с которой встретился в 2000 году В.Путин. Розовые блики в российской политике ведущих западных держав, характерные для первых лет президентства В.Путина, сегодня все чаще сменяются тревожными багровыми тонами. Накопился целый спектр внешнеполитических проблем, по которым у России с Западом складываются трудноразрешимые противоречия, – от расширения НАТО до принадлежности арктического шельфа, от столкновения интересов на постсоветском пространстве до трубопроводной политики, от Ирана до Косова. Наблюдающееся в последнее время обострение отношений России с Соединенными Штатами и странами Европы является следствием общего процесса осложнения международной обстановки. Мир становится все более нестабильным, а его развитие сложнопредсказуемым. Основная причина «утяжеления» внешних условий развития России лежит вне рамок двусторонних отношений и носит более глубокий и всеобъемлющий характер. Она охватывает в целом существую-

шую сегодня систему международных отношений, основанную на примате государственного суверенитета, территориальной целостности государств, независимости и самостоятельности государственной власти на собственной территории.

Система международного права, основы которой были заложены Вестфальским договором 1648 года, модифицированная Ялтинско-Потсдамскими соглашениями 1945 года, сегодня подвергается серьезным испытаниям, если не сказать, разрушению. Эта система достаточно надежно обеспечивала глобальную стабильность во времена сбалансированного биполярного мира, но после его краха и бурного развития процессов глобализации, охвативших мировую экономику и другие сферы жизнедеятельности человеческой цивилизации, многие ее правовые нормы стали подвергаться эрозии, размываться: отчасти под воздействием объективных факторов, но главным образом в результате целенаправленных действий единственной мировой супердержавы – Соединенных Штатов.

Главная причина кризиса современной системы международного права кроется в нарастающих противоречиях между гегемонистским курсом Соединенных Штатов, с одной стороны, и действующими международными законами и принципами, изложенными в Уставе ООН, – с другой. Правовые рамки этой системы стали тесны для той глобальной политики, которую стремится проводить Вашингтон в последние десятилетия. И если их не удастся так или иначе приспособить к конкретным действиям США на международной арене и к обеспечению их интересов, Вашингтон, не задумываясь, игнорирует их. Так было в 1999 году, когда без санкции СБ ООН была развязана война в Югославии. Так была начата война в Ираке в 2003 году: под надуманными предложениями и вновь без санкции Совета Безопасности ООН и вопреки возражениям ближайших союзников – Франции и Германии. Надо думать, Вашингтон не остановился бы и перед развязыванием войны против Ирана, если бы не увяз основательно в иракском болоте, что несколько ослабило его усилия по дискредитации ООН.

Последний по времени пример – отторжение Косова от Сербии. В чем видятся особенности – и опасности! – косовского прецедента для международного права и для России в частности?

Во-первых, провозглашение независимости Косова – это удар (некоторые политологи считают его окончательным) по ООН и ее Совету Безопасности, который ставит под вопрос дальнейшее существование этой организации и уж во всяком случае сохранение за ней ее нынешних глобальных функций обеспечения стабильности и безопасности.

Во-вторых, на примере Косова усилиями Вашингтона создан некий правовой механизм легитимации независимости, который призван подменить существующее международное право, подменить Совет Безопасности ООН и уже действующий параллельно с ним. Разговоры об уникальности Косова не более чем блеф (тем более, что эта «уникальность» определяется Вашингтоном). Косово, конечно же, создает серьезнейший международный прецедент. Механизм, подобный косовскому, может быть запущен в любой момент в отношении любого сепаратистского новообразования, если это посчитают выгодным для себя Соединенные Штаты.

В-третьих, прецедент Косова несет в себе очевидную опасность для России. Обычно Косово увязывают с самопровозглашенными республиками постсоветского пространства, якобы косвенно получающими международную правовую поддержку. Но при существующем положении вещей в отношении их в лучшем случае сохранится нынешнее статус-кво. Не слишком опасен этот прецедент и для стран – членов ЕС, борющихся с сепаратизмом регионов (Испания, Великобритания, Бельгия и др.). Наибольшую потенциальную опасность этот случай несет именно для многонациональной, богатой природными ресурсами, но недостаточно окрепшей России.

Все эти и другие примеры последних лет показывают, что нынешнее международное право перестало устраивать Соединенные Штаты, взявших открытый курс на достижение мирового лидерства. И этот курс все больше вступает в противоречие с существующим международным правом, основанным на равноправии всех членов мирового сообщества, с правом на неприкосновенность государственных границ и государственного суверенитета, с приоритетом ООН и Совета Безопасности в обеспечении глобальной стабильности и безопасности в широком понимании этого слова. Попросту говоря, нынешнее международное право мешает им проводить ту политику, которую США считают

наиболее выгодной для себя. Поэтому-то оно вполне осознанно и целенаправленно разрушается активными усилиями США при молчаливом непротивлении их союзников из развитых стран западного мира.

Здесь правомерно встает вопрос: какова же истинная цель Соединенных Штатов, упорно стремящихся к построению однополярного мира и глобальному лидерству и на этом пути все чаще перешагивающих через те препоны, которые ставит им международное право?

Прежде всего надо отметить, что довольно распространено мнение относительно того, что идея однополярного мира потерпела окончательный крах, как представляется, не вполне соответствует действительности. президент России В.Путин, выступая в Мюнхене в феврале 2007 года, заявил, что «однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна, так как при единоличном лидерстве в современном мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов». Вывод, безусловно, правильный, но только если речь идет о ресурсах одной страны – претендента на роль единственного глобального центра силы (или полюса).

Это хорошо понимают и в Вашингтоне. Мир все плотнее подходит к ресурсному голоданию. Вполне реальной становится угроза истощения невозобновляемых природных ресурсов, прежде всего энергетических (нефти, газа, угля, урана), других полезных ископаемых, без которых невозможно развитие современной промышленности и сельскохозяйственного производства, а также чистой воды, продовольствия (животного и растительного белка). И не только природных, но и интеллектуальных, квалифицированных трудовых ресурсов. США уже сегодня потребляют около 40 процентов ресурсов планеты, а с учетом стран «золотого миллиарда» – около 70 процентов.

Поэтому в основе взятого Вашингтоном курса на построение однополярного мира и разрушение якобы устаревшего международного права лежат сугубо материальные, меркантильные факторы. И, в частности, ресурсный потенциал планеты во всех его ипостасях. Не обеспечив собственное подавляющее превосходства в экономике, энергетике, военной силе, не став главным держателем передовых технологий, доминирующей державой в

информационной сфере, в мировой науке и культуре, построить такую своеобразную мировую однополярную «квазиимперию» и тем более поддерживать ее жизнеспособность на протяжении длительного времени – задача нереальная.

И в таком понимании та глобальная политика, которую настойчиво проводят Соединенные Штаты и которая, надо отдать им должное, рассчитана на длительную перспективу развития собственной страны и роста благосостояния американского народа, можно назвать «ресурсным империализмом». Речь, подчеркнем, идет не о каком-либо одном виде ресурсов, а именно о комплексе материальных и интеллектуальных ресурсов. Если США будут контролировать большую часть мировых ресурсов (а во многих сферах они подошли очень близко к этому), то их конкуренты могут сколько угодно твердить о многополярном мире – сути дела это не меняет. Собственно, из политики «ресурсного империализма» и произрастает однополярный мир. Но установить и поддерживать собственный контроль над основными природными богатствами земли, руководствуясь принципами современного международного права и строго соблюдая его нормы, невозможно. Именно поэтому сейчас идет слом «мешающих» механизмов и положений этого права, подмена их правом силы.

В качестве идейной основы, цементирующей и идеологической обобщающей политику «ресурсного империализма», выступает претворяемая Вашингтоном в жизнь теория и практика «глобальной демократической революции». Права человека зачастую становятся своеобразным гуманитарным «оружием», которое можно использовать для нарушения государственного суверенитета, насильственного нарушения территориальной целостности государств, решения других задач, выходящих за рамки современного международного права.

Как обстоит дело в тех сферах, которые являются основными китами, на которых держится политика «ресурсного империализма»?

Экономика США уже сегодня составляет четверть мировой. При этом американские транснациональные компании действуют – и извлекают прибыли – по всему миру, включая территорию бывшего СССР и Китая. США пользуются безусловным глобаль-

ным экономическим влиянием, даже несмотря на относительные неудачи последнего времени.

Что касается первенства в передовых технологиях, то и в этой области лидирующая роль США бесспорна. При том, что после втягивания в свою орбиту стран Восточной Европы – бывших членов СЭВ, после распада Советского Союза многие передовые, в том числе закрытые ранее, промышленные и оборонные технологические разработки также стали достоянием американских компаний, научно-технических центров.

Энергетика. США – основной потребитель ресурсов планеты. По некоторым оценкам, уровень энергообеспечения в расчете на душу населения в США и развитых странах (менее 12 процентов населения Земли) по меньшей мере в пять раз выше среднемирового уровня, примерно в 1000 раз превышает уровень беднейших стран Африки. Обеспечение энергетической безопасности для США является фундаментальной задачей. В 2003 году США импортировали 55 процентов нефти, а к 2020 году эта зависимость может вырасти до 70 процентов. Между тем собственное производство нефти падает с 8,3 млн. баррелей в сутки в 1995 году до прогнозируемых 5,3 млн. баррелей в 2025 году, а суточное потребление, несмотря на имеющиеся планы по его сокращению, пока растет и составляет сейчас свыше 20 млн. баррелей. Американская стратегия глобального энергетического контроля стала причиной войны в Ираке, поддержки «цветных» революций в ряде стран, обострения отношений с Венесуэлой, активности в Западной Африке.

Военные ресурсы. США обладают не сопоставимой с другими странами военной мощью, рассредоточенной практически по всему земному шару, их военный бюджет составляет половину мирового военного бюджета (515 млрд. долл. на очередной год, не считая дополнительных расходов на войну в Ираке и Афганистане). Численность вооруженных сил США составляет около 1,5 млн. человек, а с учетом резервных сил – свыше 2,3 млн. По вооруженности и боевой мощи ни одна армия мира не может сравниться с США. США полностью доминируют в Мировом океане – и такое положение сохранится на обозримую перспективу. Но нельзя забывать и про союзников США по блоку НАТО. Этот блок иногда не без основания называют «силовым кулаком эконо-

мики США». Суммарная численность вооруженных сил членов альянса составляет около 4 млн. человек (численность собственно ОВС НАТО – около 1,4 млн.).

Информационные ресурсы. Здесь Соединенные Штаты, по существу, уже создали глобальную империю и, как и в военной области, полностью доминируют в ней. В «битве за умы» они переиграли Советский Союз, а теперь полностью переигрывают Россию. В мировом информационном пространстве безраздельно доминируют американские информационные агентства, пропагандистские органы, информационные технологии. В свое время советские информагентства – ТАСС, АПН по крайней мере предоставляли миру альтернативную оценку тех или иных событий. Но сегодня мировой обыватель смотрит на все происходящее в мире глазами информагентств США. Эта информационная и пропагандистская машина работает безотказно и наращивает свои усилия по промыванию мозгов в глобальном масштабе.

Соединенные Штаты главенствуют также в области мировой науки и техники, поглощая или используя в своих интересах лучшие научные и инженерно-технические кадры многих стран мира.

Вооруженные силы – численный состав, тыс. (за год)

	2000 г.	2005 г.	2007 г.
Бельгия	42	40	39
Болгария	–	43	41
Канада	59	63	65
Чешская Республика	52	25	25
Дания	24	21	18
Эстония	–	5	5
Франция	394	357	354

Германия	319	246	247
Греция	205	135	142
Венгрия	50	24	20
Италия	381	314	298
Латвия	–	6	6
Литва	–	11	10
Люксембург	1,4	1,4	1,6
Нидерланды	52	50	51
Норвегия	32	18	20
Польша	191	150	150
Португалия	68	40	41
Румыния	–	73	76
Российская Федерация	–	–	–
Республика Словакия	–	15	18
Словения	–	6	7
Испания	144	120	132
Турция	793	501	496
Великобритания	218	201	190
Соединенные Штаты	1483	1377	1346

ИСТОЧНИК: Сборник финансово-экономических данных по оборонному сектору НАТО-Россия. Декабрь-2007.

Россия с ее ресурсным потенциалом (запасы первичных энергоисточников, многих полезных ископаемых, пресной воды – четверть мировых запасов, черноземов – половина мировых)

является весьма привлекательным субъектом для политики «ресурсного империализма». Все чаще можно слышать высказывания американских политиков (пока только бывших) о «вопиющей несправедливости», когда Россия с ее 2 процентами населения Земли владеет почти четвертью мировых ресурсов. И совсем не случайны призывы о создании «энергетического НАТО» или обвинения России в «незаконных» притязаниях на арктический шельф. Вполне вписывается в политику «ресурсного империализма» и расширение НАТО на Восток, вовлечение в этот альянс Украины и Грузии, развертывание американских военных объектов в непосредственной близости от западных границ России.

Нам не стоит забывать об опасности развала страны, которая приостановлена, но отнюдь не миновала. Нет полной гарантии того, что к России в будущем не будет применен сценарий, аналогичный косовскому. Быстро тающие количественно и морально устаревающие ядерные ракеты нельзя считать надежными скрепами для обеспечения территориальной целостности страны и сохранения ее суверенитета. Главной гарантией может служить только окончательно восстановившая свою мощь Россия и только международное право в нынешней его трактовке, при сохранении главенствующей роли ООН в обеспечении глобальной безопасности и государственного суверенитета.

«Российская Федерация сегодня», №6 – 2008 г.

Раздел четвертый

**Авторские колонки
в «Российской газете.
Неделя»
(2007–2008 гг.)**

«Газеты – секундные стрелки Истории».

А.Шопенгауер

РАСОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НОВОЙ ЕВРОПЫ

Прибалтийские и некоторые восточноевропейские страны пытаются избавиться от советского и российского влияния, переосмыслить историю, имея в виду критику всего советского наследия. Эта затянувшаяся антиисторическая «холодная война» превратилась в перманентный крестовый поход.

Последними ее эпизодами стали инициатива по переносу монумента Победы в Будапеште и решение польских властей о блокировании возобновленной российской экспозиции в музее в бывшем лагере смерти Аушвиц, поскольку некоторые из его жертв (проживавшие на территории, входившей до войны в состав Польши) называются в ней «советскими гражданами». Немногим ранее эстонские парламентарии постановили перенести российский военный мемориал из центра Таллина. Похоже, эстонцы могут отстаивать свою собственную идентичность только на фоне противостояния России. Впрочем, от них старается не отставать и Грузия, в которой, очевидно, за неимением более подходящих памятников добрососедских отношений с Россией, взялись за могилу Александра Грибоедова, похороненного в Грузии вместе со своей женой, кстати, грузинкой.

На фоне такой вакханалии пример истинной демократии и уважения памяти погибших

подают страны «старой демократии» Западной Европы. Советские и российские мемориалы уважают в Берлине и Париже, Брюсселе и Осло. Однако, как видно, такому отношению к истории готовы следовать немногие их восточные соседи. В Восточной Европе неонацизм в виде обеления коллаборационистов процветает чуть ли не во всех странах. Новые политики не сумели осознать сложную правду о минувшей войне и изобрели антисоветские клише в оправдание нацистского прошлого. В этом и есть главная причина волны русофобии, охватившей многие страны бывшей зоны советского влияния.

Миллионы советских солдат погибли за свободу Европы. Россия не может, да и не должна выбросить из своей памяти разгром нацизма. Именно это дает ей моральное право особенно остро ставить вопросы борьбы с ренессансом неонацизма в Восточной Европе и Прибалтике. А моральный капитал в мировом сообществе – это куда больше, чем газо- и нефтедоллары.

Страны состоявшейся демократии могли бы одернуть страны Восточной Европы и Прибалтики. Для того чтобы фашистские идеи не прижились в Европе XXI века, нужна политическая воля. Но руководящие структуры Евросоюза пока остаются в стороне, пассивно наблюдая за сочетанием в ряде европейских стран современной европейской демократии и фашистских идей. В самой Европе сейчас возрождается расизм в ходе противостояния исламскому экстремизму. А значит, российский вклад в предотвращение новых расовых экспериментов в Европе будет далеко не лишним.

«РГ. Неделя», 20 апреля 2007 г.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ПО СВОИМ

После перемещения памятника советским воинам-освободителям в Таллине и последовавших за этим событий в эстонской столице и Москве российские власти, на мой взгляд, просто обязаны отреагировать тем или иным образом. Фактически есть только два варианта – либо жесткая реакция с применением всеобъемлющих мер на экономическом и, быть может, дипломатическом уровне, либо «точечная» корректировка своей политики в отношении Эстонии с учетом возникших обстоятельств.

В конце концов, политику той или иной страны определяет правительство, а оно, во-первых, не вечно, а во-вторых, может в любой момент под давлением обстоятельств изменить свой политический курс. Возьмите хотя бы заметное потепление наших отношений с Латвией в последнее время.

Что касается Эстонии, то не надо забывать, что неадекватные действия ее правительства, как показывают опросы общественного мнения и последние события, народом в основной своей массе не одобряются. Расплачиваться же за них придется именно ему, народу Эстонии, и в том числе многочисленной русской диаспоре, нашим соотечественникам.

Сейчас доля русских в стране приближается к 30 процентам. При этом русское население в прилегающих к России промышленно-развитых районах на северо-востоке страны составляет абсолютное большинство. Именно

на базе приехавших из России русских в свое время была создана промышленность в аграрной до того времени Эстонии.

Сегодня в промышленности доля русскоязычного населения составляет около 50 процентов. При этом в отраслях промышленности, связанных с Россией, численность русскоязычных доходит до 80 процентов от их общего числа. В области транзита (эстонские порты и эстонская железная дорога) работает около 80 процентов русских, на предприятиях перерабатывающей промышленности, в частности в металлообработке и нефтехимии, – от 80 до 90 процентов. А именно на свертывание работы этих отраслей экономики и будут направлены российские санкции, в результате которых без средств к существованию могут остаться около 100 тыс. рабочих и членов их семей.

Таким образом, в случае применения жестких экономических санкций в отношении Эстонии основной удар будет направлен против русскоязычного населения. При этом санкции практически не затронут эстонское население, традиционно занимающееся сельским хозяйством на юго-западе Эстонии.

В случае применения санкций на дипломатическом уровне, будь то разрыв дипломатических отношений или понижение их уровня, в первую очередь опять же пострадает русскоязычное население, интересы которого России станет нелегко отстаивать.

Итак, Россия находится перед выбором: жесткая демонстрация своей позиции или планомерная работа по защите интересов страны, ее граждан и соотечественников. Очень хотелось бы верить, что события будут развиваться по второму варианту.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Бурю эмоций в России и Европе вызвало решение Вашингтона внедрить на Европейский континент элементы своих стратегических сил. И не просто где-либо, а именно на территории стран, которые, как надеялся еще недавно М. Горбачев, уже никогда не войдут ни в какие военные альянсы. Однако спустя пять лет и Чехия, и Польша стали членами НАТО, а теперь готовятся принять у себя американские силы ПРО.

Россия не может себе позволить ошибиться еще раз. Не та ситуация, чтобы верить на слово. Мир стал более прагматичным. Практика односторонних действий США по «принуждению к миру» и «насаждению демократии» наращивает конфликтный потенциал.

Чтобы не усугублять нарастающее непонимание между Россией и Западом, президент Путин предложил альтернативу европейским РЛС – совместно использовать для этих целей мощную станцию, которую Россия арендует у Азербайджана. Очевидно, что ее можно при желании модернизировать.

Идея простая и эффективная, которая, кстати, обойдется американским налогоплательщикам в гораздо меньшую сумму, чем строительство РЛС в Чехии. Кроме того, повышает надежность ПРО, поскольку максимально приближает систему предупреждения

о нападении к границам тех стран (Иран, Корея), ракетного удара со стороны которых так боятся США.

Первая реакция Буша – «стоит подумать». Но его советники в лице представителей Минобороны уже заявили, что тут и думать нечего. Габалинская РЛС, расположенная рядом с Ираном и вдвое ближе к Корее, по их словам, хуже во всех отношениях. И оборудование на ней менее надежное, и возможности ее якобы хуже. Такая реакция свидетельствует: не мифическая угроза со стороны Ирана или Кореи волнует американцев, а что-то другое, связанное с западными границами России.

Россия сейчас встает на ноги, и многим на Западе это не нравится. Нам в последнее время всячески показывают, что в Европе мы не очень желательны, западная пропаганда целенаправленно лепит образ российского пугала. Ставят палки в колеса на основных направлениях экономического сотрудничества.

Очевидно, что постепенное экономическое возрождение России и рост ее значения в мировой экономике стремятся ограничить не экономическими методами, не на поле конкурентной борьбы, а с помощью группового сговора и отвлечения наших и так не очень больших ресурсов на гонку вооружений. Следовательно, главное сегодня – не поддаваться на спланированную провокацию и не дать измотать себя милитаризацией, а просчитать асимметричный ответ с наименьшими финансовыми и экономическими затратами.

«РГ. Неделя», 15 июня 2007 г.

ГАЗОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ

Сообщения о прокладке новых трубопроводных маршрутов в Европу все чаще напоминают военные сводки. Постоянно возникающая тема угрозы зависимости Европы от поставок энергии из России с каждым днем становится все более политизированной. Уже который год огромная бюрократическая машина Евросоюза пытается расшатать позиции России на европейском энергорынке. В ход идут все средства: от развязанной в СМИ пропагандистской вакханалии до угроз создания «энергетического НАТО». Вспомним недавние угрозы американского сенатора Лугара приравнять расширение присутствия России на энергетических рынках мира к военному нападению.

Особо преуспели в создании образа врага европейские неофиты: Польша и страны Балтии. Некоторые наиболее рьяные эстонские политики, например, уже строят планы по переносу морской границы таким образом, чтобы заблокировать строительство Северо-Европейского газопровода (СЕГ).

Но если до передела границ еще дело не дошло, то стремление чиновников ЕС заключить присутствие России на энергетических рынках Европы в жесткие законодательные рамки становится все сильнее. Долгое время Москву уговаривали ратифицировать Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), грозя

щий потерей самостоятельности нашей страны в энерготранспортном секторе. Столкнувшись с жесткой позицией России по ДЭХ, в Евросоюзе начали задумываться о том, чтобы на законодательном уровне запретить газодобывающим компаниям владеть газораспределительными сетями. Это угрожает «Газпрому» потерей контроля над рядом активов в Восточной Европе, а в перспективе речь может пойти и о его доле в СЕГе.

Взять страны-производители под свой контроль стремятся и США. Палата представителей, а затем и сенат поддержали законопроект, запрещающий создавать энергетические картельные структуры. Очевидно, что это своего рода предостережение России, Ирану, Катару и другим странам, высказавшим свою заинтересованность в совместных действиях на мировом газовом рынке.

На мой взгляд, стремление Запада навязать юридические формы и ограничить рамки сотрудничества между странами говорит о том, что мы являемся свидетелями становления нового этапа развития международных отношений. Мы входим в период, когда одна страна или группа стран, возомнившие себя центром мировой силы, берут на себя роль регулятора политической и экономической жизни целых регионов и континентов, ставя под удар сложившуюся систему международного права. Рискну предположить, что, как и любой слом устоявшихся норм и ценностей, нынешний этап передела мира, к которому подталкивают нас страны Запада, грозит длительным периодом нестабильности всему мировому сообществу.

«РГ. Неделя», 13 июля 2007 г.

ОБ ЭКСПОРТЕ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

Мировой энергетический рынок переживает период масштабных изменений. Все очевиднее обострение конкуренции между потребителями, подогреваемое появлением на рынке таких сильных игроков, как Индия и Китай. Европейские страны ведут все более жесткие переговоры с РФ о подписании ею Энергетической хартии, создавая при этом искусственные барьеры на пути выстраивания Россией системы поставок энергоносителей конечным потребителям. Российским компаниям уже на законодательном уровне запрещается делать в Европе капиталовложения и приобретать активы в области энергетики.

Как ни странно, но этому способствуют и некоторые политики в России. Вместо того чтобы выстраивать и развивать вширь каркас будущей экономики страны, от которого будет зависеть ее благосостояние, его пытаются втиснуть в национальные границы.

Речь в первую очередь об Эстонии, где российскому бизнесу удалось завоевать прочные позиции в области транзита энергоресурсов. При этом необходимость ухода оттуда российских компаний политики объясняют недружественной политикой Эстонии по отношению к России. Вместе с тем все более очевидно, что цель такой «недружественной политики» как раз и заключается в выдавлива-

нии России из транзитного бизнеса энергоресурсов. Более того, в силу создаваемых логистических цепочек речь идет уже о контроле европейцев за поставками углеводородов на перспективный азиатский рынок.

Таким образом, Запад действует в строгом соответствии с постулатом «политика – концентрированное выражение экономики», в то время как в России ставят во главу угла политические мотивы. Получается, Россия добровольно ретируется со своих экономических «баз» в Европе. Между тем сейчас, имея в руках такой мощный фактор влияния, как поставки энергоносителей, задача, по крайней мере, не растратить те ресурсы, которые уже завоеваны российским капиталом. Нельзя забывать и о том, что 70 процентов рабочих мест в транзитном бизнесе Эстонии занято русскими.

Прибалтика – особый стратегический район мировой политики. От того, кто будет задавать там тон, зависит многое. Отказавшись от активов по транспортировке своих нефтепродуктов в той же Эстонии и лишив ее заинтересованности в этом процессе, Россия не только потеряет дешевый путь экспортных потоков, но и, скорее всего, приобретет оппонента, который встанет на их пути, в частности, на пути реализации Северо-Европейского газопровода. Без экономической экспансии в другие страны и завоевания там прочных позиций Россия будет продолжать оставаться объектом диктата со стороны других государств даже в том секторе, где она почти монополист.

ЯДЕРНАЯ ГОНКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

К длинному перечню вызовов, исходящих для мирового сообщества с Ближнего Востока, в ближайшие несколько лет может добавиться еще один – неконтролируемое распространение ядерного оружия.

Наличие атомного оружия у Пакистана и Израиля, попытки Ирана развить свою ядерную промышленность, которые рано или поздно обернутся созданием «бомбы», могут ввергнуть регион в гонку атомных проектов. С появлением ядерного ОМУ у Ирана наверняка не смирятся Саудовская Аравия и Египет. Не отстанет от них и Турция. О создании своего ядерного проекта подумывает даже Иордания. Глава Хашимитского Королевства Абдалла II в январе 2007 года заявил изданию *International Herald Tribune*: «После этого лета все [в регионе] начнут погоню за ядерными программами».

Какие же причины легли в основу подобного развития ситуации? Как представляется, главная – это политика США по насильственной «демократизации» региона.

Примеры Югославии и Ирака, пресловутый план «Большой Ближний Восток» продемонстрировали несостоятельность упований региональных держав на международные гарантии безопасности и заставили их искать за-

щиту своего суверенитета в наращивании военной мощи. Все это в полной мере относится к Ирану. Там понимают, что реальные гарантии от нападения со стороны США страна получит, только создав собственное ядерное ОМУ (показательна в этом смысле ситуация с Северной Кореей, которую США не решились бомбить в отличие от «безоружного» Ирака).

Нуклеризация Большого Ближнего Востока выведет на новый уровень проблему терроризма. В регионе, где происходят бурные политические процессы, чреватые возможным развалом некоторых государств, крайне высока вероятность попадания ядерного оружия и технологий в руки исламских и любых других экстремистов. При наличии соответствующих средств доставки целями террористов станут страны Ближнего Востока, Европы, Россия, и последствия их акций будут чудовищными.

В этих условиях России, США и Европе необходимо выработать единую платформу для обеспечения сдерживания ядерных аппетитов на Ближнем Востоке. Иначе через 10–15 лет в регионе появятся три, а то и пять ядерных держав, политическая элита которых не сможет со стопроцентной уверенностью гарантировать сохранность национальных ядерных потенциалов. Однако платформа эта, думается, не должна базироваться лишь на силовых принципах. Основой ее должен стать конструктивный и уважительный диалог, который в перспективе можно было бы распространить на весь исламский мир.

КОСОВО: НЕПРОСТОЕ РЕШЕНИЕ

В ряду проблем, порожденных распадом бывшей Югославии, косовская проблема по своей остроте и многозначности занимает особое место. Что же до значимости вопроса для России, то из-за противоположности нашего и западного подходов к его решению он вырост до едва ли не главной болевой точки отношений России с НАТО и ЕС.

Сейчас формально продолжает действовать резолюция Совбеза ООН N 1244, подтверждающая территориальную целостность Сербии и статус Косово как ее составной части. Принятие новой резолюции, вводящей для Косово статус «контролируемой независимости» в соответствии с планом Ахтисаари, поддерживаемым западными странами и неизбежно ведущим в перспективе к полному отделению Косово от Сербии, заблокировано Россией. Возобновлены переговоры при участии международной «тройки» посредников (США, ЕС, Россия). Отведенный на них 120-дневный срок истекает 10 декабря. На то, что сербы и косовары сумеют договориться, надежды мало. Так что же потом?

Наиболее естественный вариант, продвигаемый Россией, – продолжение переговоров и после 10 декабря, до тех пор, пока компромисс не будет найден. Наши же западные партнеры поддерживают «план Ахтисаари». Но по-

высит ли это решение уровень безопасности в регионе или же, напротив, лишь развяжет руки тем, кто готов вновь взяться за оружие? Во всяком случае едва ли оно может служить достаточным основанием для того, чтобы обходить зафиксированную в Уставе ООН одну из основополагающих норм международного права – принцип территориальной целостности государств, подтверждаемый, кроме того, закрепленным участниками ОБСЕ принципом нерушимости европейских границ, сложившихся после Второй мировой войны.

С нетерпением ждут прецедентного решения по Косово в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе. Аналогичные проблемы есть в Македонии, Боснии и Герцеговине, у Каталонии и Страны Басков в Испании, Валлонии и Фландрии в Бельгии, Северной Ирландии в Великобритании, Турецкой республике Северного Кипра. Угроза сепаратизма, конечно, очевидна для всех. Поэтому Россия отмежевывается от попыток решить проблему Косово за счет мирового сообщества, т.е. на путях создания прецедента, выходящего за рамки норм международного права.

Обоснованность такой позиции оспорить трудно, сколь бы ни казались любопытными рассуждения о связанных с нею реальных или мнимых издержках для России.

«РГ. Неделя», 5 сентября 2007 г.

БЕЛОРУССКИЙ ПРОЕКТ

В конце прошлой недели в Минске состоялось заседание Высшего госсвета Союзного государства России и Белоруссии. Официальный визит Президента России проходил на фоне вброшенной накануне некоторыми СМИ информации о предстоящем подписании Конституционного акта о создании Союзного государства в качестве решения проблемы третьего срока. Более того, в редакциях ряда западных радиостанций, вещающих на Россию, бросились срочно перекраивать сетку вещания, чтобы доказать эфемерность Союза между Россией и Белоруссией.

Западные страны уже не первый год ведут информационную войну против создания Союзного государства. Тем не менее даже из общедоступной информации видно, что в рамках соглашений достигнуты неплохие макроэкономические показатели.

Динамику развития отношений между нашими государствами лучше всего характеризуют цифры, отражающие взаимный товарооборот: по итогам 2007 года межгосударственный торговый оборот должен превысить отметку в 20 млрд. долларов. Эту динамику подкрепили результаты визита: решены вопросы ценообразования на газ, укреплены стратегические связи в военной области, достигнуто соглашение о размещении белорусских гос-обли-

гаций на фондовом рынке России, открыта новая кредитная линия в размере 1,5 миллиарда долларов. Все это позволяет повысить уровень интеграции между нашими странами.

Конечно, Белоруссии сложно в одиночку оставаться на позициях самостоятельного и независимого геополитического игрока. Не подлежит сомнению, что Запад не откажется от усилий по дестабилизации политической ситуации в Белоруссии и приведению к власти в этой стране угодных ему сил. Находясь в окружении стран Балтии, Польши и Украины, Белоруссия едва ли сумеет долго противостоять политической, идеологической и религиозной экспансии с их стороны, тем более что все это наступление на позиции Минска осуществляется под эгидой США и Евросоюза. Никакие контакты и связи Минска с Венесуэлой, Ираном и даже Китаем не возместят ему дефицита нормального общения и сотрудничества с лидерами западной политики.

Результаты визита президента Путина в Белоруссию показывают, что воссоединение России с Белоруссией – это очень серьезный и важный проект. Воссоединение в любом разумном – главная историческая задача как России, так и Белоруссии, оно отвечает интересам наших братских народов, и это понимание находит все более широкую поддержку у граждан обеих стран.

«РГ. Неделя», 20 декабря 2007 г.

КТО ЗАМЕНИТ БУША?

Как это заведено вот уже более 200 лет, в первый вторник после первого понедельника ноября 2008 г. в США состоятся выборы нового президента. Причем президент точно будет новый – Буш досиживает свой второй срок и не может более претендовать на пост.

Слово «досиживает» употреблено не случайно – по оценкам ряда политологов, в Америке сегодня очень высока степень «идеологизированности», которая при ближайшем рассмотрении сводится к тому, что американцы в своем большинстве устали от Буша и спят и видят, чтобы он ушел, да еще при этом хотят наказать всю Республиканскую партию за то, что она навязала им столь непопулярного сегодня президента.

По прогнозам, Буш, решив, что терять ему уже нечего, будет проводить в последний год президентства политику без оглядки на свой имидж. Правда, в последнее время у него все получается какое-то «мини». Сам он выглядит как мини-Рейган, вместо звездных войн – мини-размещение ракет в Европе, вместо навязанной СССР войны в Афганистане – мини-конфликт в Абхазии, который усиленно раздувает мини-клиент Буша президент Грузии Саакашвили. Единственная «макси-глупость», которую еще может сотворить Буш – это развя-

зять военный конфликт в Иране с вероятным исходом наподобие иракского.

В этих условиях за республиканцев на предстоящих выборах будет голосовать в основном «ядерный» электорат этой партии, который составляет явно меньше 50%. Не случайно поэтому, что на сомнительную в нынешних условиях честь стать кандидатом от Республиканской партии претендует так много кандидатов – явный признак разброда и шатания в партийных рядах. Если там кого-то и выделять, то речь в первую очередь идет о бывшем мэре Нью-Йорка Джулиани, несмотря на его слабые результаты на уже состоявшихся «праймериз», и сенаторе Маккейне, которого стратеги партии считают наиболее подготовленным кандидатом от республиканцев и который, наоборот, победил в Нью-Гемпшире.

В условиях нарастающего раскола республиканцев и консолидации остальной Америки резко возрастают шансы демократов. На первый план сейчас выходит Хиллари Клинтон, женский пол которой лишь помог ей укрепить имидж «американской Маргарет Тэтчер и Голды Меир», которая способна вывести Америку на новый этап развития. Она на сегодня лидер президентской гонки, победив на «праймериз» в Нью-Гемпшире. По многолетним наблюдениям, победитель «праймериз» в этом штате назывался фаворитом президентской гонки в целом по стране и становился влиятельным психологическим фактором для избирательной кампании и в других штатах. Более четко ситуация прояснится в феврале, когда «праймериз» пройдут в 24 штатах.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА УКРАИНЕ

Развитие политической ситуации на Украине уже пятый год идет по схеме последовательно сменяющих друг друга кризисных сценариев, постоянные участники которых – политические элиты и тесно связанные с ними группы промышленников и финансистов, а также выражающие их интересы партии и группировки. Важнейшим фактором влияния на украинские политические процессы по-прежнему остается вмешательство в них извне, главным образом со стороны США и ЕС.

Существенная внешняя особенность внутривнутриполитических процессов на Украине – их преднамеренно острая политизация и идеологизация. Причем эта линия реализуется со все большей настойчивостью и неразборчивостью в средствах. Оба этих процесса идут по многим направлениям, в т.ч. целенаправленного искажения истории украинско-российских отношений, фальсификации и возвышения собственной истории, принижения важности сохранения взаимодействия украинской и русской культур. Столь агрессивное политико-идеологическое сопровождение общественно-политической жизни на Украине на самом деле – важнейший инструмент в руках правящей элиты по укреплению ее позиций в стране и возведению стены отчуждения между украинским и русским народами.

Политические элиты Украины увлеклись борьбой за власть настолько, что, похоже, утратили интерес к черновой повседневной работе по решению первоочередных задач жизни общества. Видение правящей элитой исторических перспектив для своей страны сводится исключительно к вступлению Украины в ЕС и НАТО, а также к поиску «халявных» возможностей для своей экономики.

Вместе с тем, разыгрывая про- или анти-российскую карту, украинские политики из разных лагерей могут использовать этот фактор для мобилизации своего электората. Показательным фактом стало то, что президент Ющенко за месяц дважды посетил Россию, чего не делал уже давно. Не прошло и нескольких дней после завершения переговоров Путина с Ющенко, как в Москву, наконец, «прорвалась» Тимошенко, которая с ходу развернула здесь бурную деятельность, направленную на пересмотр уже достигнутых договоренностей. В итоге это вылилось в очередной кризис с поставками газа на Украину.

В этой связи едва ли стоит преувеличивать значение последних визитов в Москву президента и премьера Украины. На это необходимо смотреть, как на еще одну возможность лучше понять истинные проблемы Украины и политическую тактику ее руководства. Что же до стратегии украинской политики, то она вряд ли претерпит существенные изменения.

«РГ. Неделя», 13 марта 2008 г.

КАК БЫТЬ С МОНГОЛИЕЙ?

Прошедшие в июне в Монголии парламентские выборы показали: страна становится очередным объектом «глобальной демократической революции», за чем скрываются прагматичные интересы США. И речь не только о запасах урана, по которым Монголия занимает одно из первых мест в мире.

Монголия выдвигается на переднюю линию происходящих сегодня глобальных процессов по переделу сфер влияния. Для США ее геополитическое положение между КНР и РФ крайне выгодно, и они втягивают Монголию в сферу своего влияния. Растут объемы торговли, инвестиций, подспудно формируется в антироссийском духе общественное мнение, расширяется военное сотрудничество. Усилению американского влияния способствует и то, что руководство страны из-за сложной социально-экономической и внутривнутриполитической ситуации вынуждено балансировать между КНР, США и РФ. Позиции России в Монголии пока достаточно сильны, но все более популярен лозунг отказа от односторонней ориентации на Москву.

Есть основания полагать, что Вашингтон делает ставку на то, чтобы сделать Монголию главным региональным военно-стратегическим союзником. И в монгольской элите в пос-

ледние годы сформировалась влиятельная прослойка, ориентированная на США.

Все, что происходит сегодня вокруг Монголии, – вызов для России. Страна вполне может стать, особенно после смены режима (на что и были нацелены пока неудавшиеся попытки США на прошедших выборах), опорой в охватывающей Россию связке «новых демократий», которые США выстраивают последние десятилетия. Она уже протянулась от Балтики до Каспия и, видимо, продолжится до Забайкалья. Если вспомнить об Арктике, которая также становится ареной соперничества, то Россия в не столь уж отдаленной перспективе может оказаться в недружественном изолирующем кольце.

Положение усугубляется тем, что компромисс с США на этом направлении неизбежно ухудшит отношения с Китаем, в итоге в проигрыше окажутся и Москва, и Пекин. Только расширения экономических связей недостаточно, особенно в условиях нарастающей угрозы мирового экономического кризиса. Надо укреплять внеэкономические связи, усилить дипломатическую работу, расширять контакты с неправительственными организациями страны, не игнорируя демократическую оппозицию, поддерживать пророссийские силы. И, конечно же, нельзя ограничиваться двусторонними связями. Монголия давно стремится стать членом ШОС, и более откладывать вопрос о ее приеме туда было бы со стороны России и Китая не только неосмотрительно, но и опасно.

«РГ. Неделя», 7 августа 2008 г.

ОБ УКРАИНЕ

На Украине уже пятый год один кризисный сценарий сменяет другой. Причем важная особенность этих процессов – их острая идеологизация в антироссийском духе. Целенаправленно искажается история украинско-российских отношений, отрицается важность сохранения взаимодействия двух культур. Такая агрессивная политика – важнейший инструмент в руках правящей элиты по укреплению ее позиций и возведению стены отчуждения между народами.

При этом украинская элита расколота на несколько частей: Тимошенко и ее команда, Ющенко и его команда, Янукович и Партия регионов. Эта партия в свою очередь расколота на команду Януковича и несколько влиятельных бизнес-групп юго-востока, крупнейшую из которых представляет Ринат Ахметов.

Все три части украинской элиты, силы которых сегодня примерно равны, жестко бьются за власть. Но объединяет их одно – все они управляются Западом. Влияние на Ющенко Запад оказывает по идеологическим и семейным обстоятельствам, на Тимошенко – по криминальным основаниям (дело Лазаренко полностью в руках американских спецслужб). На Януковича на Западе также, говорят, есть достаточно «компромата».

«Оранжевые» взяли на себя обязательство втащить Украину в НАТО. И государственная пропаганда делает свое дело: с каждым днем число украинцев – сторонников невступления сокращается. Другая критическая точка развития страны – экономика. С прошлого сентября на Украине отмечен резкий рост инфляционных показателей. Экономисты связывают его с необоснованным увеличением объема денежной массы. По их мнению, социальные выплаты Тимошенко обеспечивает в основном за счет печатного станка, и инфляционная спираль грозит завершиться масштабным экономическим кризисом.

Что до российско-украинских отношений, то в ситуации, когда Янукович сдает позиции одну за другой, их улучшение в политическом плане маловероятно. Приход «оранжевых» породил несколько новых точек возможного конфликта между властями РФ и Украины. Первая из них – информационно-идеологическое противостояние, наглядно проявившееся в теме голодомора. Вторая – проблема Черноморского флота. Третья – делимитация границ. Примеры можно множить.

Тем не менее не стоит забывать, что влиять можно лишь там, где присутствуешь. Потому в сложившихся условиях важным направлением российской политики, на мой взгляд, должна стать экспансия российского капитала в Украину, пока еще для этого есть возможности. Это способствовало бы привязке ее экономики к российскому бизнесу, что еще может создать условия для восстановления добрососедских отношений между нашими странами на новой, экономически взаимовыгодной основе.

«РГ. Неделя», 19 июня 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю.Поройков. Несколько слов о книге</i>	3
Раздел первый	
О власти и власть предержавших	7
«Джокер в колоде политических карт» (диалог)	8
Алиев после Алиева	22
«Все мы приложили руку к истории своей страны...» <i>Заметки на полях книги В.Крючкова «Личность и власть»</i>	54
Не спорю, но... <i>Заметки на полях книги В.Третьякова</i> «Нужен ли нам Путин после 2008 года?»	71
Раздел второй	
Через призму событий	85
Странички редактора «Вестника аналитики» (2005–2008 гг.)	86
Раздел третий	
Избранные работы по проблемам мировой политики (2001–2007 гг.)	163
Расширение НАТО: укрепление общеевропейской безопасности или экспансия блока?	164
Гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка?	222
Балканы: натоцентризм в действии?.....	281
Центральная Азия на пороге эпохи глобализации.....	317
Приоритеты и конкурентоспособность системы национальной безопасности Российской Федерации в условиях глобализации	363
Духовный терроризм – новая угроза	384
Статьи в журнале «Российская Федерация сегодня» (2006–2008гг.)	393
Шансы заболеть французской болезнью	393
Что показала война Израиля в Ливане	400

Оппонент США? – Да! Союзник России? – Возможно.	
Второе рождение Движения неприсоединения	408
Объективности хватило не всем	
О реакции в мире на речь президента Путина в Мюнхене.....	415
Вместе или врозь предстоит жить народам	
на постсоветском пространстве?	421
Отношения Россия – ЕС: ни шагу вперед, ни шагу назад	428
«Ресурсный империализм» и право силы.....	435

Раздел четвертый

Авторские колонки в «Российской газете.

Неделя». (2007–2008 гг.).....445

Расовые эксперименты новой Европы.....	446
Не стреляйте по своим	448
Противостояние	450
Газовый передел	452
Об экспорте энергоресурсов	454
Ядерная гонка на Ближнем Востоке	456
Косово: непростое решение	458
Белорусский проект	460
Кто заменит Буша?	462
Борьба за власть на Украине.....	464
Как быть с Монголией?	466
Об Украине	468

Вагиф Гусейнов

**Политика
у порога твоего дома**

Корректор *Е.О.Митлошук*
Верстка *Г.Сафиной*

ООО «Издательский дом «Красная звезда»
123007 Москва, Хорошевское шоссе, 38

Подписано в печать 07.11.2008. Формат 60х90/16.
П. л. 29,5. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №197